

Том 15, № 3 Volume 15, Number 3 2024

ISSN 2079-0910 (Print)  
ISSN 2414-9225 (Online)

ТОМ 15 № 3 2024

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

# СОЦИОЛОГИЯ

науки и технологий

Sociology of Science & Technology

Санкт-Петербург

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ  
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ  
ИМ. С.И. ВАВИЛОВА  
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК  
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

# СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

**2024**

**Том 15**

**№ 3**

Санкт-Петербург

### Главный редактор журнала

*Ащеулова Надежда Алексеевна*, кандидат социологических наук, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербургский филиал, Санкт-Петербург, Россия

### Заместители главного редактора

*Зенкевич Светлана Игоревна*, кандидат филологических наук, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербургский филиал, Санкт-Петербург, Россия

*Синельникова Елена Фёдоровна*, кандидат исторических наук, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербургский филиал, Санкт-Петербург, Россия

### Редакционная коллегия

*Аблажей Анатолий Михайлович*, кандидат философских наук, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия

*Аллахвердян Александр Георгиевич*, кандидат психологических наук, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Москва, Россия

*Банержи Пармасарати*, Национальный институт исследований научного и технологического развития, Нью-Дели, Индия

*Бао Оу*, Университет Цинхуа, Пекин, Китайская Народная Республика

*Держина Ирина Геннадиевна*, доктор экономических наук, Сколковский институт науки и технологий, Москва, Россия

*Душина Светлана Александровна*, кандидат философских наук, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербургский филиал, Санкт-Петербург, Россия.

*Иванова Елена Александровна*, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

*Иванчева Людмила*, доктор социологических наук, Институт изучения общества и знаний Академии наук Болгарии, София, Болгария

*Рентеци Мария*, Университет им. Фридриха-Александра в Эрлангене и Нюрнберге, Германия

*Скворцов Николай Генрихович*, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

*Смирнов Николай Николаевич*, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

*Соболев Владимир Семенович*, доктор исторических наук, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербургский филиал, Санкт-Петербург, Россия

*Фуллер Стив*, Факультет социологии Уорикского университета, Ковентри, Великобритания

*Хименес Хайми*, Национальный автономный университет Мексики, Мехико, Мексика

*Юревич Андрей Владиславович*, член-корреспондент Российской академии наук, Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия

**Учредитель:** Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук ISSN 2079-0910 (Print)

ISSN 2414-9225 (Online)

Журнал основан в 2009 г. Периодичность выхода — 4 раза в год.

Свидетельство о перерегистрации журнала ПИ № ФС 77–75017 выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия 11 февраля 2019 г. Журнал индексируется с Т. 8, № 1, 2017 в “Emerging Sources Citation Index” (Clarivate Analytics products and services)

### Редакционный совет

*Богданова Ирина Феликсовна*, кандидат социологических наук, Институт подготовки научных кадров Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

*Бороноев Асалан Ользонович*, доктор философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

*Вишневецкий Рафал*, Университет кардинала Стефана Вышинского в Варшаве, Варшава, Польша

*Елизеева Ирина Ильинична*, член-корреспондент Российской академии наук, Социологический институт Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

*Козлова Лариса Алексеевна*, кандидат философских наук, Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия

*Паттнаик Бинай Кумар*, Институт технологий г. Канпура, Канпур, Индия

*Сулейманов Абульфаз*, Университет Ускюдар, Стамбул, Турция

*Тамаш Пал*, Институт социологии Академии наук Венгрии, Будапешт, Венгрия

### Адрес редакции:

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5

Тел.: (812) 328-47-12,

Факс: (812) 328-46-67

E-mail: school\_kugel@mail.ru

Сайт: <http://sst.nw.ru>

Выпускающий редактор номера: *С.И. Зенкевич*  
Редакторы англоязычных текстов: *В.А. Курпиров*,  
*Н.В. Никифорова*

Корректор: *Т.К. Добриян*

Подписано в печать: 20.09.2024

Формат 70×100/16. Усл.-печ. л. 18,04

Тираж 300 экз. Заказ № 17183-1

Отпечатано в типографии «Скифия-Принт», Санкт-Петербург, 197198, ул. Б. Пушкарская, д. 10.

- © Редколлегия журнала «Социология науки и технологий», 2024
- © Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, 2024

S.I. VAVILOV INSTITUTE FOR THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY  
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES  
ST PETERSBURG BRANCH

**SOCIOLOGY  
OF SCIENCE AND TECHNOLOGY**

**2024**

**Volume 15**

**Number 3**

St Petersburg

### Editor-in-Chief of Journal

*Nadia A. Asheulova*, Cand. Sci. (Sociology), S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, St Petersburg, Russia

### Assistant Editors

*Elena F. Sinelnikova*, Cand. Sci. (History), S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, St Petersburg, Russia

*Svetlana I. Zenkevich*, Cand. Sci. (Philology), S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, St Petersburg, Russia

### Editorial Board

*Anatoliy M. Ablazhej*, Cand. Sci. (Philosophy), Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

*Alexander G. Allakhverdyan*, Cand. Sci. (Psychology), S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

*Parthasarathi Banerjee*, Dr., National Institute of Science Technology and Development Studies — NISTADS, New Delhi, India

*Ou Bao*, Tsinghua University, Beijing, China

*Irina G. Dezhina*, Dr. Sci. (Economy), Skolkovo Institute of Science and Technology, Moscow, Russia

*Svetlana A. Dushina*, Cand. Sci. (Philosophy), S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, St Petersburg, Russia

*Elena A. Ivanova*, Cand. Sci. (History), St Petersburg Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russia

*Ludmila Ivancheva*, Dr. Sci. (Sociology), Institute for the Study of Societies and Knowledge, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria

*Nikolay G. Skvortsov*, Dr. Sci. (Sociology), St Petersburg State University, St Petersburg, Russia

*Nikolay N. Smirnov*, Dr. Sci. (History), St Petersburg Institute for History of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russia

*Vladimir S. Sobolev*, Dr. Sci. (History), S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, St Petersburg, Russia

*Steve Fuller*, Prof., Dr. Sci. (Philosophy), Social Epistemology Department of Sociology, University of Warwick, Coventry, United Kingdom

*Jaime Jimenez*, PhD, Autonomous National University of Mexico, Mexico City, Mexico

*Maria Rentetzi*, Prof., PhD, Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg, Germany

*Andrey V. Yurevich*, Correspond. Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The Journal was founded in 2009.

### The Mass Media Registration Certificate:

PI № FC № 77–75017 on February 11th, 2019

**Founder and Publisher:** S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences

ISSN 2079-0910 (Print)

ISSN 2414-9225 (Online)

**Publication Frequency:** Quarterly

The Journal has been selected for coverage in Clarivate Analytics products and services. Beginning with V. 8 (1) 2017. This publication is indexed and abstracted in *Emerging Sources Citation Index*

### Editorial Advisory Board

*Irina F. Bogdanova*, Cand. Sci. (Sociology), Institute for Preparing Scientific Staff, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

*Asalhan O. Boronoev*, Dr. Sci. (Philosophy), Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia.

*Rafał Wiśniewski*, PhD, Cardinal Stefan Wyszyński University in Warsaw, Poland

*Irina I. Eliseeva*, Correspond. member of the Russian Academy of Sciences, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russia

*Larissa A. Kozlova*, Cand. Sci. (Philosophy), Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

*Binay Kumar Pattnaik*, Dr. Sci. (Sociology), Indian Institute of Technology, Kanpur, India

*Abulfaz D. Suleimanov*, Dr. Sci. (Philosophy), Uskudar University, Istanbul, Turkey

*Pal Tamas*, Dr. Sci. (Sociology) Institute of Sociology, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary

### Postal address:

Universitetskaya nab., 5, St Petersburg, Russia, 199034

Tel.: (812) 328-47-12 Fax: (812) 328-46-67

E-mail: school\_kugel@mail.ru

Web-site: <http://sst.nw.ru>

**Managing Editor:** *Svetlana I. Zenkevich*

**Editors of the English Texts:** *Victor A. Kuprianov,*

*Natalia V. Nikiforova*

**Corrector:** *Tatyana K. Dobriyan*

- © The Editorial Board of the Journal “Sociology of Science and Technology”, 2024
- © S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, 2024

# СОДЕРЖАНИЕ

## 300 лет Российской академии наук

- В.Н. Куприянов, Г.И. Смагина.* «Обеспечить расцвет наук и искусств в громадной империи»: идеи Лейбница о развитии науки в России . . . . . 7
- А.В. Малинов.* «Как академик он должен быть примером всем»: исследования В.И. Ламанского о М.В. Ломоносове . . . . . 46
- Е.Н. Груздева.* К истории академических выборов 1929–1930 гг. (по наукам историческим) . . . 68

## Классики социологии:

### К 100-летию со дня рождения Самуила Ароновича Кугеля

- А.О. Бороноев.* Он родился социологом . . . . . 80

## История университетов и научных организаций

- М.В. Грибовский.* «Вторая половина рабочего дня»: проблема участия преподавателей советских вузов в научно-исследовательской деятельности . . . . . 89
- Е.Ф. Синельникова.* Научные общества Петрограда в 1917–1920 гг. (по материалам выставки Петроградского отдела народного образования 1921 г.) . . . . . 107

## Профессиональная мобильность в современном обществе

- Sergei V. Odiakov.* Methodological Approaches to the Study of Socio-Professional Structures Resulting from Digital Technologies in Contemporary Russia . . . . . 123

## Эмпирические исследования

- Б.Е. Винер, К.С. Дивисенко.* Диссертационные локусы и ареалы: случай советской и постсоветской этнологии . . . . . 133
- Svetlana A. Korableva.* Models of Scientific Leadership in Russian R&D Institutions: an Empirical Reconstruction . . . . . 157
- Е.А. Близнецкая, А.Е. Кутейников, В.И. Шаповалов.* Стратегии городов по адаптации к изменению климата в контексте многостороннего международного сотрудничества . . . 181

## Социологические аспекты биологии и медицины

- Е.А. Володарская.* Направления популяризации отечественной биологии на международных выставках во Франции в середине XX века . . . . . 200
- Ю.В. Кирик.* Теоретические подходы социальной патологии в академической литературе Германии (1910–1930) . . . . . 217

## Проблемы наукометрии

- Т.К. Богданова, М.Е. Ощепков.* Выявление тенденций и перспективных направлений исследований в области управления корпоративной результативностью . . . . . 231
- И.Д. Тургель, В.В. Дербенева, З.В. Новокшонова.* Журналы, индексируемые в международных наукометрических базах: долгое эхо Проекта «5-100» . . . . . 253
- Информация для авторов . . . . . 279
- В следующем номере . . . . . 280

# CONTENT

## The 300<sup>th</sup> Anniversary of the Russian Academy of Sciences

|   |    |
|---|----|
| <i>Viktor A. Kupriyanov, Galina I. Smagina.</i> «To Ensure the Flourishing of Sciences and Arts in the Huge Empire»: Leibniz’s Ideas Concerning the Development of Russia . . . . . | 7  |
| <i>Alexey V. Malinov.</i> “As an Academician, He Should Be an Example to All”:<br>V.I. Lamansky’s Studies on M.V. Lomonosov . . . . .   | 46 |
| <i>Elena N. Gruzdeva.</i> About the Election to the Academy of Sciences in 1929–1930<br>(for the History Studies) . . . . .   | 68 |

## Classicists of Sociology: On the 100<sup>th</sup> Anniversary of Samuil A. Kugel’s Birth

|   |    |
|---|----|
| <i>Asalkhan O. Boronoev.</i> He Was Born a Sociologist. . . . . | 80 |
|---|----|

## History of Universities and Research Organizations

|   |     |
|---|-----|
| <i>M.V. Gribovskiy.</i> The “Second Half of the Working Day”: the Problem of Participation<br>of Soviet Universities Lecturers in Research Activities . . . . .                           | 89  |
| <i>Elena F. Sinelnikova.</i> Scientific Societies of Petrograd in 1917–1920 (Based on Materials<br>from the Exhibition of the Petrograd Department of Public Education in 1921) . . . . . | 107 |

## Occupational Mobility in Modern World

|   |     |
|---|-----|
| <i>Sergei V. Odiakov.</i> Methodological Approaches to the Study of Socio-Professional<br>Structures Resulting from Digital Technologies in Contemporary Russia . . . . . | 123 |
|---|-----|

## Empirical Studies

|  |     |
|--|-----|
| <i>Boris E. Wiener, Konstantin S. Divisenko.</i> Dissertation Loci and Areas: the Case<br>of Soviet and Post-Soviet Ethnology . . . . .  | 133 |
| <i>Svetlana A. Korableva.</i> Models of Scientific Leadership in Russian R&D Institutions:<br>an Empirical Reconstruction. . . . .   | 157 |
| <i>Ekaterina A. Bliznetskaya, Alexander E. Kuteynikov, Vsevolod I. Shapovalov.</i> Urban Strategies<br>for Adaptation to Climate Change in the Context of Multilateral International Cooperation . . . . . | 181 |

## Sociological Aspects of Biology and Medicine

|  |     |
|--|-----|
| <i>Elena A. Volodarskaya.</i> Directions for Popularizing Domestic Biology at International<br>Exhibitions in France in the Mid-20 <sup>th</sup> Century . . . . . | 200 |
| <i>Iulia V. Kirik.</i> Theoretical Approaches to Social Pathology in German Academic<br>Literature (1910–1930) . . . . .   | 217 |

## Problems of Scientometrics

|  |     |
|--|-----|
| <i>Tatiana K. Bogdanova, Maksim E. Oshchepkov.</i> Revealing Trends and Prospective<br>Research Directions in the Field of Corporate Performance Management . . . . .                | 231 |
| <i>Irina D. Turgel, Valentina V. Derbeneva, Zlata V. Novokshonova.</i> Journals Indexed<br>in International Science Indexing Databases: Long Echoes of the “5-100” Project . . . . . | 253 |

|   |     |
|---|-----|
| Information for Authors and Requirements for the Manuscripts of Articles for the Journal<br>“Sociology of Science and Technology” . . . . . | 279 |
| In the Next Issue . . . . .   | 280 |

# 300 ЛЕТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

## *ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ КУПРИЯНОВ*

кандидат философских наук,  
старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала  
Института истории естествознания и техники  
им. С.И. Вавилова Российской академии наук,  
Санкт-Петербург, Россия;  
e-mail.ru: nonignarus-artis@mail.ru



## *ГАЛИНА ИВАНОВНА СМАГИНА*

доктор исторических наук,  
главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала  
Института истории естествознания и техники  
им. С.И. Вавилова Российской академии наук,  
Санкт-Петербург, Россия;  
e-mail.ru: galsmagina@yandex.ru



## **«Обеспечить расцвет наук и искусств в громадной империи»: идеи Г.В. Лейбница о развитии науки в России**

УДК: 1(091)

DOI: 10.24412/2079-0910-2024-3-7-45

Статья посвящена исследованию новых аспектов истории отношения Лейбница к России и планов Г.В. Лейбница по ее развитию, которые он предлагал Петру I. В статье приводится анализ обширной историографии по этой тематике, а также описание всех планов и проектов Лейбница, в которых он касается развития науки и образования в России. В качестве приложения к статье публикуются тексты документов, которые содержат проекты Лейбница, предложенные для организации в России научных учреждений. Авторы обращают внимание на основные идеи, которые Лейбниц выдвигал в своих проектах: приглашение ученых из-за



рубежа, создание централизованного учреждения, которому должны подчиняться образовательные, научные учреждения и промышленные предприятия, создание целостной системы образования, развитие этнографических, географических, геофизических и лингвистических исследований в России, а также как можно более широкое распространение в России образования. В статье проанализировано развитие предложений Лейбница о введении науки и образования в России: показано, что программа развития России, предложенная им, уже в ранний период отличалась целостностью и продуманностью, а основные идеи лишь уточнялись им в течение времени. В статье приводится оценка влияния проектов Лейбница на историю науки и образования в России в XVIII в.

**Ключевые слова:** Лейбниц, Петербургская Академия наук, Петр I, система образования, философия и наука, языки народов России.

Отношения немецкого философа и ученого Г.В. Лейбница (1646–1716) и Петра I представляют собой один из самых интересных эпизодов российской истории и истории российско-европейских отношений. Лейбниц интересовался Россией с самого начала своей творческой биографии, переписываясь в течение почти двадцати лет с корреспондентами в России и с самим Петром I. В число его корреспондентов входили Я.В. Брюс, Г. фон Гюйссен, С. Яворский, Р.К. Арескин, П.П. Шафиров и сам царь, с которым он лично встречался и которому представлял свои проекты преобразования России. Тематика отношений Лейбница и Петра Великого, его интереса к России и его предложений о развитии образования и науки неоднократно становились предметом изучения. Исследователи начали обращаться к рассмотрению этого вопроса с первой половины XIX в., и сегодня историография этой темы включает в себя работы таких крупных историков, как В.И. Герье [Герье, 1868, 1871]<sup>1</sup>, П.П. Пекарский [Пекарский, 1863, 1870], В. Штида [Stieda, 1926], Э. Бенц [Benz, 1947], Л. Рихтер [Richter, 1946] и др.<sup>2</sup> Во многом современный взгляд на историю отношений Лейбница и России определяется трудами этих историков. Немаловажное значение для понимания мотивации Лейбница имеет и уровень знания его биографии. Данная статья направлена на целостную и систематическую реконструкцию лейбницевской программы развития науки и образования в России в контексте современных представлений об истории Санкт-Петербургской академии наук и знаний о биографии Лейбница. В качестве приложения публикуются полные переводы записок Лейбница, относящихся к организации в России научных и образовательных учреждений.

## Лейбниц и Россия: историография и основные подходы

Историю научных исследований отношений Лейбница и России можно начинать с 1843 г., когда была опубликована первая монография, посвященная этому вопросу, — книга «Петр Великий и Лейбниц» профессора Дерптского университета М. Поссельта [Posselt, 1843] (см. подробнее об этом: [Куприянов, 2023]). М. Поссельт

<sup>1</sup> См. также издание: [Лейбниц Г.В.] Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому / Изд. В. Герье. СПб.: Тип. ИАН, 1873. XXXIV, 372 с.

<sup>2</sup> Из последних работ см.: [Guseynov, 2018; Масса-Эстеве, 2018, 2020; Ролль, 2020; Корнетов, 2016].

впервые провел всестороннее исследование отношения Лейбница к России и Петру Великому и опубликовал ряд важных архивных документов, относящихся к этому вопросу. Однако его работа имела неточности, была неполной и опиралась на ограниченную источниковую базу. Важнейшим этапом в изучении темы «Лейбниц и Россия» стали книги В.И. Герье, а также опубликованный им сборник документов по этой теме, который до сих пор остается основой для ее изучения. В 1868–1871 гг. В.И. Герье опубликовал свои исследования, опровергнув многие тезисы М. Посселя и заложив основу для всей последующей работы в этой области. В.И. Герье осуществил реконструкцию истории отношений Лейбница к России и Петру I, создав чрезвычайно положительный образ немецкого философа и его взглядов на Россию. В работе Герье не содержится подробного анализа проектов Лейбница, касающихся образования и науки, однако эти вопросы он также обсуждает. Говоря о Санкт-Петербургской академии наук (далее — СПб АН), которая стала главным реформаторским предприятием Петра I в области науки и образования, Герье указывает, что «учрежденная в Петербурге Академия мало соответствовала плану Лейбница. Он имел в виду не простое собрание ученых, а учреждение с обширным кругом практической деятельности и большими полномочиями» [Герье, 2008, с. 766]. Таким образом, Герье удалось исправить мнение о том, что СПб АН была основана на проекте Лейбница и обязана своим появлением великому немецкому философу, которого придерживался М. Поссельт [Posselt, 1843, S. 203], а вслед за ним и многие немецкие историки XX в. (см., например, статью В. Штиды: [Stieda, 1826]). Тем не менее анализ широкого круга документов об отношении Лейбница к России позволил Герье не ограничиваться только лишь вопросом влияния Лейбница на основание СПб АН. Герье со всей достоверностью показал, что в планы Лейбница, кроме создания научных учреждений, входили также и географические, лингвистические и этнографические исследования, которые позже были во многом реализованы в течение XVIII–XIX вв.

Таким образом, по вопросу о влиянии Лейбница на образовательные и научно-организационные планы Петра I уже к 1871 г. сформировались две точки зрения. В одном случае предполагалось, что намерение первого российского императора основать СПб АН было непосредственно связано с реализацией идей и проектов Лейбница (М. Поссельт), а в другом утверждалось, что план СПб АН имел мало общего с лейбницеvской идеей ученой коллегии, однако проекты и планы Лейбница по развитию образования и науки включали в себя не только организацию учреждений, но и развитие в России географических, этнографических, лингвистических и исторических исследований (В.И. Герье).

В XX в. дискуссия на эту тему продолжилась и была дополнена работами В. Штиды [Stieda, 1926], Л. Рихтер [Richter, 1946], В. Хинца [Hinz, 1932], К. Грау [Grau, 1966], Ю.Х. Копелевич [Копелевич, 1977], В.И. Чучмарева [Чучмарев, 1968], А.И. Любжина [Любжин, 2014, с. 303–318] и др. (см., например: [Гуманистическая наука, 2010]). В. Штида и Л. Рихтер придерживались точки зрения, что Лейбниц оказал существенное влияние на петровские преобразования в сфере науки и просвещения. Особое внимание в связи с этим нужно обратить на работу немецкого философа и историка Лизелотте Рихтер. Ее монографию «Лейбниц и его образ России» можно признать важнейшей работой по истории отношений Лейбница к России после книг В.И. Герье, в которой предпринята целостная реконструкция взглядов Лейбница на Россию. Более осторожной, но при этом объективной является точка зре-

ния Ю.Х. Копелевич [Копелевич, 1977, с. 32–38], которая хотя и указывает, что проекты Лейбница по организации науки и образования были настолько масштабны, что вряд ли могли быть реализованы в России в тот период, однако признает, что многолетнее общение Лейбница с Петром не прошло бесследно. «Оно, — пишет Ю.Х. Копелевич, — не могло не повлиять на развитие научных представлений Петра и его соратников, углубление их знакомства с общим ходом научной мысли в Европе, на сдвиг устремлений Петра от решения узко практических задач к задачам широкого научного плана, и в этом смысле Лейбниц может быть назван соучастником разработки идеи о создании в России Академии наук» [Там же, с. 38]. В данной статье авторы, опираясь на широкую источниковую базу, включающую в себя ранее не рассмотренные исследователями аспекты творчества Лейбница, а также учитывая современные представления об истории российской науки, предпринимают реконструкцию программы развития науки и образования Лейбница и уточняют характер влияния Лейбница на образовательные и научно-организационные планы Петра.

### **Наука и образование в программе развития России Лейбница: идеи и их реализация**

Интерес к России возник у Лейбница еще в период юности, когда он заинтересовался вопросом избрания нового польского короля (см.: [Richter, 1946, S. 27–37]). Однако больше внимания к России Лейбниц начал проявлять с 1680-х гг., что было обусловлено его увлечением Китаем и его политическими взглядами. С этого времени Россия начинает рассматриваться Лейбницем как связующее звено между Востоком и Западом, что еще больше усиливает его заинтересованность в адрес Петра I. Поворотным моментом в истории отношений Лейбница к России можно считать 1697 г., когда Петр I совершил свою первую поездку по Европе в составе Великого посольства. Именно в 1697 г. он написал первый развернутый проект развития науки и образования в России<sup>3</sup>, который можно справедливо охарактеризовать как основу для всех последующих проектов для России и Петра Великого, составленных великим философом. Вслед за В.И. Герье этот документ принято называть «Записка Лейбница для Лефорта»<sup>4</sup>. В исследовательской литературе утвердилось мнение, что эта записка, составленная в двух вариантах (на французском и частично на немецком языках)<sup>5</sup>, была адресована Францу Лефорту — руководителю Великого посольства. Лейбниц намеревался довести до сведения самого царя, присутствие которого в составе делегации было в Европе хорошо известно, проект необходимых для России реформ, в центре которых была наука. Вызывает восхищение энтузиазм Лейбница, с которым он буквально отслеживал маршрут движения Великого посольства, стремясь получить аудиенцию у Ф. Лефорта или кого-то, кто мог передать царю его

<sup>3</sup> Общий обзор проектов и вариант их систематизации см.: [Böger, 2002].

<sup>4</sup> [Лейбниц Г.В.] Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому / Изд. В. Герье. СПб.: Тип. ИАН, 1873. С. 14–19.

<sup>5</sup> Полную публикацию текста с указанием архивных источников см.: *Leibniz G.W. Sämtliche Schriften und Briefe. Reihe I: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. B. 4.* Berlin: Akademie Verlag, 1995. S. 279–289.

записку<sup>6</sup>. Доподлинно неизвестно, удалось ли Лейбницу передать эту записку адресату, однако большинство исследователей с высокой долей вероятности полагают, что Лейбницу удалось довести до сведения о своих идеях лишь Лефорта-младшего.

В целом из всего массива источников, касающихся отношений Лейбница к России, можно выделить *восемь документов*, которые раскрывают его программу развития науки и образования в России. Приведем их список, указав названия и датировки, принятые в историографии<sup>7</sup>. Помимо уже упомянутой выше «Записки Лейбница для Лефорта» 1697 г. сюда относятся «Записка о развитии России» (декабрь 1697 — июль 1700)<sup>8</sup>, «Черновая записка, составленная Лейбницем о введении образования в России» (1708)<sup>9</sup>, текст, названный В.И. Герье «Vortrag» («Доклад», 1711)<sup>10</sup>, «Черновые записки, составленные Лейбницем во время его пребывания в Торгау» (1711)<sup>11</sup>, «Черновая записка Лейбница о лингвистических изысканиях и магнитных наблюдениях в России» (1712)<sup>12</sup>, «Письмо Лейбница к Шафирову» (1716)<sup>13</sup>, «Записка Лейбница о магнитной стрелке» (1716)<sup>14</sup>, «Черновая записка Лейбница о введении образования и наук в России» (1716)<sup>15</sup>, «Записка о коллегиях» (1716)<sup>16</sup>.

Уже в первом из упомянутых проектов — в записке для Ф. Лефорта 1697 г. — можно найти зародыш всех будущих планов и программ Лейбница для России. Лейбниц предлагает семь пунктов реформ в России, ключевую роль в которых играет наука: 1) создание общего (основного) научного учреждения для наук и искусств (Établissement General pour les Sciences et Arts); 2) приглашение иностранных ученых для работы в России<sup>17</sup>; 3) ввоз редкостей и интересных вещей; 4) отправка моло-

<sup>6</sup> Сборник писем и мемориалов Лейбница... С. 7–14.

<sup>7</sup> Названия документов и ссылки на них (за исключением «Записки о развитии России», известной также еще с XIX в., но не включенной в сборник документов В.И. Герье) приводятся по собранию документов, составленному В.И. Герье; там же можно найти и общий обзор состава источников. Датировки документов установлены В.И. Герье и являются принятыми в историографии. История появления и контекст этих документов также обстоятельно реконструированы в том же исследовании В.И. Герье.

<sup>8</sup> *Leibniz G.W. Sämtliche Schriften und Briefe. Reihe IV: Politische Schriften.* В. 6. Berlin: Akademie Verlag, 2008. S. 297–303.

<sup>9</sup> Сборник писем и мемориалов Лейбница... С. 95–100.

<sup>10</sup> Там же. С. 176–179.

<sup>11</sup> Там же. С. 127–183.

<sup>12</sup> Там же. С. 239–249.

<sup>13</sup> Там же. С. 344–346.

<sup>14</sup> Там же. С. 346–348.

<sup>15</sup> Там же. С. 348–360.

<sup>16</sup> Там же. С. 364–369.

<sup>17</sup> Однако уже независимо от предложения Лейбница 27 апреля 1702 г. Петр I издал манифест «О вызове иностранцев в Россию». Документ стал одним из важнейших пунктов петровских реформ, подтолкнувших развитие военного дела, торговли, искусства, а также способствовавших развитию административного аппарата государственного управления. Всем гарантировались большие привилегии и свобода вероисповедания. При Петре I в Россию прибыли около 8 тыс. иностранцев. Позже в развитие петровских начинаний появился Манифест императрицы Екатерины II о дозволении всем иностранцам, въезжающим в Россию, селиться в разных губерниях по их выбору, их правах и льготах.

дых людей на учебу наукам за границу; 5) просвещение подданных внутри страны; 6) составление описания страны (включая составление карты, лингвистические, этнографические, географические исследования, исследования земного магнетизма и др.), а также 7) развитие самых разных отраслей экономики. Именно этот проект в дальнейшем Лейбницем совершенствовался, уточнялся и дополнялся в разнообразных записках, письмах и меморандумах, направленных им российским адресатам, в том числе и самому императору.

Относительно мало внимания в литературе привлёк проект, составленный, вероятно, в то же время и получивший в историографии название «Записка о развитии России» (между 1697 и 1700 гг.<sup>18</sup>). В этой записке, написанной приблизительно в то же время, что и «Записка для Лейфорта», высказываются сходные идеи. И здесь Лейбниц также призывает основать учреждение для развития всего государства, указывая при этом, что главную роль в процветании государства играет наука. Объясняя необходимость развития науки и образования в России, Лейбниц повторяет для своего адресата мысль, высказанную им в публично в предисловии к трактату «Новости из Китая» [Lach, 1957, p. 68], о том, Россия является своего рода посредником между Европой и Китаем — двумя окраинами мира, от чего она может выигрывать в торговле, а также и в обмене информацией. Лейбниц пишет: «Что тем более важно, так как через страну Его Царского Величества земли Европы и Китая, как две цветущие окраины этой части света, могут как бы сопрягаться друг с другом и осуществлять свое сообщение на суше; при этом китайские товары и новости в Европе и, с другой стороны, христианская вера в Китае могли распространяться таким образом, который был бы приличным для Москвы и принес бы значительную пользу Москве как посреднику в таком общении»<sup>19</sup>.

Если в первой записке Лейбниц собирает свои предложения о развитии России в семь пунктов, то в этом проекте его идеи сводятся к четырем составляющим, которые, однако, во многом повторяют положения, изложенные в «Записке для Лейфорта»: *во-первых*, необходимо, чтобы Москва получала из Европы все необходимые новости. В данном случае предполагается сбор в России книг на разных языках по наукам и искусствам и при необходимости выполнение их переводов<sup>20</sup>. *Во-вторых*, нужно, чтобы царь привлекал из Европы полезных и умелых людей всех профессий. Важно, полагает Лейбниц, разрешить свободный въезд людей из Европы и разрешить им поселяться колониями. В этой части речь идет и о создании научного общества или Академии. Причем Лейбниц предлагает, чтобы ученые жили без зарплаты, имея разрешение только лишь на бесплатное пользование имуществом. Говоря об академии, Лейбниц указывает: «Нужно бы сформировать собственные Общества, Академии или Собрания также из людей, привлеченных из Европы, и чтобы это представляло меньшую угрозу для доходов царя, им можно было предписать пользоваться товарами вместо денежного жалованья»<sup>21</sup>. *В-третьих*, необходимо, чтобы подданные царя были хорошо обучены. В данном случае Лейбниц имеет в виду обучение как наукам и искусствам, так и хорошим нравам

<sup>18</sup> Обоснование датировки см.: *Leibniz G.W. Sämtliche Schriften und Briefe. Reihe IV: Politische Schriften. B. 6. Berlin: Akademie Verlag, 2008. S. 297–298.*

<sup>19</sup> *Ibid.*, S. 300.

<sup>20</sup> *Ibid.*, S. 300–301.

<sup>21</sup> *Ibid.*, S. 301.

и законам. Причем взрослых, по его мнению, обучать не нужно; сосредоточиться нужно только на молодых людях. *В-четвертых*, требуется, чтобы было основано центральное учреждение, которое направляет все действия государства ради этой цели. Именно в этом контексте Лейбниц впервые предлагает создать высшую коллегию (*obristes Collegium, ober-Collegium*), которая будет подчиняться только царю и заниматься всеми вышеперечисленными реформами, управляя, помимо собственно научных учреждений, также и мануфактурами. Говоря о финансовой стороне работы этой высшей коллегии, Лейбниц обращает внимание на то, что она не должна попасть в зависимость от отдельных людей, которые могут помешать «лучшим планам». Очевидно, что «высшая коллегия» в этой записке соответствует «основному учреждению для наук и искусств» из более ранней записки для Ф. Лефорта. Таким образом, академии наук, научные общества, школы и др. понимаются Лейбницем как отдельные учреждения, имеющие более конкретные задачи, в то время как обер-коллегия рассматривается как высший орган, отвечающий за реализацию всего плана реформ. Эта идея буквально красной нитью проходит через все проекты Лейбница<sup>22</sup>.

Предложения 1697–1700 гг., нашедшие отражение в двух записках этого периода, получили развитие в документе, датированном 1708 г. и названном В.И. Герье «Черновая записка, составленная Лейбницем о введении образования в России». Как выявил В.И. Герье, эта записка была составлена для Петра I и передана барону

---

<sup>22</sup> Одним из ключевых положений, которые Лейбниц адресовал Петру, было создание специальной коллегии с подчинением ей всех существовавших в стране научных, образовательных и культурных учреждений. Тогда это, видимо, было преждевременно и не понято императором.

В 60-х гг. XVIII в. эту рекомендацию Лейбница вспомнили вновь. Представляя свой вариант «Проекта наказа от Академии наук в Уложенную комиссию» в 1767 г., академик Г.Ф. Миллер, который был знаком с письмами Лейбница, предложил создать Главное директорство — главный орган в Российской империи, под управлением которого должна состоять «Академия со всеми к ней принадлежащими департаментами, Московский университет и кадетские корпуса <...> От оного же Директорства зависели бы впредь заводимые в России училища», а также Директорство должно снабжать все учебные заведения «искусными учителями». И здесь же Миллер отметил: «О том уже Лейбниц учинил блаженной памяти и вечной славы Императору Петру Великому предложение».

Во второй половине 1769 г. директор Академии наук граф В.Г. Орлов составил проект нового Устава Академии наук. Он предлагал создать Школьную коллегию, в подчинении которой находились бы Академия наук и все учебные заведения империи. Проект, представленный Орловым, судя по протоколам заседаний академической Конференции, привел к бурным дебатам. В итоге Л. Эйлер и его сын вместе с академиком Я. Штелиным не согласились с проектом, внесенным Орловым, и не поставили под ним свои подписи. Основное недовольство вызвала мысль, о подчинении Академии Школьной коллегии. Эйлер писал: «...для Академии это будет очень болезненно, если она будет подчинена Школьной коллегии, тем более что она уже имела твердое заверение находиться под покровительством, как и Академия художеств, императорского величества». Ни проект Миллера, ни Устав Орлова не были утверждены.

И все же идея Лейбница в некоторой степени была реализована в Российской империи Александром I во время проведения государственной реформы по созданию министерств. Согласно Манифесту об учреждении министерств, 8 сентября 1802 г. в состав Министерства народного просвещения вошли Академия наук, Российская академия, университеты и все другие учебные заведения, музеи, библиотеки и др.



Урбиху — послу России при венском дворе — в декабре 1708 г.; затем она отправлена к русскому двору в переводе на голландский язык<sup>23</sup>, поэтому высока вероятность, что ее мог прочесть сам император. Позже идеи, высказанные в этой записке, Лейбниц имел возможность передать лично Петру I при встрече в 1711 г.

Как и во многих своих письмах и записках, в рассматриваемой записке 1708 г. Лейбниц подчеркивает: «...для меня нет ничего приятнее, чем иметь возможность способствовать общему благу и улучшению людей во славу Божию, тем более что империя этого монарха охватывает большую часть земного шара, а именно север нашего полушария. Мы также придерживаемся мнения, что, поскольку эта империя для большинства еще является *tabula rasa* и, так сказать, “новым горшком”, еще не принявшим посторонний вкус, то многие ошибки, закравшиеся у нас, можно предотвратить и исправить, тем более что все это проходит через голову мудрого государя, и таким образом может достичь должного настроения и гармонии, подобно городу, который был построен сразу, по его собственному плану, тогда как старые города, которые растут постепенно, обычно строятся беспорядочным образом»<sup>24</sup>.

Далее Лейбниц подчеркивает, что введение наук и искусств имеет два аспекта: их преподавание и затем распространение. Для преподавания необходимы книги, а также собрания предметов природы и искусства. Это предполагает наличие библиотек, *theatrum naturae et artis* (под которым понимаются кабинеты искусств и раритетов), сады животных и растений, обсерватории и лаборатории.

В записке 1708 г. впервые дается подробное описание конкретных научных учреждений. Библиотека должна, по мнению Лейбница, состоять из трех отделений: *математика*, включая механику, *физика* соответственно трем царствам природы — минералы, растительный и животный миры. Сюда относятся химия, ботаника, анатомия, медицина, география, навигация, военное дело, архитектура. Также необходима и *история*, к которой относятся описания истории королевств и событий, государств и стран, а также государственные мемуары и особенно маршрутные листы или путевые книги. В библиотеке должны быть собраны книги на латинском языке, а также на новых языках, на греческом и на русском.

Интересно, что Лейбниц понимает под кабинетами искусств и раритетов (*Theatro Naturae et Artis*). К ним относятся: «...кабинетов, кунсткамер и оружейных палат, галерей антиквариата, скульптур и живописи, вивариев (или помещений для животных), ботанических садов (или оранжерей), макетных и других мастерских, арсеналов, строительных дворов и о том, что они могут использоваться не только для обычных целей, но и для совершенствования искусств и наук, поскольку в них представлено то, что есть в природе, и при этом в более предметном виде, чем в книгах и рисунках, которые дают лишь общее представление»<sup>25</sup>.

Описывая необходимость лаборатории, Лейбниц указывает: «Такая лаборатория имела бы определенную связь с аптеками и медициной, горным оборудованием и монетным и пробирным делом, а также обработкой металлов, включая плавильные и стекольные заводы, и даже с самой артиллерией, и хотя о получении золота

<sup>23</sup> См. историю появления этой записки и сведения о ее отправке в Россию: [Герье, 1868, с. 647, 657].

<sup>24</sup> Сборник писем и мемориалов Лейбница... С. 95.

<sup>25</sup> Там же. С. 97.

не стоит помышлять ни в малейшей степени, все же там можно было бы проводить всевозможные красивые эксперименты и с их помощью не только познавать и исследовать природные тела, но и различать, улучшать и умножать их, при этом огонь следует считать самым важным ключом [познания] тел»<sup>26</sup>.

И наконец, развитие науки и образования не может обойтись без обсерватории. Лейбниц пишет, что в России важно вести астрономические наблюдения, так как Россия — *terra vergine*, с помощью исследования которой можно развивать мореплавание и географию. Это помогает торговле, что может способствовать установлению выгодных связей Азии и самого Китая с Европой (идея, которая волнует Лейбница с 1680-х гг.).

Однако и в этом проекте учреждение отдельных организаций для развития наук — только часть программы реформ. Лейбниц советует создать полномочную коллегия, «которой будут подчиняться высшие и низшие школы, научные учреждения, а также книжное дело, типографии и переводы, цензура книг, а также художники и ремесленники с самими произведениями искусства»<sup>27</sup>. То есть в данном случае Лейбниц в несколько измененном варианте продолжает свое предложение о создании центрального учреждения для развития науки и образования, а также всей экономической жизни в России<sup>28</sup>.

Однако наиболее развернутый проект Лейбниц предложил в самом конце своей жизни в 1716 г. в документе «Записка об улучшении наук и художеств Российской империи». Этот проект отличается систематичностью и целостностью мысли: в нем Лейбницу удалось концентрированно выразить суть своих многообразных предложений для России, что позволяет назвать его вершиной в развитии идей Лейбница о развитии наук и искусств в России. Записка эта, как показывает В.И. Герье, относится ко времени, когда Лейбниц пребывал в Пирмонте и встречался с царем, которому она, без сомнения, была передана (см. подробнее: [Герье, 2008, с. 753]).

<sup>26</sup> Там же. С. 97–98.

<sup>27</sup> Там же. С. 98.

<sup>28</sup> Еще до создания Академии наук Петр отдал распоряжение об организации в 1714 г. Библиотеки и первого российского музея — Кунсткамеры. Кабинет натуралий Кунсткамеры ведет свое начало с 1714 г., когда Петр I приобретает у голландского аптекаря и коллекционера Альберта Себы собрание препаратов экзотических животных, рыб, рептилий и насекомых, показывающее огромное разнообразие фауны земного шара. Позже Петр купил собрание анатомических препаратов анатома Фредерика Рюйша. Формированию коллекций Кабинета натуралий способствовал петровский указ от 13 февраля 1718 г. о доставлении в Кунсткамеру живых и мертвых уродов для изучения и составления научной коллекции. Много самых различных экспонатов поступало в Кабинет в результате академических экспедиций, проводимых Академией наук в XVIII в. А в основанной им Академии наук были открыты анатомический театр (1726), Обсерватория (в начале 1726 г. с прибытием в Петербург французского астронома Жозефа Делиля), Ботанический сад (1735) — это был первый сад, предназначенный для научных исследований в области ботаники. При Академии наук были две типографии (одна для печати русскоязычных книг, другая — иностранных) и книжная лавка; в середине века была открыта книжная лавка и в Москве. В 1716 г. с коллекции минералов, приобретенных Петром I в Данциге, начал свое существование Минералогический кабинет. При Академии наук с ее основания было создано двенадцать мастерских-палат; среди них инструментальная, рисовальная, камнерезная и др.



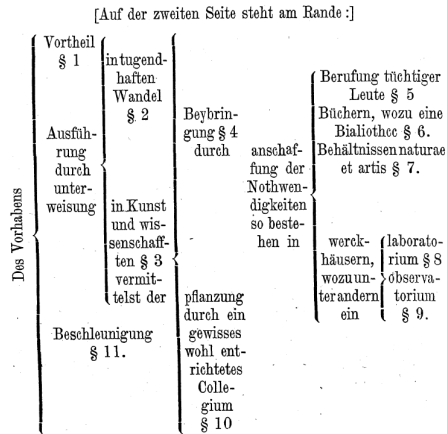


Рис. 1. Схема реформ науки и образования Лейбница<sup>29</sup>

Fig. 1. The Scheme of Leibniz' reforms of science and education

В этом проекте Лейбниц прежде всего обращает внимание на необходимость введения хорошего законодательства, для чего нужно найти золотую середину между «судейским произволом и многословными губительными европейскими процессами». Для развития науки необходимы, по его мнению, три составляющие: 1) создание для этого служебных подразделений (Bereitschaft); 2) обучение людей тому, что уже науке известно; 3) нахождение новых знаний.

Первая задача заключается в обеспечении книгами, кабинетами редкостей, инструментами, ботаническими садами и музеями. Для обеспечения книгами необходимы библиотеки, книжные магазины и типографии. Библиотека, согласно плану Лейбница, должна включать в себя рукописи и печатные книги на разных языках. Она должна быть максимально полной и содержать информацию по всем наукам и профессиям.

Кабинет раритетов должен включать в себя всевозможные раритеты из трех царств: растения, насекомые, руды, минералы, а также художественные картины, оптические, механические, навигационные, астрономические изделия. Сюда же относятся и научные инструменты.

К театру природы и искусства относятся «все гроты, в них можно увидеть всевозможные виды минералов, орнаменты из раковин, сады, в них многочисленные виды деревьев, кустарников, кореньев, трав, цветов и фруктов и, наконец, зоопарк и виварий, там можно увидеть живых водоплавающих животных, птиц и рыб, вместе с театром анатомическим, где следует показывать скелеты животных. К театру художеств относится все то, что требуется для обсерватории, лаборатории, арсенала, склада, где должны находиться модели всевозможных полезных изобретений доста-

<sup>29</sup> В этой таблице Лейбниц представил свои идеи систематически. В каждом пункте указаны реформы в области науки и образования, которые необходимо осуществить. План представлен по круговому принципу, в котором начало сходится с концом: § 1 «Преимущества введения образования» соединяется с последним § 11 «Ускорение», что означает, что введение образования и создание научных учреждений приводит к ускорению развития страны, в которой проводятся реформы.

точного размера, особенно всевозможные мельницы, подъемники, водопроводные станции, а также многие виды машин, используемых для горных выработок»<sup>30</sup>.

В записке 1716 г. подробно рассматривается и *система* образования как вторая составляющая программы реформ. Она, по мысли Лейбница, должна включать в себя школы, университеты, академии и научные общества.

Школы он предлагал создавать трех типов: школы благонравия, языковые школы и школы искусств. В школах искусств «изучают катехизис, как отрывки из Священного Писания, далее немного из логики или искусство умозаключения, музыку, счет, рисование, частично столярное и токарное дело, топографию и домоводство наряду с основами обращения с оружием и верховой ездой, все по природе и влечению»<sup>31</sup>. Для таких школ Лейбниц видит образец в немецких Штифтах, то есть в церковных школах. В возрасте 12–14 лет детей можно направлять «служить у мастера или в торговой лавке учениками»<sup>32</sup>. До 18 лет учатся те, кто готовится к «к обязанностям двора, юстиции, военным или другим обязанностям или должностям»<sup>33</sup>. Далее тех, кто посвящает себя военным профессиям, нужно направлять непосредственно в армию, а тех, кто готовится к гражданским должностям, — в университеты и дворянские академии<sup>34</sup>. В университетах обязательно преподаются следующие предметы: логика, красноречие, математика и экономика. В университетском образовании Лейбниц, в соответствии со сложившейся европейской традицией, упоминает теологический, юридический и медицинский факультеты. Предусматривается также и специальное образование для тех, кто готовится сам преподавать в университете. Разместить университеты Лейбниц предлагал в крупных городах: Москве, Киеве и Астрахани<sup>35</sup>.

<sup>30</sup> Сборник писем и мемориалов Лейбница... С. 351.

<sup>31</sup> Там же. С. 351–352.

<sup>32</sup> Там же. С. 352.

<sup>33</sup> Там же. С. 352.

<sup>34</sup> Петр I понимал необходимость профессионального образования. Поэтому в 1701 г. в Москве по его указу открыли Школу математических и навигацких наук. В это же время появились учебные заведения, выпускавшие рабочих-металлургов, медиков, канцелярских служащих, инженеров, химиков, артиллеристов, переводчиков. В 1714 г. появились начальные цифирные школы — упор в них делали на арифметику и геометрию.

<sup>35</sup> При Академии наук была открыта Гимназия и Университет. Через учебные заведения Академии прошли 3 000 студентов и мастеров. До 1786 г. в России не было системы школьного образования, существовали отдельные учебные заведения, например кадетские корпуса (сухопутный кадетский корпус, морской кадетский корпус), госпитальные школы, школы переводчиков, Смольный институт благородных девиц, Московский университет с гимназией и др. Школьная система появилась в 1786 г., когда Екатерина II провела масштабную школьную реформу, в результате которой в губернских городах были открыты четырехклассные народные училища, в уездных городах — двухклассные малые народные училища, после окончания которых можно было поступать в главные народные училища, а затем в университет. В 1783 г. в Петербурге была открыта первая учительская семинария. Таким образом реализовалась задумка Лейбница о создании широкой системы школьного образования, хотя непосредственно его влияние в этом усмотреть нельзя, так как в основе екатерининской реформы лежал австрийский образец. Учреждение Министерства народного просвещения в 1802 г. завершило создание полной системы образования, включающей школьное образование, гимназическое и университетское. Однако полностью образовательный проект Лейбница так и не был реализован вплоть до 1917 г.

Однако большая часть проекта посвящена тому, как нужно развивать науки и искусства. Для этого, как подчеркивает Лейбниц, нужно привлекать всех, кто к этому способен.

Прежде всего, нужно подвергнуть инвентаризации все уже имеющееся знание. Для этого нужно составить инвентарные описи, словари и указатели (*indices reales*). Особенно нужны, по мнению Лейбница, технические словари, которых очень мало и которых все термины должны быть проиллюстрированы. При составлении инвентарных описей приоритет должен отдаваться не алфавитному принципу, а систематическому. В итоге должна быть составлена полная классическая библиотека, которую следует дополнить систематическими каталогами. Они должны «подразумевать все то хорошее от рода систематизации, что сохранилось во всех книгах и которой требуют каждая профессия и каждый факультет, для составления такой системы должны выбираться люди, которые стремятся к совершенству, с большими знаниями, рассудительные, старательные и искренние»<sup>36</sup>. Для составления таких систем нужно использовать журналы (*diaria eruditorum*). В качестве примера Лейбниц ссылается на “*Acta eruditorum*”. Причем составляться такие системы знания должны по синтагмам<sup>37</sup>.

Кроме инвентарных описей, словарей и указателей нужны также «основные труды» (*Kernwerke*). Они включают в себя учебники (*institutiones*) и энциклопедии<sup>38</sup>. Говоря об учебниках, Лейбниц указывает, что они должны составляться компетентными людьми. В то же время энциклопедиям он уделяет куда больше внимания. Энциклопедии он делит на большие, средние и малые. Большую он называет даже «универсальным Атлантом»: «Энциклопедию большую я хотел бы назвать универсальным атлантом (*Atlantem Universalem*), так как она должна быть предусмотрена со многими полезными рисунками и состоять из нескольких томов в ин-фолио большой формы; такого труда пока еще нет, но было бы хорошо его создать посредством уже организованного сообщества»<sup>39</sup>.

<sup>36</sup> Сборник писем и мемориалов Лейбница... С. 356.

<sup>37</sup> Главный печатный орган Петербургской Академии наук, предназначенный для публикации результатов научных исследований, начал выходить вскоре после учреждения Академии и назывался “*Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*”. Основное научное издание Академии печаталось на латинском языке и в течение XVIII в. несколько раз меняло свое название. С 1726 по 1745 г. оно выходило под указанным названием (было опубликовано 14 томов); с 1747 по 1777 г. называлось “*Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*” (вышло 20 томов); с 1777 по 1782 г. — “*Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*” (вышло 6 томов в 12 книгах: каждый том состоял из двух книг). Четвертая серия академических трудов — “*Nova Acta Academiae Imperialis Petropolitanae*” — печаталась с 1783 по 1802 г. (вышло 15 томов).

<sup>38</sup> Первой популярной энциклопедией, появившейся в России, стало издание 10-томного труда с 480 гравюрами под названием «Зрелище природы и художеств» (СПб., 1784–1790). Перевод был выполнен с венского издания “*Schauplatz der Natur und der Künste in vier Sprachen — deutsch, lateinisch, französisch und italienisch*“ (Bd. 1–10. Wien, 1774–1779) переводчиками Академии наук. Успех книги был значительным. Она разошлась довольно быстро, и уже через несколько лет возникла потребность во втором издании, которое было осуществлено в 1809–1813 гг.

<sup>39</sup> Сборник писем и мемориалов Лейбница... С. 357–358.

Энциклопедия средняя — энциклопедия в собственном смысле слова. В качестве примера он ссылается на энциклопедию Бартоломея Кеккермана (1573–1609), который был известен написанием множества книг с названием “Systemata”. Также Лейбниц ссылается на Иоганна Генриха Альстеда (1588–1638) — автора многочисленных энциклопедий. Особое внимание Лейбниц уделял курсам математики: он предлагал Петру опираться на курсы математики Эригона<sup>40</sup>, Каспара Шотта<sup>41</sup> и Х. Вольфа<sup>42</sup>.

Энциклопедия малая — это краткий справочник (*manuale oder Handbuch*). Лейбниц пишет, что это справочник, «который можно носить с собой и в котором есть ядро всех вещей в квинтэссенции. Таких трудов по математике, медицине и физике пока нет, по юридическим наукам недостаточно, по истории и географии немного»<sup>43</sup>.

Желание Лейбница составить энциклопедии для России было отнюдь не умозрительным: еще в 1712 г. он предлагал самостоятельно составить общую энциклопедию (*Encyclopédie Générale on quintessence des sciences et études*)<sup>44</sup>.

Также в этом проекте отмечается и необходимость географического изучения России для удовлетворения разнообразных практических потребностей (например, для поиска лекарств). Также нужно выяснить, «можно ли обойти на корабле Азию с севера или заканчивается ли внешняя шапка полярных льдов на Америке», а также провести наблюдения за отклонением магнитной стрелки для улучшения мореплавания<sup>45</sup>.

Обращает на себя внимание, что в этом проекте Лейбниц также указывает на необходимость создания научных обществ (*Societäten der Wissenschaften*), то есть академий, но не предлагает организовать для управления наукой и образованием центральное учреждение, как предыдущих проектах. А в известной еще в XVIII в. «Записке о коллегиях»<sup>46</sup>, авторство Лейбница применительно к которой, однако, недостоверно, указывается на необходимость создания ученой коллегии среди множества других коллегий. Исходя из этого можно заключить, что к концу жизни Лейбниц отошел от этой идеи.

<sup>40</sup> Пьер Эригон (1580 (?)–1643), французский математик и астроном.

<sup>41</sup> Каспар Шотт (1608–1666), немецкий математик и физик.

<sup>42</sup> Христиан Вольф (1679–1754), немецкий математик и философ.

<sup>43</sup> Сборник писем и мемориалов Лейбница... С. 358.

<sup>44</sup> См. письмо Лейбница Головкину-младшему от 6 ноября 1712 г.: Сборник писем и мемориалов Лейбница... С. 276.

<sup>45</sup> Первая публичная газета начала выходить в России с 1703 г. под названием «Ведомости о военных и иных делах, достойных знаний и памяти», а с 1728 г. издание газеты перешло к Академии наук, и она стала называться «Санкт-Петербургские ведомости».

Академия наук взяла на себя обязательство разработки содержания образования и написания учебной литературы. В XVIII в. Академией наук было создано, переведено и издано более 200 учебников. В гимназии и университете применялись разные учебники. Из упомянутых Лейбницем авторов в России особенно были знакомы с учебниками Х. Вольфа. В 1748 г. в переводе Ломоносова вышла «Вольфианская экспериментальная физика» — первый русский учебник физики.

<sup>46</sup> Сборник писем и мемориалов Лейбница... С. 364–369.

## Особенности проектов Лейбница и их значение для истории науки в России

В целом в лейбнических проектах создания научных учреждений в России можно выделить ряд существенных особенностей. *Во-первых*, все проекты и записки Лейбница предполагали больше, чем создание только лишь Академии наук или научного общества. Философ представлял Петру *целую программу развития России*, в которой наука играла определяющую роль как средство улучшения жизни людей, но не единственную. Для развития науки и образования требовалось основание библиотеки, типографии, обсерватории, ботанических садов, зверинцев, кунсткамеры, лабораторий, школ, университетов, академии наук, мастерских. Почти во всех проектах Лейбниц указывал, что необходимо некое высшее учреждение (коллегия), которое бы управляло всей наукой и образованием, а также и связанной с наукой экономикой. Именно в качестве руководителя такой коллегии он предлагал себя Петру Великому<sup>47</sup>.

*Во-вторых*, преобразования, о которых писал Лейбниц, требовали осуществления идей, которые еще не были реализованы в Европе. Ни в одной европейской стране не было централизованной, подчиненной только лишь монарху коллегии, под управлением которой находились бы все образовательные, научные учреждения, а также мануфактуры. То же самое можно видеть и в случае лейбнической идеи большой и малой энциклопедий и каталогизации знания. В этих проектах выявляется намерение Лейбница собрать и систематизировать в России все знание, полученное в ходе развития наук. Эта идея владела умом Лейбница на протяжении многих лет, и для ее реализации он прилагал множество усилий. Можно сделать вывод, что в качестве средства воплощения этой идеи он рассматривал развитие наук в России, для чего искал поддержки Петра I.

*В-третьих*, важной особенностью проектов Лейбница для Петра была их ориентированность на географическое, лингвистическое, этнографическое и геофизическое исследование территории России. Говоря современным языком, Лейбниц предлагал не просто организовать в России научные учреждения, но считал важным исследовать производительные силы природы для обращения их на пользу человека. Почти через все его записки для России проходят три идеи, которые имели для Лейбница самостоятельное научное значение: 1) сбор образцов языков народов, населяющих Россию; 2) организация наблюдения за отклонениями магнитной стрелки; 3) исследование вопроса, отделена ли Азия от Америки морем. Лейбниц неоднократно упоминал об этих трех мерах по развитию России в своих проектах и в письмах. В сентябре 1712 г. он отправляет Брюсу записку, содержащую отдельный план для лингвистических и магнитных исследований России (см.: [Герье, 2008, с. 711–713]), в которой указывает на необходимость собирать образцы языков народов России путем перевода на эти языки «Отче наш», что должно не только помочь изучению языков, истории и традиций этих народов, но также и поспособствовать их христианизации, для чего к ним должны быть направлены специально обученные миссионеры. Также Лейбниц составляет проект организации магнитных наблюдений на суше, которые еще не проводились в то время. Для этого он считает нужным создать сеть магнитных станций. Эту идею он позже развил в отдельной за-

<sup>47</sup> См. записку Лейбница для Петра I 1712 г.: Сборник писем и мемориалов... С. 217–218.

писке для Петра, составленной в 1716 г. во время его пребывания в Пирмонте (см.: [Там же, с. 753]).

Таким образом, все три предложения Лейбница предусматривали эмпирические исследования и организацию экспедиций<sup>48</sup>. Иными словами, программа развития наук Лейбница имела в виду как создание всего комплекса научных учреждений (университетов, школ, библиотек, музеев, кунсткамеры, зверинца, ботанического сада, обсерватории, лабораторий и др.), так и проведение конкретных эмпирических исследований в области географии, лингвистики, этнографии, астрономии и геофизики.

*В-четвертых*, несмотря на очевидную практикоориентированность всех своих планов, не последнее значение в интересе Лейбница имели вопросы метафизико-теологического характера. Идея социальной роли науки как средства улучшения человеческой жизни и тем самым морального совершенствования человека и приближения к Богу была сквозной во всем его творчестве и была отражена уже в первых лейбницеvских проектах организации науки. Нашла она отражение и в проектах для России. Лейбниц исходил из представления, что развитие просвещения и науки в России послужит на пользу всему человечеству. В России, так как она *tabula rasa* в области просвещения, можно избежать многих пороков и ошибок, которые были допущены в Европе. В результате чего Россия может из некультурной страны, которой чуждо просвещение, превратиться в образец и пример для подражания. Нужен для этого единый продуманный план, а также мотивированный и мудрый руководитель, который при поддержке правителя сможет реализовать столь масштабные преобразования. Таким образом, по мнению Лейбница, просвещение в России нужно не только самой России, но и служит интересам прогресса человечества в целом.

Как можно оценить значение проектов и предложений Лейбница для истории российской науки? Мы не можем до конца согласиться с теми историками, которые не усматривают связи между предложениями Лейбница и петровскими реформами, прежде всего, основанием СПб АН (см.: [Копелевич, 1977, с. 38; Wittram, 1955, S. 373–403]). Основание Академии наук, библиотеки, кунсткамеры, ботанического сада, школ, а также прочие конкретные реформаторские мероприятия в области науки и образования не осуществлялись по планам и проектам Лейбница, а ему самому, несмотря на усилия, так и не удалось стать руководителем каких-либо реформ в России, тем более что его планы были настолько масштабны, что не могли быть реализованы даже при жизни одного поколения. Однако многолетнее общение Петра с Лейбницем «привело в порядок ум царя» — оно не могло не оказать непо-

---

<sup>48</sup> Научные экспедиции были организованы Петербургской Академией наук в XVIII в. с целью изучения территории, населения, экономики России. Одной из первых и результативных была деятельность Академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733–1743). Тогда исследованию и картографированию были подвергнуты Аляска, Алеутские острова, тихоокеанские берега и другие земли. С.П. Крашенинников исследовал Камчатку, Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин собрали сведения об истории, географии, этнографии, флоре и фауне Сибири. С 1768 по 1774 г. был проведен ряд академических экспедиций, цель которых — всестороннее изучение России. Были исследованы: Европейская Россия, Поволжье, Урал, Кавказ, Прикаспий, Западная Сибирь и Восточная Сибирь, опубликованы первые научные описания исследованных регионов. См.: [Материалы для истории экспедиций, 1940; Александровская и др., 2011].



средственного влияния на его мотивацию к активному развитию в России научных исследований, включая основание научных и образовательных учреждений<sup>49</sup>.

## Источники

[Лейбниц Г.В.]. Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому / Изд. В. Герье. СПб.: Тип. ИАН, 1873. XXXIV. 372 с.

*Leibniz G.W.* Sämtliche Schriften und Briefe. Reihe I: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. B. 4. Berlin: Akademie Verlag, 1995. S. 279–289.

*Leibniz G.W.* Sämtliche Schriften und Briefe. Reihe IV: Politische Schriften. B. 6. Berlin: Akademie Verlag, 2008. S. 297–303.

## Литература

*Александровская О.А., Широкова В.А., Романова О.С.* Ломоносов и академические экспедиции XVIII века. М.: РТСофт, 2011. 210 с.

*Герье В.И.* Лейбниц и его век. [Т. 1]. СПб.: Печатня В. Головина, 1868. 612 с.

*Герье В.И.* Лейбниц и его век. Т. 2: Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб.: Печатня В. Головина, 1871. [4], 208, IV с.

*Герье В.И.* Лейбниц и его век: отношения Лейбница к России и Петру Великому. СПб.: Наука, 2008. 770 с.

Гуманистическая наука по Лейбницу и назначение академий / Ред. В. Кальтенбахер, А.А. Россиус; пер. А.А. Россиуса. М.; Неаполь: ММХ, 2010. 113 с.

*Копелевич Ю.Х.* Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука, 1977. 221 с.

*Корнетов Г.В.* Проекты Г.В. Лейбница по распространению в России образования и науки (к 300-летию со дня смерти великого немецкого мыслителя и просветителя) // Историко-педагогический журнал. 2016. № 4. С. 99–132.

*Куприянов В.А.* Роль Г.В. Лейбница в основании Санкт-Петербургской академии наук: анализ историографии // История науки и техники: источники, памятники, наследие: четвертые чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники. К 300-летию Российской академии наук: материалы международной научной конференции / Ред. Ю.М. Батулин, С.С. Илизаров, А.Л. Клейтман, Е.В. Минина. Иваново: ПресСто, 2023. С. 30–32.

*Любжин А.И.* История русской школы императорской эпохи. [Т. 1]. М.: Никея, 2014. 1408 с.

*Масса-Эстеве М.Р.* Встречи Петра I и Лейбница в 1711, 1712 и 1716 годах // Европейские маршруты Петра Великого: к 300-летию визита Петра I во Францию: Материалы IX Международного петровского конгресса: Париж — Реймс 20–22 апреля 2017 года / Сост. Д.Ю. Гузевич, А.В. Кобак, М.В. Петрова; подгот. текста, указ. имен Г.Б. Богуславской. СПб.: Европейский Дом, 2018. С. 280–291.

*Масса-Эстеве М.Р.* Влияние взаимоотношений Петра I и Лейбница на развитие науки в России // Россия и Германия в эпоху Петра Великого: исторические и культурные связи: Материалы XIII Международного петровского конгресса, Берлин, 24–25 октября 2019 года / Сост. Д.Ю. Гузевич, А.В. Кобак, В.В. Лихачева. СПб.: Европейский Дом, 2020. С. 258–271.

<sup>49</sup> Образцы подобных учреждений Петр, впрочем, вполне мог видеть и сам во время своих поездок в Европу.

Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описание архивных материалов / Сост. В.Ф. Гнучева; под общ. ред. В.Л. Комарова; отв. ред. Г.А. Князев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 310 с.

*Пекарский П.П.* Переписка Лейбница с разными лицами о славянских наречиях и древностях. По поводу письма Лейбница к Петру Великому, 22 января 1715 г. // Записки Академии наук. 1863. Т. IV. Кн. 1. С. 1–19.

*Пекарский П.П.* История Императорской академии наук в Петербурге. Т. I. СПб.: ИАН, 1870. LXVIII, 774 с.

*Роль Б.* Tabula rasa? Варваров не существует. Знания Г.В. Лейбница о России // Россия и Германия в эпоху Петра Великого: исторические и культурные связи: Материалы XIII Международного петровского конгресса, Берлин, 24–25 октября 2019 года / Сост. Д.Ю. Гузевич, А.В. Кобак, В.В. Лихачева. СПб.: Европейский Дом, 2020. С. 272–281.

*Чучмарев В.И.* Г.-В. Лейбниц и русская культура. М.: Высшая школа, 1968. 48 с.

*Benz E.* Leibniz und Peter der Große. Der Beitrag Leibnizens zur russischen Kultur-, Religions- und Wirtschaftspolitik seiner Zeit // Leibniz zu seinem 300. Geburtstag. 1646–1946 / Hrsg. E. Hochstetter, Berlin: De Gruyter, s. a. [1947]. S. 1–88.

*Böger I.* “Ein seculum... da man zu Societäten Lust hat“: Darstellung und Analyse der Leibnizschen Sozietätspläne vor dem Hintergrund der europäischen Akademiebewegung im 17. und frühen 18. Jahrhundert 2., inhaltlich unveränderte Auflage in einem Band. München: Herbert Utz Verlag, 2002. 502+210 S.

*Grau C.* Petrinische kulturpolitische Bestrebungen und ihr Einfluß auf die Gestaltung der deutsch-russischen wissenschaftlichen Beziehungen im ersten Drittel des 18. Jahrhunderts. Habilitationsschrift. Berlin, 1966. 354 S.

*Guseynov A.A.* Die Bedeutung der Akademie der Wissenschaften für die Entwicklung der Philosophie in Russland // Leibniz heute lesen: Wissenschaft, Geschichte, Religion / Hrsg. H. Nagl-Docekal. Berlin; Boston: De Gruyter; 2018. S. 161–174.

*Hinz W.* Peters des Grossen Anteil an der wissenschaftlichen und künstlerischen Kultur seiner Zeit // Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. Neue Folge. 1932. Bd. 8. H. 4. P. 349–447.

*Lach D., Leibniz G.* The Preface to Leibniz' *Novissima Sinica*. Honolulu: University of Hawaii Press; 1957. 104 p. DOI: 10.1515/9780824890902.

*Posselt M.C.* Peter der Grosse und Leibnitz. Dorpat; Moscau: Severin, 1843. 284 S.

*Richter L.* Leibniz und sein Russlandbild. Berlin: De Gruyter; 1946. 162 S.

*Stieda W.* Die Anfänge der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in St. Petersburg // Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. Neue Folge. 1926. Bd. 2. H. 2. S. 133–168.

*Wittram R.* Peters des Großen erste Reise in den Westen: Hermann Aubin zum 23. Dezember 1955 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1955. Bd. 3. H. 4. S. 373–403.



## «To Ensure the Flourishing of Sciences and Arts in the Huge Empire»: Leibniz's Ideas Concerning the Development of Russia

*VICTOR A. KUPRIYANOV*

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology  
of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch,  
St. Petersburg, Russia;  
e-mail: nonignarus-artis@mail.ru

*GALINA I. SMAGINA*

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology  
of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch,  
St. Petersburg, Russia;  
e-mail: galsmagina@yandex.ru

The article is devoted to the study of new aspects of the history of Leibniz's relations with Russia and Leibniz' plans for its development, which he proposed to Peter the Great. The article analyzes the extensive historiography on this subject and describes all Leibniz' plans and projects in which he deals with the development of science and education in Russia. As an appendix to the article are published the texts of documents that contain Leibniz's projects proposed for the organization of scientific institutions in Russia. The authors draw attention to the main ideas that Leibniz put forward in his projects: the invitation of scientists from abroad, the creation of a centralized institution to which educational, scientific institutions and industrial enterprises should be subordinated, the creation of an integral system of education, the development of ethnographic, geographical, geophysical and linguistic research in Russia, as well as the widest possible spread of education in Russia. The article analyzes the development of Leibniz' proposals on the introduction of science and education in Russia: it shows that the program of Russia's development proposed by him already in the early period was distinguished by integrity and thoughtfulness, and the main ideas were only refined by him over time. The article provides an assessment of the influence of Leibniz's projects on the history of science and education in Russia in the 18<sup>th</sup> century.

**Key words:** Leibniz, St. Petersburg Academy of Sciences, Peter I, education system, philosophy and science, languages of the peoples of Russia.

### References

Aleksandrovskaia, O.A., Shirokova, V.A., Romanova, O.S. (2011). Lomonosov i akademicheskiye ekspeditsii XVIII veka [Lomonosov and academic expeditions in 18<sup>th</sup> century], Moskva: RTSoft (in Russian).

Benz, E. ([1947]). Leibniz und Peter der Große. Der Beitrag Leibnizens zur russischen Kultur-, Religions- und Wirtschaftspolitik seiner Zeit, in E. Hochstetter (Hrsg.), *Leibniz zu seinem 300. Geburtstag. 1646–1946* (S. 1–88), Berlin: De Gruyter, s. a. (in German).

Böger, I. (2002). "Ein seculum... da man zu Societäten Lust hat": Darstellung und Analyse der Leibnizschen Sozietätspläne vor dem Hintergrund der europäischen Akademiebewegung im 17 und frühen

18. Jahrhundert 2., inhaltlich unveränderte Auflage in einem Band, München: Herbert Utz Verlag, (in German).

Chuchmarev, V.I. (1968). *G.V. Leybnits i russkaya kul'tura* [G.V. Leibniz and Russian culture], Moskva: Vysshaya shkola (in Russian).

Ger'ye, V.I. (1968). *Leybnits i yego vek* [Leibniz and his century], t. 1, S.-Peterburg: Pechatnya V. Golovina (in Russian).

Ger'ye, V.I. (1971). *Leybnits i yego vek* [Leibniz and his century], t. 2: Otnosheniya Leybnitsa k Rossii i Petru Velikomu po neizdannym bumagam Leybnitsa v Gannoverskoy biblioteke [The relations of Leibniz to Russia and Peter the Great on the unpublished documents by Leibniz in Hannover library], S.-Peterburg: Pechatnya V. Golovina (in Russian).

Ger'ye, V.I. (2008). *Leybnits i yego vek: Otnosheniya Leybnitsa k Rossii i Petru Velikomu* [Leibniz and his century. The relations of Leibniz to Russia and Peter the Great], S.-Peterburg: Nauka (in Russian).

Ger'ye, V.I. (Publ.) (1973). Sbornik pisem i memorialov Leybnitsa, odnosyashchikhsya k Rossii i Petru Velikomu [The collection of letters and memorials of Leibniz concerning Russia and Peter the Great], S.-Peterburg: Tip. IAN.

Gnucheva, V.F. (Comp.) (1940). *Materialy dlya istorii ekspeditsiy Akademii nauk v XVIII i XIX vekakh: Khronologicheskiye obzory i opisaniye arkhivnykh materialov* [The material concerning history of the expeditions of the Academy of sciences in 18<sup>th</sup> and 19<sup>th</sup> centuries: chronological overviews and description of the archival sources], Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR (in Russian).

Grau, C. (1966). *Petrinische kulturpolitische Bestrebungen und ihr Einfluß auf die Gestaltung der deutsch-russischen wissenschaftlichen Beziehungen im ersten Drittel des 18. Jahrhunderts*, Habilitationsschrift. Berlin (in German).

Guseynov, A.A. (2018). Die Bedeutung der Akademie der Wissenschaften für die Entwicklung der Philosophie in Russland, in H. Nagl-Docekal (Hrsg.), *Leibniz heute lesen: Wissenschaft, Geschichte, Religion* (S. 161–174), Berlin; Boston: De Gruyter (in German).

Hinz, W. (1932). Peters des Grossen Anteil an der wissenschaftlichen und künstlerischen Kultur seiner Zeit, *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. Neue Folge*, 8 (4), 349–447 (in German).

Kaltenbaker, W., Rossius, A.A. (Eds.) (2010). *Gumanisticheskaya nauka po Leybnitsu i naznacheniye akademiy* [Humanistic science according to Leibniz and the vocation of the academies], Moskva; Neapol': MMKh (in Russian).

Kopelevich, Yu.Kh. (1977). Osnovaniye Peterburgskoy akademii nauk [The foundation of the Petersburg academy of sciences], Leningrad: Nauka (in Russian).

Kornetov, G.V. (2016). Proyekty Leybnitsa po rasprostraneniyu v Rossii obrazovaniya i nauki (k 300-letiyu so dnya smerti velikogo nemetskogo myslitelya i prosvetitelya [Projects of G.V. Leibniz on the spread of education and science in Russia (to the 300<sup>th</sup> anniversary of the death of the great German thinker and educator)], *Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal*, no. 4, 99–132 (in Russian).

Kupriyanov, V.A. (2023). Rol' V.A. Leybnitsa v osnovanii Sankt-Peterburgskoy akademii nauk: analiz istoriografii [The role of G.V. Leibniz in the founding of the St. Petersburg Academy of Sciences: analysis of historiography], in Yu.M. Baturin, S.S. Ilizarov, A.L. Kleitman, E.V. Minina (Eds.) *Istoriya nauki i tekhniki: istochniki, pamyatniki, naslediy: chetvertyye chteniya po istoriografii i istochnikovedeniyu istorii nauki i tekhniki. K 300-letiyu Rossiyskoy akademii nauk: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [History of science and technology: sources, monuments, heritage: fourth readings on historiography and source study of the history of science and technology. To the 300<sup>th</sup> anniversary of the Russian Academy of Sciences: materials of the international scientific conference] (pp. 30–32), Ivanovo: PresSto (in Russian).

Lach, D., Leibniz G. (1957). *The Preface to Leibniz' "Novissima Sinica"* (p. 104), Honolulu: University of Hawaii Press. DOI: 10.1515/9780824890902.

Leibniz G.W. (1995). *Sämtliche Schriften und Briefe*, Reihe I: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel, B. 4 (S. 279–289), Berlin: Akademie Verlag (in German).

Leibniz, G.W. (2008). *Sämtliche Schriften und Briefe*, Reihe IV: Politische Schriften. B. 6 (S. 297–303), Berlin: Akademie Verlag (in German).

Lubzhin, A.I. (2014). *Istoriya russkoy shkoly imperatorskoy epokhi* [History of the Russian school of the imperial era] (pp. 303–318), Moskva: Nikeya (in Russian).

Massa-Esteve, M.R. (2018). *Vstrechi Petra I i Leybnitsa v 1711, 1712 i 1716 godakh* [Meetings between Peter I and Leibniz in 1711, 1712 and 1716], in D.Yu. Guzevich, A.V. Kobak, M.V. Petrova (Comp.), *Yevropeyskiye marshruty Petra Velikogo: k 300-letiyu vizita Petra I vo Frantsiyu: materialy IX Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa: Parizh — Reyms, 20–22 aprelya 2017 goda* [European routes of Peter the Great: to the 300<sup>th</sup> anniversary of the visit of Peter I to France: Materials of the IX International Peter the Great Congress: Paris — Reims April 20–22, 2017] (pp. 280–291), S.-Peterburg: Yevropeyskiy Dom (in Russian).

Massa-Esteve, M.R. (2020). *Vliyaniye vzaimootnosheniy Petra I i Leybnitsa na razviriye nauki v Rossii* [The influence of the relationship between Peter I and Leibniz on the development of science in Russia], in D.Yu. Guzevich, A.V. Kobak, V.V. Likhacheva (Comp.), *Rossiya i Germaniya v epokhu Petra Velikogo: istoricheskiye i kul'turnyye svyazi. Materialy XIII Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa: Berlin, 24–25 oktyabrya 2019 goda* [Russia and Germany in the era of Peter the Great: historical and cultural ties: Materials of the XIII International Peter the Great Congress, Berlin, October 24–25, 2019] (pp. 258–271), S.-Peterburg: Yevropeyskiy Dom (in Russian).

Pekarsky, P.P. (1863). *Perepiska Leybnitsa s raznymi litsami o slavyanskikh narechiyakh i drevnostyakh. Po povodu pis'ma Leybnitsa k Petru Velikomu, 22 yanvarya 1715 g.* [Correspondence of Leibniz with various persons about Slavic dialects and antiquities. Regarding Leibniz's letter to Peter the Great, January 22, 1715], *Zapiski Akademii nauk*, t. IV, kn. 1, 1–19 (in Russian).

Pekarsky, P.P. (1870). *Istoriya Imperatorskoy akademii nauk v Peterburge* [History of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg], t. 1, S.-Peterburg: Tip. IAN (in Russian).

Posselt, M.C. (1843). *Peter der Grosse und Leibnitz*, Dorpat; Moskau: Severin (in German).

Richter, L. (1946). *Leibniz und sein Russlandbild*, Berlin: De Gruyter (in German).

Roll', B. (2020). *Tabula rasa? Varvarov ne sushchestvuyet. Znaniya G.V. Leybnitsa o Rossii* [Tabula rasa? Barbarians don't exist. Knowledge of G.V. Leibniz on Russia], in D.Yu. Guzevich, A.V. Kobak, V.V. Likhacheva (Comp.), *Rossiya i Germaniya v epokhu Petra Velikogo: istoricheskiye i kul'turnyye svyazi. Materialy XIII Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa: Berlin, 24–25 oktyabrya 2019 goda* [Russia and Germany in the era of Peter the Great: historical and cultural ties: Materials of the XIII International Peter the Great Congress, Berlin, October 24–25, 2019] (pp. 272–281), S.-Petersburg: Yevropeyskiy Dom (in Russian).

Stieda, W. (1926). *Die Anfänge der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in St. Petersburg, Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. Neue Folge, 2* (2), 133–168 (in German).

Wittram, R. (1955). *Peters des Großen erste Reise in den Westen: Hermann Aubin zum 23. Dezember 1955, Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge, 3* (4), 373–403 (in German).

## Приложение

В Приложении публикуются четыре записки, составленные Лейбницем и адресованные Петру и его сподвижникам. Первая записка, составленная на французском языке, переведена В.А. Сомовым. Вторая записка переведена с немецкого Г.И. Смагиной и И.Ю. Тарасовой. Третья записка переведена с немецкого Г.И. Федоровой и В.А. Куприяновым. Четвертая записка переведена с немецкого Т.Н. Кладо, отредактирована и сверена с оригиналом В.А. Куприяновым. Переводы выполнены по: Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому / Авт. предисл. и изд. В.И. Герье. СПб.: Тип. ИАН, 1873. С. 14–19, 95–99, 348–360, 364–369. Публикуемый текст первой записки имеется в бумагах Лейбница на двух языках: французском и немецком. Немецкий текст меньше — он оканчивается после перечисления семи пунктов необходимых реформ. Очевидно, что два варианта одной записки предназначались для разных адресатов.

### I

#### Записка Лейбница для Лефорта (?)

Я не вижу более прекрасного замысла, который может появиться у Великого Государя, чем намерение сделать свою страну процветающей и возделывать до совершенства сад, который ему доверил Господь. Великий царь Русских проявляет необычайный взлет своего Гения, своей храбрости и героизма не только в делах войны, но и в правлении, составляя и претворяя в жизнь замыслы, о которых не один из его предшественников не осмеливался и думать. Он даже идет далее потребностей своей собственной страны и, не довольствуясь тем, чтобы дать своим народам усовершенствования, которых им не хватало, он помышляет о всеобщем благе Христианского мира, воодушевляя других выступить против общего врага<sup>1</sup> с помощью одного из самого торжественных Посольств<sup>2</sup>, поддерживая их своими великими силами и весьма успешно<sup>3</sup>. Значение этого тем больше, что нужда безотлагательна, и есть основание думать, что без этого вмешательства наши дела в Венгрии приняли бы плохой оборот. Таким образом, у нас есть основания молить Господа, чтобы он сохранил этого Великого Государя, находящегося еще в расцвете лет, для завершения того, что он начал с такой славой. И поразительное событие, выборы в Польшу<sup>4</sup>, дает нам великую надежду, что Господь намеревается усмирить Османцев и изгнать Магометанство по крайней мере из Европы.

Кажется, что удивительное предопределение, или скорее воля Провидения, присутствует в том, что одновременно на Севере, на Востоке и на Юге три величайших Монарха имеют намерения схожие и весьма удивительные. Нам известно, что кроме царя Петра Алексеевича, верховного Властителя Русских а также почти всего Севера, Монарх Китая и восточной Тартарии Канси (Cam-hi Amalogdo-Chan) и Иясу Адыам Сагод, король Абиссинцев, который также совершил великие заво-

<sup>1</sup> Имеется в виду Османская империя. Здесь и далее подстраничные примечания, кроме специально оговоренных случаев, принадлежат публикаторам.

<sup>2</sup> Великое посольство Петра I.

<sup>3</sup> Взятие крепости Азов в июне 1696 г.

<sup>4</sup> Избрание польским королем саксонского курфюрста Фридриха Августа I 27 июня 1697 г.

евания на землях своих соседей-варваров, они все возымели намерения, которые превосходят многие замыслы их предков, о чем мы узнаем как благодаря новым донесениям из Китая, где Христианство только что дозволено и поддержано монаршим указом, так и благодаря посольству Абиссинцев в Батавию в 1692 г. Царь и Король Абиссинцев оба христиане и противники Турков, граничащие с ними, хотя и очень удалены друг от друга. А Царь и Монарх Китайцев граничат между собой; они оба необычайно стремятся привлечь в свои страны науки, искусства, добропорядочные нравы, особенно из нашей Европы; они могут оказать друг другу помощь и принять взаимные обязательства в этом отношении.

Теперь я хочу говорить только о том, что служит этому намерению, оставляя в стороне то, что касается государства, войны, торговли и мореплавания; хотя на самом деле ничто не является более важным для всего этого, как науки и искусства. Кажется, что для того, чтобы перенести их в Россию, согласно намерению Царя, было бы полезно особо поручить некоторым персонам это дело и написание общего проекта, который состоит из следующих двух частей: привлечь все, что есть хорошего у иностранцев, получить, насколько это возможно, всех блестящих и умных людей, редкие и полезные вещи; а также у себя следует воспитывать людей и развивать страну и все, что зависит от этого.

Можно воспитывать людей как посылая их путешествовать, так и обучая их у себя. А можно развивать страну, близко знакомясь со всем, что в ней есть и чего нет, и стараясь восполнить то, чего ей не хватает. Итак, вот несколько статей, в которых заключается все, что нужно делать.

1. Создать основное учреждение для наук и искусств<sup>5</sup>.
2. Привлечь способных иностранцев.
3. Привезти из-за границы вещи, которые этого заслуживают.
4. Посылать, с надлежащими предосторожностями, подданных в путешествие.
5. Просвещать людей у себя.
6. Составить точные описания страны, чтобы узнать ее нужды.
7. Восполнить то, чего ей недостает.

Возможно, будет полезно сказать несколько слов о каждой из этих статей.

*Во-первых*, создание основного учреждения требует составить общий проект, предназначенный персонам, избранным для его исполнения, а также иметь надлежащие средства.

Проект должен содержать пространное описание необходимых дел, из которых здесь перечисленное является лишь самым началом. Избранные персоны, особенно главные среди них, должны быть всецело погружены в науки и искусства, иметь возвышенный ум, беспристрастно стремящийся к пользе больше, чем к славе, они должны быть прилежными и деятельными, иметь обширную переписку и знакомства. Что касается средств, их величина и способы получения зависят полностью от доброй воли Царя. Между тем хорошо бы помнить, что время является самым ценным из всего, что существует на свете, за него никогда нельзя заплатить слишком много, и, таким образом, лучше вести дела с решительностью, чем растягивать их надолго, проявляя слишком большую осторожность. А промедление может породить тысячу препятствий, кроме того, если мы будем слишком медлить, не мы, а наше потомство вкусит плоды этих дел.

<sup>5</sup> В оригинале: “un Établissement General pour les Sciences et Arts”.

*Во-вторых*, чтобы привлечь иностранцев, нужно отменить или изменить законы, которые могут их оттолкнуть или отвратить, и особенно тот, который препятствует им свободно приезжать и уезжать. Так как, если с ними хорошо обращаются, вместо одного уехавшего приедут десять других. Следовательно, нужно даровать им некоторые привилегии и преимущества, как в отношении их жилья, содержания, правосудия, охраны, торговли, так и обустроить почтовые станции и экипажи, чтобы привезти или увезти обратно их самих, их имущество и прочий скарб. И нужно обсудить, не будет ли кстати определить для них некоторые особые места, чтобы устроить там колонии.

*В-третьих*. Иностранцы, которые можно было бы привозить, это книги и наставления по всякого рода предметам, диковинки, редкости и красивые вещицы, которые можно взять за образец подражания и распространять внутри страны. Так, нужны библиотеки, книжные лавки и типографии, кабинеты редкостей природы и предметов искусства, аптекарские сады и зверинцы, животные, склады всякого рода вещей и мастерские для всяких работ. Книги, как печатные, так и рукописные, содержат сокровища человеческого знания о всякого рода предметах, поскольку знания утверждаются и передаются от человека к человеку и даже потомству посредством письма и особенно печати. Таким образом, не нужно ничем пренебрегать, поскольку человеческая память не может обеспечить всего без этой поддержки.

Кабинеты должны содержать все значительные вещи, которые можно уместить в небольшом пространстве, и образцы редкостей природы и искусства. Что касается природы, особенно там нужны камни, металлы, минералы, растения живые и искусственные, животные мумифицированные и забальзамированные, скелеты, а также живопись и другие изображения того, что нельзя получить в оригинале.

Редкости, созданные искусственно, могут представлять собой рисунки, модели и образцы всякого рода прекрасных изобретений, математических инструментов, пробирок (*tuvaux*), зеркал, стекол, часов, картин, статуй и прочих скульптур, медалей и прочих древностей, одним словом, все, что может передавать знания и доставлять удовольствие; кроме предметов, которые можно заключать в кабинеты, нужно, чтобы имелись предметы в натуральную величину; чтобы создали сады для всяких растений, цветов, трав и деревьев, которые страна может содержать в оранжереях, а также, с помощью других средств, сохранить их зимой. Нужны также зверинцы и садки для рыбы, пруды и вольеры, чтобы содержать всякого рода животных, птиц и рыб. Также следует искать и разводить в стране растения и животных, которые для нее свойственны. Склады будут содержать множество других снадобий и веществ, разложенных по порядку и бережно сохраняемых. И, наконец, будет множество обсерваторий, мельниц, лавок, мастерских, рабочих домов, которые будут содержать всякого рода машины и изобретения, действительно введенные в действие.

*Четвертое*. Русские могут путешествовать как из любознательности, так и по торговым или служебным делам. Путешествия из любознательности подходят как вельможам, так и ремесленникам, которые хотят совершенствоваться. Действительно, последние в этом нуждаются меньше, если они хорошо обучены у себя в стране. Иногда не всех из них будут отправлять путешествовать. Служебные путешествия, такие как посольства, устроены иначе; коммерческие путешествия могут быть по морю и по суше; по морю плавают в соседние или дальние земли, либо на иностранных кораблях, либо на своих, либо в составе эскадры и флота, либо неза-



висимо; для обычной торговли либо для создания учреждений и колоний; по земле путешествуют либо каждый отдельно, либо караваном, по Европе, Персии, Индии или на север Китая<sup>6</sup>. При всем этом нужно очень позаботиться, чтобы достоинства и преимущества иностранных земель были привнесены, насколько возможно, не смешиваясь с их пороками. Чтобы не восприняли ни плохих навыков, ни губительных правил, противоречащих долгу почитать Господа и повиноваться Монарху.

*Пятое.* Просвещение народа внутри страны включает основание школ и Академий как для наук и художеств, так и для телесных упражнений, для чего нужно выбрать хороших преподавателей, которые заботятся о том, чтобы вести детей и юношество по пути добродетели, так же как и науки. Для этого им нужно дать указания, создать книги специально для них и для учеников, обеспечить книгами, инструментами и возможностями их применять. Будет хорошо также, если те, кто должен стать учеными, изучат историю, математику и языки, особенно еврейский, латинский, греческий и тевтонский, но особенно латинский, который ныне вмещает...<sup>7</sup>

*Шестое.* Точные знания о стране требуют, чтобы распорядились составить карты, чтобы указали на языки, обычаи и занятия людей, чтобы изучали то, что страна производит и что могла бы производить. Чтобы составить карты, нужно послать инженеров изучать высоты, долготы и отклонения магнитной стрелки, обследовать побережье, особенно на Северо-Востоке, насколько это возможно, чтобы установить, соединяется ли Азия с Америкой, или можно пройти меж ними, обозначить малейшие реки и другие естественные преграды, качество земли, число людей. Судя по обычаям, можно понять язык людей, их религию, их порядки, то, чем они занимаются; основной заботой должно быть отвлечение их от безрассудства, от нечестивости и лени. Касательно самой страны, таможенные реестры могут служить для осведомления о том, что она производит, но нужно изучить еще и то, что можно было бы производить, если пользоваться этим как следует и если бы люди были предприимчивы; об этом можно судить по земле, по климату, по животным и растениям, которые там существуют, по тому, что делается у соседей, и некоторым опытам, способным дать эти сведения.

*Седьмое.* Так, чтобы восполнить то, чего не хватает стране, можно посеять зерно и другие травы, посадить полезные деревья, привезти животных, чтобы развести их здесь, открыть железные и каменные рудники, обустроить стекольное производство, кузницы и другие мастерские, обучить людей из удаленных провинций строить, охранять порядок, возделывать землю, владеть стадами животных, заниматься полезным трудом, строить каналы для перевозки продуктов и для осушения болот. Наконец, обустроить всякого рода полезные предприятия, которые существуют в других местах и которым можно подражать и даже совершенствовать. Но, так как все нельзя делать одновременно, нужно стараться делать вещи по порядку, выбрать наилучшее и всемерно развивать, насколько это возможно.

<sup>6</sup> В Китай? — Cathay.

<sup>7</sup> Предложение не закончено. (Прим. В.И. Герье.)

## II

**Черновая записка о введении образования в России, составленная Лейбницем***Декабрь 1708*

1) По просьбе господина царского полномочного представителя я изложил на бумаге несколько мыслей о начале настоящих занятий науками в великой империи его царского величества, так как для меня нет ничего приятнее, чем иметь возможность способствовать общему благу и улучшению людей во славу Божию, тем более что империя этого монарха охватывает большую часть земного шара, а именно север нашего полушария. Я также придерживаюсь мнения, что, поскольку эта империя для большинства еще является *tabula rasa* и, так сказать, «новым горшком», еще не принявшим посторонний вкус, то многие ошибки, закравшиеся у нас, можно предотвратить и исправить, тем более что все это проходит через голову мудрого государя и таким образом может достичь должного настроения и гармонии, подобно городу, который был построен сразу, по его собственному плану, тогда как старые города, которые растут постепенно, обычно строятся беспорядочным образом.

2) Истинная цель научных исследований — человеческое счастье, это, так сказать, постоянное удовольствие, насколько это возможно, полезное людям, а именно для того, чтобы они жили не в праздности и роскоши, а благодаря незапятнанной добродетели и праведному познанию, чтобы каждый соответственно своему таланту способствовал славе Божией и общему благу.

Средством, способным вывести людей на этот путь добродетели и счастья, является хорошее воспитание молодежи; если уж посредством воспитания можно творить чудеса даже с животными, то с людьми, которых Бог наделил бессмертной душой и создал по своему образу и подобию, можно достичь намного большего. И молодежь можно приучить получать радость и удовольствие от добродетели и науки; с другой стороны, стариков, не воспитанных таким образом, следует удерживать от зла страхом наказания, и с ними должно проявлять терпение, а иной раз не обращать внимания на некоторые вещи.

3) Я не хочу сейчас более распространяться о наставлении юношества к добродетельной жизни, потому что это требует специальных действий, а обращаюсь к наукам и искусствам и, одним словом, к тем наставлениям, из которых научные исследования являются самыми возвышенными.

Введение искусств и наук имеет два аспекта, во-первых, их преподавание, а во-вторых, распространение их в царских землях.

4) Преподавание искусств и наук происходит посредством привлечения людей, хорошо разбирающихся в них, и путем приобретения необходимых предметов, которые состоят преимущественно из книг, объектов природы и произведений искусства. Кроме того, необходимы библиотеки, *theatrum naturae et artis* (под которым понимаются кабинеты искусств и раритетов), сады животных и растений, обсерватории, лаборатории.

5) Что касается привлечения полезных и способных людей, то я не сомневаюсь, что уже нашлось много отважных людей, но и что немалое количество захочет уехать; в любом случае необходимы определенный порядок, понимание, корреспонденция (внутри страны и с зарубежьем), а также связь между ними и управление, чтобы искусства и науки были достаточно хорошо охвачены, хорошо описаны, также хорошо



преподавались, то есть необходимы правильное общение и определенный метод для поддержания гармонии между различными науками и их учителями, чтобы учения были связаны между собой и не противоречили друг другу, а, наоборот, поясняли друг друга.

Библиотека никогда не может быть ни слишком большой, ни слишком хорошо укомплектованной, потому что даже в маленьких книгах часто есть что-то хорошее, чего нельзя найти в лучших; но если мы хотим действовать постепенно, то начинать следовало бы с самых нужных <книг>, и я бы определенно подумал, что из всех материалов следует приобрести что-то избранное, но в первую очередь в достаточном количестве книги о реалиях, под этим я понимаю: 1) математику, включая механику (под которой также имеются в виду астрономия и география, навигация, военное дело и архитектура), 2) физику (Physicam) соответственно трем царствам природы, а именно минералы, растительный и животный миры (сюда относятся также сельское хозяйство, а также горное дело, химия, ботаника, анатомия, медицина, включая все виды естествознания) и, наконец, 3) Historiam (история), в которой содержится толкование времен и мест, с изложением подробностей (rerum singularium expositio) (сюда следует отнести описания королевств и событий, государств и стран, а также государственные мемуары и особенно маршрутные листы или путевые книги).

Хотя латинские книги составят, вероятно, большую часть, но не следует забывать и об избранных немецких, английских и голландских, французских и итальянских книгах, так как в них можно найти важные вещи, особенно практические, которые тщетно искать в латинских книгах. Имеющиеся в печатном виде греческие <книги> я отнесу к латинским, потому что у большинства из них есть латинский перевод. Помимо славянских не следует совершенно игнорировать арабские, персидские, турецкие и китайские книги и вообще следует обратить внимание еще на некоторые всякого рода хорошие старые и новые рукописи. Но особенно важно собрать воедино гравюры на меди и другие фигуры, на которых изображены свойства природных и искусственных вещей, а также человеческие замыслы и идеи.

Многое можно было бы сказать об организации Theatro Naturae et Artis и о соответствующем оборудовании, об организации кабинетов, кунсткамер и оружейных палат, галерей антиквариата, скульптур и живописи, вивариев (или помещений для животных), ботанических садов (или оранжерей), макетных и других мастерских, арсеналов, строительных дворов и о том, что они могут использоваться не только для обычных целей, но и для совершенствования искусств и наук, поскольку в них представлено то, что есть в природе, и при этом в более предметном виде, чем в книгах и рисунках, которые дают лишь общее представление. Но это требует специальных действий, а сейчас достаточно напомнить, что в этом деле не может быть слишком много прилежания и что нельзя упускать из внимания ничего, что может оказаться полезным.

Необходима также лаборатория, в которой хорошие химики и художники фейерверков, умеющие обращаться со всем необходимым для создания фейерверков. Такая лаборатория имела бы определенную связь с аптеками и медициной, горным оборудованием и монетным и пробирным делом, а также обработкой металлов, включая плавильные и стекольные заводы, и даже с самой артиллерией, и хотя о получении золота не стоит помышлять ни в малейшей степени, все же там можно было бы проводить всевозможные красивые эксперименты и с их помощью не только

познавать и исследовать природные тела, но и различать, улучшать и умножать их, при этом огонь следует считать самым важным ключом [познания] тел.

Что касается обсерватории, то следует знать, что география и мореплавание получили величайший свет от астрономических исследований и каждый день получают и ожидают от них еще больше усовершенствований. А так как великая Российская империя, как упоминалось выше, занимает значительную часть поверхности Земли, а астрономические наблюдения до сих пор можно считать целиной, потому что в настоящее время сделано еще мало надежных наблюдений, то путем принятия мер для улучшения астрономических наблюдений Его Царское Величество мог бы зажечь новый свет для мореплавания и географии, заслужить признательность рода человеческого и принести огромную пользу самой своей империи, к тому же такая империя и торговля с ней поможет установить невероятно выгодную связь Азии и самого Китая с Европой.

До сих пор мы говорили о том, что необходимо для развития искусств и наук. Теперь уместно обсудить их распространение, чтобы они по настоящему могли пустить корни в великой Царской Империи и со временем достичь значительного расцвета; но это требует более глубокого изучения положения дел, в том числе земель и населения; но можно уже заранее сказать, что для этого требуется учреждение представительной, полномочной коллегии, которой будут подчиняться высшие и низшие школы, научные учреждения, а также книжное дело, типографии и переводы и цензура книг, а также художники и ремесленники с самими произведениями искусства.

Наконец, следует упомянуть, что, хотя нынешняя Северная война может привести к задержке реализации этого хорошего проекта, и поскольку это может случиться в любой момент, не следует откладывать приобретение многих вещей, потому что сейчас, во время начавшихся войн, редкости из Франции и других мест можно приобрести вполупривилегии дешевле, чем в другие времена, когда люди находятся в менее стесненных условиях, а некоторые из редкостей, возможно, не будут продаваться.

[На полях первой страницы приписано:]

О проекте в целом и его преимуществах в царской империи § 1.

Настоящие научные исследования включают в себя, в частности, и воспитание молодежи, направленное на развитие добродетелей § 2, а также в обучении искусствам и наукам.

Последнее требует их преподавания и распространения § 3.

Преподавание включает в себя привлечение сведущих людей § 4 и в приобретении необходимых предметов, а именно книг, фигур и вместилищ для натуральных и искусственных вещей § 5.

Для книг необходимы библиотеки, в них должны быть [книги], по реалиям, то есть по математике и механике, физике и экономике, медицине, истории и политике, на разных языках, книги и рукописи, а также собрания гравюр, § 6.

Вместилищами являются кабинеты редкостей, ботанические и зоологические сады, мастерские § 7. Сюда же относятся лаборатория § 8, обсерватория § 9.

Распространение преподаваемых искусств и наук, чтобы они могли укорениться в стране, обеспечивается прежде всего хорошим руководством § 10.

### III

#### Черновая записка Лейбница о введении образования и наук в России

После того, как Его Царское Величество поручил мне помогать ему в делах науки моим скромным советом, я старался как письменно, так и устно через министров предлагать свои служебные услуги и ждать приказа; я провел уже полезное исследование русских древностей, и среди прочего показал, что гунны и Аттила<sup>8</sup>, собственно говоря, вышли из русских земель и говорили на славянском языке, как я установил по древним памятникам (*monumentis*), где говорится об Аттиле и его дворе.

И, так как также и Его Царское Величество через великого канцлера устно указал мне, что они в делах, касающихся законов и прав, хотят иметь в моем лице тайного советника юстиции, я стал обдумывать, как лучше устроить судопроизводство, чтобы найти золотую середину между старым судебским произволом и губительной многоречивостью европейского судопроизводства, которое в общем классифицируется у народов с помощью писаных законов и учености под предлогом лучшего их исследования, что со временем произойдет и в России, если это не предотвратит. Что касается наук, то ими лучше, конечно, заниматься в мирные времена. После того, как Его Царское Величество не в своей стране и не на ее границах, а в отдаленных местах ведет удачные и победоносные войны, то нет причин пренебрегать прекрасным правилом, в соответствии с которым, занимаясь необходимыми делами, не следует забывать и о делах полезных, памятуя о том, что время есть для человека величайшая ценность.

Улучшение искусств и наук в большой империи включает в себя следующее: 1) создание для этого служебных подразделений (*Bereitschaften*); 2) обучение людей тому, что науке уже известно; 3) обнаружение новых знаний.

Создание подразделений состоит в обеспечении книгами, кабинетами, инструментами, театрами природы и искусства (*theatro naturae et artis*).

К обеспечению книгами относятся библиотеки, книжные магазины и типографии. По поводу библиотеки я полагаю, что такой великий монарх, каким является Царь, должен стремиться создать такую полную библиотеку, насколько возможно, тем более что еще долгое время в его империи будет совсем немного библиотек. Как ныне король Португалии, на противоположном краю Европы, в стране которого также отсутствуют иностранные книги, повелел создать ценную библиотеку.

Такая библиотека должна состоять из рукописей и печатных книг, и я не сомневаюсь, что Его Царское Величество сможет получить многие еще неизвестные в Европе рукописные издания из Греции, Турции и Персии.

Также такая библиотека должна содержать в себе фигуры из дерева и гравюры в большом количестве, как в Королевской французской библиотеке, где находятся 100 экз. только фигур и чертежей, там же представлено на обозрение все, что можно выразить словами. В наличии должны быть книги на разных языках, славянском, немецком, латинском, и на европейских живых языках, таких как английский, французский, франко-швейцарский (*welsch*), испанский, а также греческий, литературный и вульгарный еврейский, арабский, сирийский, халдейский, эфиопский, коптский, армянский и даже китайский. Однако большая часть должна быть на латинском языке. К такой главной библиотеке относятся все книги, которые были

<sup>8</sup> Аттила (?–453), вождь гуннов.

созданы до изобретения типографии, а именно, не только древние греческие и латинские, но и другие, как, например, труды, взятые из времен готского варварства; те считаются древними, а эти — средневековыми (*medii aevi*). Количество этих сделанных до книгопечатания книг небольшое, но таковые должны сохраняться по причине общей эрудиции.

Также такая главная библиотека должна быть так составлена, чтобы в ней можно было найти как можно полную информацию по всем историям, странам, языкам, естественным и художественным вещам, торговле, наукам, питанию и жизненно важным профессиям, а также всю сокровищницу человеческих знаний, которые скрыты в трактатах.

За библиотекой следует кабинет (*Cabinet*), в котором должны находиться старые и новые медали, как основание и укрепление истории, остатки римских, греческих, еврейских, китайских и других антикварных вещей, всевозможные раритеты из трех царств природы, а именно, виды минералов, камни, руды, растения, насекомые и другие дикие животные, также всевозможные художественные картины, скульптура и оптические, астрономические, архитектурные, военные, навигационные, механические и другие изобретения. Сюда же я отношу всевозможные инструменты, которые нужны строителю, инженеру, механику, астроному и которые не занимают много места, чтобы их можно было показывать в кабинете.

Для создания рассматриваемой библиотеки и соответствующего кабинета настоящее время кажется очень удобным, так как во Франции и других местах еще не полностью оправались от большой войны, к тому же некоторые из богатых военных при настоящем расследовании вынуждены распродавать свои раритеты.

Театр природы и искусства (*Das Theatrum Naturae et Artis*) включает в себя нечто большее; а именно, к нему относятся гроты, в которых можно увидеть всевозможные виды минералов, орнаменты из раковин (*Muschelwerke*), сады — в них многочисленные виды деревьев, кустарников, кореньев, трав, цветов и фруктов, и, наконец, зоопарк и виварий, там можно увидеть живых водоплавающих животных, птиц и рыб, вместе с театром анатомическим, где следует показывать скелеты животных.

К театру искусств относится все то, что требуется для обсерватории, лаборатории, арсенала, склада, где должны находиться модели всевозможных полезных изобретений достаточного размера, особенно всевозможные мельницы, подъемники, водопроводные станции, а также многие виды машин, используемых для горных выработок.

Мы говорили о материальной части (учреждениях). Теперь перейдем к видам и способам обучения людей. К ним относятся школы для детей, университеты и академии для молодежи и, наконец, научные общества (*Societäten der Wissenschaften*) и им подобные учреждения для тех, кто ушел далеко вперед и нацелен на дальнейшее усовершенствование.

Требующиеся школы для детей должны делиться на школы благонравия, языковые и художественные (*Tugend-Sprach und Kunstschulen*). Школы благонравия [необходимы], чтобы дети привыкали к страху перед Богом, добру, послушанию, благопристойности. — Языковые школы, чтобы ремесленники и другие, говоря на славянском языке, который нужен для торговли, учились бы также латыни и немецкому; при этом они должны изучать немного греческий, а также французский и франко-швейцарский (*welsch*), наряду с этим священников нужно обучать главным образом еврейскому языку, и, наконец, чтобы добиться высоких духовных и свет-

ских должностей, следует в совершенстве овладеть греческим языком и, в некоторой степени, арабским, не говоря уже о переводчиках.

Школы для детей, как задумано, должны быть школами благонравия (Tugend), языковыми школами и школами искусств, в них дети должны изучать основы искусств и наук. Школы искусств должны быть одновременно школами, где дети изучают катехизис, как извлечения из Священного Писания, далее немного из логики или искусства умозаключения, музыку, счет, рисование, частично столярное и токарное дело, землемерное дело и домоводство наряду с основами обращения с оружием и верховой ездой; все это в соответствии с характером и наклонностями каждого учащегося.

Для таких школ могли бы использоваться некоторые монастыри или особые школы при них (Stifter), где мальчики могли бы воспитываться по желанию в должной дисциплине и под надлежащим надзором. Как известно, с древности школы были главным образом при монастырях и церквях, при создании которых обращалось много внимания на воспитание. И в этих заведениях (hohen Stiftern) соборные смотрители (Dom-Scholaster) вели надзор за школами.

Дети, посвятившие себя ремеслу или торговому делу, могли бы в возрасте 12 или 14 лет выпускаться из школы и служить у мастера или в торговой лавке учениками, чтобы наблюдать всё самим и не потерять основных знаний, заложенных в школе, и благодаря хорошему распорядку вступить в цехи (Zünfften) или союзы ремесленников (Innungen). Однако те, кто остается учиться дальше и должен быть когда-то призван к обязанностям двора, юстиции, военным или другим обязанностям или должностям, остаются в этих школах до исполнения им 18 лет с тем, чтобы они могли заниматься языками, художествами, науками, физическими упражнениями и дальше совершенствовать добропорядочность и другие добродетели. И тогда вскоре станет ясно, какие из них в том или ином деле наиболее продвинулись, с тем, чтобы их лучше использовать согласно их склонностям.

По истечении этого времени можно было бы их использовать в военном деле, как недавно кадетов во Франции начали посылать в гарнизоны или морские порты, чтобы изучать сухопутную армию (Miliz) и все, что относится к суше и воде, и затем из них выбрать сухопутных или морских офицеров.

Других, посвятивших себя гражданским должностям, можно было бы привлечь в университеты или дворянские академии (Ritterakademien), но они не должны тотчас приобретать неограниченную свободу, как это вредное злоупотребление укоренилось в немецких университетах и академиях и уже два столетия стало обычным даже в некоторых местах за пределами Германии, а жить в коллегиях (Colegiis) или бурсах (Bursis) и находиться под началом и надзором руководства (unter principium oder Bursatorium) до тех пор, пока они не будут способны поступить на службу, жениться и содержать свою семью и вести свое хозяйство.

В таких университетах молодые люди могли бы упражняться в логике (Vernunftkunst) и красноречии и заниматься не только упражнениями (exercitia), диспутами (disputatoria) (хотя и более формально, чем это обычно происходит), но и ораторским искусством (oratoria), как на ученом языке, так и на родном<sup>9</sup>.

Но так как логике лучше всего тренироваться через математику и так как в каждом государстве некоторые члены муниципалитета должны понимать в строитель-

<sup>9</sup> Под ученым языком имеется в виду латынь.

стве, водопроводных станциях и т. п., а каждому хозяину должны быть известны основы земледелия и что к нему относится, то каждый студент чему-то должен научиться у профессора математики и в каждом университете должен быть профессор экономики, опытный в хозяйственных делах и способный передавать свои знания учащимся.

Каждый должен во всем совершенствоваться на своем факультете: духовные лица в теологии, потому что им нужно понимать основные тексты на еврейском и греческом языках, им должна быть известна также история церкви и древние трактаты учителей церкви. В особенности важно было бы сделать большую часть духовных лиц способными к тому, чтобы можно было бы использовать их в качестве миссионеров для распространения христианской религии и обучения народов в дальних владениях Его Царского Величества, поэтому они должны изучать местный язык и обладать всеми добродетелями, терпением, стойкостью и мудростью и учить не только словами, но и своим примером. Эти миссионеры должны бы иметь некоторые знания в математике, медицине и хирургии, что у варваров и других народов поощряется и вызывает уважение.

Юристам, которые должны занять должности судей и вышестоящие административные должности, следует изучать не только коллегияльную практику (*collegiis practicis*), но и наводящие на размышление случаи (*casibus*), законы и обычаи других народов и наставлять в них полицию.

Те, кто хотел бы подняться выше, могли бы изучать для этого публичное право (*jus publicum*) и государственное дело (*Staatssache*), особенно последнего времени, изучать мировую историю, особенно новейшего времени, и <в результате> они могли бы быть способны стать тайными советниками или также послами.

Медики, хирурги и аптекари должны изучать анатомию, ботанику, химию и медицинскую практику и направляться в большие госпитали или больницы и сопровождать там старых опытных медиков и хирургов при обходе больных, а также в аптеки, где можно осматриваться (*umbzusehen*) и присутствовать на приеме посетителей.

Теперь остаются те, кто сами хотят учить других, — им следует на факультете или на каком-либо отделении факультета повышать и совершенствовать знания в своих служебных профессиях, и они не должны, как это часто бывает с профессорами и преподавателями немецких университетов и школ, жить в бедности и пренебрежении, а напротив, профессора университетов и академий должны быть приравнены к высшим должностным лицам при дворах и в столичных городах, а учителя низших школ — к местным уважаемым должностным лицам.

Поэтому высшие школы (а именно, университеты и дворянские академии (*Ritterakademien*)) должны располагаться в больших городах, таких как Москва, Киев, Астрахань и т. д., так как в больших городах теологи могут совершенствоваться в проповедях и исповедях, юристы иметь практику, медики лучше всего могут совершенствоваться в лечебницах (*Siehhausern*) и госпиталиях (*Hospitälern*). Другие школы могли бы быть распределены по монастырям в зависимости от возможностей городов или в особенности сельской местности.

Ну теперь остался еще третий пункт настоящего проекта, а именно, как искусства, науки и человеческие знания поднять на высокий уровень; здесь надо использовать не только вышеназванные подразделения (*Bereitschaften*) вместе с учителями высших и низших школ, но также и всех тех, кому служебные обязанности и дела



дают возможность наблюдать и открывать что-то новое, в особенности [следует использовать] по примеру Англии, Франции и Швейцарии специальные общества способных и склонных к наукам людей.

К такому улучшению и приумножению наук относится не только упорядоченное собрание всего того, что люди уже знают, но и выяснение всего того, что еще неизвестно. То, что люди уже знают, частично уже содержится в письменных текстах, а частично должно быть еще записано.

То из знаний (*Nachrichtungen*) человечества, которое уже записано, должно быть подвергнуто инвентаризации (*inventaria*), систематизации (*systemata*), также должны быть созданы [новые] «Начала наук», или опорные труды (*Kernwerke*).

Инвентарные описи должны быть составлены частично по алфавиту, частично систематизированы; первые были бы словарями (*dictionnaria*), вторые — указателями (*indices reales*). Хотя и имеется большое количество словарей, но еще почти отсутствуют лучшие, особенно технические (*dictionnaria technica*), где термины всех искусств и жизненно важных профессий были бы объяснены не только словами, но также и рисунками.

Я считаю указатели (*indices reales*) намного полезнее, чем словари (*dictionnaria*), так как в алфавитном разделении по именам распределены вещи общие, но оторванные друг от друга, и не всегда можно их понять.

Также я того мнения, что инвентаризация (*inventaria*) должна быть построена по принципу систематизации, которая объясняет соответствующее предмету место словами и рисунками, отсылками к книгам и тем местам, где можно найти все, что нужно знать об этом предмете.

Таким образом, история должна быть изложена по датам, география по странам, науки (*doctrinalia*) по их системе, по тому или иному факультету, науке и искусству. Для лучшего использования должен быть приведен алфавитный индекс (*index alphabeticus*).

Здесь могли бы иметь силу как достоверная история литературы (*historia literaria*), так и полная классическая библиотека (*bibliotheca classica*).

История литературы (*historia literaria*) содержит в себе <сведения о том>, где, когда и при каких условиях были собраны, приумножены и распространены человеческие знания, и пополнена также некоторыми сведениями о жизни тех, кто стал в этом (человеческих знаниях. — *Прим. авт.*) знаменитым, что будет не только данью благодарности за их заслуги, но и послужит стимулом к похвальному стремлению следовать по их пути.

Для создания классической библиотеки следует разместить там Геснера<sup>10</sup>, Фризиуса<sup>11</sup>, Болдуана<sup>12</sup>, Драудиса<sup>13</sup>, Липениуса<sup>14</sup> и других. Но все это еще несовершенно и не должно составляться из Франкфуртского и Лейпцигского каталогов, как частично сделали эти авторы; ибо многие книги указаны, как будто они изданы или

<sup>10</sup> Гезнериус, он же: Конрад Гесснер (1516–1565), швейцарский ученый-энциклопедист.

<sup>11</sup> Фризеус, он же: Фризиус Гемма (1508–1555), нидерландский математик, врач, картограф.

<sup>12</sup> Болдуан, он же: Паулюс Болдуан (первая половина XVII в.), пастор.

<sup>13</sup> Георг Драудиус (1573–1630), немецкий ученый-энциклопедист.

<sup>14</sup> Липениус, он же: Липениус Мартин (1630–1692), немецкий педагог и библиограф.

издаются, но никогда не появлялись, а взяты большей частью из реестров художественных библиотек (schöner Bibliotheken).

Далее следуют систематические каталоги (Systemata), которые должны включать все то хорошее от рода систематизации, что сохранилось во всех книгах, и которой требуют каждая профессия и каждый факультет; для составления такой системы должны выбираться люди, которые стремятся к совершенству, с большими знаниями, рассудительные, старательные и искренние.

Для составления таких систем послужили бы научные журналы (diaria eruditum), которые частично уже есть в наличии, частично могут составляться лучше, когда рецензируются вышедшие книги и в какой-то степени препарируются, как это было начато во Франции, продолжено также в Англии, Германии, Голландии и Швейцарии, почти не отстают в этом и “Acta eruditorum Lipsiensia”<sup>15</sup>.

Нужно начать собирать древние книги, как искони это начал делать константинопольский патриарх Фотиус<sup>16</sup>, в наше время Клерикус<sup>17</sup>, Струвиус<sup>18</sup>, Томасиус<sup>19</sup> и другие.

И не нужно сожалеть, что в России есть собственные люди, способные рецензировать все славянские и другие вышедшие и выходящие в России старые и новые книги.

Только я нахожу, что все такие журналы (diaria) упускают поставленную цель, так как по праву там должно быть указано, чем, собственно говоря, каждая книга содействовала прежнему богатству человеческих знаний и что дала нового и знаменательного. Отсюда тогда следует выбрать то, что можно использовать для полноценной систематизации.

И это все более необходимо, потому что книжное дело почти подходит к бесконечности и ввиду чрезмерного количества книг не покрывает издержек; поскольку посредством печати остаются в наличии большей частью не только старые книги, но ежегодно прибавляется 100, 1000 новых. Вследствие этого часто случается, что хорошие книги ввиду любопытства людей заменяются плохими и много полезных сведений либо теряется, либо остается неизвестным, и, в конце концов, их больше нельзя найти в необозримом лесу многочисленных книг, который может проясниться лишь только через описи (inventaria), выдержки (excerpta) и наконец еще посредством составления полных трудов.

Но так как систематизация — это большая и объемная работа, которая не скоро удастся людям, то следует подумать непосредственно о ее подготовке; такие инвентарные описи следует делать по синтагмам каждой области знаний.

Синтагмы были бы прелюдией к систематизации и разрабатывались бы знающими людьми до тех пор, пока из этого не возникла бы полновесная система.

---

<sup>15</sup> «Лейпцигские записки ученых» (лат.).

<sup>16</sup> Фотиус, он же: Фотий I (820 (827)–896), византийский богослов, Патриарх Константинопольский.

<sup>17</sup> Клерикус, он же: Клерк Якобус, ученый-энциклопедист.

<sup>18</sup> Струвиус, он же: Фридрих Готлиб Струве (1676–1752), немецкий учитель права, энциклопедист.

<sup>19</sup> Томасиус, он же: Христиан Томазий (1655–1728), немецкий философ, юрист, деятель Просвещения.



Поэтому, когда такая синтагма уже создана, было бы целесообразно, чтобы ученые люди такие труды посредством полезного анализа (*Analectorum*) и добавлений (*Additionum*) лучше бы расширяли, чем разрабатывали новые с бесполезными повторениями.

Далее следуют основные труды (*Kernwerke*); такие труды могли бы быть частично специально созданными учебниками (*institutiones*) по области знаний, частично энциклопедиями, в которых содержится собрание (*compendia*) всех областей знаний.

Учебники по каждой области знаний должны составляться компетентными людьми из вышеназванных синтагм или по их методике, где должно рассматриваться все самое полезное и доступное; в качестве полезного то, что хорошо на практике, а в качестве доступного то, что хорошо для теории, чтобы все эти принципы по возможности полнее сохранились в труде и чтобы отсюда путем достаточных рассуждений самим сделать вывод об остальном, что экономит труд и время читателя и придает ему большую уверенность, что не всегда обеспечивается проницательностью, и присоединяется к самым полезным и необходимым выводам этих принципов.

Энциклопедия должна быть универсальной синтагмой, состоящей из комплекса всех областей знаний, должна быть большой, средней и малой. Энциклопедию большую я хотел бы назвать универсальным атлантом (*Atlantem Universalem*), так как она должна быть предусмотрена со многими полезными рисунками и состоять из нескольких томов в ин-фолио большой формы; такого труда пока еще нет, но было бы хорошо его создать посредством уже организованного сообщества.

Средний опус (*opus medium*) мог бы, безусловно, называться энциклопедией, как это попытался сделать Кеккерманн (*Keckermannus*)<sup>20</sup> в своем “*Systemata systematum*”, но лучше привел Альстед (*Alstedius*)<sup>21</sup>; в математических науках могли послужить здесь курсы Эригона (*Herigonii*)<sup>22</sup>, Шотта (*Schotti*)<sup>23</sup> и последние Вольфа<sup>24</sup> (но лучшие и самые новые). Но Альстед писал в те времена, когда люди не шли настолько высоко, как теперь (то есть уровень знаний был намного ниже. — *Прим. авт.*), поэтому большая часть его сочинений в меньшей степени может послужить созданию новой энциклопедии.

Хотелось бы пожелать, чтобы эта средняя энциклопедия была бы написана не только систематически (*systematice*), но и демонстративно (*demonstrative*), и не только демонстративно, но и аналитически; систематически — это в правильном и удобном порядке, а демонстративно — это то, что не указано и требует дельного и подходящего доказательства.

Но для того, чтобы написать аналитическое произведение, требуется, чтобы там можно было найти запись о происхождении каждого изобретения (*origines inventionum*), как люди пришли к открытиям и наукам или как могли бы прийти к

<sup>20</sup> Бартоломеус Кеккерманн (1571–1609), немецкий теолог.

<sup>21</sup> Алстедиус, он же: Иоганн Генрих Алстед (1588–1638), немецкий академик, педагог, энциклопедист.

<sup>22</sup> Геригоний он же: Пьер Эригон (1580 (?)–1643), французский математик и астроном.

<sup>23</sup> Каспар Шотт (1608–1666), немецкий математик и физик.

<sup>24</sup> Христиан Вольф (1679–1754), немецкий ученый-энциклопедист, философ, юрист, математик.

этому, ибо такой учебник служил бы также указателем пути улучшения наук и новых изобретений.

Было бы полезно среднюю энциклопедию сопроводить таблицами, из которых было бы видно устройство и связь между областями знаний и их разделами. Если такие таблицы будут сделаны, то они отлично послужат не только для запоминания, но и для открытий, так как они указывают, что еще отсутствует и какие пробелы надо заменить.

Малая энциклопедия должна быть кратким справочником (*manuale* oder *Handbuch*), который можно носить с собой и в котором есть ядро всех вещей в квинтэссенции. Таких трудов по математике, медицине и физике пока нет, по юридическим наукам недостаточно, по истории и географии немного.

Я того мнения, что следует начать с энциклопедии средней, которая должна быть не такой большой, как труд Альстеда, из которого можно было бы составить краткий справочник (*manuale*) и разработать универсальный большой атлас (*Atlas universalis*).

А теперь следует все те полезные сведения, которыми обладает человечество, но которые еще не зафиксированы на бумаге, а разбросаны как духовная пища среди народов, также внести в записи и одновременно сделать достоянием людей, чтобы они со временем не потерялись. Как многочисленный прекрасный опыт, достоинства и мысли римлян, греков и других народов, из-за отсутствия записей и достаточного описания были потеряны. Многие травы древних народов и сделанные из них лекарства нам неизвестны, так как травы были описаны только одним Диоскоридом<sup>25</sup>, который у нас есть и только оттуда переписывается. И так это также знакомство с...<sup>26</sup>.

Имеющиеся сведения настоящего времени, еще не описанные, попадают у крестьян, ремесленников, охотников, рыбаков, купцов и людей других жизненно важных профессий, но особенно у ремесленников.

Поэтому все профессии, духовные знания и ремесла должны быть описаны опытными и сведущими людьми со всеми подробностями и самым точным образом, не только в одной стране, но и в разных странах, а именно, не только в России, но и в Германии, Англии, Франции, Италии, так как каждая страна имеет свои собственные материалы и свои достоинства. Однако не следует ждать того, что делают другие страны или что они хотят делать, можно начать у себя и точно описать, что уже введено в России.

Можно было бы также послать способных молодых людей, обладающих знаниями и профессиями, в другие страны, чтобы изучать там то, чего у них не хватало в России. И после того, как они сделают свое дело, все сохранить.

И так как языческие и даже варварские народы имеют большие достоинства, и лучшие лекарства изучены у них, то нужно было бы дать задание миссионерам и другим путешествующим их исследовать.

Последние должны быть готовы к новым открытиям, и вследствие чего к приумножению наук, для чего отдаленные земли Российской империи вместе с такими же на границе с Европой и Азией дают превосходную возможность, так как Россия — земля нетронутая (*terra vergine*) и еще недостаточно исследованная, и есть

<sup>25</sup> Педаний Диоскорид (40–90), военный врач, фармаколог, натуралист.

<sup>26</sup> Это предложение не закончено. (*Прим. В.И. Герье.*)

много растений, животных, минералов и других природных явлений, которые еще не описаны.

Распоряжением Его Царского Величества можно разузнать, можно ли обойти на корабле Азию с севера или заканчивается ли внешняя шапка полярных льдов на Америке, которую напрасно искали англичане и голландцы путем опасного морского путешествия.

Последним Его Царское Величество могли бы поспособствовать улучшению кораблевождения, если бы в обширном российском государстве и пограничных с ним землях тщательно исследовались отклонения магнитной стрелки, вследствие чего подошли бы ближе к раскрытию этой тайны. Это поспособствовало бы определению долгот, то есть положения в направлении с востока на запад, или, говоря проще, определению положения корабля в море если не с полной, то с гораздо большей точностью.

#### IV

##### Записка о коллегиях<sup>27</sup>

Светлейший царь, всемилостивейший государь!

Бог, правитель вселенной, незримой рукой мудро и честно правит всем. Подобие власти господней, земные Боги (я имею в виду суверенных монархов) должны строить свое правление по этому образцу, если желают в результате своих трудов пожинать сладостные плоды расцветающего государства. По-видимому, Ваше царское величество достаточно убедились в истинности этого, ибо Ваши достойные похвалы старания устроить наилучшие порядки в стране уже известны всему миру, а результаты этой огромной работы изумляют всю Европу. Это вдохновляет многих людей и побуждает их сделать все возможное, чтобы оказать помощь этой полезной работе. Я признаюсь в том, что принадлежу к числу тех, кто всеподданейше старается сделать все, что возможно, на благо обширного государства Вашего царского величества.

Поэтому я надеюсь, что содержащийся в этой всеподданнейшей записке совет будет понят не как заслуживающая наказания дерзость, а как горячее желание видеть страну Вашего царского величества в состоянии расцвета, и в качестве такового будет всемилостивейше принят Вашим царским величеством, в силу Вашей снисходительности, известной всему миру. В надежде на это я с величайшим уважением покорнейше представляю эти страницы, желая, чтобы Бог с высоты Своего престола благословил устремления Вашего царского величества и на долгие годы сохранил в добром здоровье священную персону Вашего величества на славу государства.

I. Опыт показал, что наилучшим способом государственного устройства является учреждение коллегий.

II. Такие коллегии могут быть удобно разделены на главные и побочные.

---

<sup>27</sup> Текст этого документа был впервые опубликован в: *Posselt M.C. Peter der Grosse und Leibnitz. Dorpat; Moscau: Severin, 1843. S. 226–232.* Авторство этого текста Лейбница у некоторых исследователей вызывает сомнения, так как он написан не рукой Лейбница. Перевод, выполненный Т.Н. Кладом, хранится в: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 150. Оп. 1. Д. 17. Л. 267–272.

III. Ибо подобно тому, как в часовом механизме одно колесо приводится в движение другим, в огромном часовом механизме государства одна коллегия двигает другую, и если все в этом механизме гармонично и приведено в точный порядок, то результат может быть только один: стрелка разума будет показывать стране часы процветания.

IV. Часовые механизмы бывают различные: одни содержат больше колес, другие — меньше. Подобно этому различны и государства и нельзя точно указать, сколько коллегий требуется каждому из них.

V. Государству Вашего царского величества для начала понадобятся, как главные колеса государственного механизма, следующие 9 коллегий:

I. Государственная коллегия.

II. Военная коллегия.

III. Финансовая коллегия.

IV. Полицай-коллегия.

V. Юстиц-коллегия.

VI. Коммерц-коллегия.

VII. Коллегия по делам религий.

VIII. Ревизионная коллегия.

IX. Коллегия по научным делам (Ein Gelehrt-Collegium).

VI. Каждая из этих коллегий требует отдельного описания:

1. Из каких лиц должна состоять данная коллегия.

2. В чем состоит их должность и занятия.

3. Какую пользу они принесут Вашему царскому величеству и стране.

VII. Здесь я опишу по этому методу только последнюю, то есть коллегию по научным делам, и если это удовлетворит Ваше царское величество, то я готов по всемилостивейшему приказу всеподданейше описать и другие, за исключением государственной и военной.

VIII. Что касается лиц, составляющих эту коллегию, то они должны знать свой предмет не поверхностно, а весьма основательно, ибо дилетанты не принесут никакой пользы. Так, архитектор должен быть на уровне, достигнутом современной архитектурой, что в равной мере относится к медикам, механикам, историкам и т. д.

IX. Их должности и обязанности должны состоять в нижеследующем:

1. Излагать в научных трудах, пользуясь наилучшим методом, свои знания и повседневно совершенствовать их, способствуя этим новым научным открытиям.

2. Заботиться об образовании молодежи и об обучении ее всем полезным дисциплинам.

3. Молодых людей, предназначенных для отправки за границу, подвергать испытанию с целью установить, к какому делу каждый из них наиболее способен, докладывать о результатах Вашему величеству, после чего всемилостивейший приказ пояснит, для какой конечной цели каждый из них отправляется в чужие страны.

X. Польза этих мероприятий состоит в следующем:

1. В стране будет безоговорочно ликвидировано невежество.

2. В сомнительных случаях можно в такой коллегии получить совет.

3. Иностранцев будет привлекать страна, где так много образованных людей.

4. Молодежь будет возвращаться из чужих стран с полезными знаниями, что сократит расходы Вашего величества (на приглашение иностранных специалистов).

5. Ваше величество получит собственных специалистов по всем отраслям знания и, может быть, даже лучших, чем те, которые приглашаются из различных городов Европы.

XI. А для того, чтобы давать в собственной стране хорошее образование молодежи, необходимо основать академию.

XII. Для этого необходимо:

1. Большое и хорошо устроенное здание, где жили бы профессора, то есть наставники, и остальной персонал.
2. Хорошая библиотека.
3. Типография.

XIII. Молодежь должно обучать следующим предметам:

Познанию Творца и Его творения. Для познания того и другого мы должны располагать Божьим откровением, которое дано нам в Священном Писании, отсюда следует:

**Теология.**

XIV. Которая, однако, состоит не в бесполезных спорах и диспутах по поводу пустых церемоний, которые отнюдь не служат Богу, а истинной любви к господу и к своему ближнему.

XV. Творения Божьи являются либо духами (Geister), чем занимается **Пневматика**, либо имеющими только тело.

Первые — либо я, либо другие люди. Я должен познать самого себя — свое тело и свою душу.

Душа располагает двумя главными силами — разумом и волей.

Тому, что есть разум и его ошибки, как его можно улучшить, как познавать истину и уметь сообщать ее другим учит

**Логика.**

О злой воле, ее губительных устремлениях и как их можно исправить, и учит

**Этика.**

Познанию моего тела и его строения учит

**Медицина и хирургия.**

Люди делятся на живых и умерших. О том, как жили и чем занимались умершие люди, рассказывает

**История.**

Для познания живущих людей я должен научиться воздавать каждому то, что ему следует, и умению благоразумно обращаться с ним. Этому учат

**Естественное право и Политика.**

Телесные творения могут быть либо надо мной, как небо, познанию которого учит

**Астрономия,**

либо около меня, как земля, познанию которой учит

**География.**

Постройке зданий, кораблей, а также и жилищ, и укреплений учит

**Архитектура.**

Искусством измерять таковые является

**Геометрия**, или искусство измерения (Messkunst)

Основой которой является искусство счета —

**Арифметика.**

А для устройства различных удобных приспособлений в домах, на полях и судах служит:

**Механика.**

В земле и воде, равно как и в воздухе, существуют различные вещества, роды, свойства и природу которых рассматривает

**Физика.**

Разложение их осуществляет

**Химия**

А для того, чтобы человек не слишком уставал от непрерывной работы и мог ободрить себя, существует

**Музыка.**

Если человек желает передать свои знания другим, то должен знать несколько языков, которые, при правильном методе обучения, осваиваются очень быстро.

**Языки.**

XVI. Нетрудно видеть, что такое предприятие потребует больших затрат; в устной беседе я объясню Вашему величеству, каким образом изыскать для этого средства, не затрагивая доходов Вашего царского величества и не причиняя подданным никакого убытка.

XVII. Если Ваше величество передаст это дело в руки способного и сведущего директора, можно надеяться, что с Божьей помощью через несколько лет будут достигнуты такие результаты, какие трудно описать.

*АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ МАЛИНОВ*

доктор философских наук,  
профессор института философии  
Санкт-Петербургского государственного университета,  
ведущий научный сотрудник лаборатории  
критической теории культуры Национального  
исследовательского университета «Высшая школа экономики»,  
Санкт-Петербург, Россия;  
e-mail: a.v.malinov@gmail.com



## **«Как академик он должен быть примером всем»: исследования В.И. Ламанского о М.В. Ломоносове**

УДК: 929:001

DOI: 10.24412/2079-0910-2024-3-46-67

В статье рассматриваются исследования слависта Владимира Ивановича Ламанского, посвященные биографии Михаила Васильевича Ломоносова. Отмечается, что работы Ламанского о Ломоносове были, прежде всего, приурочены к юбилеям ученого (1861, 1865, 1911). Всего он опубликовал три монографических исследования о Ломоносове, включающие большой объем редких архивных документов. Работы Ламанского о Ломоносове были главной частью его историко-научных изысканий и исследований по истории русского XVIII в. Подход Ламанского интересен тем, что он во многом создает тот миф о Ломоносове как о национальном культурном герое, творящем наравне с первым русским императором Петром I новую Россию, который до сих пор определяет восприятие русского ученого. Указывается, что современники и последующая историография в первую очередь обращали внимание на критику Ламанским немецкого засилья в Академии наук. Работы о Ломоносове были фрагментом борьбы за русификацию отечественной науки, в частности, Академии наук в Петербурге. Однако критика «немецкого элемента» в Академии наук для самого Ламанского была лишь частью его цивилизационной концепции о противостоянии двух миров: греко-славянского и германо-романского. Исходной посылкой интерпретации Ламанским Ломоносова было славянофильское разделение Земли (общества) и Государства, в котором русский ученый выступал как раз представителем общества, его творческого потенциала, был примером национального гения. Исследования Ламанского о Ломоносове оказались заслонены более поздними обстоятельными работами, но они, особенно их архивный отдел, не утратили своей научной ценности до сих пор.

**Ключевые слова:** М.В. Ломоносов, В.И. Ламанский, славянофильство, Академия наук, греко-славянский мир, романо-германский мир, русификация науки.



## Благодарность

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г.

Замечательно, как на жизни Ломоносова отражается судьба России.

*В.И. Ламанский «Михаил Васильевич Ломоносов. Биографический очерк» (1863)*

Крупнейший отечественный славист Владимир Иванович Ламанский (1833–1914), основатель научной школы, преобладавшей в российских университетах на рубеже XIX–XX вв., свою исследовательскую деятельность начинал как историк Академии наук. Во второй половине 1850-х — начале 1860-х гг. он опубликовал, согласно библиографии ученого, составленной М.П. Драгановым в 1905 г., около полусотни исследований и архивных документов по русской истории XVIII в. К сожалению, эта сторона творчества Ламанского мало привлекала внимание. Часть сочинений Ламанского, относящихся к XVIII в. и истории Академии наук, была посвящена М.В. Ломоносову. Можно даже сказать, что они обладали явным приоритетом для самого ученого. Дополнительным стимулом обратиться к биографии М.В. Ломоносова стали два юбилея, 1861 и 1865 гг. Как пишут современные исследователи: «В связи с Ломоносовским юбилеем 1865 г. формируется идея иностранного засилья в Академии наук, и на первый план выходит проблематика русификации Академии наук в XVIII в. В этом контексте особо выделяется деятельность В.И. Ламанского, который не только критиковал Академию наук за ее, как ему казалось, преимущественно иностранный характер, но также построил свои собственные исследования на идее иностранного, по преимуществу немецкого, засилья в академической науке XVIII в. Таким образом, на первый план вышла национальная проблематика в истории Петербургской академии наук и роли в ней иностранцев. В связи с этим особый акцент делался на исследованиях биографии М.В. Ломоносова, который зачастую представлялся борцом против иностранцев, всеми силами стремившихся, как полагал Ламанский, помешать становлению русской национальной научной традиции» [Куприянов, Смагина, 2021, с. 164–165]. Непосредственно интерпретации Ламанским фигуры и деятельности Ломоносова была посвящена статья В.А. Куприянова «Ломоносоведение в творчестве В.И. Ламанского» [Куприянов, 2018], в которой справедливо утверждалось, что «ломоносоведение следует признать основной частью историко-научного наследия В.И. Ламанского» [Там же, с. 225]. Однако ряд фактов и оценок, приведенных в статье, требует дополнения, уточнения и корректировки. Вклад Ламанского в историографию Академии наук еще предстоит по достоинству оценить.

В 1854 г. Ламанский окончил Санкт-Петербургский университет с серебряной медалью, хотя рассчитывал получить золотую. Он не стал забирать медаль и, несмотря на намерение продолжить научные занятия, по настоянию отца поступил на службу. Работа в Публичной библиотеке и Государственном архиве позволила ему

собрать материалы для первых самостоятельных исследований. В 1860 г. он делился своими открытиями с неустановленным адресатом:

*История Академии составляет очень любопытную главу в истории нашей образованности. Между тем писавшие о ней немецкие академики представляли ее всегда в своих личных интересах, едва ли когда сходных с интересами страны, в которую призвало их ее правительство. Ломоносов, как открывают мне по счастью еще уцелевшие документы, во время всего своего служения в Академии, был главнейше за то, чтобы «видеть Российскую Академию из сынов российских состоящую». Для сего он старался энергически основать, по примеру Московского, университет и в Петербурге, кончивших курс молодых людей отправлять за границу и потом делать их академиками и профессорами университета. Какие происки и интриги употребляли против него немцы, видно из найденного мною одного его сочинения, которое по справедливости должно быть названо его автобиографиею. Оно писано незадолго до смерти. Умер в 1765 г., а в 1766 г. немцам удалось выхлопотать указ о закрытии при Академии университета.*

*Если Вы пожелаете, я с величайшим удовольствием сообщу Вам для прочтения и эту автобиографию и другие бумаги о Ломоносове. Лицо истинно колоссальное и все позднейшие наши писатели, как лица и характеры, являются перед ним юношами несовершеннолетними и учениками<sup>1</sup>.*

В конце жизни Ламанский снова хотел вернуться к исследованиям о Ломоносове, пытался продолжить работу над его биографией. В 1911 г. он писал А.А. Шахматову: «В последние две-три недели я прихварывал и, думая о своих годах и приближающейся смерти, стал перебирать свои старые бумаги. По выходе из университета до приготовления моей магистерской диссертации я стал заниматься Ломоносовым, его биографией и его литературной деятельностью. Две статьи были напечатаны в Отеч<ественных> Зап<исках> (1863 г.). <...> Университетская служба (30 лет) отвлекла меня от Ломоносова»<sup>2</sup>. После смерти академика М.И. Сухомлинова по поручению Академии наук Ламанский взял на себя работу по продолжению издания собрания сочинений Ломоносова и выступил одним из главных зачинщиков ломоносовского юбилея 1911 г. Можно сказать, что исследования о Ломоносове обрамляют научный путь самого Ламанского.

Старческие недуги, к сожалению, не позволили Ламанскому в конце жизни подготовить работу о Ломоносове, поэтому мы можем судить о его восприятии русского ученого только по ранним исследованиям. В первой половине 1860-х гг. он опубликовал три небольших монографии о Ломоносове, включающие и архивные документы: в 1863 г. две статьи в журнале «Отечественные записки» «Михаил Васильевич Ломоносов. Биографический очерк», тогда же вышедшие отдельным изданием; в 1865 г. очерк «Столетняя память Михаилу Васильевичу Ломоносову» и исследование «Ломоносов и Петербургская академия наук. Материалы к столетней памяти его». Общий объем этих публикаций составляет более трех сотен страниц.

<sup>1</sup> Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 2–2 об.

<sup>2</sup> Там же. Ед. хр. 77. Л. 1.

## Юбилей 1861 г.

Биографический очерк о Ломоносове 1863 г. отражает публичные лекции, прочитанные Ламанским в 1861 г., то есть в год 150-летия со дня рождения русского ученого. Готовясь к ним, он писал в конце 1860 г. М.П. Погодину: «С будущей недели я начну готовиться к публичным лекциям о Ломоносове, которые намерен прочесть в ноябре в пользу воскресных школ. На последней лекции я изложу свою мысль о необходимости приготовить, к апрелю 1865 г., полное собрание сочинений Ломоносова с биографией и открыть ему памятник по народной подписке на Васильевском острове, между Академиею и Университетом. Эти лекции, несколько видоизмененные и распространенные, вместе с сборником материалов, я предложу *Беседе*<sup>3</sup>; не захочет, отдам в другой журнал»<sup>4</sup>. Представленный Ламанским проект памятника Ломоносову и издания собраний сочинений русского ученого были реализованы значительно позже. Важно то, что он был первым, кто публично высказал эти предложения, явно оказавшиеся созвучными как общественным настроениям, так и потребностям русской науки не только того времени, когда жил Ламанский. Письма М.П. Погодину также показывают, что работы Ламанского о Ломоносове являются частью его исследований по истории Академии наук и XVIII в. «Я вам признаюсь откровенно, — писал он, — что считаю своим гражданским долгом напасть на Академию так открыто, как только позволит Цензура. Рядом с работою над Ломоносовым, я занимался Историею Академии вообще, и смело могу сказать, что мой сборник официальных документов из Аннинского, Елисаветинского и Екатерининского времени едва ли имеет себе равного. Я намерен издать его отдельно в будущем году. <...> Вообще теперь редкий день не узнаешь чего-нибудь особенно интересного из Русской Истории XVIII в.»<sup>5</sup> Здесь же Ламанский обрушивался с критикой на немецкого историка А.Л. Шлецера, служившего в 1760-е гг. в Петербургской Академии наук. «Шлецер представлен мною, как человек, дрянным пролазою — проходимцем, нахалом. Я умею ценить его заслуги, хотя нахожу, что в отношении к Русской Истории они не в меру преувеличены. <...> О характере Шлецера я составил себе такое заключение из изучения и снесения неопровержимых данных, которые приведут к тому же взгляду каждого беспристрастного человека. Я говорю о нем, как он действовал в России. Для меня то и любопытно, что в Германии он был смелым человеком»<sup>6</sup>. Тут же, как бы оправдываясь, Ламанский добавлял: «Не думайте, ради Бога, что я поддаюсь руссопетству»<sup>7</sup><sup>8</sup>. Действительно, многие слушатели обратили внимание в лекциях прежде всего на упреки немецкой партии в Академии наук. Возможно, Ламанский несколько переусердствовал с этой критикой, невольно отодвинувшей фигуру юбиляра на второй план. Так, А.В. Никитенко

<sup>3</sup> Славянофильский журнал «Русская беседа», издававшийся в Москве с 1856 по 1860 г. А.И. Кошелевым.

<sup>4</sup> Цит. по: Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. XVIII. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. С. 372.

<sup>5</sup> Там же. С. 372.

<sup>6</sup> Там же. С. 373.

<sup>7</sup> Руссопетство — в контексте письма синоним славянофильства, руссолюбия, крайняя форма патриотизма.

<sup>8</sup> Барсуков Н. Жизнь и труды... С. 373.

записал в своем дневнике 31 марта 1861 г. «Говорили еще о лекциях Ламанского». Он читает о Ломоносове. Я ожидал от него чего-нибудь нового, дельного. Между тем он главным образом потешается над немцами-академиками и доказывает, что Ломоносов, ссорясь с ними, хорошо делал. Интересна также мысль, что детство и юность Ломоносова прошла в самых благоприятных условиях для развития его гения, потому что живущий на Двине народ очень смышлен, и т. д.»<sup>9</sup>

Обзоры публичных лекций Ламанского были опубликованы в журнале «Отечественные записки» (1861. № 7) и газете «Русский инвалид» (1861. № 78). В «Отечественных записках» обзор лекций был включен в раздел «Русская литература», где среди прочих рецензий и сообщений речь шла о полемике между П.Д. Юркевичем и Н.Г. Чернышевским<sup>10</sup>. Примечательно, что лекции Ламанского упоминались в контексте обсуждения вопроса о русификации Академии наук. Аннотация раздела гласила: «Еще один вопрос: что такое наша академия наук? Чего недостает ей? Публичные лекции г. В. Ламанского об академии наук и о Ломоносове. — Деятельность Ломоносова — пример, как должны работать наши академики. — Возражения академика Грота, в пользу академии, и ответ на них. — Результат всего этого»<sup>11</sup>. Автор обзоров и рецензий, опубликованных в разделе «Русская литература», не указан, но мысли о немецком засилье в Академии наук были очень близки Ламанскому в том числе и по форме, в какой они были высказаны, в частности, в его статье «Академия наук (Императорская, С.-Петербургская)» (1861) для энциклопедического словаря. В истории Академии наук Ламанский выделял отдельный ломоносовский период (1766–1803) [Куприянов, Малинов, 2020, с. 276–277]. Вопрос об Академии наук в обзоре был назван «большим местом нашей литературы», поскольку ученое учреждение игнорирует насущные общественные вопросы, оторвано от потребностей русской жизни. «Вообще, — отмечалось в журнале, — наша академия принадлежит к тем учреждениям, которые по духу своему напоминают XVIII столетие. Тогда у нас была итальянская опера и не было русского театра; у нас были немецкие цехи и корпорации, а промышленности не было: была пудра, кафтаны и белила французские, а в отношениях начальника и подчиненного нравы сохраняли весь букет татарства; тогда же возникла и немецкая академия без русской науки. <...> Она до сих пор имеет вид ученого сочинения, написанного на латинском языке»<sup>12</sup>. Членами Академии наук, по мнению рецензента, должны избираться люди, принесшие пользу русской науке, литературе или обществу. Не надо искать академиков за границей, труды которых не имеют отношения к русской науке. Иными словами, «академики должны работать не для якутского языка, не для эстонской народности, а для русского общества и тех вопросов, которые в нем рождаются»<sup>13</sup>. Сейчас же русское общество и Академия наук существуют как два государства, не связан-

<sup>9</sup> Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1955. С. 182.

<sup>10</sup> В 1860 г. экстраординарный профессор Киевской духовной академии П.Д. Юркевич в статье «Из науки о человеческом духе», опубликованной в «Трудах Киевской духовной академии», выступил с критикой статьи Н.Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии», опубликованной в журнале «Современник». Н.Г. Чернышевский отвечал на критику в свой адрес статьёй «Полемические красоты». Полемика проходила на страницах журнала «Современник».

<sup>11</sup> Русская литература // Отечественные записки. 1861. Т. СXXXVII. Июль. С. 25.

<sup>12</sup> Там же. С. 27.

<sup>13</sup> Там же. С. 27–28.

ные между собой. Они живут разными интересами и разной жизнью. В контексте этой критики Академии наук автор обзора достаточно подробно излагал лекции Ламанского: «К пояснению этого вопроса очень много способствовал нынешнею весною г. В. Ламанский, прочитав четыре лекции о Ломоносове; в них он раскрыл много чудесного, много невообразимого и много такого, что подтвердило прежние бездоказательные мнения большинства публики. Он коснулся истории академии и ему принадлежит первому честь обстоятельного разьяснения вопроса»<sup>14</sup>. В качестве несомненного достоинства лекций указывалось на архивные источники, послужившие опорой Ламанскому.

Лектор отмечал «не нормальное и не естественное» состояние, в котором находится Академия наук, не оказывающая влияние на русское просвещение и не служащая русским потребностям: «Труды, совершенные ими (академиками. — *Прим. А.М.*), имеют значение не для русской образованности, собственно, но для европейской вообще и немецкой в особенности. <...> Такой разрыв между русской академией и русским обществом, по мнению г. В. Ламанского, делает необходимым преобразование академии в ближайшем будущем»<sup>15</sup>. Обозреватель отмечал обобщающий взгляд лектора на Ломоносова, в деятельности которого он видел борьбу славянской стихии с «немецким элементом». «Академическая деятельность Ломоносова, но выражению г. В. Ламанского, есть один из многих эпизодов вечной борьбы славянского мира против просветительных притязаний немцев и их посягательств на славянскую народность»<sup>16</sup>.

В лекциях 1861 г. Ламанский останавливался на попытках Ломоносова открыть в Петербурге «полный» университет, по образцу Московского, который должен был заменить Академический университет. «Г. Ламанский, — отмечалось в обзоре, — сообщивший так много нового в фактической части своих лекций, мало останавливался на тех событиях академической деятельности Ломоносова, которые были уже прежде известны, — например, на участии его в основании московского университета и академии художеств; но зато г. Ламанский подробно рассказал все старания Ломоносова об учреждении университета петербургского. К сожалению, они не увенчались успехом»<sup>17</sup>. В работе 1865 г. «Ломоносов и Петербургская академия наук» он приводил записку Ломоносова о необходимости учреждения университета в Петербурге, в которой указывалось, что «при здешней Академии Наук не токмо настоящего Университета не бывало, но еще ни образа, ни подобия Университетского не видно»<sup>18</sup>. Усилия Ломоносова об «инавгурации» университета в столице не увенчались успехом ни при Елизавете Петровне (1742–1743), ни при Екатерине II. «Вскоре по смерти Ломоносова, — пишет Ламанский, — и имевшийся при Академии неполный Университет был закрыт. Эта мера должна была усилить, и действительно усилила и надолго обеспечила, немецкий элемент в Петербургской Академии Наук»<sup>19</sup>. Сохранявшийся при Академии наук университет неизбежно со вре-

<sup>14</sup> Там же. С. 28.

<sup>15</sup> Там же. С. 29.

<sup>16</sup> Там же. С. 30.

<sup>17</sup> Там же. С. 33.

<sup>18</sup> *Ламанский В.И.* Ломоносов и Петербургская академия наук. Материалы к столетней памяти его. 1765–1865 года, апреля 4 дня. М.: В универс. тип., 1865. С. 23.

<sup>19</sup> Там же. С. 110.

менем бы привел к смене немецких академиков и профессоров новым поколением отечественных ученых — воспитанников университета. По этой причине немецкая профессура уже после смерти Ломоносова, по утверждению Ламанского, в 1766 г. добилась его закрытия.

Подводя итог лекциям Ламанского, обозреватель писал: «Характеристику академической деятельности Ломоносова г. Ламанский заключил ее оценкой: по его мнению, отличительной чертой этой деятельности служит чрезвычайно верное понимание потребностей русского народа и его просвещения и высокая гражданская доблесть, с которой Ломоносов стоял за свою идею»<sup>20</sup>. В последней, четвертой лекции давался экскурс деятельности Ломоносова как естествоиспытателя, поэта, филолога, историка и политического писателя. «Это разнообразие трудов Ломоносова ставилось ему в укор», — было отмечено в обзоре<sup>21</sup>. В то же время «г. Ламанский, вопреки Пушкину, утверждает, что Ломоносов далеко не был лишен дарования, и что если он шел по дороге подражания, то это вина времени, а не его личная»<sup>22</sup>. Финальная формулировка обзора, заключающая основную мысль Ламанского, была передана следующим образом: «Ломоносову не оставалась чужда ни одна почти сфера человеческой мысли, и всюду является он как деятель вполне самостоятельный, отвечающий на все потребности русского просвещения. Такие заслуги делают его человеком вполне народным. Как академик он должен быть примером всем»<sup>23</sup>.

В лекциях 1861 г. Ламанский предлагал поставить в Петербурге памятник Ломоносову, а в 1865 г., то есть в год 100-летия со дня смерти Ломоносова, уточнял, что памятник следует установить к 50-летию Санкт-Петербургского университета (1869) на набережной, между зданиями университета и Академии наук<sup>24</sup>.

После обзора лекций Ламанского в журнале приводился ответ Я.К. Грота, опубликованный в «Русском вестнике» (1861. № 4), на обвинения Академии наук в засилье немецких ученых, оторванности исследований от нужд русского общества, в принадлежности Петербургской академии наук скорее немецкой, чем русской науке, и т. п. Пересказ статьи Я.К. Грота автор обзора сопровождал ироничными замечаниями и едкими комментариями. Отвечая на нападки (не только В.И. Ламанского, но и других корреспондентов), Я.К. Грот призывал учитывать и оценивать не только деятельность Академии наук, но и те условия, в которые она была поставлена. Многие ее недостатки следует считать пороками времени, а не академической институции. Блюментросты и Шумахеры, полагал он, в настоящем и будущем уже невозможны. Мнение о том, что труды академиков не приносят пользы государству и русскому обществу, проистекают от узкого понимания «блага народа». Академия наук своими исследованиями тоже работает на «благо народа», хотя на первый взгляд польза от ее деятельности может казаться не столь очевидной. «Воскресные школы, — риторически вопрошал академик, — превосходное учреждение; но что было бы, если вдруг все учебные заведения, от приходского училища до университета, обратились

<sup>20</sup> Русская литература. С. 33.

<sup>21</sup> Там же.

<sup>22</sup> Там же. С. 34.

<sup>23</sup> Там же.

<sup>24</sup> *Ламанский В.И.* Столетняя память Михаилу Васильевичу Ломоносову. 4 апр. 1865. СПб.: В тип. Куколь-Яснопольского, 1865. С. 15.



в воскресные школы»<sup>25</sup>. Я.К. Грот полагает, что АН «честно, по крайнему разумению сколько позволяют обстоятельства, исполняет свое дело»<sup>26</sup>. Отвечая на обвинения в преобладании иностранных ученых, он писал: «Постепенное уменьшение числа иностранных ученых в академии будет в связи с успехами самого нашего общества: стоит только русским усилить свою ученую деятельность, и всякий раз, *когда будут налицо замечательные представители науки с громким русским именем*, едва ли академия позволит себе, наперекор общественному мнению, предпочтительно избирать сочленов между иностранцами»<sup>27</sup>. В свою очередь Я.К. Грот упрекал Ламанского в том, что тот стоит на исторической точке зрения и «смешивает настоящее с прошедшим», то есть проецирует ситуацию XVIII в. на современное положение Академии наук.

Действительно, Ламанский, увлеченный исследованиями о русском XVIII в., не проводил строгой границы между современностью и прошлым для него веком. Однако он не смешивал времена, а, скорее, обозревал их при помощи другой оптики, полагая, что они принадлежат одному историческому времени, одному периоду русской истории — петербургскому. С историософской точки зрения Россия в первой половине XIX в. пребывала в той же исторической эпохе, что и столетием ранее. Меняются лица, появляются новые факты, но смысл событий остается тем же самым. Для славянофилов, в том числе и для Ламанского, смысловое постижение истории было предпочтительнее фактологического изучения. Петербургский период русской истории Ламанский спешит объявить завершившимся. В деятельности Ломоносова уже видны зачатки новой эпохи. «Этот период русской народной жизни, — отмечалось в обзоре, — отличительными чертами которого служат оторванность высшего, шляхетского класса от массы народной, равнодушие к народным нуждам, отсутствие оригинальности в идеях, господство чужих взглядов и теорий, выработанных чужими опытами, должно назвать петербургским. Теперь он кончился. Сухая идея этого периода сменилась живою идеею народности, и возвышая права последней, должно признать, что первым и лучшим защитником ее в петербургском периоде был Ломоносов»<sup>28</sup>. Для Ламанского выразителями этой новой идеи в полной мере стали славянофилы. Смена периодов указывала на своеобразную цикличность исторического процесса, следующего логике живого организма. Для Ламанского, как и для большинства славянофилов, в целом была характерна органическая метафорика [Смирнов, 2023].

Ламанский не преувеличивал значение Ломоносова; он лишь полагал, что русский ученый своими трудами приближал новый период, а не сознательно стремился к нему. Во всем остальном Ломоносов был сыном своей эпохи; его не возмущали жестокость и принудительный характер петровских реформ. По словам лектора, «Ломоносов образовал литературный язык, положил начало русской словесности и науки, создал в России новую общественную силу. Честно служа своему призванию, Ломоносов решительно, однако, не сознавал неправды петровской реформы»<sup>29</sup>. Сам народ был внутренне готов к насильственному перевороту, между народом и

<sup>25</sup> Русская литература. С. 36.

<sup>26</sup> Там же. С. 38.

<sup>27</sup> Там же. С. 38–39.

<sup>28</sup> Там же. С. 30.

<sup>29</sup> Ламанский В.И. Михаил Васильевич Ломоносов. Биографический очерк. Первые четыре главы. СПб.: В тип. А.А. Краевского, [1863]. С. 19.



властью существовало «некоторое тайное согласие» на такую реформу. Ламанский фиксировал двойственность Ломоносова: придворный поэт, академический чиновник, ученый, русский человек в быту. Раздвоенность надо признать признаком всей эпохи. «Двойственность Ломоносова, — отмечал он, — отнюдь не проистекала из двуличности и подлости характера, а была необходимым последствием того положения, в которое в XVIII веке встал русский народ в отношении к Западу. Как общественный организм, он был выше народов романских, германских и старой Византии <...> Но в XVIII веке Запад вступал в новый, высший период своего развития. Он был украшен дивами искусства, чудесами науки и промышленности, а носитель высших, но неразвитых начал — славяно-русский мир был представляем крестьянскими общинами, по большей части переходившими, если не перешедшими, в рабство, курными избами, безграмотными мужиками. Просветительное начало западного мира в то время далеко не исчерпывало своего содержания и следовательно еще не успело обличить своей односторонности и несостоятельности как начала центрального»<sup>30</sup>. «Тем не менее и Ломоносов, вместе с ее правдою, с ее наукою, принял и всю ложь и ветошь западной образованности»<sup>31</sup>.

Важной стороной образа Ломоносова, воссоздаваемого Ламанским, было указание на его крестьянское происхождение, на исходную укорененность в народной жизни, определявшую созидательную силу его личности. В лекциях о Ломоносове 1861 г. отмечалось, что «жизненность его идей много зависела от того, что он вышел из крестьянства. Более внимательное изучение первых годов жизни Ломоносова привело г. В. Ламанского к заключению, что юность знаменитого помора протекла среди обстановки, которая имела сильное и благотворное влияние на все последующее его развитие»<sup>32</sup>. Ламанский почти в художественных выражениях описывал суровую северную природу, среди которой вырос Ломоносов и которая пробудила в нем поэтическое чувство. «Там — в его плаваниях по Белому морю и Северному океану — сложился в Ломоносове этот живой, врожденный поморам поэтический взгляд на природу, а изучение Василия Великого расширило и изошрило этот взгляд»<sup>33</sup>. В опубликованном варианте лекций он подчеркивал: «В том, что Ломоносов происходил из крестьян, нет ничего странного и удивительного. Напротив, было бы в высшей степени удивительно и странно, было бы совершенным чудом, если бы такая гениальная личность могла явиться в XVIII веке из нашего служилого или духовного сословия»<sup>34</sup>. Он отмечал влияние народной, в том числе деревенской, жизни на формирование Ломоносова, на круг его общения, который составляли рыбаки, торговцы, раскольники, на вдохновляющее воздействие церковно-славянского языка и церковных песнопений. «Они, — писал Ламанский, — развили в нем глубокое искреннее благочестие, чистый взгляд на веру и на ее отношения к наукообразному, отвлеченному знанию, словом, воспитали в нем православного человека, определили его философские убеждения и вливали в его поэзию ту чисто православную струю, которая отличает нашу поэзию от всех европейских, от Ломоносова до Языкова, Хомякова и А. Толстого включительно»<sup>35</sup>.

<sup>30</sup> Там же. С. 59.

<sup>31</sup> Там же. С. 59.

<sup>32</sup> Русская литература. С. 31.

<sup>33</sup> Ламанский В.И. Михаил Васильевич Ломоносов. С. 62.

<sup>34</sup> Там же. С. 23.

<sup>35</sup> Там же. С. 37.

В простонародном происхождении Ломоносова Ламанский видел не случай, а глубокий исторический смысл, пролог нового исторического периода, который еще только заступает на смену эпохе ученичества и подражания. «Крестьянство, высланное от себя Ломоносова, — замечал петербургский славянофил, — ссудило высшие сословия одною из своих сил и сомкнуло свои ряды. Ломоносов положил твердое начало русской литературе и науке, стал начальником нового периода русской образованности, в конце которого общество, по крайности в передовых своих деятелях, пришло к сознанию необходимости тесного сближения с крестьянством, с народом, который, ограничившись одним Ломоносовым, правда остался в совершенном отчуждении от литературы и науки, но зато избавил себя, детей своих от позорного отступничества»<sup>36</sup>. Петербургский период русской истории — пора торжествующего западничества, эпоха не критичных заимствований и жизни чужим умом. Ломоносов неотделим от русского западничества, но его происхождение, его почвенное чутье, сам масштаб его личности не позволяли ему замкнуться в фальшивом мире столичного европеизма. По выражению Ламанского, Ломоносов «был первым и почти единственным, после Петра, колоссальным лицом нашей истории»<sup>37</sup>. «Ломоносов же, — продолжал он, — был одним из замечательнейших представителей не только русского народа, но и вообще славянского племени, великим подвижником русского, народного просвещения, всю почти свою жизнь борющимся с немцами»<sup>38</sup>. Поступив в 1741 г. на службу в Академию наук, Ломоносов действительно увлекся «антинемецкими умонастроениями» [Илизаров, 2021, с. 349], однако не это определило его значение для русской науки и культуры. Для Ламанского он был провозвестником нового сознания, выразителями которого стали славянофилы.

Ламанский, по собственному свидетельству, намеревался опубликовать лекции в славянофильском журнале «Русская беседа». Однако закрытие журнала в 1860 г. вынудило его изменить планы. Он не сразу решился на публикацию материалов, на основе которых были составлены его лекции. Они вышли в журнале «Отечественные записки» в 1863 г. (№ 1–2), а вскоре и отдельным изданием (на отдельном издании не указан год выпуска). В мае 1862 г. он уехал в длительную заграничную командировку, то есть лекции увидели свет, когда Ламанского не было в России, соответственно, написанный текст был еще до отъезда. Подзаголовок «Первые четыре главы» оставлял надежду на продолжение, которого не последовало. Почему Ламанский решился на публикацию незавершенного текста? Одной из наиболее вероятных причин издания неоконченной работы мог быть гонорар, поскольку средства Ламанского за границей были крайне ограничены.

Для славянофилов фигура Ломоносова обладала особой притягательной силой, поскольку олицетворяла славянофильские представления о народе и государстве, о необходимости самостоятельного развития после неизбежного завершения поры обучения, о реформе Петра I и ее последствиях и т. д. Образ русского ученого привлекал братьев Аксаковых [Греков, 2011]. К.С. Аксаков посвятил Ломоносову свою магистерскую диссертацию, подвергнувшуюся цензурным ограничениям. «К.С. Аксаков, — отмечалось в обзоре лекций Ламанского, — наиболее приблизился к правде, сказав, что в духе Ломоносова должно развиваться все последующее просвещение

<sup>36</sup> Там же. С. 54.

<sup>37</sup> Там же. С. 5.

<sup>38</sup> Там же. С. 8.

русского народа»<sup>39</sup>. Вероятно, и Ламанский мог последовать по его стопам, однако в качестве диссертации защитил сочинение «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании», которое стало первым историческим исследованием, в полном смысле написанным со славянофильских позиций. Так, по крайней мере, его воспринимали современники. В интерпретации Ломоносова Ламанский опирался на аксаковское разделение Земли и Государства, вошедшее в историософскую аксиоматику славянофильства. Ломоносов в этом отношении представлялся олицетворением зиждательных сил Земли (земства), творческой мощи народной стихии, оберегать и поддерживать которую призвано Государство.

Ламанский сознавал, что публикация его лекций является только первым шагом к составлению жизнеописания Ломоносова, поэтому предлагал смотреть на свой очерк «как на подробный конспект, имеющий быть полной биографией Ломоносова, излагающей его жизнь и деятельность в связи с развитием современного ему общества»<sup>40</sup>. Он не идеализировал Ломоносова, признавая и за ним грехи его века. Ломоносов «своею государственною поэзиею, своими казенными и официальными одами давал ложное направление русскому просвещению и силою своего дарования узаконивал и как бы освещал разрыв, образовавшийся у нас между народом и его передовыми классами. Многие его предложения относительно академии и вообще просвещения не были исполнены именно потому, что он проводил их путем официальным, часто являясь чиновником там, где ему следовало бы оставаться свободным общественным деятелем. В теории — смелый поборник свободы мысли и слова, в жизни — он требует цензуры, постоянной опеки государства над обществом. В свою чисто общественную, нравственную борьбу он часто приносил характер официальный, принудительный и насильственный и тем самым подкапывал свое великое дело»<sup>41</sup>. В том же Ламанский упрекал и Петра I, который действовал в общественной жизни принудительными мерами государства. К.С. Аксаков указывал, что в XVIII в. в России произошел «общественный разрыв», государство отделилось от народа и образовалось «иго Государства над Землей». Ламанский фиксирует тот же разрыв уже в деятельности Ломоносова, что позволяет исследователю вернуться к славянофильским требованиям свободы слова и гармонизации отношений между обществом и государством.

Пример Ломоносова показывает, насколько ложное политическое и культурное направление способно исказить творчество даже такой масштабной личности, насколько западничество не соответствует жизненным интересам народа и государственным потребностям страны. В настоящее время, полагает Ламанский, выступило резкое несогласие западного начала с теми основами, на которых исторически строилась русская жизнь. Ломоносов относился к Западу не критически; как ученый он сформировался в лоне германской науки, был прямым учеником Х. Вольфа. Отъезд в Германию на учебу спас его от возможных репрессий в бирюшину и, с другой стороны, избавил от ненависти к немецкой народности. «Ломоносов хорошо узнал Германию, полюбил немцев, научился ценить и уважать их достоинства», — признавал Ламанский<sup>42</sup>, что «помогло ему достичь этой свободы

<sup>39</sup> Русская литература. С. 30.

<sup>40</sup> Ламанский В.И. Михаил Васильевич Ломоносов. С. 2.

<sup>41</sup> Там же. С. 19–20.

<sup>42</sup> Там же. С. 94.

воззрения на немцев»<sup>43</sup>. В Германии же Ломоносов воспринял и принял практику полицейского государства, которую в России насаждал первый русский император. «Вообще, — замечал Ламанский, — он до конца жизни своей не сознавал губительных последствий господствовавшего тогда в Германии вмешательства государства в домашний и общественный быт народа»<sup>44</sup>. Либеральный социальный идеал славянофилов, обособляющий от взаимного вмешательства народ и государство, противоречил идеологии и практике полицейского государства. Реальные биографические факты, которые приводил Ламанский, плохо согласовывались с его интерпретацией Ломоносова как борца с «немецким элементом» в Академии наук, как символа векового противостояния славянской и германской народных стихий. «Болезнь европейничанья», по выражению Н.Я. Данилевского, поразила русское общество. «Наше образованное общество, мы все, подобно Ломоносову, — каялся Ламанский, — были увлечены под чужие знамена и долго сидели у немцев в умственном заточении. Будем твердо надеяться, что свежие народные силы выведут нас наконец из этой духовной неволи на свет божий, на вольный простор, на родные, славянские нивы»<sup>45</sup>. Все же пример Ломоносова свидетельствовал о возможности изжить подражательное ученичество и выйти на путь самостоятельного развития, о котором радели славянофилы. Впрочем, сами славянофилы сильно зависели от германских авторитетов, как в философии, так и в своем учении о языке (см.: [Безлепкина, 2023]).

В школе Х. Вольфа Ломоносов воспринял ту методологию научного познания, применение которой позволило ему выдвинуться в первый ряд отечественных ученых. Неуживчивый и беспокойный характер Михаила Васильевича, столь досаждавший его окружению, был оборотной стороной трепетного напряжения, сопровождающего научный поиск. «Наконец, по самой природе своей Ломоносов, — уточнял Ламанский, — не был склонен к критической философии, сосредоточивающей все свое внимание на духе человека. Его взгляд был всегда обращен на явления внешней природы; его стройный, зиджительный ум был постоянно занят открытием общих законов, придумыванием новых средств в облегчение новых открытий; его живая, открытая душа стремилась передавать знания, распространять их людям»<sup>46</sup>. Метафизическое естествознание, навязанное Ломоносову вольфианством, имело свои пределы в деле познания. Ламанский полагал, что заслуга Ломоносова как естествоиспытателя состояла в их преодолении. «Так, первые его ученые сочинения писаны еще в манере Вольфа, но в позднейших трудах своих он совершенно освободился от этого искусственного метода и в своих общефилософских началах близко впоследствии подошел к мыслителям английским. Совершенно независимо от Канта Ломоносов, и с ним русская образованность, прошли тот же период развития, который совершился в отце критической философии, когда он перешел из учеников Вольфа в последователи Локка»<sup>47</sup>. Ломоносов перерос Х. Вольфа, а вместе с ним и русская наука вошла во взрослую жизнь, стала вровень со своими европейскими учителями. В Ломоносове не только сочетались, но и в известном смысле боролись поэт и ученый-естествоиспытатель. По словам Ламанского, «Ломоносов,

<sup>43</sup> Там же. С. 95.

<sup>44</sup> Там же. С. 65.

<sup>45</sup> Там же. С. 102.

<sup>46</sup> Там же. С. 60.

<sup>47</sup> Там же. С. 97.

действительно, не обладал большими математическими способностями, которые вообще несоединимы в одном лице с дарованием художественным, ибо они взаимно себя исключают: поэт постигает явления мира внешнего и внутреннего в образах, а сила ума математического состоит в мышлении чистом, строго отвлеченном и формальном»<sup>48</sup>.

Лекции Ламанского трудно назвать даже «биографическим очерком», как он сам их обозначал. Это, скорее, историософия судьбы Ломоносова. Его исследование намеренно перегружено цитатами из произведений русского ученого, и сделано это, вероятно, с целью дать почувствовать специфику его подхода и форму выражения его мысли. Этому же служат и приложения, включающие впервые обнаруженные архивные документы. Две цитаты красноречиво характеризуют угол зрения Ламанского на Ломоносова, его принцип или даже символ жизни. «Вообще, — уточнял он, — в Ломоносове в высшей степени замечательно удивительное сочетание этого сурового и вместе с тем светлого взгляда на жизнь, любви к веселью и радости. К пиру жизни, с постоянною готовностью к тяжким лишениям, подвигам и борьбе»<sup>49</sup>. «Беззлая роскошь и славная упряжка были существенными, основными движителями в жизни Ломоносова», — заключал Ламанский<sup>50</sup>.

### Юбилей 1865 г.

В 1865 г. отмечалось 100-летие со дня смерти Ломоносова. Ламанский принял деятельное участие в юбилее, вошел в состав Ломоносовского комитета в качестве его секретаря, членами которого также были Г.А. Щербатов, П.В. Анненков, М.О. Коялович, А.А. Краевский, В.М. Лазаревский, А.Н. Майков, П.П. Семенов, А.И. Ходнев, А.Д. Галахов, А.Н. Ивашинцов. В этом году вышли и важнейшие работы Ламанского о Ломоносове: «Столетняя память Михаилу Васильевичу Ломоносову» и «Ломоносов и Петербургская академия наук». Если 150-летие русского ученого в 1861 г. отмечалось скромно, то 100-летие со дня смерти, вероятно, стало одним из самых значительных чествований Ломоносова, во многом заложив стереотипы его восприятия и оценки его творчества. Ламанский сыграл не последнюю роль в формировании образа Ломоносова как национального культурного героя.

13 марта 1865 г. А.В. Никитенко записал в дневнике: «В городе приготавливаются тоже оваии, в чем деятельно участвует <В.И.> Л<аманский>. Ему, главное, хочется этим насолить немцам, которых он смертельно ненавидит, и я начинаю бояться, что из оваии Ломоносову выйдет демонстрация против немцев. На днях был у меня Л<аманский> и много толковал о Ломоносове, о славянах и немцах»<sup>51</sup>. А на следующий день он отметил визит А.Н. Майкова: «Был у меня А.Н. Майков и читал мне свои стихи, написанные для прочтения на обеде в честь Ломоносова. Стихи хороши, только сильно направлены против немцев. Тут видно влияние Л<аманско-го>»<sup>52</sup>. Критика Ламанским немецкого засилья в Академии наук и борьба с ним Ло-

<sup>48</sup> Там же. С. 96.

<sup>49</sup> Там же. С. 64.

<sup>50</sup> Там же. С. 65.

<sup>51</sup> Никитенко А.В. Дневник. С. 502.

<sup>52</sup> Там же. С. 503.

моносова были известны по его лекциям 1861 г. Однако А.В. Никитенко напрасно ждал со стороны молодого приват-доцента демонстрации против немцев. 7 апреля 1865 г. Ламанский в своем выступлении на обеде, посвященном юбилею Ломоносова, в зале Дворянского собрания признавал, «что русская мысль чужда узкой национальной исключительности, что под русским народным знаменем возможна согласная умственная деятельность разных народностей. Наша признательная память об этих немцах-академиках служит порукою, что глубокая благодарность России ожидает всех иностранцев, бескорыстно трудящихся в пользу ее просвещения»<sup>53</sup>. В своих последующих работах, особенно в докторской диссертации, Ламанский неоднократно обращался к немецкой науке и публицистике, критически оценивая восприятие ими славянства (см.: [Малинов, 2022]).

Можно предположить, что Ламанский не случайно обращался к А.В. Никитенко накануне ломоносовских торжеств, так же как он недаром писал М.П. Погодину, готовясь к лекциям 1861 г. В судьбе А.В. Никитенко и М.П. Погодина он мог видеть переключку с биографией Ломоносова, поскольку они оба были не только академиками по историко-филологическому отделению, но и происходили из крестьянского сословия. Предки самого Ламанского происходили из сельского духовенства и жили совершенно по-крестьянски. Его отец в детстве вместе со старшим братом пешком ушел из д. Ламаниха Вологодской губернии в Петербург, где сделал карьеру в Министерстве финансов. Недаром Ламанский напоминал о простонародном происхождении Ломоносова: «Нашему крестьянству, простому русскому люду, следует объяснить, что русская литература в своих начатках и лучших явлениях не есть произведение чисто-господской деятельности, что, напротив, он с гордостью может указывать на величайшего поныне деятеля русской литературы — крестьянина Ломоносова. Крестьянское происхождение и первоначальное воспитание Ломоносова, имевшее огромное влияние на всю его деятельность, всего резче опровергает неверные большею частью иностранные суждения о русской литературе и образованности, будто бы возникшей решительно без всякого участия русского народа и только искусственно и насильственно пересаженной к нам немцами»<sup>54</sup>. Мысль о мужицком происхождении Ломоносова подхватил И.С. Аксаков в юбилейных статьях в газете «День»<sup>55</sup>.

<sup>53</sup> Мельников П.И. Описание празднества, бывшего в С.-Петербурге 6–9 апреля 1865 г. по случаю столетнего юбилея Ломоносова. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1865. С. 21–22.

<sup>54</sup> Ламанский В.И. Столетняя память... С. 16.

<sup>55</sup> «Память холмогорского мужика, память простого рыбака с Северного Поморья, который первый внес светоч русского народного гения в мир вселенской науки, который первый явился в нем самостоятельным русским деятелем. Это тот гениальный мужик, которого колоссальная фигура до сих пор стоит почти одинокою в истории нашего просвещения, который воплотил в своем лице “народность” в сфере общечеловеческой и представил нам чудный образец свободного самобытного отношения народного духа к величавому сокровищу древней и позднейшей западноевропейской цивилизации. Мы не без намерения напираем на слово: мужик, потому что это-то и знаменательно. Ломоносов — самый чистокровный представитель русского народа по своему происхождению: страна, откуда он вышел, Беломорское Поморье, была во время оно заселена новгородскими колонистами, и мы вправе назвать Ломоносова потомком новгородцев. Ломоносов же является и чистым, без посторонней примеси, представителем духовной стихии русского народа. До 16-летнего возраста его воспита-



Конечно, в публикациях 1865 г. Ламанский не мог обойти роль Ломоносова в борьбе за русификацию Академии наук, которая вновь обострилась в пору юбилея. «Для ее (Академии наук. — *Прим. А.М.*) поправления, для блага России, — писал Ламанский о Ломоносове, — он считал прежде всего необходимым удалить из Академии Шумахера, главнейшего виновника всех зол, предпринять издание на русском языке и открыть при Академии Университет»<sup>56</sup>. Однако основной акцент в интерпретации Ломоносова был сделан на его достижениях. По словам Ламанского, Ломоносов — «отец русского письменного, поэтического и прозаического языка, родоначальник и образователь русской литературы, великий подвижник русского просвещения, бесспорно гениальнейший и заслуженнейший русский человек после Петра Великого»<sup>57</sup>. Сравнение с Петром I выглядит особенно примечательно, поскольку славянофилы, к которым относил себя Ламанский, в целом отрицательно оценивали деятельность первого русского императора. Ламанский подчеркивает здесь масштаб фигуры Ломоносова как творца русской науки, сопоставимой с демиургом новой России — Петром I. В Ломоносове он видит воплощение того идеала национальной интеллигенции, о котором грезил славянофилам; деятельность Ломоносова служит примером плодотворности самостоятельного мышления, в поисках истины не оглядывающегося на заграничные авторитеты. «Отличительная черта общего направления деятельности Ломоносова состоит в том, что во всех своих трудах и выводах великий русский ученый и писатель является исследователем и мыслителем самостоятельным, в двойной своей деятельности филолога и естествоиспытателя всегда опирается на прямое изучение источников, на собственные опыты и наблюдения»<sup>58</sup>. В интерпретации Ламанского Ломоносов вырастает до символа Земли (общества) в противовес Государству. Как риторическое заклинание звучат его слова об аристократии духа, которой держится русская земля: «Да распространяется повсюду в России, да проникает во все слои общества, да укореняется в них то убеждение, что, сверх знати родовой и чиновной, есть знать талантов и гениев, что она-то и есть настоящее украшение, истинная гордость и слава народов, — что есть у них, у всех чудная, могучая сила, что посмеяется самому гордому, земному величию, сила чисто духовная и часто тем сильнейшая, чем она слабее и ничтожнее официально, сила творческая и зиждущая, сила мысли и слова»<sup>59</sup>.

С Ломоносова началось «приготовление народной и общественной почвы» для самобытного развития русского народа и отечественной науки. Ламанский стал одним из главных творцов той «ломоносовской легенды», о которой писал П.Н. Берков [*Берков, 1946*]. Правда, эту легенду нельзя назвать реакционной; она до сих пор

---

телем была русская северная природа, русский крестьянский быт и церковнославянские духовные книги, а затем Славяно-греко-латинская академия, учрежденная еще допетровской Русью. В нем, в Ломоносове, выразилась духовная жажда самого русского народа, сказалась потребность самого русского народного элемента выйти из тесной сферы исключительно национального развития, приобщиться общечеловеческого просвещения и выступить на путь всемирно-исторической духовной деятельности» (*Аксаков И.С.* По случаю юбилея Ломоносова // *День. 1865. 17 апреля. № 16. С. 361*).

<sup>56</sup> *Ламанский В.И.* Ломоносов и Петербургская академия наук. С. 1.

<sup>57</sup> *Ламанский В.И.* Столетняя память... С. 12–13.

<sup>58</sup> Там же. С. 17–18.

<sup>59</sup> Там же. С. 42–43.

во многом задает восприятие Ломоносова. «Интерпретация Ламанского, — пишет В.А. Куприянов, — выделяется не только ярким романтизмом, но также и своей актуальностью для современной истории науки, поскольку в своих основных чертах она оказывается созвучной также и современному подходу к пониманию исторической роли Ломоносова» [Куприянов, 2018, с. 224]. Ламанский рисует образ культурного героя, создающего космос из хаоса, историю из небытия. «Из всех же русских исторических личностей, по личному характеру, Ломоносов всего ближе и сроднее с Прокофьем Ляпуновым. Как деятель просвещения, он принадлежит к великим и гениальным умам, открывающим в истории народов новые эпохи. В нашей истории он является таким же *начальником* новой образованности, каким во Франции был *Декарт*, в Англии *Бекон*, в Германии *Лейбниц*», — заключал Ламанский<sup>60</sup>. Не мог он пройти и мимо области своих профессиональных интересов — славяноведения. Ломоносов, несмотря на разносторонность своих талантов, не оставил трудов по этой части. В качестве научной дисциплины становление славистики приходится на вторую четверть XIX в., и Ламанский принадлежал еще только ко второму поколению отечественных славистов. Тем не менее в исследованиях о Ломоносове он видел частный случай изучения научных и культурных достижений славян, то есть часть славянской истории, которая к тому времени еще не выделилась из славянской филологии. «Мысль о значении Ломоносова и всех позднейших русских деятелей в истории наук и общечеловеческого просвещения, — писал он, — приведет нас к дальнейшим разысканиям о трудах и заслугах славян вообще»<sup>61</sup>.

Взгляд Ламанского на Ломоносова в 1865 г. отличался большей практичностью, сравнительно с его лекциями 1861 г. Современники и последующие исследователи почти не обратили внимание на предложенный Ламанским проект «Ломоносовский капитал», который по всей справедливости следует признать прообразом современных научных фондов [Куприянов 2018, с. 228]. «Главная цель и прямое назначение Ломоносовского капитала, — обозначал Ламанский, — укрепить и усилить поныне слабый в русской литературе дух пытливости и самостоятельности. Пробавляться нам компиляциями и переводами несообразно с достоинством и призванием русского народа, который по своему происхождению, по своим дарованиям и судьбам принадлежит к народам всемирно-историческим»<sup>62</sup>. Ломоносовский капитал должен был перевести славянофильский идеал самостоятельной русской науки и самобытной философии из области журнальных деклараций и кружковых обсуждений на прагматическую почву общественной инициативы. Задача Ломоносовского капитала — обеспечить развитие отечественной науки, направить ее на удовлетворение нужд русского общества. Не случайно с этой целью Ламанский обращается не к государству, а к обществу. Казенная наука представлена Петербургской Академией, значительная часть исследований которой оторвана от жизни. Для Ломоносовского капитала Ламанский предлагал собирать средства по подписке: «Следовало бы кажется открыть в России общую подписку для составления *Ломоносовского капитала* с тем, чтобы не проценты его, а самый капитал употребить на русскую литературу по тем ее отраслям, которые наиболее теперь нуждаются в денежных пособиях и поощрение которым наиболее бы соответствовало намерениям и направлению

<sup>60</sup> Там же. С. 60.

<sup>61</sup> Там же. С. 61.

<sup>62</sup> Там же. С. 25.

Ломоносова»<sup>63</sup>. Средства Ломоносовского капитала должны пойти на поддержку исследований в области естествознания (преимущественно, химии, физики и земледелия) и филологии (преимущественно, древне-классической), а также на командировки молодых ученых в Турцию, Грецию и Италию<sup>64</sup>. «Известная сумма, разумно затраченная в течение 12–15 лет, — полагал Ламанский, — могла бы оказать огромную пользу русской литературе. <...> Несколько же десятков тысяч рублей было бы достаточно для поднятия русской литературы на высшую степень развития. Не средств, а доброй воли, крепкого общественного духа недостает нам, русским!»<sup>65</sup> Приходится только сожалеть, что проект Ламанского не только не был реализован, но даже не вызвал общественного обсуждения. Критика Академии наук за ее антинародный характер, проект Ломоносовского капитала и создания альтернативной сети научных обществ вытекали из славянофильских убеждений Ламанского. Как пишет В.А. Куприянов, «его историко-научные исследования имеют конечной целью практическое реформирование российских научных организаций. Соответственно, глубинным мотивом его историко-научных исследований следует признать *политический*. <...> этот подход является, прежде всего, проявлением *славянофильства*» [Куприянов 2018, с. 231].

### Юбилей 1911 г.

Ламанский принял участие и в подготовке 200-летнего юбилея Ломоносова в 1911 г., хотя и менее заметное. Еще в 1903 г., после смерти академика М.И. Сухомятинова, Академия наук обратилась к нему с просьбой взять на себя подготовку последующих томов сочинений Ломоносова. Преклонный возраст не позволил ему активно включиться в работу, и в 1907 г. он привлек к редактированию сочинений Ломоносова своего ученика Г.М. Князева. Ламанский возобновил поиски неизвестных сочинений русского ученого, биографических материалов, вошел в состав Комиссии по присуждению Ломоносовских премий и др. (см.: [Куприянов, Малинов, 2020, с. 286–288]). Помимо Ламанского в юбилейную комиссию вошли С.Ф. Ольденбург (председатель), А.А. Шахматов, А.И. Соболевский, Н.Н. Бекетов, Б.Б. Голицын, В.И. Вернадский, А.П. Карпинский, Ф.Н. Чернышев, Б.Н. Меншуткин, А.И. Вилькицкий, Г.М. Князев [Кулябко, 1962]. Комиссия вновь ходатайствовала об установке памятника Ломоносову между Академией наук и университетом. Готовясь к юбилею, Ламанский писал И.В. Ягичу, подчеркивая народное происхождение Ломоносова, в котором видел залог успешного творчества: «Наступающий двухсотлетний юбилей отца нашей словесности и науки Ломоносова вызовет много свежих и здоровых сил. По всей России будут в храмах божьих панихиды и речи о великом нашем крестьянине архангельском. На его родине не было помещиков, дворян, все крестьяне были свободные»<sup>66</sup>. В эти годы Владимир Иванович, вероятно, часто размышлял о Ломоносове, обращался к его жизнеописанию. В архиве, например, сохранилась визитная карточка, на которой он писал А.А. Шахматову,

<sup>63</sup> Там же. С. 17.

<sup>64</sup> Там же. С. 20–21.

<sup>65</sup> Там же. С. 35, 37.

<sup>66</sup> СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 8 об.

что обнаружил ошибку в своих сведениях о дате рождения Ломоносова: 8 ноября, а не 10 декабря 1711 г.<sup>67</sup> Срочность сообщения только подчеркивает важность для Ламанского этого уточнения. К сожалению, ему уже не хватило сил подвести итог своим исследованиям биографии и творчества Ломоносова.

\* \* \*

Обращение Ламанского к биографии и творчеству Ломоносова стимулировалось юбилеями: 1861, 1865, 1911 гг. Материалы о русском ученом он начал собирать вскоре после окончания университета, когда служил в Публичной библиотеке и Государственном архиве. Публикации Ламанского 1863 и 1865 гг. во многом заложили основы отечественного ломоносоведения. Две длительные заграничные командировки (1862–1864, 1868–1869) и начало преподавания в Петербургском университете (1865) прервали работу Ламанского над биографией русского ученого. Впоследствии, перейдя на службу в Академию наук, он продолжил свои занятия русской историей XVIII в. и Ломоносовым, но это уже не вылилось в крупные исследования. Отчасти труд Ламанского продолжили его ученики. Например, его первый по времени и один из наиболее близких к нему идеологически учеников А.С. Будилович (см.: [Краснова, 2019]) опубликовал две монографии о Ломоносове: «Ломоносов как натуралист и филолог. С приложениями, содержащими материалы для объяснения его сочинений по теории языка и словесности» (1869) и «Ломоносов как писатель. Сборник материалов для рассмотрения авторской деятельности Ломоносова» (1871), а Г.М. Князев продолжил подготовку к изданию сочинений ученого.

Позднейшие исследователи обращали внимание на критику Ламанским «немецкого элемента» в Академии наук, нередко сводя к этому все содержание его работ о Ломоносове и не замечая, что эта критика была всего лишь частным случаем его цивилизационной концепции. Противостояние греко-славянского и романо-германского миров, полагал Ламанский, на протяжении двух тысяч лет определяет историю европейского человечества (см.: [Куприянов, 2016]). Это противоборство затрагивает различные уровни: политический, культурный, религиозный. Одним из ее проявлений служит борьба за русификацию науки, в частности, Академии наук в России. Надо признать, что далеко не вся критика Ламанским Академии наук была справедлива, но она сыграла свою роль в реформировании отечественной науки.

Ламанский стоял у истоков формирования мифа о Ломоносове как о национальном культурном герое, создающем наравне с Петром I новую Россию. Как справедливо замечает В.А. Куприянов, «Ламанский рассматривает Ломоносова в качестве гения национальной культуры и представителя русского национального начала в науке» [Куприянов, 2018, с. 230]. И если первый российский император был олицетворением Государства, то Ломоносов воплощал творческую силу Земли (общества). В славянофильских координатах восприятия русской истории Ломоносов осознавался как выходец из крестьян, мужицкое происхождение которого гарантировало его связь с народом как созидательной силой. Еще в ходе юбилейных мероприятий 1861 г. Ламанский высказал предложение об установке памятника Ломоносову, которое было реализовано значительно позже, только в 1986 г. Во время торжеств 1865 г. он выдвинул проект Ломоносовского капитала для финансирования научных исследований в России, который был продолжением его проекта создания

<sup>67</sup> Там же. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 812. Л. 13.

сети альтернативных Академии наук научных обществ в стране — «Общества распространения знаний» или «вольной Академии», сформулированный в ранней программной статье «О распространении знаний в России», опубликованный в 1857 г. в журнале «Современник» (см.: [Куприянов, Малинов, 2020, с. 192–194, 279–280]).

Заветной мыслью Ламанского, проходящей через все его творчество, было отстаивание русского языка в качестве общего литературного, научного и дипломатического языка всех славян. Ломоносов же, как не раз писал Ламанский, стоял у истоков формирования современного русского литературного языка, что делало его ключевой фигурой во всей славянской образованности.

## Источники

*Аксаков И.С.* По случаю юбилея Ломоносова // День. 1865. 17 апреля. № 16. С. 361–364.

*Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. XVIII. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. 555 с.

*Ламанский В.И.* Михаил Васильевич Ломоносов. Биографический очерк. Первые четыре главы. СПб.: В тип. А.А. Краевского, [1863]. 102 с.

*Ламанский В.И.* Ломоносов и Петербургская академия наук. Материалы к столетней памяти его. 1765–1865 года, апреля 4 дня. М.: В универс. тип., 1865. 156 с.

*Ламанский В.И.* Столетняя память Михаилу Васильевичу Ломоносову. 4 апр. 1865. СПб.: В тип. Куколь-Яснопольского, 1865. 64 с.

*Мельников П.И.* Описание празднества, бывшего в С.-Петербурге 6–9 апреля 1865 г. по случаю столетнего юбилея Ломоносова. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1865. 48 с.

*Никитенко А.В.* Дневник: В 3 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1955. 652 с.

Русская литература // Отечественные записки. 1861. Т. СXXXVII. Июль. С. 25–78, без подписи.

Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 75, 77, 78. СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 812.

## Литература

*Безлепкин Н.И.* Славянофильское учение о языке и немецкая наука и философия // Философский полилог. 2023. № 1. С. 37–50. DOI: 10.31119/phlog.2023.1.188.

*Берков П.Н.* Ломоносовский юбилей 1865 г. (страница из истории общественной борьбы шестидесятых годов) // Ломоносов: Сборник статей и материалов. Вып. II. М.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 216–247.

*Греков В.* Язык народа и язык истории в интерпретации М.В. Ломоносова и славянофилов // Меди@льманах. 2011. № 4 (45). С. 28–37.

*Илизаров С.С.* Московский акцент. Г.Ф. Миллер и Москва XVIII века. М.: Куликово поле, 2021. 496 с.

*Краснова А.А.* Славянская идентичность в контексте ментальной географии у А.С. Будиловича // Философский полилог. 2019. № 1. С. 67–80.

*Кулябко Е.С.* Ломоносовский юбилей 1911 г. // Литературное творчество М.В. Ломоносова. Исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 300–312.

*Куприянов В.А.* Ломоносоведение в творчестве В.И. Ламанского // Вече. 2018. № 30. С. 223–240.

*Куприянов В.А.* Структура Европы в философско-историческом учении В.И. Ламанского // Вече. 2016. № 28. С. 215–222.

*Куприянов В.А., Малинов А.В.* Академик В.И. Ламанский. Материалы к биографии и научной деятельности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 560 с.

*Куприянов В.А., Смагина Г.И.* Основание и первые десятилетия деятельности Санкт-Петербургской Академии наук в трудах российских и зарубежных историков науки. Часть 1 // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3. № 3. С. 159–182.

*Малинов А.В.* Славянофильские зеркала (критика В.И. Ламанским восприятия России и славянства в немецкой науке) // Диалог со временем. 2022. № 4. С. 80–95. DOI: 10.21267/AQUILO.2022.80.80.003.

*Смирнов В.Н.* Метафора органического в славянофильстве // Философский полилог. 2023. № 1. С. 23–35. DOI: 10.31119/phlog.2023.1.187.

## **“As an Academician, He Should Be an Example to All”: V.I. Lamansky’s Studies on M.V. Lomonosov**

*ALEXEY V. MALINOV*

Saint Petersburg State University,  
National Research University “Higher School of Economics”,  
St. Petersburg, Russia;  
e-mail: a.v.malinov@gmail.com

The article deals with the studies of the Slavist Vladimir Ivanovich Lamansky devoted to the biography of Mikhail Vasilyevich Lomonosov. It is noted that Lamansky’s works on Lomonosov were timed, first of all, to the jubilees of the scientist (1861, 1865, 1911). In total, he published three monographic studies on Lomonosov, including a large number of rare archival documents. Lamansky’s works on Lomonosov were the main part of his historical and scientific research and studies on the history of the Russian eighteenth century. Lamansky’s approach is interesting in that it largely shapes the myth of Lomonosov as a national cultural hero who, along with the first Russian emperor Peter the Great, created a new Russia, which still defines the perception of the Russian scientist. It is pointed out that contemporaries and subsequent historiography paid particular attention to Lamansky’s criticism of German domination of the Academy of Sciences. The works on Lomonosov were a fragment of the struggle for the Russification of national science, in particular the Academy of Sciences in St. Petersburg. For Lamansky himself, however, the criticism of the German element in the Academy of Sciences was only part of his civilizational conception of the confrontation between two worlds: the Greek-Slavic and the Germanic-Roman. The premise of Lamansky’s interpretation of Lomonosov was the Slavophile division of the Earth (society) and the State, in which the Russian scientist acted as a representative of society, its creative potential, and as an example of national genius. Lamansky’s studies of Lomonosov were overshadowed by later detailed works, but they, especially the archival part, have not lost their scientific value.

**Keywords:** M.V. Lomonosov, V.I. Lamansky, Slavophilism, Academy of Sciences, Greek-Slavic world, Germanic-Roman world, russification of science.

### **Acknowledgment**

The research was carried out within the framework of the Fundamental Research Program of the National Research University “Higher School of Economics” in 2024.



## References

- Aksakov, I.S. (1865). Po sluchayu yubileya Lomonosova [On the occasion of Lomonosov's anniversary], *Den'*, no. 16, 361–364 (in Russian).
- Barsukov, N. (1904). *Zhizn' i trudy M.P. Pogodina. Kniga XVIII* [Life and labours of M.P. Pogodin. Book XVIII], S.-Peterburg: Tip. M.M. Stasyulevicha (in Russian).
- Bezlepkin, N.I. (2023). Slavyanofil'skoye ucheniye o yazyke i nemetskaya nauka i filosofiya [The Slavophile doctrine of language and German science and philosophy], *Filosofskiy polilog*, no. 1, 37–50 (in Russian). DOI: 10.31119/phlog.2023.1.188.
- Berkov, P.N. (1946). Lomonosovskiy yubiley 1865 g. (stranitsa iz istorii obshhestvennoy bor'by shestidesyatykh godov [Lomonosov's jubilee of 1865 (page from the history of the public struggle of the sixties)], in *Lomonosov: Sbornik statey i materialov* [Lomonosov: Collection of articles and materials], vyp. II (pp. 216–247), Moskva: Izd-vo AN SSSR (in Russian).
- Grekov, V. (2011). Yazyk naroda i yazyk istorii v interpretatsii M.V. Lomonosova i slavyanofilov [The language of the people and the language of history in the interpretation of M.V. Lomonosov and Slavophiles], *Medi@l'manakh*, no. 4 (45), 28–37 (in Russian).
- Iizarov, S.S. (2021). *Moskovskiy aktsent. G.F. Miller i Moskva XVIII veka* [Moscow accent. G.F. Miller and Moscow of the XVIII century], Moskva: Kulikovo pole (in Russian).
- Krasnova, A.A. (2019). Slavyanskaya identichnost' v kontekste mental'noy geografii u A.S. Budilovicha [Slavic identity in the context of mental geography in A.S. Budilovich], *Filosofskiy polilog*, no. 1, 67–80 (in Russian).
- Kulyabko, E.S. (1962). Lomonosovskiy yubiley 1911 g. [Lomonosov's jubilee of 1911], in *Literaturnoye tvorchestvo M.V. Lomonosova. Issledovaniya i materialy* [Literary creativity of M.V. Lomonosov. Studies and materials] (pp. 300–312), Moskva, Leningrad: Izd-vo AN SSSR (in Russian).
- Kupriyanov, V.A. (2018). Lomonosovedeniye v tvorchestve V.I. Lamanskogo [Lomonosov studies in the work of V.I. Lamansky], *Veche*, no. 30, 223–240 (in Russian).
- Kupriyanov, V.A. (2016). Struktura Evropy v filosofsko-istoricheskom uchenii V.I. Lamanskogo [The structure of Europe in the philosophical and historical doctrine of V.I. Lamansky], *Veche*, no. 28, 215–222 (in Russian).
- Kupriyanov, V.A., Malinov, A.V. (2020). *Akademik V.I. Lamanskij. Materialy k biografii i nauchnoy deyatel'nosti* [Academician V.I. Lamansky. Materials to biography and scientific activity], S.-Peterburg: Dmitriy Bulanin (in Russian).
- Kupriyanov, V.A., Smagina, G.I. (2021). Osnovaniye i pervyye desyatiletiya deyatel'nosti Sankt-Peterburgskoy Akademii nauk v trudakh rossiyskikh i zarubezhnykh istorikov nauki. Chast' 1 [Founding and the first decades of activity of the St. Petersburg Academy of Sciences in the works of Russian and foreign historians of science. Part 1], *Upravleniye naukoj: teoriya i praktika*, 3 (3), 159–182 (in Russian).
- Lamanskij, V.I. (1865a). *Lomonosov i Peterburgskaya akademiya nauk. Materialy k stoletney pamyati ego. 1765–1865 goda, aprelya 4 dnya* [Lomonosov and the Petersburg Academy of Sciences. Materials for the centenary of his memory. 1765–1865 years, April, 4], Moskva: V Univers. tip. (in Russian).
- Lamanskij, V.I. (1863). *Mikhail Vasil'yevich Lomonosov. Biograficheskij ocherk. Pervyye chetyre glavy* [Mikhail Vasilyevich Lomonosov. Biographical sketch. The first four chapters], S.-Peterburg: V tip. A.A. Kraevskogo (in Russian).
- Lamanskij, V.I. (1865b). *Stoletnyaya pamyat' Mikhailu Vasil'yevichu Lomonosovu. 4 aprelya 1865* [Centennial memory to Mikhail Vasilyevich Lomonosov. April 4, 1865], S.-Peterburg: V tip. Kukol'-Yasnopol'skogo (in Russian).
- Malinov, A.V. (2022). Slavyanofil'skiye zerkala (kritika V.I. Lamanskim vospriyatiya Rossii i slavyanstva v nemetskoj nauke) [Slavophile mirrors (V.I. Lamansky's criticism of the perception of Russia and Slavs in German science)], *Dialog so vremenem*, no. 4, 80–95 (in Russian). DOI: 10.21267/AQUILO.2022.80.80.003.

Mel'nikov, P.I. (1865). *Opisaniye prazdnestva, byvshego v S.-Peterburge 6–9 aprelya 1865 g. po sluchayu stoletnego yubileya Lomonosova* [Description of the festivities that took place in St. Petersburg on April 6–9, 1865 on the occasion of Lomonosov's centenary], S.-Peterburg: Tip. t-va "Obshhestvennaya pol'za" (in Russian).

Nikitenko, A.V. (1955). *Dnevnik: V 3 t.* [Diary: In 3 vols], t. 2, Moskva: GIKhL (in Russian).

Russkaya (1861) literatura [Russian literature], *Otechestvennyye zapiski*, 137 (7), 25–78 (in Russian).

*Sankt-Peterburgskiy filial arkhiva RAN (SPbF ARAN)* [St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 35, op. 1, ed. khr. 75, 77, 78 (in Russian).

*SPbF ARAN*, f. 134, op. 3, ed. khr. 812 (in Russian).

Smirnov, V.N. (2023). Metafora organicheskogo v slavyanofil'stve [Metaphor of the organic in Slavophilism], *Filosofskiy polilog*, no. 1, 23–35 (in Russian). DOI: 10.31119/phlog.2023.1.187.

***ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА ГРУЗДЕВА***

кандидат исторических наук,  
старший научный сотрудник  
Санкт-Петербургского филиала  
Архива Российской академии наук,  
Санкт-Петербург, Россия;  
e-mail: elgru@rambler.ru



## **К истории академических выборов 1929–1930 гг. (по наукам историческим)**

УДК: 001.32(09)

DOI: 10.24412/2079-0910-2024-3-68-79

В статье рассматриваются события 1929–1930 гг., относящиеся к очередной выборной кампании в Академии наук СССР. По архивным документам прослеживается выдвижение кандидатов на академические кафедры по историческим наукам (русской истории и византиноведения). В соответствии с новыми правилами проведения выборов, утвержденными в 1927 г., предлагать имена достойных ученых могли не только академики, но также иные лица, учреждения и организации. Потому особый интерес представляет анализ и выдвинутых кандидатов, и их групп поддержки. Переписка академиков позволяет проследить их позицию и участие в выборной кампании. Развитие событий на фоне развернувшейся в 1929 г. в Академии наук «чистки» аппарата и работы специальной следственной комиссии подводит к выводам о том, что результаты выборов в партийно-правительственных кругах были спланированы заранее, а сама выборная кампания позволила еще раз указать место не желавшей покоряться Академии наук, продемонстрировать ее бессилие перед государственной машиной.

**Ключевые слова:** история науки, Академия наук СССР, выборная кампания, советизация науки.

Когда говорят о выборах в Академии наук, происходивших в 1929 г., в первую очередь на память приходит та скандальная кампания 1928–1929 гг., которая закончилась переизбранием трех забаллотированных кандидатов-коммунистов. Об этом сюжете написано уже немало (см., например: [Есаков, 1971; Кольцов, 1990; «Наше положение...», 1996; Ананьев, Бухарин, 2021; и др.]), и мы здесь будем говорить не о нем.

Едва в феврале 1929 г. завершились выборы 42 новых академиков, как началась подготовка следующей избирательной кампании. Еще в конце 1928 г. в силу естественных причин в АН СССР стали появляться вакансии и было ясно, что в скором

времени возникнет вопрос об их замещении. И вот 15 мая 1929 г. в газете «Известия» от имени неперменного секретаря С.Ф. Ольденбурга было опубликовано объявление о вакантных кафедрах в Академии наук, освободившихся в связи со смертью ее действительных членов. Всего вакансий было четыре<sup>1</sup>, но нас будут интересовать только кафедры по истории, а их было две, так как за осень 1928 и весну 1929 г. умерли византинист Ф.И. Успенский и русский историк М.М. Богословский.

Итак, в Академии наук началась новая выборная кампания.

Проводилась она по правилам, зафиксированным в Уставе АН СССР 1927 г. Напомним кратко основные положения. После публикации объявления об открывшейся вакансии в течение двух месяцев принимаются мотивированные записки с предложением к избранию кандидатов. Причем подать такую записку имеют право не только академики, как это было ранее, но также ученые-неакадемики, группы ученых, научные учреждения и даже общественные организации. Через два месяца имена кандидатов публикуются в печати «для отзыва о них со стороны учреждений, организаций и лиц». Еще через два месяца Президиум АН создает особую комиссию из членов Академии и представителей ученых учреждений союзных республик, которая за две недели должна составить заключение обо всех предложенных кандидатах, указав тех, «которых она найдет достойными избрания». Затем в отделениях Академии производится баллотировка представленных комиссией кандидатов, а в одном из ближайших заседаний Общего собрания — повторная баллотировка, утверждающая избрание. Для победы кандидат должен был набрать не менее двух третей общего числа голосов [*Уставы...*, 2009, с. 145–146].

Демократические правила, привлекавшие широкие слои научной внеакадемической общественности, значительно сужали возможности академиков самим избирать себе сочленов, ибо общественные кандидаты, если особая комиссия «сочтет их достойными избрания», могли, дойдя до баллотировки, оттеснить академических кандидатов и занять вакантные кресла.

По традиции новый академик должен был заступить на место выбывшего, сохраняя его специальность; таким образом, в 1929 г. кандидатов следовало выдвигать из византинистов и русских историков. Однако еще с 1927 г. историк-марксист М.Н. Покровский поднимал вопрос о необходимости открыть в АН СССР еще одну кафедру — истории социализма, лучшим кандидатом на которую считал коммуниста В.П. Волгина [*Лагно*, 2010, с. 133–134]. Он повторил это свое предложение и перед новыми выборами в апреле 1929 г. Отделение гуманитарных наук согласилось «иметь в виду» предложение М.Н. Покровского, но пока просило объявить две вакансии<sup>2</sup>.

Предложение иметь академика — специалиста по истории социализма, по-видимому, разделялось в партийно-правительственных кругах, проводивших политику советизации Академии. Было одобрено и выдвижение В.П. Волгина. Управляющий делами Совнаркома Н.П. Горбунов 5 июля 1929 г. на заседании Политбюро ВКП(б) докладывал, что на новые выборы с коммунистической фракцией академиков были согласованы две кандидатуры историков: 1) коммунист В.П. Волгин — его фигуру при обсуждении сочли «сравнительно академичной», то есть такой, которая

<sup>1</sup> В объявлении были названы вакансии по химии, биологии и две по истории.

<sup>2</sup> Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 1. Оп. 2 (1929). Д. 8. Л. 29. — Выписка из Протокола ОГН от 23 апреля 1929 г.

не вызовет резких возражений, и 2) член-корреспондент Академии арабист и византист А.А. Васильев. Он не был коммунистом и даже сочувствующим, но поскольку после ареста в 1928 г. В.Н. Бенешевича других сильных византистов в СССР не было, фракция решила не возражать, если Академия выставит А.А. Васильева своим кандидатом [*Академия наук в решениях...*, 2000, с. 66].

Срок приема заявлений на выдвижение кандидатов заканчивался 14 июля 1929 г. В первой половине июля в Президиум АН поступали десятки писем. Очень организованно шло выдвижение историка социализма В.П. Волгина. В его поддержку были приняты и зарегистрированы обращения от правлений 1-го и 2-го Московского государственного университета, Ленинградского государственного университета, Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена, Государственного института научной педагогики, от Президиума Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), от Исторического отделения Института красной профессуры и от Центрального бюро секций научных работников ЦеКУБУ<sup>3</sup> — всего восемь организаций. Причем руководители объявляли поддержку кандидату от имени всех сотрудников своих учреждений.

При обсуждении вопроса о замещении кафедры византистики в академических кругах первой называли кандидатуру А.А. Васильева (с которой соглашалась и фракция коммунистов). В.П. Бузескул видел в нем «единственную возможную фигуру для выдвижения»<sup>4</sup>, эту точку зрения разделяли востоковеды, соглашался и С.Ф. Платонов, исполнявший летом 1929 г. обязанности неперменного секретаря АН и державший в руках все нити выборной кампании. По его просьбе С.А. Жебелев составил записку о научных трудах А.А. Васильева, которую подписали также И.Ю. Крачковский и В.П. Бузескул<sup>5</sup>. Однако у всех это выдвижение вызывало некоторое беспокойство. Во-первых, А.А. Васильев с 1925 г. жил за границей, сначала находясь в научной командировке, а после ее окончания летом 1928 г. ссылаясь на незавершенные дела. Он оставался членом Академии наук и поддерживал с ней связь, предполагая в будущем вернуться в Россию, но в условиях давления на Академию (напомним, что летом 1929 г. началась известная «чистка» аппарата АН) кандидатура «невозвращенца» могла быть объявлена «нежелательной». Во-вторых, по правилам выборов, кандидат должен был заявить о своем согласии баллотироваться, а А.А. Васильев не отвечал на отправленные ему письма<sup>6</sup>.

В.П. Бузескул писал из Харькова: «Я по-прежнему держусь того мнения, что нельзя эту отрасль (византистику. — *Прим. Е.Г.*), после достигнутых в ней русской наукой успехов, предавать полному забвению. <...> Я полагаю, что в случае отказа А.А. Васильева <...> следовало бы снова попытаться выдвинуть Д.В. Айналова, уже

<sup>3</sup> СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1929). Д. 76. Л. 63–64, 69–70, 82, 84, 92–98. — Письма о выдвижении и поддержке В.П. Волгина.

<sup>4</sup> Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 585 (Платонов). Д. 2403. Л. 33. — Письмо В.П. Бузескула С.Ф. Платонову от 28 мая 1929 г.

<sup>5</sup> СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1929). Д. 76. Л. 42–45. — Записка о А.А. Васильеве от «группы действительных членов АН СССР» и список его трудов.

<sup>6</sup> А.А. Васильев, не подозревавший о том, что оказался участником академических выборов, летом 1929 г. отправился в длительное турне по Америке и смог прочесть накопившиеся письма только по возвращении в Мэдисон в конце августа.

не как представителя истории искусства, а как византиниста. Я в крайности не возражал бы даже и против кандидатуры Ф.И. Шмита»<sup>7</sup>.

Оба названных историка, Д.В. Айналов и Ф.И. Шмит, также вошли в список кандидатов. Однако Д.В. Айналов, не прошедший на предыдущих выборах (об этом см.: [Ананьев, Бухарин, 2020]), опять рекомендовался к избранию как историк искусства и материальной культуры. Представление было подано от группы московских ученых — историков искусства и музейных деятелей — и подписано 11-ю фамилиями<sup>8</sup>. Несмотря на настойчивые предложения В.П. Бузескула рекомендовать Д.В. Айналова в качестве византиниста (см.: [Анфертьева, 1995, с. 285]), академики его на эту кафедру не выдвинули и даже не поддержали как искусствоведа — возможно, потому, что знали о неприятии его кандидатуры С.Ф. Платоновым<sup>9</sup>.

Другой же упомянутый В.П. Бузескулом возможный кандидат выдвигался именно на кафедру византиноведения. Ф.И. Шмит был ставленником научной ответственности Украины и главным образом Харькова: под заявлениями в его поддержку стояли подписи сотрудников секций научно-исследовательской кафедры искусствоведения при Всеукраинской Академии наук и трех харьковских музеев: Художественно-исторического, Археологического и Музея украинского искусства — всего 20 фамилий<sup>10</sup>. В 1901–1912 гг. Ф.И. Шмит сотрудничал с Русским археологическим институтом в Константинополе и занимался исследованием византийской архитектуры, мозаик и фресок, издав несколько работ. Затем он был профессором Харьковского университета по кафедре теории и истории искусств, после установления советской власти на Украине принимал активное участие в охране памятников искусства и старины, много сотрудничал с музеями. В Петрограде с 1924 г. возглавлял Институт истории искусств<sup>11</sup>. Известно, что рекомендацию своей кандидатуры на кафедру византистики Ф.И. Шмит организовал сам (см.: [Басаргина, 1999, с. 488; Ананьев, Бухарин, 2022, с. 290–293; 558–562]), но все формальности представления были соблюдены, и он оказался конкурентом А.А. Васильева.

Причем не единственным конкурентом.

Московские историки, поддержав предложение С.Ф. Платонова, выдвинули в качестве еще одного кандидата-византиниста своего коллегу — медиевиста, в прошлом профессора Московского университета, а с 1920 г. заместителя директора Государственной библиотеки им. Ленина Д.Н. Егорова. В представлении москвичи признавали, что их кандидат не византинист, но поясняли, что «не имея возможности в настоящее время рекомендовать для замещения вакантной кафедры истории

<sup>7</sup> СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 165. Л. 28–28 об. — Письмо В.П. Бузескула С.А. Жебелеву от 21 мая 1929 г.

<sup>8</sup> СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1929). Д. 76. Л. 67–68. — Записка о Д.В. Айналове 1929 г.

<sup>9</sup> СПбФ АРАН. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 35. Л. 8. — Письмо С.А. Жебелева Э.Л. Радлову от 17 октября 1928 г.; СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 165. Л. 32 об. — Письмо В.П. Бузескула С.А. Жебелеву от 6 июня 1929 г.

<sup>10</sup> СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1929). Д. 76. Л. 26–33. — Записки о Ф.И. Шмите и список его печатных трудов.

<sup>11</sup> Любопытно отметить заявление в поддержку кандидата, поступившее в АН от дворцов-музеев в Петергофе, Ораниенбауме, Гатчине, Павловске и Детском Селе. Подписавшие его руководители музейных объединений рекомендовали Ф.И. Шмита как... соиздателя «новой марксистской науки об искусстве» (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1929). Д. 77. Л. 4).



Византии лиц, специально занимающихся этою историею, но при всем том полагая, что дело академиков В.Г. Васильевского и Ф.И. Успенского должно продолжаться <...>, нижеподписавшиеся усматривают выход из создавшегося затруднения в организации работы по истории Византии в общих рамках средневековой истории, силами членов и сотрудников Академии, так или иначе соприкасающихся в своих занятиях с византийской историею»<sup>12</sup>. Записку о Д.Н. Егорове написал М.К. Любавский, своими подписями его поддержали С.Ф. Платонов, Ю.В. Готье и С.Б. Веселовский<sup>13</sup>.

Если список кандидатов-византинистов на этом исчерпывался, то на вакансию по русской истории предлагались еще несколько кандидатур.

С.Ф. Платонов очень активно продвигал А.Е. Преснякова. Хотя никто не возражал и не высказывал сомнений в научных заслугах последнего, многих смущал тот факт, что историк был тяжело болен и собирался ехать за границу лечиться. Но С.Ф. Платонову удалось убедить своих коллег в том, что надо опираться не на медицинскую, а на научно-историческую экспертизу: «по существу Пресняков уже избран, а советская общественность будет только удовлетворена зачислением его в академики»<sup>14</sup>. Поданная в Академию наук записка об А.Е. Преснякове была подписана академиками С.Ф. Платоновым, М.К. Любавским, Н.П. Лихачевым и членами-корреспондентами Ю.В. Готье, Д.Н. Егоровым и С.Б. Веселовским<sup>15</sup>.

Выдвигая одновременно с А.Е. Пресняковым специалиста по социально-экономической истории С.Б. Веселовского, академики, возможно, так же как и в случае с византинистами, хотели «подстраховаться». В записке об этом ученом было сказано, что его творческая мысль «находится в своем расцвете» и еще обогатит историческую науку рядом ценных исследований, а Академия наук в его лице приобрела бы также ценного сотрудника и руководителя в работе по изданию источников поместного и вотчинного землевладения»<sup>16</sup>. Представление С.Б. Веселовского подписали академики С.Ф. Платонов, Д.М. Петрушевский, М.Н. Розанов и Н.П. Лихачев.

В то же время академик Б.П. Бузескул писал в Ленинград: «По русской истории некоторые москвичи (какой-то проф. Аркадий Петров) весьма энергично пропагандирует кандидатуру проф. Довнар-Запольского, рассылая воззвания в далекий Азербайджан (в Баку) и сюда, в Харьков»<sup>17</sup>. Доктора русской истории и специа-

<sup>12</sup> СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1929). Д. 76. Л. 73. — Записка о Д.Н. Егорове.

<sup>13</sup> В.П. Бузескул, очень переживавший за перспективы академического византиноведения, долго не знал о выдвижении Д.Н. Егорова, а потом даже считал, что С.Ф. Платонов и Е.В. Тарле «скрыли» от него эту рекомендацию, несмотря на неоднократные обращения с вопросом, кого предполагается выставить кандидатом по всеобщей истории, кроме А.А. Васильева (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 165. Л. 45 об.; 55 об.). В целом В.П. Бузескул одобрил московского кандидата, признав, что Д.Н. Егоров «большой знаток источников», но при этом отметил, что прочить его в председатели Русско-византийской комиссии «несколько странно» (Там же. Л. 32 об.).

<sup>14</sup> ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов). Д. 3434. Л. 35–35 об. — Письмо М.К. Любавского С.Ф. Платонову от 10 июля 1929 г.

<sup>15</sup> СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1929). Д. 76. Л. 74–74 об. — Записка об А.Е. Преснякове.

<sup>16</sup> СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1929). Д. 76. Л. 72–72 об. — Записка о С.Б. Веселовском.

<sup>17</sup> СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 172. Л. 133 об. — Письмо В.П. Бузескула И.Ю. Крачковскому от 4 июля 1929 г.

листа по белорусской истории М.В. Довнар-Запольского в члены Академии наук рекомендовали представители научно-педагогической общественности Москвы, профессора Крымского пединститута, научные сотрудники Киевских учреждений и Всеукраинской АН, Одесского института народного образования и два белорусских историка — Е.Ф. Карский и А.И. Цвикевич, — всего в поддержку кандидата было собрано 18 подписей<sup>18</sup>. Но в Белорусской АН имелась и группа противников этого выдвижения; не поддержал его и ЦК Компартии Белоруссии, направивший в ЦК ВКП(б) свое «категорическое возражение» против кандидатуры М.В. Довнар-Запольского в Академию наук СССР [*Научно-организационные связи...*, 2015, с. 8; *Мітрафан Доўнар-Запольскі*, 2020, с. 160].

Выдвижение кандидатом известного народовольца и шлиссельбуржца Н.А. Морозова (подробнее см.: [*Шикман*, 2016, с. 139–142]) на общем фоне выглядит неожиданно и даже курьезно: представление его как «величайшего и гениальнейшего историка современности» было подписано одним именем — юриста В.Л. Блюменау<sup>19</sup>, — горячего поклонника морозовского произведения «Христос» («История человеческой культуры в естественно-научном освещении»)<sup>20</sup>.

Список названных девяти кандидатов по разряду наук исторических 1 августа 1929 г. был опубликован в центральных газетах для отзывов со стороны ученых, организаций, учреждений и лиц. Подчеркнем, что из них ставленниками академиков были четверо: А.А. Васильев, Д.Н. Егоров, А.Е. Пресняков, С.Б. Веселовский. С.Ф. Платонов в одном из писем высказал мнение, что грядущая выборная сессия «будет одною из мудренейших и к ней надо подготовиться старательно»<sup>21</sup>, и считал, что главными фаворитами будут В.П. Волгин, А.Е. Пресняков, Д.Н. Егоров, А.А. Васильев и М.В. Довнар-Запольский. Анализируя списки кандидатов и их групп поддержки, совсем другого развития событий опасался В.П. Бузескул, писавший С.А. Жебелеву: «...теперь выйдет, вероятно, так: мы запутаемся, ни один из наших кандидатов, даже и Д.Н. Егоров, может не пройти и пройдут кандидаты по истории социализма и по белорусской истории...»<sup>22</sup> И все же академики готовились отстаивать своих кандидатов перед натиском общественных ставленников.

Через два месяца, в октябре, должен был начаться следующий этап выборов, однако к тому времени ситуация в Академии наук несколько изменилась. Ввиду смерти троих академиков появились еще три вакансии (один геолог и два филолога). Академии грозили перманентные выборы. Тогда был разработан вариант: отложить на несколько месяцев созыв выборной комиссии по первым четырем вакансиям,

<sup>18</sup> СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1929). Д. 76. Л. 49–55 — Записки о М.В. Довнар-Запольском.

<sup>19</sup> СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1929). Д. 76. Л. 2–2 об. — Записка В.Л. Блюменау о Н.А. Морозове.

<sup>20</sup> Это «научное исследование», написанное в Шлиссельбурге, А.В. Луначарский называл «совершенно сумасбродной вещью» и «окончательным абсурдом» [*Шикман*, 2016, с. 106–107].

<sup>21</sup> См. письмо С.Ф. Платонова Д.Н. Егорову от 20 июля 1929 г., опубликованное в кн.: [*Академик С.Ф. Платонов*, 2003, с. 275].

<sup>22</sup> СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 165. Л. 38 об. — Письмо В.П. Бузескула С.А. Жебелеву от 7 июля 1929 г.

провести выдвижение претендентов на новые кафедры и уже в феврале 1930 г. рассмотреть сразу всех кандидатов<sup>23</sup>.

В списке кандидатов по историческим наукам к началу октября тоже произошли важные изменения: А.Е. Пресняков умер, а Н.А. Морозов и А.А. Васильев сняли свои кандидатуры; таким образом, вместо девяти остались только шестеро участников выборов.

В январе начался последний этап выборной кампании. На заседании Президиума АН СССР 12 января 1930 г. был доложен предварительный состав Комиссий по выборам в действительные члены АН СССР. В каждую комиссию по специальностям должны были войти председатель, шесть академиков и шесть представителей от ученых учреждений союзных республик. В комиссию по истории были назначены: Е.В. Тарле, А.М. Деборин, В.В. Бартольд, Н.М. Лукин, М.К. Любавский и Д.Б. Рязанов. Председателем, как и во всех остальных комиссиях, назначался и. о. неперменного секретаря В.Л. Комаров<sup>24</sup>. Такой состав избирательной комиссии вызвал вопросы у современников. Так, В.П. Бузескул писал С.А. Жебелеву: «...по историческим наукам ни Д.М. П[етрушевски]й, ни я не вошли. Очевидно, мы не в милости и признаны неподходящими; заменены мы философом и востоковедом — почему последним, не догадываюсь, ведь кандидатуры по Востоку в нашей группе нет»<sup>25</sup>.

Уже 29 января 1930 г. на заседании Президиума В.Л. Комаров доложил о результате работы Комиссии по предварительному просмотру кандидатур в академики и о желательности проведения выборов открытой баллотировкой<sup>26</sup>. Далее события развивались стремительно. На заседании Отделения гуманитарных наук 30 января и. о. неперменного секретаря В.Л. Комаров сообщил, что по Отделению были назначены к избранию всего две кандидатуры, причем на историческую кафедру только одна из них — В.П. Волгина на место русского историка; вторым гуманитарием стал претендент на место филолога-слависта А.И. Соболевского А.В. Луначарский. Заседание постановило: «...принять кандидатуры А.В. Луначарского и В.П. Волгина и в следующем заседании произвести баллотировку кандидатов»<sup>27</sup>. Следующее заседание состоялось... 31 января 1930 г., то есть на следующий день. Баллотировка двух

<sup>23</sup> Против этого предложения Академии Отдел научных учреждений Совнаркома не возражал и выборы были отложены (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 (1929). Д. 8. Л. 23 об., 25–27. — Протокольные бумаги Общего собрания АН СССР от 30 октября 1929 г.).

<sup>24</sup> СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1930). Д. 139. Л. 2. — Протокол заседания Президиума от 12 января 1930 г.

<sup>25</sup> СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 166. Л. 3 об. — Письмо В.П. Бузескула С.А. Жебелеву от 25 января 1930 г. В.П. Бузескул по состоянию здоровья не мог приехать на выборы и признавал: «...невключение меня в комиссию обрадовало и облегчило мою совесть, иначе я мучился бы при мысли, что я не исполняю своего долга там, где центр тяжести выборов, хотя, конечно, участие было бы бесполезно» (Там же).

<sup>26</sup> СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1930). Д. 139. Л. 7. — Протокол заседания Президиума от 29 января 1930 г. — В условиях «чистки» АН и начавшихся арестов требование открытого голосования было явным проявлением давления на академиков.

<sup>27</sup> СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 256. Л. 6. — Протокол заседания ОГН от 30 января 1930 г.

кандидатур была проведена в присутствии 22 академиков. Оба кандидата получили по 21 голосу при одном воздержавшемся<sup>28</sup>.

В тот же день, 31 января, состоялось и заседание Общего собрания АН, на котором «и. о. НС ак. Комаров сделал заявление о последовавших в заседаниях <...> ОГН избраниях в действительные члены АН <...> по кафедре истории — В.П. Волгина и по кафедре языков и литературы европейских народов — А.В. Луначарского <...> Постановлено: <...> баллотирование лиц, избранных в <...> ОГН, произвести в следующем заседании ОС...»<sup>29</sup> (подчеркнуто мною. — Прим. Е.Г.). Следующее заседание Общего собрания тоже не стали откладывать и провели также на следующий день, 1 февраля 1930 г. В протоколе о выборах читаем: «Согласно постановлению ОС (1 — 31/1 — [19]30 г.) произведено баллотирование в действительные члены <...> Присутствовало всего 52 избирателя. Число голосов 52, а законное большинство составляло 35 голосов. По произведенной баллотировке оказалось, что <...> В.П. Волгин соединил в свою пользу 43 избирательных [голоса], против 3 неизбирательных, при 6 воздержавшихся...»<sup>30</sup> Об избрании всех намеченных избирательными комиссиями кандидатов было доложено на Торжественном годовом собрании Академии наук 2 февраля 1930 г.<sup>31</sup> По итогу вместо семи кандидатов в академики были избраны только трое: историк В.П. Волгин, филолог А.В. Луначарский и химик Л.В. Писаржевский; остальные кафедры остались свободными.

Таким образом заключительный этап выборов свернулся в три дня. Не вызывает сомнения то, что баллотировки по всем наукам носили формальный характер. Мало того, что избирательными комиссиями были признаны «недостойными избрания» все кандидаты, выдвинутые академиками, были удовлетворены только три вакансии из семи, никаких альтернативных кандидатур на последнем этапе баллотировки просто не было. Фактически все было решено еще до голосований. Дальнейшее соблюдение протокола выборов превратилось в фарс.

Понятно, что надежный идеологически выдержанный историк-марксист В.П. Волгин с самого начала шел «вне конкурса». О том, что его победа была спланирована и предрешена партийно-правительственной верхушкой, свидетельствуют и опубликованные документы<sup>32</sup>, и информационная поддержка в центральной прессе в ходе предвыборной кампании (например, газета «Известия» накануне решающих выборов напечатала представления В.П. Волгина и А.В. Луначарского, а также отзывы академиков, единодушно поддерживающих «выдающегося историка» В.П. Волгина). Все остальные кандидаты по историческим наукам стали лишь

<sup>28</sup> СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 256. Л. 16 об. — Протокол заседания ОГН от 31 января 1930 г.

<sup>29</sup> СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 254. Л. 3–3 об. — Протокол заседания Общего собрания от 31 января 1930 г., § 6.

<sup>30</sup> СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 254. Л. 6. — Протокол заседания Общего собрания от 1 февраля 1930 г., § 17.

<sup>31</sup> СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1930). Д. 159. Л. 45. — Стенографический отчет Торжественного заседания АН СССР от 2 февраля 1930 г.

<sup>32</sup> Осенью 1929 г. при определении «путей дальнейшего реформирования Академии наук» В.П. Волгин уже однозначно рассматривался как будущий непреходящий секретарь и член Президиума АН [*Академия наук в решениях...*, 2000, с. 81].

массовкой, призванной демонстрировать демократический характер выборов, и в решающий момент им всем отказали в баллотировке без объяснения причин.

В 1928 г. государством было санкционировано беспрецедентное увеличение количества академических кресел, чтобы их заняли нужные партии и правительству ученые-коммунисты. Внутри Академии наук не все с этим согласились и попытались провести выборы по традиционным правилам. Однако трех забаллотированных академиками коммунистов все же пришлось переизбрать. Этот «урок» как раз и закрепляли следующие выборы, наглядно демонстрируя, что даже в вопросе пополнения штата Академии решение принимает не она, а правительство. Для лучшего усвоения «урока» фоном выборной кампании стала начавшаяся летом 1929 г. проверка АН.

Происходившие во второй половине 1929 г. события — «чистка» в Академии наук, обнаружение правительственной комиссией «незаконно хранившихся политических документов», якобы скрывавшихся от советской власти, обвинения видных членов и сотрудников АН в контрреволюционной деятельности (об этом, например: [Перченко, 1991а, с. 98–99; 1991б, с. 203–208; Академия наук в решениях..., 2000, с. 80–90]) — держали в напряжении весь аппарат Академии<sup>33</sup>. Это была прелюдия к «Академическому делу». Ноябрь 1929 г. ознаменовался началом работы специальной следственной комиссии и первыми арестами. В январе 1930 г. дошла очередь до академиков: 12 января был арестован С.Ф. Платонов, а перед самыми баллотировками, 28 января, — Е.В. Тарле и Н.П. Лихачев [Ананьич и др., 1993, с. XXVI–XXXIV]. Все это не могло не сказаться на моральном состоянии их коллег. Они без сопротивления приняли в свои ряды навязанных им кандидатов.

Сценарий, по которому шла выборная кампания 1929–1930 гг., во многом похож на предыдущие выборы, но власти уже не допускали прежних ошибок, действовали решительнее, жестче проводили свою линию и не гнушались никакими методами. Надежда академиков старой школы на возможность договориться с государством о нейтралитете не оправдалась. Начавшееся «Академическое дело», последовавшее за ним «Дело славистов» и другие подобные «дела» должны были ускорить и завершить намеченные правительством кардинальный пересмотр и замену «людского состава», а затем и переформатирование самой Академии наук.

Важными звеньями в этой цепочке советизации были и академические выборы.

## Источники

Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. / Отв. ред. С.О. Шмидт. Т. I: Письма С.Ф. Платонова, 1883–1930 / Сост. В.Г. Бухерт. М.: Наука, 2003. 388 с.

Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1991 / [Т. 1] 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. 591 с.

Научно-организационные связи Академии наук СССР и Академии наук БССР: 1929–1941 гг.: сборник документов / Сост. Л.Д. Бондарь, Н.В. Токарев, К.Г. Шишкина. Минск: Белорусская наука, 2015. 247 с.

«Наше положение хуже каторжного». Первые выборы в Академию наук СССР // Источник. 1996. № 3. С. 109–140.

<sup>33</sup> В результате «чистки» только 3 декабря 1929 г. из АН были уволены 522 сотрудника, а всего был изгнан 781 человек [Брачев, 1990, с. 126].

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 585 (Платонов). Д. 2403, 3434.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 254, 256.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 (1929). Д. 8, 76, 77.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1930). Д. 139, 159.

СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 165, 166.

СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 172.

СПбФ АРАН. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 35.

Уставы Российской академии наук. 1724–2009. М.: Наука, 2009. 367 с.

## Литература

*Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* «Необходим археолог или историк искусства»: Д.В. Айналов на выборах в АН СССР в 1928 г. // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2020. № 5. С. 48–64.

*Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* Академическая наука и власть на выборах в АН СССР 1928–1929 гг. // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 4. С. 380–386.

*Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* «Вот в какое время мы жили, и замолчать этот факт я не могу...». Советская историческая наука и музейное строительство в 1917–1941 годах (исследования и документы). М.: Индрик, 2022. 768 с.

*Ананьич Б.В., Панях В.М., Цамутали А.Н.* Предисловие // Академическое дело. 1929–1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб.: БАН, 1993. С. V–LXXIV.

*Анфертьева А.Н.* Д.В. Айналов: жизнь, творчество, архив // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / Ред. И.П. Медведев. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 259–312.

*Басаргина Е.Ю.* Ф.И. Шмит: материалы к биографии // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / Ред. И.П. Медведев. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 478–496.

*Брачев В.С.* Укрощение строптивой, или Как АН СССР учили послушанию // Вестник Академии наук СССР. 1990. № 4. С. 120–127.

*Есаков В.Д.* Советская наука в годы первой пятилетки: основные направления государственного руководства наукой. М.: Наука, 1971. 271 с.

*Кольцов А.В.* Выборы в Академию наук СССР в 1929 г. // Вопросы истории естествознания и техники. 1990. № 3. С. 53–66.

*Лазно А.Р.* Вячеслав Петрович Волгин. М.: МГУ, 2012. 248 с.

Мітрафан Доўнар-Запольскі (1868–1934 гг.): асоба ў дакументах і ўспамінах / Укл.: В.М. Мятліцкая. Мінск: Лімарыус, 2020. 488 с.

*Перченко Ф.Ф.* «Дело Академии наук» // Природа. 1991а. № 4. С. 96–104.

*Перченко Ф.Ф.* Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М.: Прогресс, Феникс, Atheneum, 1991b. С. 163–238.

*Шикман А.П.* Николай Морозов. Мистификация длиною в век. М.: Весь Мир, 2016. 288 с.



## About the Election to the Academy of Sciences in 1929–1930 (for the History Studies)

ELENA N. GRUZDEVA

Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch,  
St. Petersburg, Russia  
e-mail: elgru@rambler.ru

The article reveals the events of 1929–1930 that relate directly to the regular election to the Academy of Sciences of the USSR. The archival documents reflect the campaign for the academical nominations for the chairs of History studies (Russian History and Byzantine studies). In accordance with the new election terms, which had been approved in 1927, not only academicians, but any other person, an institution or an organization could nominate worthy candidates. Therefore, the analysis of the candidates as well as their supporters seems to be of considerable interest. The correspondence between academicians enables us to trace their opinions and participation in the election campaign. It was taking place against a background of increasing purges of the staff members of the Academy of Sciences, while a special commission of inquiry would conduct the investigation into the “Academy case” in 1929. Therefore, the election results could be pre-designed by the Soviet authorities, and the campaign itself appeared to bring the disobedient Academy down a peg and to show it one more time its weak position against the wheels of State.

**Keywords:** history of science, Academy of Sciences of the USSR, election campaign, Sovietization of science.

### References

- Anan'ev, V.G., Bukharin, M.D. (2020). “Neobkhodim arkholog ili istorik iskusstva”: D.V. Aynalov na vyborah v AN SSSR v 1928 g. [“An archeologist or a historian of arts is needed”]: D.V. Ainalov at the election to the Academy of Sciences of the USSR in 1928], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8: Istoriya*, no. 5, 48–64 (in Russian).
- Anan'ev, V.G., Bukharin, M.D. (2021). Akademicheskaya nauka i vlast' na vyborah v AN SSSR v 1928–1929 gg. [Academical science and the authorities during the election to the Academy of Sciences of the USSR in 1928–1929], *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 91 (4), 380–386 (in Russian).
- Anan'ev, V.G., Bukharin, M.D. (2022). “Vot v kakoye vremya my zhili, i zamolchat' etot fakt ya ne mogu...”. *Sovetskaya istoricheskaya nauka i muzeynoye stroitel'stvo v 1917–1941 godakh (issledovaniya i dokumenty)* [“That was the time when we lived, and I can't conceal this fact...”. Soviet historical studies and the organization of museum affairs in 1917–1941 (research and documents)], Moskva: Indrik (in Russian).
- Anan'ich, B.V., Paneiakh, V.M., Tsamutali, A.N. (1993). Predisloviye [Preface], in *Akademicheskoye delo. 1929–1931 gg.* [Academy's Case. 1929–1931], Vyp. 1: Delo po obvineniyu akademika S.F. Platonova [The case against academician S.F. Platonov] (pp. V–LXXIV), S.-Peterburg: BAN (in Russian).
- Anfert'eva, A.N. (1995). D.V. Aynalov: zhizn', tvorchestvo, arkhiv [Ainalov: life, work, archives], in I.P. Medvedev (Ed.), *Arkhivy russkikh vizantinistov v Sankt-Peterburge* [The archives of Russian Byzantine scholars in St. Petersburg] (pp. 259–312), S.-Peterburg: Dmitriy Bulanin (in Russian).
- Basargina, E.Yu. (1999). F.I. Shmit: materialy k biografii [F.I. Schmit: biographical materials], in I.P. Medvedev (Ed.), *Rukopisnoye naslediyе russkikh vizantinistov v arkhivakh Sankt-Peterburga*

[Manuscript heritage of Russian Byzantine scholars in the archives of St. Petersburg] (pp. 478–496), S.-Peterburg: Dmitriy Bulanin (in Russian).

Bondar', L.D., Tokarev, N.V., Shishkina, K.G. (Eds.) (2015). *Nauchno-organizatsionnyye svyazi Akademii nauk SSSR i Akademii nauk BSSR: 1929–1941 gg.: sbornik dokumentov* [Scientific-and-organizational relations between the Academy of Sciences of the USSR and the Academy of Sciences of the BSSR], Minsk: Belaruskaya navuka (in Russian).

Brachev, V.S. (1990). Ukroshcheniye stroptivoy, ili Kak AN SSSR uchili poslushaniyu [The taming of the shrew, or How the Academy of Sciences of the USSR was trained to be obedient], *Vestnik Akademii nauk SSSR*, no. 4, 120–127 (in Russian).

Esakov, V.D. (1971). *Sovetskaya nauka v gody pervoy pyatiletki: osnovnyye napravleniya gosudarstvennogo rukovodstva naukoy* [Soviet science during the First Five-Year-Plan: main directions of state supervision on science], Moskva: Nauka (in Russian).

Esakov, V.D. (Comp.) (2000). *Akademiya nauk v resheniyakh Politbiuro TsK RKP(b)–VKP(b)–KPSS. 1922–1991* [The Academy of Sciences in the Resolutions of the Political Bureau of the Central Committee of R.C.P.(B.)–A.-U.C.P.(B.)–C.P.S.U. 1922–1991], [t. 1] 1922–1952, Moskva: ROSSPEN (in Russian).

Kol'tsov, A.V. (1990). Vybory v Akademiyu nauk SSSR v 1929 g. [Election to the Academy of Sciences of the USSR in 1929], *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki*, no. 3, 53–66 (in Russian).

Lagno, A.R. (2012). *Vyacheslav Petrovich Volgin*, Moskva: MGU (in Russian).

*Manuscripts Department of the National Library of Russia*, f. 585 (Platonov), d. 2403, 3434.

Miatlitskaya, V.M. (Ed.) (2020). *Mitrafan Doynar-Zapol'ski (1868–1934 gg.): Asoba ŷ daku-mentakh i ŷspaminakh* [Mitrofan Dovnar-Zapolsky (1868–1934): person in documents and memoirs], Minsk: Limaryus (in Belarusian).

“Nashe (1996) polozheniye khuzhe katorzhnogo”. Pervye vybory v Akademiyu nauk SSSR [“Our situation is of gall and wormwood”. First election to the Academy of Sciences of the USSR], *Istochnik*, no. 3, 109–140 (in Russian).

Perchenok, F.F. (1991a). “Delo Akademii nauk” [“Case of the Academy of Sciences”], *Priroda*, no. 4, 96–104 (in Russian).

Perchenok, F.F. (1991b). Akademiya nauk na “velikom perelome” [Academy of Sciences at the “great turn”], in *Zven'ya: istoricheskiy al'manakh* [Links: historical anthology], vyp. 1 (pp. 163–238), Moskva: Progress, Feniks, Atheneum (in Russian).

Shikman, A.P. (2016). *Nikolay Morozov. Mistifikatsiya dlinoyu v vek* [Nikolai Morozov. Trick a century long], Moskva: Ves' Mir (in Russian).

*St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbB ARAS)*, f. 1, op. 1, d. 254, 256.

*SPbB ARAS*, f. 1, op. 2 (1929), d. 8, 76, 77.

*SPbB ARAS*, f. 2, op. 1 (1930), d. 139, 159.

*SPbB ARAS*, f. 729, op. 2, d. 165, 166.

*SPbB ARAS*, f. 1026, op. 3, d. 172.

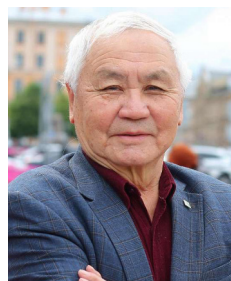
*SPbB ARAS*, f. 1052, op. 1, d. 35.

*Ustavy (2009) Rossiyskoy akademii nauk. 1724–2009* [Charters of the Russian Academy of Sciences. 1724–2009], Moskva: Nauka (in Russian).

# КЛАССИКИ СОЦИОЛОГИИ: К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ САМУИЛА АРОНОВИЧА КУГЕЛЯ

*АСАЛХАН ОЛЬЗОНОВИЧ БОРОНОВ*

доктор философских наук,  
почетный профессор Санкт-Петербургского  
государственного университета,  
Санкт-Петербург, Россия;  
e-mail: pavlovasoc@mail.ru



## Он родился социологом

УДК: 929+316

DOI: 10.24412/2079-0910-2024-3-80-88

В науке, как в любом творческом процессе, есть лидеры. С их именами и деятельностью связаны определенные достижения, этапы в исследовательских и организационных направлениях, что является объектом изучения. Поэтому знание прошлого, истории деятельности творцов чрезвычайно важно для настоящего и будущего развития науки. Каждое новое поколение должно знать историю своей науки, имена, с которыми связаны ее этапы. В этом проявляются принципы преемственности и культуры.

В статье-воспоминании нами представлены этапы и направления деятельности С.А. Кугеля, основателя школы социологии науки и научных коллективов. Автором показаны основные результаты его исследований, тематика с включением некоторых воспоминаний, фактов общения и взаимодействия с ним в период долгого времени. Подчеркивается значимость его исследований и эффективность деятельности его школы социологии науки для понимания современных процессов в сфере науки и научного творчества, которые чрезвычайно актуальны.

**Ключевые слова:** С.А. Кугель, социология науки, социальная структура, интеллигенция, журнал, научная школа, преемственность.

История отечественной социологии сложна и интересна; каждый ее этап, начиная с ее создателя П.Л. Лаврова (П.А. Сорокин), имеет свои идеи, позиции и имена. Первый период с середины XIX в. был связан с обсуждением своего предмета, места среди других рядоположенных наук и поисками теоретико-методологических позиций, характеризующих специфику ее мышления. В этот период активно осмысливались идеи Конта, Маркса, велись дискуссии, формировались основания школ

и направлений, в частности, возникла русская субъ-ективная школа, приобретающая широкое распространение и признание (Ю. Геккер). В этот период были заложены основания отечественных традиций.

В конце XIX и начале XX в. начинается этап академической (университетской) социологии, который связан с именами М.М. Ковалевского, Е.В. Де Роберти, Н.И. Кареева и их учеников К.М. Тахтарева, П.А. Сорокина и др. С этого времени социология включается в образовательный процесс — открываются кафедры (1907), появляются программы обучения, студенты и дилемма «учитель и ученик», о чем писал Н.И. Кареев. Первыми учениками М.М. Ковалевского, основного зачинателя этого этапа, были К.Н. Тахтарев, который обучался в Русской высшей школе общественных наук (1901–1906, Париж), П.А. Сорокин, Н.Д. Кондратьев и др. Среди них П.А. Сорокин стал одним из тех, кто начал фундаментальные эмпирические исследования в сочетании с теоретическими поисками, что оказало существенное влияние на развитие отечественной и мировой социологии. Как утверждают многие, его опыт исследований был чрезвычайно важным достижением, получившим развитие в нашей социологии в период оттепели под названием прикладной социологии. В этот период в разных регионах и городах появились центры, лаборатории и даже институты, как Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований (НИИКСИ, 1965), который, будучи междисциплинарным, фактически работал на социологической методологии и тематике. Ленинград в то время был центром социологической активности, в городе с 1960-х гг. возникали различные группы. Центром этих начинаний был Городской общественный Институт социальных исследований под руководством проф. В.П. Рожина, декана философского факультета (1959–1970), активного зачинателя этого (в период оттепели) этапа развития нашей социологии. Так, на факультете работал социологический семинар (1958) с участием И.С. Кона, А.Г. Харчева, Б.Д. Парыгина, В.А. Ядова, А.Г. Здравомыслова, В.Т. Лисовского, С.Н. Иконниковой, С.А. Кугеля, В.Я. Ельмеева, В.Д. Кобецкого и др. Издавались материалы семинара и работы В.П. Рожина и других авторов. В работе семинара участвовали студенты, так как проблемы социологии тогда были чрезвычайно популярными. В 1962 г. был издан сборник по материалам семинара



С.А. Кугель у Главного здания Санкт-Петербургского государственного университета. 1994

S.A. Kugel near the Main building of Saint Petersburg State University. 1994



С.А. Кугель в Санкт-Петербургском филиале Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук. 2014

S.A. Kugel in S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, St Petersburg Branch. 2014

под названием «Проблемы марксистской социологии» с широким представлением проблематики и направлений.

Ленинградские институты социологии, которыми руководил В.П. Рожин, имели большое значение для актуализации социологических идей и социологического движения в стране [Орнатская, 2008].

Признанием заслуг ленинградских социологов, как известно, был Всесоюзный симпозиум, фактически конгресс (1966), под руководством В.П. Рожина, проведенный в Ленинграде (пленарные заседания проходили в Главном зале здания Академии наук СССР) [Бороноев, 2019].

Самуил Аронович Кугель принимал активное участие в работе симпозиума, выступил с докладом «Проблемы высшего образования» на секции «Технический прогресс и трудовая деятельность человека» (рук. Г.В. Осипов), наряду с Н.А. Аитовым, В.Н. Шубкиным, В.Г. Мордковичем, А.А. Кисселем и др. В его выступлении были развиты идеи, представлены факты влияния образования на структуру основных классов советского общества, которые обсуждались им в его кандидатской диссертации (1962) и в его статьях, в том числе в статье «Некоторые проблемы изучения социальной структуры» в соавторстве с О.И. Шкаратаном [Кугель, Шкаратан, 1965].

С.А. Кугель в своих работах 60-х гг. XX в. активно исследовал внутриклассовые различия и роль в этом образования. Свою идею он потом называл «изюминкой», новым подходом к изучению социальной структуры. Им фактически реализовывалась концепция стратификации П.А. Сорокина и др., которая в то время была вне нашей социологии. С.А. Кугелем в условиях международной и внутренней дискуссии о динамике социальной и внутриклассовой структуры общества была предложена, как пишут В.В. Радаев и О.И. Шкаратан, «расширенная трактовка границ рабочего класса с фактическим отказом от “трехчленки”». Его идея заключалась в том, что «межклассовые и внутриклассовые различия, составляющие основы социальной структуры общества, явно не совпадают, по крайней мере, в условиях развитого индустриального производства, с различиями между работниками физического и умственного труда» [Радаев, Шкаратан, 1996, с. 225].

В работах этого периода по динамике социальной структуры общества С.А. Кугелем было показано многообразие основных слоев (классов) советского общества и новое понимание содержания интеллигенции как сложного явления, проявляющегося во всех основных элементах структуры общества. На основе эмпирических исследований он сделал вывод, что интеллигенцию рождает каждый класс общества, что это не просто отдельная прослойка специалистов-интеллектуалов, а «одухотворенные люди, которые обладают культурой, высокой нравственностью и высокой ответственностью за судьбы народа» [Интервью, 2001, с. 7]. Кугель, исходя из этой позиции, допускал рабочую интеллигенцию и крестьянскую интеллигенцию наряду и в структуре с собственно интеллигенцией. Это было демократизацией понимания интеллигенции, отказом от сведения ее только к некоей интеллектуальной группе, элите, которая, как писал английский ученый и писатель Ч.П. Сноу, часто сводится к гуманитарному (художественному) слою, не всегда обладающей «высокой нравственностью и высокой ответственностью», что показывает история, в том числе российская [Сноу, 1985, с. 123].

Самуил Аронович Кугель был прав, связывая высокую культуру, нравственность, ответственность и с людьми материального производства, а не только духов-



ного, художественного, о чем размышлял и Сноу. Позиция Кугеля и его единомышленников определила в свое время дискуссию о составе интеллигенции, появились понятия «рабочая интеллигенция», «крестьянская», «инженеры-интеллигенты», «интеллектуальная элита». Последнюю он представлял как слой ученых, имеющих высокий «статус и престиж», осознающих свою роль и претендующих «на влияние и лидерство» [Кугель, 2005, с. 80].

Проблема интеллигенции актуальна и сейчас. Некоторые авторы, начиная с А.И. Солженицына, назвавшего советскую интеллигенцию «образованщиной», продолжают эту традицию, забыв, что те «образованцы» покорили космос, вырастили нескольких нобелиатов (мастеров художественного слова и ученых), чего мы не видим в последние десятилетия. Обвинения, что в современной России интеллигенции нет (В. Третьяков), несостоятельны, они говорят или об эмоциональности говорящих (пишущих), или о вознесении себя в судьи, что, по крайней мере, нескромно.

Это понятие уходит и из науки, в частности социологической теории. Оно заменяется понятиями «элита» или «специалисты интеллектуального труда». Последнее словосочетание якобы более эффективно в модели исследования спроса и предложения рабочей силы и ее дифференциации [Горшков и др., 2023].

Может быть, действительно так, но это не заменяет понятия интеллигенции, этого многозначного феномена. Понятие элиты не адекватно понятию интеллигенции. Элита, как общепринято, — это высший слой того или иного общества, связанный с существующей социальной структурой, обладающий атрибутами власти, властного влияния, богатства и престижа (Ч.Р. Миллс). Элита — это прежде всего обладающие собственностью и властью (стремлением к ней) группы, тогда как интеллигенция характеризуется идеалами нравственности, моральной связи (П. Штомпка), культуры и духовного развития, а также «высшей ответственностью за судьбы народа» (С.А. Кугель). Интеллигенция и элита различаются содержательно и функционально, но не абсолютно, что является предметом размышлений.

Возникновение дискуссии об интеллигенции и других слоях современного общества в целом справедливо, так как меняется структура общества, ее интерпретация, но еще нет адекватного понимания происходящего. К этому иногда прибавляется желание низвергнуть устоявшееся, более разумное (подробнее см.: [Боронов, 2023]).

Широкую известность получили в свое время исследование и книга С.А. Кугеля «Молодые инженеры: социологические проблемы инженерной деятельности» (М., 1971), подготовленная совместно с О.М. Никандровым. Интерес вызывался актуальностью темы: в тот период проблема подготовки инженеров и качества их деятельности постоянно обсуждалась в СМИ, на партийно-экономических мероприятиях. Речь шла о том, почему при обилии инженеров мы отстаем от западного мира в развитии техники, технологий. При этом ставился вопрос о поднятии качества подготовки инженеров и эффективности их труда. Кстати, эти вопросы обсуждаются и сейчас, они остались. Появление книги, да еще в издательстве «Мысль», было событием. Помню (я участвовал), в 150-й аудитории (самой большой на философском факультете) состоялась презентация книги. Была дискуссия, которая касалась, к сожалению, в основном поиска «ревизии» постулатов исторического материализма.

Важность книги заключалась, прежде всего прочего, в том, что таких монографических исследований и изданий в то время не было, и она, по крайней мере в



Ленинграде, была одной из первых книг, посвященных становлению и функционированию такой социальной группы, как инженеры, роль которых в развитии технологий и экономики огромна. После этой книги появилась серия различных изданий по инженерной деятельности.

Самуил Аронович принимал участие в теоретических и социологических семинарах на факультете философии, и я, интересовавшийся социологией, участвовал в их работе. В те годы студенты были очень активными.

С.А. Кугель часто бывал на философском факультете, общался с деканом В.П. Рожиным, который, как говорилось выше, был одним из зачинателей социологии в городе. Самуил Аронович запомнился мне своей научной активностью, общительностью, когда проходил по нашему коридору, тогда не очень опрятному, была всегда на его лице добрая улыбка, что вызывало интерес к нему у нас, студентов. В 1963 г., уже будучи кандидатом наук, он посещал с нами, студентами выпускного курса социологического направления, лекции А.Г. Здравомыслова и В.А. Ядова по методологии и технике социологических исследований, задавал много практических вопросов, превращая лекции в семинар.

С 70-х гг. XX в. С.А. Кугель бывал на философском факультете чаще, так как перешел в Ленинградское отделение Института истории науки и техники, где создал Сектор социологии науки, который находился рядом с институтом. У него наладились творческие связи с некоторыми преподавателями и аспирантами, которые затем работали в ЛО ИИЕТ. С этого периода он стал однолюбом: занялся социологией науки и научных коллективов. На этот выбор, как он писал позже, повлиял Ю.С. Мелешенко.

Очень важным событием в жизни С.А. Кугеля была защита им докторской диссертации по прикладной социологии (1974) на тему «Структура и мобильность научных кадров в СССР». Он стал первым в стране доктором наук по социологии (прикладной)<sup>1</sup>. Его диссертация была результатом исследований созданного им в 1969 г. в ЛО ИИЕТ направления. Этим самым Самуил Аронович заложил основу собственной научно-педагогической школы социологии науки и научной деятельности, которая продолжается его учениками и последователями, работает Международная школа его имени. Пожалуй, это единственная научная школа в социологии в нашей стране, сформировавшаяся в 70–80-х гг. прошлого века и продолжающая свою деятельность.

В рамках школы С.А. Кугеля изданы и издаются значимые труды, серийные и с большой временной историей, что говорит об актуальности его творчества, культуре последователей, которые не придерживаются революционных принципов вроде: «все, что было до нас, от лукавого, это необходимо забыть или уничтожить», продолжают его научные и организационные инициативы. Этому способствуют современные проблемы науки и научной деятельности, которые чрезвычайно актуальны. Качество подготовки специалистов сегодня запутано между принципами болонского процесса и поисками путей суверенизации нашего образования. Не сформулирована внятная концепция трансформации образования, ее этапов, потеряны методики обучения и воспитания, которые были уделом кафедр, методических образований и

<sup>1</sup> Социология в полном объеме была включена в структуру научных специальностей страны только в 1990 г. Автор был председателем первого в городе диссертационного совета (1990).

ученых советов. При этом не обсуждаются целевые моменты образовательного действия: воспитание гражданина, сохранение преемственности и вопросы профессионализма. Эта ситуация сокращает в подготовке специалистов и в деятельности научных образований участие общественного мнения, коллективности, которые определяют гражданскую активность, ответственность и корпоративность профессоров. Уходит образовательная среда как фактор потенциала образования и ее институтов. Это усугубляется разрушением вузовских (университетских) традиций подготовки кадров: их подбора, работы семинаров, функционирования научных школ, ученых советов, кафедр. История науки говорит о том, что достижения в науке в огромной степени связаны с работой кафедр, семинаров и других форм коллективных действий и общения. Почитайте воспоминания классиков нашей и мировой науки.

В своих работах и в беседах Самуил Аронович всегда высказывал озабоченность сокращением традиционных форм взаимодействия в науке, которые составляют основу творческой деятельности. В современной науке многое меняется, формируется сложное взаимодействие традиций и новаций, по-разному влияющих на исследовательский процесс и систему научных организаций. Опыт трудов и деятельности школы С.А. Кугеля весьма значим для понимания сегодняшних тенденций изменения науки как института, проблем привлечения молодежи, их отношения к научной деятельности, ее организационных структур, а также внутринаучного общения и взаимодействий. Ленинградской (Санкт-Петербургской) школой были проведены и получены очень важные результаты, которые представлены во многих изданиях и имеют свое продолжение и влияние, что очень важно. Их необходимо освоить и участвовать в обсуждении.

Одним из очень важных результатов деятельности Кугеля является созданный по его инициативе журнал «Социология науки и технологий» (2010). Обосновывая необходимость издания, он писал: «Создание этого журнала — ответ на вызовы времени, на перемены, происходящие в социологии — науковедческом сообществе и самом социуме» [Кугель, 2010, с. 218].

Журнал сегодня действительно стал одним из ведущих в науковедении, он представляет материалы актуальных исследований, как исторические, так и современные, наполненные эмпирическим материалом. Последние были близки С.А. Кугелю, так как он называл себя социологом-эмпириком, говорил, что «занимался эмпирической частью науковедения». Журнал за годы существования успешно представляет традиции и исследования школы, объединяет социологов науки и тем самым поощряет науковедческие поиски, что чрезвычайно важно в век науки и технологий. Этому способствует и Международная школа социологии науки и технологий имени С.А. Кугеля, которая проводится уже в 38-й раз, что делает честь Санкт-Петербургскому филиалу ИИЕТ, ученикам и единомышленникам Самуила Ароновича.

Говоря о наследии С.А. Кугеля, хочется затронуть проблему научных школ. Как говорилось выше, когда-то актуальная форма институционализации науки теперь подвергается сомнению. При этом, на мой взгляд, отрицаются коллективные аспекты творчества, проблема «ученик и учитель» и отвергаются принципы преемственности, которые чрезвычайно важны в научном и художественном творчестве.

Утверждение, что научные школы — проявление провинциальности и что они ведут к мафиозности или сектантству, наверное, несостоятельны. Школы существуют как свободные ассоциации (Э.А. Тропп), объединяя ученых в мировоззренческих

(научных) и методических средах, а также разные поколения и времена. Эффективность многих научных школ известна, в том числе и школы С.А. Кугеля. Она функционирует, объединяя исследователей, представляя результаты и, следовательно, влияя на научные исследования и на новые поколения. Понятно, что могут возникать лжешколы, как писал И.С. Кон, когда у некоторых заведующих кафедрами или лабораториями появляется желание объявить свои коллективы научной школой, но эти и другие поползновения не отвергают возможность и наличие настоящих школ. Научные школы — это проявление результатов деятельности, влияние их и содействие эффективному продолжению их другими поколениями, то есть учениками. Они являются одним из факторов дифференциации научного сообщества и, через это, повышения оснований научного взаимодействия и дискуссий.

Как известно, творческая деятельность нуждается в признании, дифференциации. В направлении исследований элитарности (наличия школ и перспективных направлений, их лидеров) много сделано Самуилом Ароновичем. Его исследования вызывают интерес и способствуют пониманию соотношений в науке разных исследовательских групп и индивидуальностей. Можно утверждать, что созданная С.А. Кугелем и его коллегами школа социологии науки весьма эффективна и требует продолжения. Активность его коллег и учеников определяет надежду, что она будет радовать нас новыми идеями и фактами. Важность школы определяется и тем, что в век технологий научная деятельность является определяющей. При этом надо помнить высказывание Мо, современника Конфуция, о том, что хорошему нужно следовать, но нужно создавать современное хорошее, то есть продолжать исследования с учетом новаций, открытий и т. д.

В жизни Самуил Аронович был общителен. Как говорилось выше, я познакомился с ним вживую на презентации его книги «Молодые инженеры» (1971), хотя его знал раньше. До этого посещал его спецкурс по социальной структуре, который был предложен студентам специализации по историческому материализму. Его лекции походили на беседы, были доступны, и в них преобладали факты и размышления вокруг них. Это была его методика общения с аудиторией. Он не ораторствовал. С тех пор он «узнавал» меня как студента, а затем как аспиранта. При встречах интересовался моими делами. Одной из тем наших бесед была Сибирь, Забайкалье, Даурия<sup>2</sup>, где он служил после Великой Отечественной войны несколько лет. В 1960-е гг. еще прошло немного времени, как он уехал оттуда, и в его памяти оставались многие наблюдения природы, климата, хозяйственной деятельности, культуры аборигенов. Правда, я из Прибайкалья, а не из Забайкалья, но беседу поддерживал. Он даже увлек меня культурологическими проблемами Забайкалья и в целом Восточной Сибири. Это говорит о том, что простые беседы старшего с младшим бывают полезными для последнего. Только младшим надо быть внимательными.

Наше сотрудничество активизировалось с началом перестройки, когда я директорствовал в Научно-исследовательском институте комплексных социальных исследований (НИИКСИ, 1987–1990), и особенно с 1989 г., с периода создания факультета социологии СПбГУ, где я был деканом. Он участвовал во всех наших

<sup>2</sup> Даурия, Даурская земля — название Западного (Верхнего) Приамурья и Восточного Забайкалья, где жили племена дауров, близких к тунгусам. Для территории характерны степной ландшафт, суровый климат с температурами зимой до  $-50$ , а летом до  $+40$  и сильными ветрами. В советское время даже служба на территории Забайкальского военного округа была сокращена до двух лет вместо трех.

конференциях и других научных мероприятиях, равно как я и мои коллеги — в научных активностях его Центра социологии науки. Это сотрудничество было очень полезным, оно расширяло кругозор молодых исследователей, их культуру.

Важным фактором сотрудничества между Центром социолого-наукоедческих исследований и факультетом социологии было то, что наши выпускники находили работу в институте, включая нашу выпускницу Надежду Алексеевну Ащеулову, которая сегодня эффективно руководит СПбФ ИИЕТ.

Самуил Аронович в «Записках социолога» писал: «Я верю в мессианскую роль социологии (в смысле ее влияния на практику). Поэтому всегда искал наиболее эффективные формы воздействия социологии на жизнь» [Кугель, 2005, с. 5]. Надеюсь, что современным социологам близки его суждения, они верят в свою науку и работают на увеличение ее значимости в обществе. В этом есть хороший пример Самуила Ароновича.

## Литература

*Бороноев А.О.* Первый Всесоюзный симпозиум как новый этап институционализации социологии в СССР // СоцИс. 2019. № 3. С. 129–136.

*Бороноев А.О.* Необходимость интеллигенции: некоторые размышления // Интеллигенция и ее роль в современном российском обществе. Материалы XIV Всероссийской научной конференции «Байкальская встреча» (Улан-Удэ, 13–15 сентября 2023 г.) / Науч. ред. К.А. Багаева (в печати).

*Горшков М.К., Шереги Ф.Э., Тюрина И.О.* Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 383 с.

Интервью с профессором Самуилом Ароновичем Кугелем // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 3 (15). С. 5–15.

*Кугель С.А.* Записки социолога. СПб.: Нестор-История, 2005. 203 с.

*Кугель С.А.* Российской социологии науки — собственный журнал // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 4. С. 218–221.

*Кугель С.А., Шкаратан О.И.* Некоторые методологические проблемы изучения социальной структуры общества // Философские науки. 1965. № 1. С. 78–85.

*Орнатская Л.А.* В.П. Рожин и Ленинградская социология в 60-е годы XX столетия // Социология в Ленинграде — Санкт-Петербурге во второй половине XX века: Межвуз. сб. / Ред. А.О. Бороноев. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. (Российская социология. Вып. 4). С. 311–321.

*Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М.: Аспект-пресс, 1996. 318 с.

*Сноу Ч.П.* Портреты и размышления. Эссе. Интервью. Выступления. М.: Прогресс, 1985. 368 с.

## He Was Born a Sociologist

*ASALKHAN O. BORONOEV*

Saint Petersburg State University,  
St. Petersburg, Russia;  
e-mail: pavlovasoc@mail.ru

Science, as well as any other creative process, has got its own leaders. Specific achievements and stages in research and organizational directions are connected with names and activities of these leaders, and it has become an object of study. That's why our knowledge of the past and of the creators' history is extremely important for present and future development of science. Every new generation in science must know the history of this science and the circle of names with whom its stages are connected. This manifests the principles of continuity and culture.

This article is a reminiscence showing steps and directions of S.A. Kugel activity as a founder of sociology of science and scientific institutions school. The author shows main fields and results of Kugel's work and includes some reminiscences about facts of communication and collaboration with him during a long period. Also, the author underlines the significance of Kugel's research and the effectiveness of his school's activities to understand actual processes in the sphere of science and scientific work.

**Keywords:** S.A. Kugel, sociology of science, social structure, the intelligentsia, journal, scientific school, continuity.

## References

Boronev, A.O. (2019). Pervyy Vsesoyuznyy simpozium kak novyy etap institutsionalizatsii sotsiologii v SSSR [The First All-Union Symposium as a new stage of institutionalization of sociology in the USSR], *SotsIs*, no. 3, 129–136 (in Russian).

Boronev, A.O. (In the press). Neobkhodimost' intelligentsii: nekotoryye razmyshleniya [Necessity of the intelligentsia: some reflections], in K.A. Bagaeva (Ed.), *Intelligentsiya i yeye rol' v sovremennom rossiyskom obshchestve: materialy XIV Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii "Baykal'skaya vstrecha" (Ulan-Ude, 13–15 sentyabrya 2023 g.)* [The intelligentsia and its role in modern Russian society: The materials of XIV All-Russian scientific conference "Baykal Meeting" (Ulan-Ude, September 13–15, 2023)] (in Russian).

Gorshkov, M.K., Sheregi, F.E., Turina, I.O. (2023). *Vosproizvodstvo spetsialistov intellektual'nogo truda: sotsiologicheskii analiz* [Reproduction of specialists in intellectual labor: sociological analysis], Moskva: FNISTs RAN (in Russian).

Interv'yu (2001) s professorom Samuilom Aronovichem Kugelem [An interview with a professor Samuil A. Kugel], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 4 (3 (15)), 5–15 (in Russian).

Kugel, S.A. (2005). *Zapiski sotsiologa* [Notes of a sociologist], S.-Peterburg: Nestor-Istoriya (in Russian).

Kugel, S.A. (2010). Rossiyskoy sotsiologii nauki — sobstvennyy zhurnal [Russian sociology of science needs its own journal], *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki*, no. 4, 218–221 (in Russian).

Kugel, S.A., Shkaratan, O.I. (1965). Nekotoryye metodologicheskiye problemy izucheniya sotsial'noy struktury obshchestva [Some methodological problems of social structure of society studies], *Filosofskiy nauki*, no. 1, 78–85 (in Russian).

Ornatskaya, L.A. (2008). V.P. Rozhin i Leningradskaya sotsiologiya v 60-ye gody XX stoletiya [V.P. Rozhin and Leningrad sociology in 1960s], in A.O. Boronev (Ed.), *Sotsiologiya v Leningrade — Sankt-Peterburge vo vtoroy polovine XX veka* [Sociology in Leningrad — St. Petersburg in the second half of XX century] (pp. 311–321), S.-Peterburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta (in Russian).

Radaev, V.V., Shkaratan, O.I. (1996). *Sotsial'naya stratifikatsiya* [Social stratification], Moskva: Aspekt-press (in Russian).

Snow, Ch.P. (1985). *Portrety i razmyshleniya. Esse. Interv'yu. Vystupleniya* [Portraits and reflections. Essays. Interviews. Speeches], Moskva: Progress (in Russian).

# ИСТОРИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ И НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

*Михаил Викторович Грибовский*

доктор исторических наук,  
профессор кафедры российской истории Национального  
исследовательского Томского государственного университета,  
Томск, Россия;  
ведущий научный сотрудник Центра истории  
российской науки и научно-технологического развития  
Российского государственного гуманитарного университета,  
Москва, Россия;  
e-mail: mgrib@mail2000.ru



## **«Вторая половина рабочего дня»: проблема участия преподавателей советских вузов в научно-исследовательской деятельности**

УДК: 93/94

DOI: 10.24412/2079-0910-2024-3-89-106

Своеобразие советской научно-образовательной модели заключалось в том, что высшим учебным заведениям отводилась в первую очередь роль генерации кадров, а проведение научных исследований понималось как неглавный приоритет. Вместе с тем от ассистентов, доцентов, профессоров систематически требовалась демонстрация научных достижений. Эта установка сложится в середине 1930-х гг. и будет оставаться неизменной весь советский период. В статье на основе как нормативной документации, так и материалов, извлеченных из архивов (Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив новейшей истории, Российский государственный архив социально-политической истории), дана характеристика условий научной деятельности профессорско-преподавательского состава вузов в советское время с точки зрения стимулов и барьеров для занятия наукой в вузе, приведены оценки представителей партийных, советских руководящих органов и вузовской общественности об организации научной работы, об уровне вовлеченности в нее профессором и преподавателей. Показана волнообразная трансформация подходов к вузовской науке: от значительного редуцирования в первые послереволюционные десятилетия через тотальность установок на обязательность научной деятельности, характеризующих 1930–1940-е гг., к более гибкому, взвешенному подходу начиная с 1950–1960-х гг. Предлагается авторская трактовка существовавшей университетской модели и ее связи с современным российским



университетом. Установлено, что разрабатываемые с конца 1950-х гг. подходы и механизмы по оптимизации научной деятельности в вузе — элементы индивидуализации, практика сокращения учебной нагрузки преподавателей, активно работающих в науке, — созвучны идеям XXI в.

**Ключевые слова:** вуз, университет, профессор, научно-исследовательская деятельность, кафедра, лаборатория, НИИ.

## Постановка проблемы

Идея взаимоувязанности науки и образования считается одним из базовых принципов классической гумбольдтовской модели высшей школы. Несмотря на то что сама модель не во всем соответствует реалиям массового университета второй половины XX — начала XXI в., именно этот ее элемент и сегодня зачастую понимается как должное.

XX век, с его социальными и политическими перипетиями, привносил в отечественную высшую школу (особенно в 1920–1930-е гг.) глубокие перемены, в том числе ставившие под сомнение место исследовательской роли в деятельности университета. Хотя эксперименты первых революционных десятилетий завершились к концу 1930-х гг. реставрацией многих компонентов дореволюционной университетской модели, поиск оптимального сочетания преподавательских и исследовательских функций профессорско-преподавательского состава, вовлечение преподавателей советских вузов в научно-исследовательскую деятельность составляло предмет неизменного беспокойства со стороны заинтересованных институций на протяжении последующих десятилетий. Именно на эту проблему, не утратившую актуальности в современности, направлен фокус настоящего исследования.

К названной проблеме начинали обращаться еще советские социологи-наукovedы, подходя к ней либо с точки зрения изучения бюджета времени [Фомин, 1967; Лапшин, Годионенко, 1975], либо шире — через тематику научной организации труда [Лапшин, Годионенко, 1973].

В современной историографии проблема, с одной стороны, затрагивается через локальные сюжеты [Шпикельман, 2016], либо через анализ научной политики [Армашова и др., 2022]. В коллективной монографии «Наука большой страны: советский опыт управления» (М., 2023) автор настоящей статьи уже обращался к теме «второй половины рабочего дня», но тогда это было лишь одним из многочисленных сюжетов главы, посвященной организации исследований в советском вузе [Наука..., 2023]. Настоящая статья призвана шире раскрыть эту сторону вузовской жизни, вписав ее в более общий контекст эволюции университетской модели.

Особо подчеркнем, что по отношению к современной высшей школе названная проблематика исследователями поднимается весьма активно, внимание вновь уделяется бюджету времени [Груздев, Терентьев, 2015; Абрамов и др., 2017; Кудяев, 2020], структуре занятости в академической сфере [Шляков, 2019; Лобова, 2019]. Этот современный интерес дополнительно актуализирует анализ состояния проблемы в не столь далеком советском прошлом, излет которого застала и часть действующих вузовских сотруddников.

## Моделирование советского университета: в поисках места науки

Если в дореволюционной России именно университеты можно было отнести к главным акторам отечественной науки, то в первые советские десятилетия возможность проведения масштабных научных исследований в вузе ставилась под сомнение. Аргументом служила мысль о том, что направления исследований в высшей школе укладываются в рамки преподаваемых дисциплин, поэтому строятся в соответствии не столько со структурой знания, сколько с планом преподаваемых курсов, то есть подчинены учебному процессу и обусловлены им. Центр тяжести советской науки начинал смещаться в сторону более специализированных учреждений Академии наук и отраслевых НИИ.

С конца 1920-х гг. логика развития высшей школы оказалась тесно переплетена с процессом индустриализации, что способствовало трансформации системы высшего образования в направлении разделения по отраслевому принципу, то есть подчинению отраслевым (преимущественно промышленным) народным комиссариатам. Самой пострадавшей частью высшей школы в процессе отраслизации стали классические университеты, которые подверглись «разукрупнению», лишившись ряда факультетов и кафедр, становившихся базами для вновь образованных отраслевых учебных институтов.

В новой системе координат вузы мыслились частью крупных индустриальных комплексов, подчиненной их кадровым и прикладным задачам: «ВУЗы должны готовить работников для практической деятельности, для производства в широком смысле слова, во всех его отраслях. Все построение преподавания и вся жизнь ВУЗа должна связываться с практикой возможно ближе», — подчеркивалось еще в 1925 г. на заседании комиссии Оргбюро ЦК РКП(б) по вузам<sup>1</sup>. При таком подходе университеты и институты как полноценные созидатели нового фундаментального знания не рассматривались, а проводимые в их стенах исследовательские работы, скорее, были призваны носить прикладной характер.

Влияние отраслизации высшей школы на вузовскую науку является предметом дискуссий. Наркоматы (позднее министерства), в ведении которых находились вузы, имели в подчинении и собственные научно-исследовательские институты и зачастую именно им (а не вузовским кафедрам и лабораториям) отдавали предпочтение при распределении научных заказов. На это, в частности указывалось в докладе Казанского химико-технологического института на совещании по научно-исследовательской работе вузов народного комиссариата тяжелой промышленности (1937): «...Главки (Главные управления учебных заведений — структурные подразделения наркоматов, через которые осуществлялось руководство вузами. — Прим. М.Г.), несмотря на постановление ЦК ВКП(б) и СНК 22 июня 1936 г., продолжают рассматривать ВТУЗы в качестве бедных родственников и полагают, что они должны заботиться только о “своих” НИИ»<sup>2</sup>. Делалось предложение: «Обязать Главки, для которых втуз готовит кадры, рассматривать лаборатории Института как “свои” ячейки», которые они обязаны загрузить научной работой»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 738. Л. 35.

<sup>2</sup> Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 544. Л. 31.

<sup>3</sup> Там же. Л. 33.

Продолжением того же феномена ведомственности была весьма распространенная ситуация, когда промышленные предприятия определенной отрасли были склонны поручать хозяйственные работы исследовательским учреждениям той отрасли, которой сами принадлежали, а не вузам. Так, в 1955 г. начальник технического управления Министерства бумажной и деревообрабатывающей промышленности М. Сердюков сообщал заместителю заведующего Отделом науки и культуры ЦК КПСС М.Д. Яковлеву, что названное министерство в работе «опирается в основном на свои отраслевые научно-исследовательские институты, так как учебные институты работают по заданию промышленности только при условии оплаты за проведенную работу. В связи с крайней ограниченностью средств, выделяемых Министерством финансов СССР для оплаты договоров с организациями других ведомств, работы с НИСами вузов проводятся в небольшом объеме»<sup>4</sup>. Иными словами, вузовским разработкам путь на производство часто оказывался перекрыт отраслевыми НИИ, которые, по выражению Г.А. Лахтина, создавали «сплошной фронт научного сопровождения производства, не оставляющий просветов, через которые пробивались бы разработки и изобретения со стороны» [Лахтин, 1990, с. 79]. Отраслевым НИИ, как правило, доставались от промышленности крупномасштабные многолетние задания по проведению научно-исследовательских работ, а вузы могли рассчитывать на заказы лишь по остаточному принципу.

Два вышеприведенных примера демонстрируют негативные эффекты от ведомственной отраслеизации для вузовской науки. Однако реальная картина, очевидно, была сложнее и могла отличаться по разным отраслям.

В послевоенный период, когда на базе ВКВШ было создано Министерство высшего образования СССР (1946), значительное число прежде отраслевых вузов было передано в ведение нового министерства. Отраслевой принцип управления высшей школой заметно ослаб, но не исчез вовсе («свои» вузы остались у министерств путей сообщения, сельского хозяйства, здравоохранения, просвещения, культуры и ряда других ведомств).

Изменившаяся ситуация выявила случаи, противоположные приведенным ранее, то есть ухудшение условий для проведения научно-исследовательской работы в вузе вследствие перехода из подчинения профильному министерству — в Министерство высшего образования.

В 1955 г. секретарь партбюро Московского авиационного технологического института от имени трудового коллектива обратился в ЦК КПСС с просьбой вернуть вуз в отраслевое подчинение. Время, когда авиационные вузы были в системе Министерства авиационной промышленности (1929–1946), автор обращения называл периодом роста и расцвета. С переходом в Министерство высшего образования положение авиационных институтов резко ухудшилось, что сказалось на оснащении лабораторий и кабинетов. В обращении отмечалось: «Главснаб МВО не имеет в своей номенклатуре специфического оборудования и материалов для авиационных институтов и не в состоянии обеспечить надлежащее снабжение. <...> Работники вузов перестали быть органически связаны с авиационной промышленностью, их не привлекали к разработке проблемных вопросов. <...> Связь с промышленностью делалась все более затрунительной. В отдельных случаях, чтобы попасть на завод

<sup>4</sup> Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 35. Д. 13. Л. 85.

или ОКБ, требовалось разрешение Министра авиационной промышленности или, по крайней мере, его заместителя. Информационные материалы МАП стали поступать в вуз в ограниченном количестве, причем наиболее актуальные материалы в вузы не рассылались <...>. В результате тематика исследовательских работ становится менее актуальной, менее отвечающей запросам промышленности и перспективам ее развития, становится случайной, не связанной с общим планом развития авиационной промышленности»<sup>5</sup>.

Несмотря на признание ряда текущих недостатков, позиция Министерства высшего образования и ЦК была выражена следующим образом: «Опыт подчинения института промышленным министерствам показывает, что работа их неправильно направлялась на выполнение только узковедомственных задач. После передачи институтов в ведение Министерства высшего образования создалась возможность развивать их, привлекать для работы ученых родственных отраслей науки и техники и этим улучшить подготовку инженеров. Кроме того, при наличии в институтах ученых по различным специальностям представляется возможным выполнять более глубокие комплексные научные исследования»<sup>6</sup>. Такой подход стал преобладающим в зрелое и позднее советское время.

Вопрос о том, где были лучше условия для занятия наукой: в ведомственных вузах или вузах, подчиненных Министерству высшего образования (в 1959–1988 гг. союзно-республиканское Министерство высшего и среднего специального образования), остается открытым и заслуживает дальнейшего изучения, но во всяком случае можно говорить о том, что ситуация различалась от ведомства к ведомству.

Характерные для ранних советских десятилетий установки о выводе серьезной науки из вузов остались в прошлом. Начиная с середины 1930-х гг. в серии правительственных и партийных постановлений неизменно подчеркивалась исключительная важность научной работы в высшей школе.

В постановлении СНК и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой», упомянутом в вышеприведенной цитате, декларировалось, что «без научно-исследовательской работы не может осуществляться высшими учебными заведениями подготовка специалистов на уровне требований современной науки»<sup>7</sup>.

В архивных документах отложилась реакция на это постановление, звучавшая на упомянутом совещании по научно-исследовательской работе вузов народного комиссариата тяжелой промышленности (1937). В докладе руководства Московского института химического машиностроения читаем: «До постановления Партии и Правительства НИР не находилась на достаточной высоте, так как в отдельных случаях она сводилась к выполнению ряда работ, не имевших прямого отношения к общей научной работе коллектива Института. После реорганизации была установлена общая линия проведения научной работы в Институте, которой должны

<sup>5</sup> Там же. Л. 61–64.

<sup>6</sup> Там же. Л. 66.

<sup>7</sup> Постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сборник документов за 50 лет: В 5 т. Т. 2: 1929–1940 гг. М.: Политиздат, 1967. С. 597.

были подчиняться все работы кафедр, как специальных, так и общеинженерных»<sup>8</sup>. Разумеется, нет основания принимать на веру эти заверения, представленные в довольно панегирической интонации, но мы можем фиксировать корректировку приоритетов в деятельности высшей школы, которая перестала трактоваться только как место воспроизводства кадров.

С этого времени в руководящих документах подчеркивалось, как велика доля высококвалифицированных кадров, сосредоточенных в вузах, и что их следует шире задействовать в практической научной работе.

Так, в объяснительной записке к Положению о научно-исследовательской работе в вузах СССР (1941) приводились расчеты, согласно которым вузы имели на 61% больше научных работников и на 134% больше профессоров, чем все научно-исследовательские учреждения страны, и, если принять то, что вузовские сотрудники нагружены исследовательской деятельностью на 40% рабочего времени, то все ассистенты, доценты и профессора окажутся соразмерны персоналу одной тысячи средних научно-исследовательских учреждений. Из таких расчетов следовало, что научные работники вузов могли бы обеспечивать 40% всей выполнявшейся в СССР научно-исследовательской работы<sup>9</sup>.

Аналогичный аргумент звучал и после войны. В письме на имя Г.М. Маленкова (1946) за подписями С.В. Кафтanova, Н.К. Байбакова, П.Ф. Ломако и других крупных администраторов подчеркивалось, что в высших учебных заведениях работают более 5 тысяч докторов наук и профессоров и свыше 12 тысяч доцентов и кандидатов наук и что эта «большая армия ученых» должна быть непременно привлечена к разрешению научных и технических проблем, связанных с осуществлением четвертого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР<sup>10</sup>.

Таким образом, с середины 1930-х гг. действовали официальные установки на максимально широкое вовлечение профессорско-преподавательского состава вузов в научно-исследовательскую работу. Такая работа могла осуществляться непосредственно на кафедрах или в вузовских лабораториях и научно-исследовательских институтах, а с точки зрения финансирования делилась на госбюджетную и хоздоговорную (по заказу организаций и предприятий). Однако названные установки и официальная риторика не всегда принимали в расчет реалии условий и особенностей труда вузовских работников.

### **Бюджет рабочего времени**

В 1930-е гг. в ходе реформирования высшей школы на повестке дня оказалась проблема распределения времени как студентов, так и преподавателей вузов. Постановление ЦК ВКП(б) «Об упорядочении общественных нагрузок студентов вузов, втузов и техникумов» (1933) ограничило четырьмя часами в неделю привлечение учащихся к выполнению тех или иных общественных поручений<sup>11</sup>. Впрочем, еще

<sup>8</sup> ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1 Д. 544. Л. 14.

<sup>9</sup> ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 2. Д. 595. Л. 11.

<sup>10</sup> ГА РФ. Ф. Р-9396. Оп. 9. Д. 3. Л. 81.

<sup>11</sup> Ленинградский университет. 1933. 19 сентября.

в 1936 г. заведующий отделом науки московского горкома ВКП(б) Э.Я. Кольман в письме, адресованном Сталину, утверждал, что «оно сплошь нарушается»<sup>12</sup>.

Во второй половине десятилетия был довольно радикально пересмотрен подход к учету рабочего времени вузовских преподавателей.

При введении штатно-окладной системы (1937) предусматривалось, что каждый вузовский преподаватель должен исполнять служебные обязанности в течение пяти часов в день. В 1940 г. норма была увеличена до шести часов в день. Служебные обязанности преподавателя складывались из учебной, научной и методической работы. Соотношение учебной и неучебной нагрузки находилось в зависимости от должности. Заведующий кафедрой из шести часов на учебный процесс должен был затрачивать 2,5–3 часа в день, что соответствовало 640–770 часам в год, профессор — 2,75–3,35 часа в день (700–835 в год), доцент, ассистент и преподаватель — по 3–3,5 часа в день (770–900 в год). Оставшееся от шести часов время получило в советском канцелярите наименование «вторая половина рабочего дня» (точнее, более половины у заведующих кафедрами и профессоров и менее половины у прочих сотрудников кафедр). Эту-то «вторую половину» преподавателям и следовало направлять на научную и методическую работу<sup>13</sup>.

Плановая социалистическая экономика, частью которой была и система образования, предполагала внимание к учету и контролю. Однако если учебную нагрузку подсчитать и проконтролировать ее выполнение было несложно, то со «второй половиной» дело обстояло иначе.

Судя по многочисленным документальным источникам, власти и научно-педагогические работники довольно радикально расходились в оценке того, насколько эффективно используется рабочее время сотрудниками вузов. Если первые исходили из того, что занятие научной работой уже обеспечено заработной платой и поэтому выдавать научный продукт — обязанность каждого сотрудника, то вторые указывали на три главных обстоятельства, сокращавшие их возможности уделить внимание и время научной работе: большая учебная нагрузка, общественные поручения и обширное делопроизводство («бумажная работа»).

Любопытная дискуссия об условиях выполнения научной работы в вузе и о том, сколько времени сотрудников она занимает, развернулась на совещании, которое проводилось в Днепропетровске при обкоме Союза работников высшей школы (18 февраля 1941 г.).

Академик АН УССР А.Н. Динник, объясняя, почему вузы по-прежнему подходят к науке как к делу не первой важности, передавал соображения одного неназванного директора московского института, который, с его слов, рассуждал так: «...если я не выполню учебный процесс, мне намылят шею, а если не выполнена научно-исследовательская работа — это неважно»<sup>14</sup>.

Академик А.И. Бродский, директор Института физической химии АН УССР, профессор Днепропетровского химико-технологического института, весьма откровенно признавал, что утверждения о занятости профессорско-преподавательского состава три часа в день преподаванием, а остальные три часа научной работой явля-

<sup>12</sup> РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 144. Л. 29.

<sup>13</sup> ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 24. Д. 3335. Л. 43–44.

<sup>14</sup> ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 2. Д. 593. Л. 20.



ются «чистейшей фикцией, обманом», и предлагал расставить точки над «i» в этом вопросе<sup>15</sup>.

Заместитель директора Днепропетровского металлургического института профессор А.Д. Готлиб произвел расчеты и установил, что с точки зрения выделяемых на науку госбюджетных сумм в среднем на одного работника приходится 50 руб. в месяц<sup>16</sup> — «по нашему втузу, который в системе нашего наркомата лучше всех справляется с научно-исследовательской работой <...>. Можете себе представить, какое положение во всех остальных втузах». Именно недостатком финансирования профессор А.Д. Готлиб объяснял проблему с вовлечением в науку полного состава научно-педагогических работников вуза: «Совершенно ясно, что обеспечить научный рост наших научных сотрудников, заполнить те 3–4 часа, которые имеются в их распоряжении для научной работы после работы со студентами, почти невозможно, потому что очень мало денег».

Как поступали вузы в ситуации дефицита госбюджетного финансирования науки? Ответ на этот вопрос дает профессор А.Д. Готлиб: «По нашему институту все деньги в этом году были распределены таким образом, что могли обеспечить только наших диссертантов. Следовательно, все остальные, кто в 1941 г. диссертации не защищает, они средства не получали на ведение госбюджетных работ». Подчеркнем, что это не являлось частным случаем одного конкретного вуза, а характеризовало общий подход, типичный для системы, когда бюджетные средства, поступающие на проведение научных исследований, направлялись вузами именно на подготовку сотрудниками кандидатских и докторских диссертаций [*Наука...*, 2023, с. 337].

При этом А.Д. Готлиб на примере своего института давал рецепт выхода из положения по наполнению «второй половины дня» всех прочих сотрудников (не занимавшихся подготовкой диссертаций), которые «должны расти, не имея на это ни копейки денег». Замдиректора делился опытом: «Мы, тем не менее, добиваемся, чтобы каждый наш штатный научный сотрудник какую-то работу, обеспечивающую его рост, делал с тем, чтобы он использовал <...> положенные ему 3–4 часа. Мы требуем, чтобы каждый выбрал себе какую-нибудь тему, но предупреждаем что денег он не получит. Он должен заниматься какой-то кабинетной работой, переводами, рефератами и т. д.»<sup>17</sup>

В развитие слов А.Д. Готлиба звучало выступление представителя того же института профессора А.Н. Похвиснева, который предлагал заменить в руководящих документах фразу о том, что каждый вузовский работник должен заниматься научно-исследовательской работой, на фразу об обязанности заниматься повышением квалификации; в это он вкладывал разработку литературы, написание доклада, подготовку эксперимента и прочие профессиональные активности<sup>18</sup>.

Лейтмотивом абсолютного большинства предложений по интенсификации исследований в вузах была идея снижения педагогической нагрузки преподавателей. Как правило, имелся в виду не полный штат профессорско-преподавательского состава, а те вузовские сотрудники, которые активно вели научную работу; иначе говоря, речь шла о дифференцированном подходе к определению размера учебных

<sup>15</sup> Там же. Л. 9.

<sup>16</sup> Для сравнения: должностной оклад ассистента в это время равнялся 500 рублям.

<sup>17</sup> ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 2. Д. 593. Л. 6.

<sup>18</sup> Там же. Л. 13.

поручений. «Несмотря на то что эта мера несколько увеличит расходы государства на содержание профессорско-преподавательского состава, — писали в адрес Н.С. Хрущева в начале 1956 г. сотрудники Саратовского университета профессор П.В. Голубков и доцент Б.М. Заморозков, — она экономически оправдана, т[ак] к[ак] интенсификация научной работы в области радиоэлектроники приведет к ликвидации нашего отставания и к быстрому развитию тяжелой и оборонной промышленности»<sup>19</sup>.

Власти выражали готовность делать определенные шаги в этом направлении. В том же 1956 г. Министерство высшего образования СССР выпустило инструктивное письмо И-100, позволявшее вузам подходить более индивидуально к распределению нагрузки между преподавателями.

Министерство разрешило по усмотрению и под ответственность заведующего кафедрой и руководителя вуза сокращать лекционную часть дисциплин и практические занятия, в первую очередь на старших курсах, заменяя их самостоятельной работой.

Инструктивное письмо ориентировало вузы «подойти к определению объемов разных видов работ, выполняемых каждым научным работником вуза, конкретно и индивидуально». Руководителю было предоставлено право определить, «на каких видах работы тот или иной преподаватель принесет больше пользы. Одних научных работников в предстоящем учебном году целесообразнее больше использовать на учебной работе, других на научной работе, третьих — на создании учебников и учебных пособий». При этом Министерство предостерегало руководство университетов и институтов от назначения чрезмерно большой учебной нагрузки профессорам и преподавателям, поскольку это «будет отрицательно сказываться на их учебной и научной работе».

В качестве ожидаемого эффекта от внедрения установок, содержащихся в инструктивном письме, министерство видело высвобождение для перспективных в научном отношении преподавателей дополнительного времени для проведения исследовательской работы<sup>20</sup>.

Однако все организационные сложности, связанные с перераспределением нагрузки, оставались на ответственности самого вуза, и большого распространения эта мера не получила. На это через два года, в 1958 г., указывал секретарь Ленинградского обкома КПСС Г.И. Попов в письме заведующему Отделом науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР Н.Д. Казьмину: «...опыт показал, что уменьшить педагогическую нагрузку преподавателям оказалось возможным в небольшом числе случаев»<sup>21</sup>.

Эффект могли бы иметь более кардинальные меры административного порядка. Например, пересмотр расчетного коэффициента преподавательского состава по числу студентов в сторону уменьшения. Однако, очевидно, по экономическим соображениям более решительные шаги ни министерство, ни профильный отдел ЦК КПСС не инициировали.

<sup>19</sup> РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 13. Л. 36.

<sup>20</sup> Министерство высшего и среднего специального образования СССР. Инструктивное письмо от 15 сентября 1956 г. № И-100. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=19895#wkuRB8U1J6uUdFFS> (дата обращения: 18.05.2024).

<sup>21</sup> РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 32. Л. 70.

При существовавшей нагрузке, которая на практике зачастую превышала объемы, принятые при расчете штатов, по оценкам ученых Московского станкоинструментального института, по состоянию на 1958 г. научно-исследовательская работа могла занимать не более 25% рабочего времени вузовских сотрудников<sup>22</sup>. К середине 1970-х гг. затраты времени профессорско-преподавательского состава на выполнение бюджетных научно-исследовательских работ оценивались в среднем как 22% от общего рабочего времени [Лапшин, Годионенко, 1975, с. 127].

Таким образом, мы видим зависимость исследовательского сегмента в бюджете рабочего времени преподавателя от бюджета вуза на науку (здесь напрашивается невольная смысловая рифма). При этом, несмотря на призывы и декларации о всемерном наращивании научно-исследовательской составляющей высшей школы, достаточных условий для этого создано не было.

### Доля вовлеченных

Неполная вовлеченность профессорско-преподавательского состава в научно-исследовательскую работу была предметом постоянной критики со стороны властных структур, которые в 1930–1940-е гг. настаивали на стопроцентном участии в исследованиях научно-педагогических сотрудников кафедр, ссылаясь на принципы штатно-окладной системы. «Директоры высших учебных заведений нарушают постановление Правительства и не обеспечивают вовлечение всех профессоров и преподавателей в научно-исследовательскую деятельность вузов», — категорично говорилось в записке министра государственного контроля СССР Л.З. Мехлиса в адрес бюро Совмина СССР в 1947 г.<sup>23</sup>

Оценка степени (не)вовлеченности преподавателей вузов в научную деятельность довольно серьезно различалась с течением времени, к тому же имела отраслевую, региональную, должностную, возрастную и прочую специфику.

Председатель ВКВШ С.В. Кафтанов в речи на Всесоюзном совещании работников высшей школы 3 мая 1938 г. приводил такие цифры: «Иногда 15%, а по отдельным институтам и до 40% научных работников не ведет научно-исследовательской работы»<sup>24</sup>.

По данным акта проверки, участие в госбюджетных научно-исследовательских работах в 1946 г. в разных вузах принимало от 10 до 70% профессорско-преподавательского состава<sup>25</sup>. Давая пояснения результатов проверки, начальник Отдела научно-исследовательских работ Министерства высшего образования СССР К.Ф. Жигач вносил такие уточнения: исследовательской работой охвачены 70–95% профессоров, 50–90% доцентов, 35–60% ассистентов<sup>26</sup>.

В вышеупомянутой записке министра государственного контроля Л.З. Мехлиса (1947) приведены следующие сведения. В 92 проверенных вузах в научно-исследовательской работе, финансируемой из госбюджета, принимали участие 64% штатных

<sup>22</sup> РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 84. Л. 93.

<sup>23</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 543. Л. 132.

<sup>24</sup> ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 17. Д. 19. Л. 47.

<sup>25</sup> ГА РФ. Ф. Р-8300. Оп. 26. Д. 54. Л. 7.

<sup>26</sup> Там же. С. 23.

преподавателей. Более слабо в научно-исследовательскую работу были вовлечены молодые преподаватели: из них исследованиями занимались 51%. Если учитывать категории вузов, то доля вовлеченных в НИР выглядела следующим образом: сельскохозяйственные вузы — 67%, индустриальные и политехнические институты — 50,2%, горно-металлургические институты — 47,1% вовлеченных. В качестве примеров наиболее отстающих в этом отношении вузов были приведены Днепропетровский горный институт — 19,9%, Московский нефтяной институт — 21,2%.

Как видно по записке Л.З. Мехлиса и по другим источникам, охват научными исследованиями серьезно зависел от отраслевой принадлежности вуза. В этом отношении более ориентированными на научную деятельность оказывались университеты. По данным на 1954 г., из 11 582 чел. профессорско-преподавательского состава в научно-исследовательской работе в университетах принимали участие 9 451 чел. (то есть более 81%), которые выполнили 6 641 работу<sup>27</sup>.

Помимо вышесказанного, в записке Л.З. Мехлиса подчеркивалось, что хуже дела с НИР обстояли у преподавателей-совместителей. В 92 проверенных вузах наукой занимались только 34,5% сотрудников такой категории<sup>28</sup>.

Относительно проблемы совместительства администраторы от науки в контексте рассматриваемой проблемы высказывались довольно часто.

В вышеупомянутом письме Э.Я. Кольмана Сталину (1936) категорически заявлялось, что «по линии преподавания — совместительство является злейшим бичом научно-исследовательской работы»<sup>29</sup>. По состоянию на 1947 г. доля профессорско-преподавательского состава вузов, находившихся в ведении Министерства высшего образования, работавших по совместительству, оценивалась Министерством государственного контроля СССР свыше 25%<sup>30</sup>. При этом особо подчеркивался феномен «незаконного совместительства» научных работников, которые, не выполняя основной работы в одном вузе, параллельно вели работу в двух-трех других вузах<sup>31</sup>.

Более гибкий взгляд на совместительство, относящийся к тому же 1947 г., встречаем у начальника Главного управления университетов Министерства высшего образования Н.А. Фигуровского. Он отмечал, что наряду с педагогическим совместительством многие профессора совмещают работу в вузе с работой в научных учреждениях, в промышленности и в советских учреждениях, занимая административные должности. Такое совместительство, по мнению Н.А. Фигуровского, «является вполне закономерным и не может преследоваться». Более того, начальник управления полагал, что преподаватели, совмещающие педагогическую работу с работой в научном учреждении или промышленности, «получают часто весьма много для правильного направления исследований на своей кафедре» (имелись в виду новые идеи). Поэтому Н.А. Фигуровский предлагал даже «найти меры поощрения к такому совместительству»<sup>32</sup>.

<sup>27</sup> РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 13. Л. 37.

<sup>28</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 543. Л. 132–133.

<sup>29</sup> РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 144. Л. 29.

<sup>30</sup> ГА РФ. Ф. Р-8300. Оп. 26. Д. 54. Л. 4.

<sup>31</sup> Там же. Л. 10.

<sup>32</sup> Там же. Л. 36–37.

Близкая к изложенной позиция будет звучать и позднее, когда с развитием вечернего и заочного высшего образования соответствующие вузы столкнутся с объективными ограничениями для занятий научно-исследовательской деятельностью и будут искать выход именно в совместительстве.

Так, декан металлургического факультета Ленинградского заочного промышленного института доцент М.И. Корюков писал Хрущеву (1955), что заочные вузы не располагают своими лабораториями, а сотрудники таких вузов не имеют возможности заниматься наукой на рабочем месте. «Было бы целесообразно, — отмечал декан, — включить профессорско-преподавательский состав специальных кафедр в работу научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро и заводов по специальности для разрешения проблем в области развития новой техники». М.И. Корюков полагал, что профессорско-преподавательский состав заочных и вечерних вузов, проводящий учебные занятия в вечернее время, мог бы быть использован в дневное время не менее двух дней в неделю на работе в промышленности за счет выполнения нагрузки «второй половины дня», что к тому же не потребует дополнительной платы за счет предприятий, так как оплата «второй половины» уже включена в зарплату по институту<sup>33</sup>.

Возвращаясь к теме вовлеченности, отметим, что в послесталинский период председатель Совмина СССР Н.А. Булганин давал (1955) более жесткую оценку; по его утверждению, «едва ли пятая часть профессоров и преподавателей наших вузов принимает участие в выполнении научно-исследовательских работ для народного хозяйства»<sup>34</sup>. Очевидное расхождение данных Н.А. Булганина в сравнении с теми, которые звучали в 1940-х гг., вероятно, объясняется тем, что в его цифры были включены не все преподаватели, которые вели научную работу, а лишь те, чья работа была непосредственно связана с экономикой и производством.

Применительно к более поздним десятилетиям — 1960–1980-м гг. — встречаются указания на невовлеченность в исследования 15–30% вузовских преподавателей [Порозов, 2021, с. 49; Калягин, 1991, с. 15].

Очевидно, в наименьшей степени в систематическую научно-исследовательскую деятельность были вовлечены преподаватели общественных наук, особенно в провинциальных вузах. В силу исключительной политизированности этой отрасли знания сотрудники соответствующих кафедр были скорее погружены в идеологическую, а не в научную работу. Но были и иные примеры, связанные с участием ученых кафедр общественных наук в разработке социально-экономических проблем страны и ее регионов, проведением социологических исследований.

Таким образом, стремясь оценить долю преподавателей, вовлеченных в научно-исследовательскую работу, мы сталкиваемся с довольно заметным разбросом данных.

## Рефлексия относительно проблемы вовлечения в науку

Причины неполной вовлеченности профессорско-преподавательского состава в научно-исследовательскую деятельность можно искать в различных плоскостях.

<sup>33</sup> РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 13. Л. 116–117.

<sup>34</sup> Там же. Л. 116.

Весьма трезвый взгляд на этот вопрос транслировал упомянутый начальник Главного управления университетов МВО Н.А. Фигуровский. Рассуждая в 1947 г. о той установке, что все работающие в университете ученые обязаны вести научную работу, он подмечал, что «нельзя это общее и абсолютно правильное положение превращать в абсурд. В каждом университете есть люди, которые вообще непригодны для научной работы, они не имеют ни школы, ни подготовки. Это преподаватели иностранных языков, физкультуры и военных предметов. Требовать от них научную работу совершенно бессмысленно — большинство не имеет даже высшего образования. Кроме этой категории, в университетах имеются прекрасные педагоги, но ни в какой степени не исследователи. Т[аким] о[бразом], 100%-ный охват не только не характеризует высокого состояния научной работы, наоборот, весьма часто подозрителен с точки зрения правильной организации научной работы»<sup>35</sup>.

В схожем ключе рассуждал и начальник Отдела научно-исследовательских работ Министерства высшего образования СССР К.Ф. Жигач (1947), который декларировал, что оценка качества научной работы вуза «ни в коей мере не определяется процентом охвата НИР», так как наряду с крупными, важными для науки и народного хозяйства темами отдельными научными работниками могут «проводиться мелкие темы учебно-методического характера», такие работы входят в тематический план наряду с крупными и определяют процент участия преподавателей в научно-исследовательской работе. К.Ф. Жигач же заявлял, что «важнейшей задачей, стоящей перед МВО, является не столько повышение охвата НИР профессорско-преподавательских кадров вообще, сколько повышение процента профессорско-преподавательских кадров, ведущих крупные, имеющие важное народно-хозяйственное значение, НИР»<sup>36</sup>.

Одновременно с этим имела место вышеупомянутая разница в понимании вопроса о научной работе в вузе госорганами, которые исходили из того, что оплата этой работы заложена в должностных окладах преподавателей, и рядовыми сотрудниками. Так, профессор МВТУ им. Баумана А.Н. Шелест в том же 1947 г. писал, что работа, выполняемая по госбюджету, «проводится без добавочного вознаграждения сотрудников и поэтому получается как бы дополнительной нагрузкой к его академической нагрузке»<sup>37</sup>. Государство же вовсе не считало такую работу «дополнительной нагрузкой».

Выше уже шла речь о большой учебной нагрузке, общественных поручениях и обширном делопроизводстве как о факторах, снижавших научную активность. В числе иных причин, которые встречаются в документальных источниках, можно указать еще несколько, причем довольно противоречивых. Это, с одной стороны, избегание научной работы вследствие нежелания брать на себя ответственность за ее результаты; с другой — тот факт, что вузам не поручались крупные научные исследования, что демотивировало научно-педагогических работников; аналогичный негативный эффект оказывали и сложности с внедрением в практику научных достижений. В частности, ссылка на такие факторы содержится в обращении заведующего кафедрой жидкостных реактивных двигателей МВТУ им. Н.Э. Баумана

<sup>35</sup> ГА РФ. Ф. Р-8300. Оп. 26. Д. 54. Л. 38.

<sup>36</sup> Там же. Л. 24–25.

<sup>37</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 543. Л. 147.



М.А. Попова к заведующему Отделом науки и культуры ЦК КПСС А.М. Румянцеву в 1955 г.<sup>38</sup>

Впрочем, проблемные обстоятельства, указываемые М.А. Поповым, носили скорее объективный характер. Заинтересованный в исследовательской работе вузовский преподаватель, как правило, действовал в одиночку или в составе малой группы, которую удалось создать в стенах кафедры. Это вынужденно ограничивало масштаб исследований небольшими темами. В результате критически оценивавшие феномен вузовской науки специалисты могли не без основания констатировать, что исследовательская работа в высших учебных заведениях имела основной целью не самостоятельный вклад в научно-технический прогресс, а лишь содействие успешности учебного процесса [Лахтин, 1990, с. 72].

### Заключение

Рецепция гумбольдтовских идей российской высшей школой XIX в. дала свои плоды и в XX столетии, когда после череды революционных перипетий принцип единства исследования и преподавания снова стал приниматься за университетскую норму. При этом специфика вузовской модели, сложившейся в советское время, отводила высшей школе далеко не первое место в научном мире, оставляя ее в тени Академии наук и отраслевых НИИ. Из этих обстоятельств вытекала вся совокупность менявшихся нарративов вокруг темы вузовской науки и проблемы вовлечения профессорско-преподавательского состава в научно-исследовательскую деятельность.

Анализ динамики перемен в отношении этого вопроса показывает волнообразную трансформацию: от значительного редуцирования в первые послереволюционные десятилетия, через тотальность установок на обязательность научной деятельности, характеризующих 1930–1940-е гг., к более гибкому, взвешенному подходу начиная с 1950–1960-х гг.

Причем любопытно, что разрабатываемые с конца 1950-х гг. подходы и механизмы по оптимизации научной деятельности в вузе — в частности элементы индивидуализации, практика сокращения учебной нагрузки преподавателей, активно работающих в науке, — созвучны идеям XXI в.

### Источники

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5446 (Совет Министров СССР). Оп. 24. Д. 3335.

ГА РФ. Ф. Р-8080 (Всесоюзный комитет по делам высшей школы при Совете народных комиссаров СССР). Оп. 1. Д. 544.

ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 2. Д. 593, 595.

ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 17. Д. 19.

ГА РФ. Ф. Р-8300 (Министерство государственного контроля СССР). Оп. 26. Д. 54.

ГА РФ. Ф. Р-9396 (Министерство высшего образования СССР). Оп. 9. Д. 3.

<sup>38</sup> РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 529. Л. 121–122.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3 (Политбюро ЦК КПСС). Оп. 33. Д. 144.

РГАНИ. Ф. 5 (Аппарат ЦК КПСС). Оп. 17. Д. 529.

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 13, 84.

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 32.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17 (Центральный комитет КПСС). Оп. 60. Д. 738.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 543.

Ленинградский университет. 1933. 19 сентября.

Министерство высшего и среднего специального образования СССР. Инструктивное письмо от 15 сентября 1956 г. № И-100. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=19895#wkuRB8U1J6uUdFFS> (дата обращения: 18.05.2024).

Постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сборник документов за 50 лет: В 5 т. Т. 2: 1929–1940 гг. М.: Политиздат, 1967. С. 588–599.

## Литература

*Абрамов Р.Н., Груздев И.А., Терентьев Е.А.* Рабочее время и ролевые напряжения сотрудников современного российского университета // Вопросы образования. 2017. № 1. С. 88–111.

*Груздев И.А., Терентьев Е.А.* Формализованное интервью о бюджете рабочего времени преподавателей и научных сотрудников: опыт методической рефлексии // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2015. № 40. С. 32–58.

*Калягин А.В.* Развитие вузовской науки в Среднем Поволжье. 1981–1985 гг. (на материалах партийных и общественных организаций Куйбышевской, Пензенской и Ульяновской областей): Автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.01. Самара, 1991. 16 с.

*Кудаев М.М.* Проблемы нормирования научно-исследовательского труда профессорско-преподавательского состава // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2020. Т. 17. № 2 (110). С. 85–92. DOI: 10.21686/2413-2829-2020-2-85-92.

*Лапшин А.В., Годиионенко В.И.* Опыт изучения трудовой деятельности научно-педагогических работников вуза // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 1973. Вып. V. С. 189–195.

*Лапшин А.В., Годиионенко В.И.* Структура и объем годовой нагрузки преподавателей вузов // Экономика, организация и планирование высшего образования. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1975. С. 125–130.

*Лахтин Г.А.* Организация советской науки: история и современность. М.: Наука, 1990. 224 с.

*Лобова С.В.* Прекаризация занятости научно-педагогических работников вузов: содержание и последствия // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров. 2019. № 6. С. 243–259.

Наука большой страны: советский опыт управления / Под ред. Е.А. Долговой. М.: ИЦ РГГУ, 2023. 625 с.

*Порозов В.А.* Интеллигенция и научно-технический прогресс в условиях российской провинции на рубеже 1950–1960-х гг. (по материалам Западного Урала — Пермской области и Удмуртской АССР) // Интеллигенция и мир. 2021. № 2. С. 28–50. DOI: 10.46725/IW.2021.2.2.

*Фомин В.Г.* Бюджет времени научного работника. Новосибирск: Наука, 1967. 116 с.

*Шляков Ю.В.* Проблема сочетания преподавательской и исследовательской деятельности: возможные пути решения в российских вузах // Личность. Культура. Общество. 2019. Т. 21. № 3–4. С. 214–222. DOI: 10.30936/1606-951X-2019-21-3/4-214-222.

*Шпикельман Р.Ю.* Научно-исследовательская деятельность сотрудников Иркутского государственного университета в восстановительный период (1946–1950) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016. Иркутск: Байкальский гос. ун-т, 2016. С. 386–394.

## The “Second Half of the Working Day”: the Problem of Participation of Soviet Universities Lecturers in Research Activities

*MIKHAIL V. GRIBOVSKIY*

National Research Tomsk State University,  
Tomsk, Russia;  
Russian State University for the Humanities,  
Moscow, Russia;  
e-mail: mgrib@mail2000.ru

The specificity of the Soviet scientific and educational model was that higher educational institutions were primarily assigned the role of generating personnel, and conducting scientific research was understood as a low priority. At the same time, assistants, associate professors, and professors were systematically required to demonstrate scientific achievements. This attitude took shape in the mid 1930s and will remain unchanged throughout the Soviet period. The article, based on both regulatory documentation and materials extracted from archives (State Archive of the Russian Federation, Russian State Archive of Contemporary History, Russian State Archive of Social and Political History), characterizes the conditions for scientific activity of university teaching staff in Soviet times, from the point of view of incentives and barriers to doing science at a university.

The author provides assessments of representatives of the party, Soviet governing bodies and the university community about the organization of scientific work, about the level of involvement of professors and lecturers in it. The article shows the wave-like transformation of approaches to university science: from a significant reduction in the first post-revolutionary decades, through the totality of attitudes towards mandatory scientific activity that characterized the 1930s–1940s, to a more flexible, balanced approach, starting from the 1950s–1960s.

The author’s interpretation of the existing university model and its connection with the modern Russian university is proposed. It has been established that approaches and mechanisms for optimizing scientific activity at a university, developed since the late 1950s (elements of individualization, the practice of reducing the teaching load of teachers actively working in science) are consonant with the ideas of the 21<sup>st</sup> century.

**Keywords:** higher education institutions, university, professor, research activities, department, laboratory, research institute.

### References

Abramov, R.N., Gruzdev, I.A., Terent’ev, E.A. (2017). Rabocheye vremya i rolevyye napyazheniya sotrudnikov sovremennogo rossiyskogo universiteta [Working time and role strains of research and teaching staff in a modern Russian university], *Voprosy obrazovaniya*, no. 1, 88–111 (in Russian).

Fomin, V.G. (1967). *Byudzhety vremeni nauchnogo rabotnika* [Researcher time budget], Novosibirsk: Nauka (in Russian).

*Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* (GA RF), f. R-5446 (Sovet Ministrov SSSR), op. 24, d. 3335 (in Russian).

*GA RF*, f. R-8080 (Vsesoyuznyy komitet po delam vysshey shkoly pri sovete narodnykh komissarov SSSR), op. 1, d. 544 (in Russian).

*GA RF*, f. R-8080, op. 2, d. 593, 595 (in Russian).

*GA RF*, f. R-8080, op. 17, d. 19 (in Russian).

*GA RF*, f. R-8300 (Ministerstvo gosudarstvennogo kontrolya SSSR), op. 26, d. 54 (in Russian).

*GA RF*, f. R-9396 (Ministerstvo vysshego obrazovaniya SSSR), op. 9, d. 3 (in Russian).

Gruzdev, I.A., Terent'ev, E.A. (2015). Formalizovannoye interv'yuy o byudzhete rabochego vremeni prepodavateley i nauchnykh sotrudnikov: opyt metodicheskoy refleksii [A use of standardized interview in a work time budget research: a methodical reflection on the example of the faculty and researchers survey], *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye*, no. 40, 32–58 (in Russian).

Dolgova, E.A. (Ed.) (2023). *Nauka bol'shoy strany: sovetskiy opyt upravleniya* [Science of a big country: Soviet management experience], Moskva: ITs RGGU (in Russian).

Kalyagin, A.V. (1991). *Razvitiye vuzovskoy nauki v Srednem Povolzh'ye. 1981–1985 gg. (na materialakh partiynykh i obshchestvennykh organizatsiy Kuibyshevskoy, Penzenskoy i Ul'yanovskoy oblastey)* [Development of university science in the Middle Volga region. 1981–1985 (based on materials from party and public organizations of the Kuibyshev, Penza and Ulyanovsk regions)], Avtoref. dis. ... kand. istor. nauk, Samara: (in Russian).

Kudaev, M.M. (2020). Problemy normirovaniya nauchno-issledovatel'skogo truda professor-sko-prepodavatel'skogo sostava [Research work rating for the faculty], *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova*, 17 (2 (110)), 85–92 (in Russian). DOI: 10.21686/2413-2829-2020-2-85-92.

Lakhtin, G.A. (1990). *Organizatsiya sovetskoy nauki: istoriya i sovremennost'* [Organization of Soviet science: history and modernity], Moskva: Nauka (in Russian).

Lapshin, A.V., Godionenko, V.I. (1973). Opyt izucheniya trudovoy deyatel'nosti nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov vuza [Experience in studying the work activities of university research and teaching staff], in *Problemy deyatel'nosti uchenogo i nauchnykh kolektivov*, iss. 5, 189–195 (in Russian).

Lapshin, A.V., Godionenko, V.I. (1975). Struktura i ob'yem godovoy nagruzki prepodavateley vuzov [Structure and volume of the annual workload of university teachers], in *Ekonomika, organizatsiya i planirovaniye vysshego obrazovaniya* [Economics, organization and planning of higher education] (pp. 125–130), Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta (in Russian).

*Leningradskiy universitet* (1933), 19 sentyabrya (in Russian).

Lobova, S.V. (2019). Prekarizatsiya zanyatosti nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov vuzov: sodержaniye i posledstviya [Precarious work of scientific and pedagogical workers: contents and consequences], *Ekonomicheskoye razvitiye regiona: upravleniye, innovatsii, podgotovka kadrov*, no. 6, 243–259 (in Russian).

Ministerstvo vysshego i srednego spetsial'nogo obrazovaniya SSSR. Instruktivnoe pis'mo ot 15 sentyabrya 1956 g. no. I-100. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc> (date accessed: 18.05.2024) (in Russian).

Porozov, V.A. (2021). Intelligentsiya i nauchno-tehnicheskii progress v usloviyakh rossiyskoy provintsi na rubezhe 1950–1960-kh gg. (po materialam Zapadnogo Urala — Permskoy oblasti i Udmurtskoy ASSR) [Intelligentsia and scientific and technological progress in the conditions of the Russian province at the turn of the 1950–1960s (based on materials from the Western Urals — Perm region and Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic)], *Intelligentsiya i mir*, no. 2, 28–50 (in Russian). DOI: 10.46725/IW.2021.2.2.

Postanovleniye (1967) SNK i TSK VKP(b) ot 23 iyunya 1936 g. “O rabote vysshikh uchebnykh zavedeniy i o rukovodstve vysshey shkoly” [Resolution of the Council of People's Commissars and

the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of June 23, 1936 “On the work of higher educational institutions and on the management of higher education”], in *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam: Sbornik dokumentov za 50 let. V 5 t.* [Decisions of the party and government on economic issues: Collection of documents for 50 years: In 5 vols.], t. 2: 1929–1940 gg. (pp. 588–599), Moskva: Politizdat (in Russian).

*Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii* (RGANI), f. 3 (Politbyuro TsK KPSS), op. 33, d. 144 (in Russian).

*RGANI*, f. 5 (Apparat TSK KPSS), op. 17, d. 529 (in Russian).

*RGANI*, f. 5, op. 35, d. 13, 84 (in Russian).

*RGANI*, f. 5, op. 37, d. 32 (in Russian).

*Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii* (RGASPI), f. 17 (Tsentral'nyy komitet KPSS), op. 60, d. 738 (in Russian).

*RGASPI*, f. 17, op. 125, d. 543 (in Russian).

Shlyakov, Yu.V. (2019). Problema sochetaniya prepodavatel'skoy i issledovatel'skoy deyatelnosti: vozmozhnyye puti resheniya v rossiyskikh vuzakh [The problem of combining teaching and research activities: possible solutions in Russian universities], *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, 21 (3–4), 214–222 (in Russian). DOI: 10.30936/1606-951X-2019-21-3/4-214-222.

Shpikel'man, R.Yu. (2016). Nauchno-issledovatel'skaya deyatelnost' sotrudnikov Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta v vosstanovitel'nyy period (1946–1950) [Research staff of the Irkutsk state university in the rehabilitation nulyately period (1946–1950)], in *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskyy ezhegodnik* [Irkutsk historical and economic yearbook] (pp. 386–394), Irkutsk: Baikal'skiy gos. un-t (in Russian).

***ЕЛЕНА ФЕДОРОВНА СИНЕЛЬНИКОВА***

кандидат исторических наук,  
старший научный сотрудник  
Российского государственного гуманитарного университета,  
Москва, Россия;  
e-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru



## **Научные общества Петрограда в 1917–1920 гг. (по материалам выставки Петроградского отдела народного образования 1921 г.)**

УДК: 001.32

DOI: 10.24412/2079-0910-2024-3-107-122

В статье, подготовленной на материалах выставки Петроградского отдела народного образования 1921 г., отложившихся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга, предпринята попытка проанализировать деятельность научных обществ Петрограда в первые послереволюционные годы. Исследованные архивные материалы свидетельствуют о довольно успешной научно-организационной работе обществ. В условиях острого социально-политического и экономического кризиса научные общества оказались вполне жизнеспособны, им удалось адаптироваться к быстро меняющимся условиям революционного и военного времени. Самозабвенный труд ученых позволил им не только сохранить, но даже и укрепить свое положение в государстве и обществе, внести заметный вклад в решение сложных задач восстановления и развития страны.

**Ключевые слова:** научные общества, Гражданская война, общественные организации, самоорганизация науки, история науки, советская власть.

### **Благодарность**

Исследование выполнено в Российском государственном гуманитарном университете в рамках выполнения государственного задания № FSZG-2024-0001 на тему «Советская наука: механизмы развития и практики управления научно-техническим комплексом».



Первые послереволюционные годы — один из самых сложных и трагических периодов в отечественной науке. Ученым пришлось столкнуться со многими проблемами — голодом, эпидемиями, репрессиями, разрухой, необходимостью подстраиваться под быстро меняющиеся социально-политические обстоятельства. Тем не менее в эти тяжелые годы российской науке удалось выжить и продолжить свое развитие. Ключевыми процессами этого периода стали неудачная попытка большевиков упразднить Академию наук и компромисс с ней, реорганизация высшей школы и создание новых научных учреждений и организаций — научных институтов, бюро, отделов, кафедр, лабораторий и журналов. Значительное количество трудов как отечественных, так и зарубежных историков посвящено исследованию именно этих явлений [*Fortescue*, 1992; *Kojevnikov*, 2002; *Ерегина*, 2008; *Курасов*, 2014; *Колчинский*, 2018, 2019; *Кривоноженко*, 2020; и др.]. Однако опыт функционирования научных обществ, традиционно занимавших существенное место в системе организации отечественной науки, в условиях первых послереволюционных лет еще недостаточно исследован, чем и объясняется обращение к этой тематике.

До революции научные общества, будучи общественными организациями ученых, существовали как в Москве и Петрограде, так и в других крупных, прежде всего университетских, городах. Тем не менее именно в столице Российской империи располагалось наибольшее их число. Здесь успешно действовали как всероссийские (Императорское русское географическое общество, Императорское русское минералогическое общество, Императорское русское археологическое общество и др.), так и городские (Петроградское математическое общество, Петроградское микробиологическое общество, Общество детских врачей и др.) научные общества. После Февральской революции научные общества быстро признали власть Временного правительства, и некоторым из них даже удалось получить определенные гарантии финансирования их работы от нового руководства страны. После Октябрьской революции им пришлось взаимодействовать уже с советской властью.

Положение научных обществ в первые послереволюционные годы было достаточно трудным. Некоторые общества были вынуждены прекратить работу, другие — временно приостановить свою деятельность. Среди последних — Антропологическое общество при Петроградском университете, Петроградские одонтологическое и отоларингологическое общества, Философское общество при Петроградском университете и др. Однако оставшиеся организации продолжили функционировать, хотя им в этих тяжелых условиях пришлось значительно сократить масштабы своей деятельности. Основной формой их работы оставались общие собрания, на которых заслушивались и обсуждались научные доклады, а также решались отдельные административно-организационные вопросы.

Важные и интересные аспекты функционирования научных обществ Петрограда в первые послереволюционные годы нашли отражение в материалах выставки Петроградского отдела народного образования, хранящихся в фонде Ленинградского отделения Главного управления научных учреждений Академического центра Народного комиссариата просвещения РСФСР (Ф. Р-2555) Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).

Открытие выставки изначально было запланировано на 1 мая 1921 г., а разместиться она должна была в здании бывшей фондовой биржи. Идея проведения выставки возникла в 1920 г. Гражданская война подошла к концу, проблемы выживания ученых и сохранения научного потенциала страны перестали быть настолько



Рис. 1. Плакат «Выставка Петроградского отдела народного образования». Худ. С.И. Иванов. Пг.: Госиздат, 1920. 68×51 см

Fig. 1. Poster "Exhibition of the Petrograd Department of Public Education". Artist S.I. Ivanov. Pg.: Gosizdat, 1920. 68×51 cm

острыми, а отложенный на время вопрос о дальнейшем векторе развития науки в Советской России вновь стал актуальным, стороны — руководство страны и научное сообщество — должны были определиться, «о чем и как говорить» [Кременцов, 1997, с. 113]. Для решения этой задачи было необходимо произвести «смотр» наличных научных сил.

Выставки как особая форма представления результатов и значимых достижений были достаточно востребованы властью; уже в 1918 г. в Советской России возрождается выставочная деятельность. Первым таким мероприятием стала Постоянная промышленно-показательная выставка в Москве. Впоследствии подобные выставки приобрели общегосударственный масштаб. В частности, особую важность для большевистского руководства имела Всероссийская сельскохозяйственная и промышленно-кустарная выставка 1923 г. [см. подробнее: Елина, 2022], которая являлась предшественницей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (1939–1959) и Выставки достижений народного хозяйства СССР (1959–1992).

Выставки в советское время подчинялись строгому организационному и идеологическому контролю со стороны власти. Для организации выставки в Петрограде были образованы: Бюро выставки — для сношения с вышестоящими органами и решения главных организационных вопросов, включая финансовое и материальное обеспечение мероприятия, — и специальная Комиссия, на заседаниях которой рассматривались выставочные материалы. Комиссия по устройству выставки состояла из сотрудников Подотдела ученых учреждений высших и учебных заведений Петроградского отдела народного образования Петроградского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов: председателя — В.В. Степанова, членов — В.А. Колыша, Д.Е. Цвиллинского и др., секретаря — И.М. Карнеева. Необходимо напомнить, что после переезда из Петрограда в Москву центральных и партийных органов был образован Союз коммун Северной области (СКСО), существовавший с мая 1918 по февраль 1919 г. В этот период все научные учреждения и организации Петрограда находились в ведении Отдела ученых учреждений и

высших учебных заведений Комиссариата просвещения СКСО и Подотдела ученых учреждений и высших учебных учреждений Отдела народного образования Петроградского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Преемником этих учреждений стал соответствующий отдел созданного 1 июня 1921 г. Петроградского управления научными учреждениями Академического центра Наркомпроса, которому были переданы функции надзора за научными учреждениями и организациями и управления ими.

Комиссия по устройству выставки заседала начиная с 17 февраля 1921 г. раз в неделю по четвергам в 17 часов в помещениях Подотдела ученых учреждений высших и учебных заведений (Садовая ул., д. 18, кв. 5)<sup>1</sup>. Поступающие от научных учреждений и организаций материалы рассматривались в ближайшем заседании Комиссии в присутствии представителей этих учреждений (см. Приложение 1), которые имели право совещательного голоса. В частности, представителем Российской академии наук в Комиссии был К.И. Савич<sup>2</sup>, которого иногда заменял Ф.Ф. Скрибанович<sup>3</sup>. При Академии даже была создана собственная Временная комиссия по делам выставки<sup>4</sup>. Русское географическое общество в Комиссии сначала представлял его действительный член географ Борис Павлович Орлов<sup>5</sup>, а с 12 апреля 1921 г. — действительный член общества метеоролог Иннокентий Константинович Тихомиров<sup>6</sup>. Одно из самых крупных научных обществ — Русское техническое общество — представлял на заседаниях Комиссии товарищ председателя Постоянной комиссии по техническому образованию Федор Федорович Четыркин<sup>7</sup>.

На этих организационных совещаниях обсуждались сметы и просьбы о выдаче учреждениям и организациям кредитов на подготовку материалов для выставки, заслушивались доклады научных учреждений и организаций о «программе» участия в выставке, то есть подготовленные ими материалы. В основном «программа участия» ограничивалась предоставлением различных плакатов, схем, графиков, периодических изданий и книг, фотографий, карт, диаграмм и т. п. В свою очередь директор Российского минералогического общества, президент Российской академии наук Александр Петрович Карпинский 28 февраля 1921 г. писал в Комиссию, что общество «может принять участие только путем экспонирования своих изданий»<sup>8</sup> (в одном экземпляре) за последние несколько лет. <...> Никаких диаграмм, чертежей и карт общество не выставляет<sup>9</sup>. Представители Общества ревнители истории

<sup>1</sup> ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 272. Л. 9.

<sup>2</sup> Там же. Д. 295. Л. 14.

<sup>3</sup> Там же. Л. 11.

<sup>4</sup> Там же. Л. 5.

<sup>5</sup> Там же. Д. 272. Л. 27.

<sup>6</sup> Там же. Л. 34.

<sup>7</sup> Там же. Л. 93.

<sup>8</sup> Минералогическое общество с 1866 г. издавало «Записки императорского Санкт-Петербургского минералогического общества», а с 1915 г. журнал стал называться «Записки Минералогического общества». Однако в 1916–1922 гг. номера не выпускались. Кроме того, общество с 1869 г. с периодичностью раз в несколько лет издавало «Материалы для геологии России» (в годы Гражданской войны также не издавалось). Общество намеривалось представить по 10 последних номеров каждого из двух изданий (ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 272. Л. 41).

<sup>9</sup> ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 272. Л. 39–39 об.

предложили в программу выставки включить несколько докладов членов общества, в том числе на тему «Очерк развития исторических обществ в России»<sup>10</sup>.

В редких случаях научные учреждения собирались показать на выставке вещественные экспонаты, для отбора которых члены Комиссии специально посещали эти учреждения. В частности, экспонаты планировали предоставить Акушерско-гинекологический и Ортопедический институты<sup>11</sup>.

Подготовка выставки проходила в условиях перехода к «мирному строительству» после окончания Гражданской войны, когда активно происходило возрождение общественной жизни в Петрограде. К работе возвращались те научные общества, которые приостановили ее с началом Первой мировой войны или революционных событий (Русское социологическое общество им. М.М. Ковалевского, Петроградское философское общество и др.), а также стали создаваться и новые подобные организации (Общество исследователей украинской истории, литературы и языка, Научное общество охраны материнства и младенчества, и др.). В Петрограде функционировала уникальная по своему дисциплинарному многообразию система научных обществ и в целом в 1921 г. в городе действовало около 30 научных обществ [Синельникова, 2017, с. 93].

В ЦГА СПб хранятся материалы, присланные для выставки 20 научными обществами (см. Приложение 2), то есть около 70% от общего числа научных обществ Петрограда предоставили свои данные. Это обстоятельство позволяет сделать важные и во многом объективные выводы о деятельности и состоянии научных обществ Петрограда в первые послереволюционные годы.

Интересные сведения о членах Русского общества любителей мироведения содержатся в подготовленных выставочных диаграммах. Так, приводятся данные о характере работы в обществе его членов (см. рис. 1) и распределение по возрастному составу (см. рис. 2).

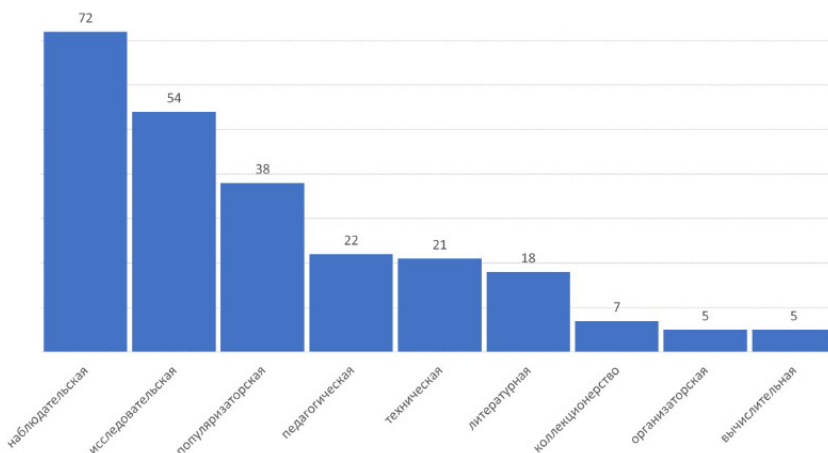
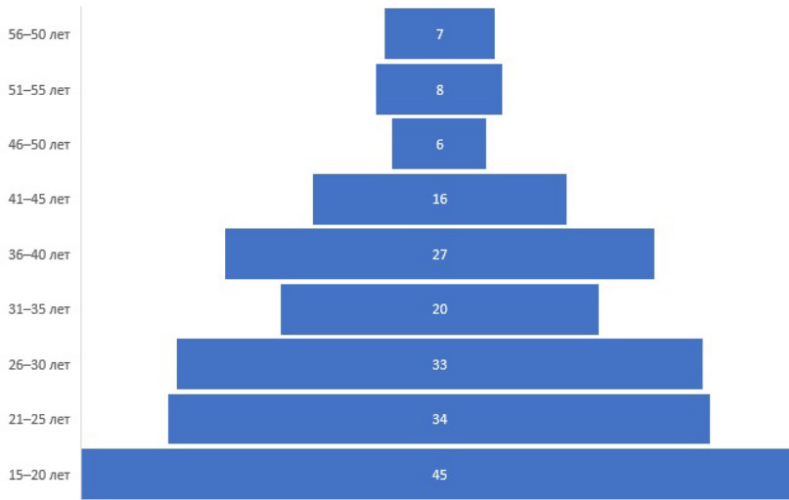


Рис. 2. Характер работы членов Русского общества любителей мироведения на 1 января 1921 г. Источник: ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 272. Л. 17

Fig. 2. The nature of the work of members of the Russian Society of Lovers of World Studies on January 1, 1921. Source: Central State Archives of St. Petersburg. F. R-2555. Op. 1. D. 272. L. 17

<sup>10</sup> Там же. Л. 148.

<sup>11</sup> Там же. Д. 295. Л. 1, 14 об.



*Рис. 3.* Возраст членов Русского общества любителей мироведения на 1 января 1921 г.  
Источник: ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 272. Л. 18

*Fig. 3.* Age of members of the Russian Society of Lovers of World Studies on January 1, 1921.  
Source: Central State Archive of St. Petersburg. F. R-2555. Op. 1. D. 272. L. 18

Из приведенных данных следует, что большинство членов общества были заняты наблюдательской деятельностью. Это было обусловлено тем, что в состав Русского общества любителей мироведения входили «энтузиасты-любители», которые в основном постоянно проживали в провинции, проводя астрономические, метеорологические и прочие наблюдения в соответствии с инструкциями, составленными профессиональными исследователями. Кроме того, более половины членов Русского общества любителей мироведения являлись представителями молодежи, в большинстве своей учащейся. Такое обстоятельство позволяет предположить высокий интерес среди этого слоя населения Петрограда к предмету занятий общества — мироведению — науке, изучающей мир в широком смысле слова средствами естественных наук, физико-математических знаний и астрономии, фенологических и метеорологических наблюдений.

В качестве одного из способов предоставления синхронных статистических материалов всем обществам была предложена анкета, которая включала данные за период с 1917 по 1920 г. по семи пунктам: 1) число членов; 2) число общих собраний; 3) средняя посещаемость собраний; 4) число заслушанных докладов; 5) число экспедиций и научных командировок; 6) число научных сочинений, изданных и готовых к печати; 7) размер денежных ассигнований. Далее приводятся данные, представленные научными обществами в Комиссию по устройству выставки<sup>12</sup>.

Как следует из данных таблицы, численность членов постепенно росла практически у всех организаций за исключением Общества ревнителей истории и Русского технического общества. В этом проявился возрастающий по мере преодоления кризисных явлений первых послереволюционных лет интерес к общественной жизни среди ученых.

<sup>12</sup> В таблицы 1–7 включены данные тех обществ, которые предоставили сведения по соответствующему пункту анкеты Комиссии по устройству выставки.

*Табл. 1.* Число членов научных обществ Петрограда в 1917–1920 гг.

*Источник:* ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 272. Л. 11, 29, 40, 49, 60, 67, 74, 85, 96, 105, 120, 133, 136, 140, 147

*Table 3.* The number of members of scientific societies of Petrograd in 1917–1920.

*Source:* Central State Archive of St. Petersburg. F. R-2555. Op. 1. D. 272. L. 11, 29, 40, 49, 60, 67, 74, 85, 96, 105, 120, 133, 136, 140, 147

| Название общества                      | 1917 г. | 1918 г. | 1919 г. | 1920 г. |
|--|---------|---------|---------|---------|
| Русское общество любителей мироведения | 401     | 501     | 586     | 770     |
| Русское географическое общество        | 1 448   | 1 492   | 1 563   | 1 611   |
| Русское минералогическое общество      | 481     | 489     | 490     | 492     |
| Общество естествоиспытателей           | 456     | 467     | 464     | 466     |
| Русское астрономическое общество       | 307     | 317     | 318     | 315     |
| Русское энтомологическое общество      | 408     | 404     | 400     | 405     |
| Русское физико-химическое общество     | 580     | 600     | 630     | 650     |
| Русское палеонтологическое общество    | 67      | 78      | 82      | 114     |
| Русское техническое общество           | 1 146   | 1 112   | 626     | 350     |
| Общество психиатров                    | 152     | 152     | 170     | 174     |
| Общество гражданских инженеров         | 176     | 207     | 264     | 274     |
| Микробиологическое общество            | 149     | н/д     | н/д     | 146     |
| Общество российских архивных деятелей  | н/д     | 157     | 207     | 217     |
| Русское историческое общество          | 42      | н/д     | н/д     | н/д     |
| Общество ревнителей истории            | 833     | 741     | 426     | н/д     |

*Табл. 2.* Число общих собраний научных обществ Петрограда в 1917–1920 гг.

*Источник:* ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 272. Л. 11, 29, 40, 49, 60, 67, 74, 85, 96, 105, 120, 136, 140, 147

*Table 2.* The number of general meetings of scientific societies in Petrograd in 1917–1920.

*Source:* Central State Archive of St. Petersburg. F. R-2555. Op. 1. D. 272. L. 11, 29, 40, 49, 60, 67, 74, 85, 96, 105, 120, 136, 140, 147

| Название общества                      | 1917 г. | 1918 г. | 1919 г. | 1920 г. |
|--|---------|---------|---------|---------|
| Русское общество любителей мироведения | 10      | 27      | 12      | 7       |
| Русское географическое общество        | 23      | 22      | 27      | 13      |
| Русское минералогическое общество      | 6       | 6       | 8       | 6       |
| Библиологическое общество              | 10–12   | 10–12   | 10–12   | 10–12   |
| Общество естествоиспытателей           | 3       | 1       | 0       | 2       |
| Русское астрономическое общество       | 5       | 6       | 2       | 7       |
| Русское энтомологическое общество      | 11      | 5       | 4       | 7       |
| Русское физико-химическое общество     | 5       | 5       | 4       | 4       |
| Русское палеонтологическое общество    | 5       | 5       | 6       | 5       |
| Русское техническое общество           | 70      | 90      | 76      | 36      |
| Общество психиатров                    | 5       | 2       | 7       | 8       |
| Общество гражданских инженеров         | 10      | 16      | 10      | 10      |
| Общество российских архивных деятелей  | 23      | 15      | 10      | 4       |
| Русское историческое общество          | 7       | н/д     | н/д     | н/д     |
| Общество ревнителей истории            | 51      | 12      | 11      | н/д     |



Приведенные статистические сведения о количестве общих собраний демонстрируют, что несмотря на сложные обстоятельства, в том числе бытовые и хозяйственные, в научных обществах Петрограда продолжалась работа. Особо многочисленные собрания были в Русском техническом обществе, так как в анкету руководством были внесены сводные данные по количеству заседаний как общих, так и научных заседаний по всем 15 отделам и комиссиям общества.

*Табл. 3.* Число средняя посещаемость собраний научных обществ Петрограда в 1917–1920 гг. *Источник:* ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 272. Л. 11, 29, 40, 60, 67, 85, 96, 105, 120, 136, 140, 147

*Table 3.* Average attendance at meetings of scientific societies in Petrograd in 1917–1920. *Source:* Central State Archive of St. Petersburg. F. R-2555. Op. 1. D. 272. L. 11, 29, 40, 60, 67, 85, 96, 105, 120, 136, 140, 147

| Название общества                      | 1917 г. | 1918 г. | 1919 г. | 1920 г. |
|--|---------|---------|---------|---------|
| Русское общество любителей мироведения | 32      | 26      | 24      | 40      |
| Русское географическое общество        | 175     | 115     | 125     | 130     |
| Русское минералогическое общество      | 40      | 30      | 20      | 20      |
| Библиологическое общество              | 30      | 30      | 30      | 30      |
| Русское астрономическое общество       | 18      | 21      | 17      | 33      |
| Русское энтомологическое общество      | 29      | 23      | 26      | 38      |
| Русское палеонтологическое общество    | 12      | 16      | 18      | 28      |
| Русское техническое общество           | 50      | 35      | 20      | 26      |
| Общество психиатров                    | 19      | 12      | 20      | 17      |
| Общество гражданских инженеров         | 18      | 17      | 11      | 9       |
| Общество ревнителей истории            | 88      | 65      | 36      | н/д     |

При расчете средней посещаемости заседаний учитывались не только члены обществ, но и гости. Однако если провести сравнение даже только с общей численностью членов организаций, то получится, что самую низкую посещаемость — 3% — демонстрируют Общество гражданских инженеров в 1921 г. и Русское техническое общество в 1918 и 1919 гг. Напротив, стабильно высокий процент посещаемости в 1917–1920 гг. был у Русского палеонтологического общества, и в 1921 г он составлял, по нашим подсчетам, 24,5%. На посещаемость собраний влияло множество факторов. Во-первых, не все члены, особенно общероссийских обществ, проживали в Петрограде, к тому же многие ученые уезжали в провинцию в надежде найти там работу и поправить материальное положение. Так, менее 50% членов Русского общества мироведения жили в бывшей столице<sup>13</sup>. Во-вторых, из-за ухудшения криминальной обстановки в Петрограде и трудностей в снабжении электричеством, которые вызвали перебои в работе городского трамвая, добираться до места проведения собрания для членов обществ было затруднительно. Такое положение сохранялось вплоть до окончания Гражданской войны. В-третьих, недостаточность финансовых средств для печатания и рассылки повесток на заседания не только не позволяла оперативно информировать членов обществ о предстоящих заседаниях, но и также делала практически невозможным привлечение широкой публики посредством печатания сообщений в прессе или афиш.

<sup>13</sup> ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 272. Л. 16.

*Табл. 4.* Число докладов, заслушанных на собраниях научных обществ Петрограда в 1917–1920 гг. *Источник:* ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 272. Л. 11, 29, 40, 46, 49, 60, 67, 74, 85, 96, 120, 147

*Table 4.* Number of reports heard at meetings of scientific societies of Petrograd in 1917–1920. *Source:* Central State Archive of St. Petersburg. F. R-2555. Op. 1. D. 272. L. 11, 29, 40, 46, 49, 60, 67, 74, 85, 96, 120, 147

| Название общества                      | 1917 г. | 1918 г. | 1919 г. | 1920 г. |
|--|---------|---------|---------|---------|
| Русское общество любителей мироведения | 20      | 44      | 18      | 30      |
| Русское географическое общество        | 51      | 47      | 52      | 34      |
| Русское минералогическое общество      | 9       | 14      | 9       | 6       |
| Библиологическое общество              | 22      | 22      | 22      | 22      |
| Общество естествоиспытателей           | 55      | 32      | 10      | 11      |
| Русское астрономическое общество       | 5       | 10      | 2       | 13      |
| Русское энтомологическое общество      | 32      | 17      | 18      | 33      |
| Русское физико-химическое общество     | 28      | 39      | 8       | 15      |
| Русское палеонтологическое общество    | 14      | 13      | 8       | 10      |
| Русское техническое общество           | 59      | 84      | 66      | 20      |
| Общество гражданских инженеров         | 3       | 2       | 1       | 4       |
| Общество ревнителей истории            | 102     | 34      | 27      | н/д     |

*Табл. 5.* Число экспедиций и научных командировок научных обществ Петрограда в 1917–1920 гг. *Источник:* ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 272. Л. 11, 29, 40, 49, 67 об., 96, 120

*Table 5.* Number of expeditions and scientific missions of scientific societies of Petrograd in 1917–1920. *Source:* Central State Archive of St. Petersburg. F. R-2555. Op. 1. D. 272. L. 11, 29, 40, 49, 67 ob., 96, 120

| Название общества                      | 1917 г. | 1918 г. | 1919 г. | 1920 г. |
|--|---------|---------|---------|---------|
| Русское общество любителей мироведения | 0       | 0       | 0       | 0       |
| Русское географическое общество        | 14      | 16      | 10      | 12      |
| Русское минералогическое общество      | 1       | 0       | 0       | 0       |
| Общество естествоиспытателей           | 45      | 14      | 0       | 0       |
| Русское энтомологическое общество      | 4       | 0       | 1       | 0       |
| Русское техническое общество           | 16      | 10      | 5       | 3       |
| Общество гражданских инженеров         | 0       | 0       | 6       | 3       |
| Общество ревнителей истории            | 5       | 4       | 0       | 0       |

В связи с системной недостаточностью финансирования научные общества не могли себе позволить проведение полномасштабных экспедиций и сосредотачивали внимание на исследованиях близлежащих территорий. Русское ботаническое общество в 1920 г. предприняло исследование Севера России под руководством Александра Петровича Шенникова и Петроградской губернии под управлением Роберта Эдуардовича Регеля<sup>14</sup>. Кроме того, руководителям научных обществ приходилось неоднократно ездить в Москву для личного посещения Наркомпроса по вопросам, связанным с субсидиями, а также из-за проблем с помещениями, в которых разме-

<sup>14</sup> Там же. Л. 104 об.

щались научные общества, так как желающих занять их в условиях отмены частной собственности на недвижимость в 1918 г. было немало.

*Табл. 6.* Число научных сочинений, изданных и подготовленных к печати научными обществами Петрограда в 1917–1920 гг. *Источник:* ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 272. Л. 11, 29, 40, 46, 49, 67 об., 74, 96, 105, 120, 136, 140, 147

*Table 6.* Number of scientific works published and prepared for publication by scientific societies of Petrograd in 1917–1920. *Source:* Central State Archive of St. Petersburg. F. R-2555. Op. 1. D. 272. L. 11, 29, 40, 46, 49, 67 ob., 74, 96, 105, 120, 136, 140, 147

| Название общества                       | 1917 г. | 1918 г.  | 1919 г.  | 1920 г.  |
|---|---------|----------|----------|----------|
| Русское общество любителей мирозведения | 6       | 5        | 2        | 2        |
| Русское географическое общество         | н/д     | 50 п. л. | 70 п. л. | 29 п. л. |
| Русское минералогическое общество       | 1       | 1        | 0        | 0        |
| Библиологическое общество               | 0       | 1        | 0        | 0        |
| Общество естествоиспытателей            | 31      | 54       | 25       | 2        |
| Русское энтомологическое общество       | 33      | 0        | 0        | 0        |
| Русское физико-химическое общество      | 73      | 48       | 25       | 47       |
| Русское техническое общество            | 7       | 1        | 0        | 0        |
| Общество психиатров                     | 7       | 4        | 19       | 13       |
| Общество гражданских инженеров          | 0       | 0        | 2        | 2        |
| Русское историческое общество           | 0       | 1        | н/д      | н/д      |
| Общество ревнителей истории             | 6       | 1        | н/д      | н/д      |

*Табл. 7.* Размер денежных ассигнований, полученных научными обществами Петрограда в 1917–1920 гг. *Источник:* ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 272. Л. 11, 29, 40, 46, 49, 60, 67 об., 96, 120, 136, 140, 147

*Table 7.* The amount of monetary allocations received by scientific societies of Petrograd in 1917–1920. *Source:* Central State Archive of St. Petersburg. F. R-2555. Op. 1. D. 272. L. 11, 29, 40, 46, 49, 60, 67 ob., 96, 120, 136, 140, 147

| Название общества                       | 1917 г.            | 1918 г.            | 1919 г.            | 1920 г.      |
|---|--------------------|--------------------|--------------------|--------------|
| Русское общество любителей мирозведения | 11 500 р.          | 20 000 р.          | 58 000 р.          | 166 821 р.   |
| Русское географическое общество         | 69 500 р.          | 50 500 р.          | 1 200 000 р.       | 2 250 500 р. |
| Русское минералогическое общество       | 13 300 р.          | 11 200 р.          | 27 450 р.          | 19 900 р.    |
| Библиологическое общество               | 0                  | 0                  | 35 000 р.          | 0            |
| Общество естествоиспытателей            | 22 000 р.          | 18 000 р.          | 44 000 р.          | 79 800 р.    |
| Русское астрономическое общество        | 5 600 р.           | 16 300 р.          | 80 000 р.          | 200 000 р.   |
| Русское энтомологическое общество       | 13 122 р.<br>44 к. | 33 330 р.<br>96 к. | 57 747 р.<br>39 к. | 311 475 р.   |
| Русское техническое общество            | 34 919 р.          | 12 565 р.          | 433 000 р.         | 591 700 р.   |
| Общество гражданских инженеров          | н/д                | н/д                | 36 675 р.          | 30 000 р.    |
| Общество российских архивных деятелей   | 7 100 р.           | н/д                | 15 000 р.          | н/д          |
| Русское историческое общество           | 23 000 р.          | н/д                | н/д                | н/д          |
| Общество ревнителей истории             | 2 000 р.           | 4 000 р.           | н/д                | н/д          |

Очень остро для всех научных обществ в 1917–1920 гг. стоял вопрос финансирования. Лишившись своих банковских счетов вследствие национализации банков в

декабре 1917 г., научные общества практически остались без средств к существованию, так как членских взносов практически не поступало, а другие источники получения средств были недоступны. За финансовой помощью пришлось обращаться в органы власти и управления, но далеко не все научные общества ее получали. Субсидии выделялись многим научным обществам, но при условии целесообразности их деятельности с точки зрения большевистского руководства страны. Однако денег все равно не хватало, так как неконтролируемая спиралевидная инфляция быстро съедала выделенные средства. Примером очень сложного финансового положения служит такой факт: Библиологическое общество сообщало в Комиссию по устройству выставки, что оно вынуждено отказаться от приема новых членов, так как «не на что рассылать повестки»<sup>15</sup>. Общество естествоиспытателей при Петроградском университете также отмечало финансовые трудности, из-за которых оно существовало в первые послереволюционные годы исключительно на «правительственные ассигнования». По причине их «недостаточности» общество было вынуждено существенно сократить издательскую деятельность и печатать только протоколы заседаний, хотя до революции оно издавало годовые отчеты о деятельности, а также научные работы своих членов<sup>16</sup>. Все это приводило к тому, что многие общества приостанавливали свою издательскую деятельность, но, как показывают данные таблицы 6, научные труды обществ, ожидая публикации, накапливались в рукописях. Как сообщало Русское энтомологическое общество, «число неизданных работ (в корректуре и рукописи) достигло 42» в 1921 г.<sup>17</sup>

По запросу Комитета по устройству выставки научные общества, помимо прочего, присылали краткие отчеты о своей деятельности за 1920 г. В частности, Русское географическое общество сообщало, что за год состоялось 11 заседаний, кроме того, в обществе велась работа по подготовке издания трудов Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг. П.К. Козлова<sup>18</sup>, по обработке материала экспедиций на Канин, на Олонецкие озера и Телецкое озеро, по обработке материалов по наблюдению над силой тяжести, работы по транскрипции географических названий — иностранных кириллицей и русских латиницей<sup>19</sup>. В отчете Русского общества любителей мироведения отмечалось, что, кроме организации и проведения 10 общих собраний, общество занималось систематизацией любительских наблюдений по астрономии и метеорологии, наблюдениями, проводимыми в астрономической обсерватории общества, и разработкой различных научных вопросов, было организовано две экскурсии: в Главную астрономическую обсерваторию в Пулковку и на Ладожскую экскурсионную станцию Наркомпроса<sup>20</sup>. Удручающая картина научного быта первых послереволюционных лет была также представлена Обществом естествоиспытателей в кратком отчете за 1920 г. В нем уменьшение числа докладов и сообщений объяснялось «крайне тяжелыми условиями научной работы как

<sup>15</sup> Там же. Л. 46.

<sup>16</sup> Там же. Л. 52 об.

<sup>17</sup> Там же. Л. 67 об.

<sup>18</sup> Дневники этой экспедиции были опубликованы только через сто лет: Дневники Монголо-Сычуаньской экспедиции, 1907–1909 / Ред.-сост. Т.И. Юсупова, сост. Т.Ю. Гнатюк; отв. ред. А.И. Андреев. СПб.: Нестор История, 2015. 424 с.

<sup>19</sup> ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 272. Л. 26.

<sup>20</sup> Там же. Л. 12.

вследствие продовольственной и топливной необеспеченности в особенности у начинающих молодых ученых, так и вследствие температуры, значительно ниже нуля зимой, в лабораториях университета и Академии наук, в которых главным образом производились работы членов общества, отсутствия в лабораториях газа и множества необходимых инструментов и реактивов, недостаточностью регулярного освещения электричеством»<sup>21</sup>.

На заседании Комиссии по устройству выставки 12 мая 1921 г. было решено дополнительно от организаций-участниц затребовать для распространения во время проведения выставки листовок-проспектов со сведениями об этих организациях и учреждениях<sup>22</sup>. В этих документах была представлена краткая история организации, цели и задачи деятельности, структура, режим работы и др. Так, из подготовленной Русским обществом любителей мироведения листовки-проспекта можно узнать, помимо прочего, что его собрания проводятся в Петроградском научном институте им. П.Ф. Лесгафта, что у общества есть отделения в Одессе, Пскове, Витебске и Курске<sup>23</sup>. Общество естествоиспытателей при Петроградском университете также сообщило о нахождении в его ведении нескольких учреждений — биологических станций: 1) Мурманская (в г. Александровске на Муроме), 2) Бородинская пресноводная (на озере Белом в Терской губернии), 3) станция им. С.В. Паниной (в Воронежской губернии), которая временно не работала<sup>24</sup>.

К сожалению, уже в процессе планирования и организации стало ясно, что выставку в мае 1921 г. открыть не удастся. Открытие перенесли на сентябрь, но в итоге она так и не состоялась, в первую очередь из-за финансовых сложностей. Переход к новой экономической политике привел к резкому сокращению государственных бюджетных ассигнований на науку и образование, были отменены государственные субсидии многим научным обществам. Тем не менее отложившиеся в фондах ЦГА СПб материалы выставки Петроградского отдела народного образования 1921 г. позволяют сделать определенные выводы о состоянии научных учреждений и организаций в Петрограде, в частности научных обществ. В условиях острого социально-политического и экономического кризиса научные общества оказались вполне жизнеспособны, им удалось адаптироваться к быстро меняющимся условиям революционного и военного времени. Самозабвенный труд ученых позволил не только сохранить, но даже укрепить свое положение в государстве и обществе, внести заметный вклад в решение сложных задач восстановления и развития страны.

## Источники

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 271, 272, 295.

<sup>21</sup> Там же. Л. 52.

<sup>22</sup> Там же. Д. 295. Л. 14.

<sup>23</sup> Там же. Д. 272. Л. 7.

<sup>24</sup> Там же. Л. 52.

## Литература

Дневники Монголо-Сычуаньской экспедиции, 1907–1909 / Ред.-сост. Т.И. Юсупова, сост. Т.Ю. Гнатюк; отв. ред. А.И. Андреев. СПб.: Нестор История, 2015. 424 с.

*Елина О.Ю.* «Новый крестьянин» на Всероссийской сельскохозяйственной выставке 1923 года: конструирование образа // Новое литературное обозрение. 2022. № 4 (176). С. 99–118.

*Ерегина Н.Т.* Высшая медицинская школа России в годы Гражданской войны // Высшее образование в России. 2008. № 8. С. 172–176.

*Колчинский Э.И.* РАН в первый период Гражданской войны: от конфронтации к конформизму // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Материалы XL Международной годичной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук «Научный Санкт-Петербург: К 295-летию Российской академии наук» (28 октября — 1 ноября 2019 года). Выпуск XXXV. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН; Саратов: Амирит, 2019. С. 48–58.

*Колчинский Э.И.* Академия наук в годы крупных потрясений: 1905–1922 годы // Вихревая динамика развития науки и техники. Россия / СССР. Первая половина XX века: В 2 т. Т. I: Турбулентная история науки и техники / Отв. ред. чл.-корр. РАН Ю.М. Батулин; Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. М.: ИИЕТ РАН; Саратов: Амирит, 2018. С. 102–169.

*Кремenceв Н.Л.* Принцип конкурентного исключения // На переломе. Советская биология в 20-х — 30-х гг. / Отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб.: Б. и., 1997. Вып. 1. С. 107–164.

*Кривоноженко А.А.* Альтернатива на идеологическом фронте: Петроградский университет и власть в контексте Гражданской войны // Новейшая история России. 2020. № 3. С. 702–714.

*Курасов С.А.* Случай на лекции: столкновение в повседневности «старой» интеллигенции и «нового» студенчества в первые годы советской власти // Интеллигенция и мир. 2014. № 3. С. 74–82.

*Синельникова Е.Ф.* Научные общества Петрограда-Ленинграда // Клио. 2012. № 7 (67). С. 92–95.

*Fortescue S.* The Russian Academy of Sciences and the Soviet Academy of Sciences: Continuity or Disjunction? // Minerva. 1992. № 30. P. 459–478. DOI: 10.1007/BF01096573.

*Kojevnikov A.* The Great War, the Russian Civil War, and the Invention of Big Science // Science in Context. 2002. № 15 (2). P. 239–275. DOI: 10.1017/S0269889702000443.

## Scientific Societies of Petrograd in 1917–1920 (Based on Materials from the Exhibition of the Petrograd Department of Public Education in 1921)

*ELENA F. SINELNIKOVA*

Russian State University for the Humanities,  
Moscow, Russia;  
e-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

The article, based on materials from the exhibition of the Petrograd Department of Public Education in 1921, deposited in the Central State Archive of St. Petersburg, attempts to analyze the activities of scientific societies of Petrograd in the first post-revolutionary years. The studied archival materials



testify to the rather successful scientific and organizational work of the societies. In the conditions of an acute socio-political and economic crisis, scientific societies turned out to be quite viable, they managed to quickly adapt to the rapidly changing conditions of revolutionary and wartime. The selfless work of scientists allowed not only to preserve, but even to strengthen their position in the state and society, to make a significant contribution to solving the complex problems of the country's restoration and development.

**Keywords:** scientific societies, the Civil War, public organizations, self-organization of science, history of science, Soviet power.

## Acknowledgment

The research was prepared at the Russian State University for the Humanities as part of the State assignment on the topic “Soviet Science: Development Mechanisms and Management Practices of the Scientific and Technical Complex”, No. FSZG-2024-0001.

## References

- Elina, O.Yu. (2022). “Novyy krest'yanin” na Vserossiyskoy sel'skokhozyaystvennoy vystavke 1923 goda: konstruirovaniye obraza [“The new peasant” at the All-Russian Agricultural Exhibition of 1923: constructing an image], *Novoye literaturnoye obozreniye*, no. 4 (176), 99–118 (in Russian).
- Eregina, N.T. (2008). Vysshaya meditsinskaya shkola Rossii v gody Grazhdanskoy voyny [Higher Medical School of Russia during the Civil War], *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*, no. 8, 172–176 (in Russian).
- Fortescue, S. (1992). The Russian Academy of Sciences and the Soviet Academy of Sciences: Continuity or Disjunction?, *Minerva*, no. 30, 459–478.
- Kojevnikov, A. (2002). The Great War, the Russian Civil War, and the Invention of Big Science, *Science in Context*, no. 15, 239–275.
- Kolchinsky, E.I. (2018). Akademiya nauk v gody krupnykh potryaseniy: 1905–1922 gody [The Academy of Sciences in the years of major upheavals: 1905–1922], in Yu.M. Baturin (Ed.), *Vikhrevaya dinamika razvitiya nauki i tekhniki. Rossiya / SSSR. Pervaya polovina XX veka* [Vortex dynamics of science and technology development. Russia / USSR. First half of the 20<sup>th</sup> century], t. 1 (pp. 102–169), Moskva: IIET RAS; Saratov: Amirit (in Russian).
- Kolchinsky, E.I. (2019). RAN v pervyy period Grazhdanskoy voyny: ot konfrontatsii k konformizmu [RAS in the first period of the Civil War: from confrontation to conformism], in *Nauka i tekhnika: Voprosy istorii i teorii. Materialy XL Mezhdunarodnoy godichnoy nauchnoy konferentsii Sankt-Peterburgskogo otdeleniya Rossiyskogo natsional'nogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tekhniki Rossiyskoy akademii nauk “Nauchnyy Sankt-Peterburg: K 295-letiyu Rossiyskoy akademii nauk” (28 oktyabrya — 1 noyabrya 2019 goda)* [Science and technology: Questions of history and theory. Proceedings of the XL International Annual Scientific Conference of the St. Petersburg Branch of the Russian National Committee on the History and Philosophy of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences “Scientific St. Petersburg: On the 295<sup>th</sup> Anniversary of the Russian Academy of Sciences” (October 28 — November 1, 2019)], t. 35 (pp. 48–58), S.-Peterburg: SPbF IIET RAS; Saratov: Amirit (in Russian).
- Kremintsov, N.L. (1997). Printsip konkurentnogo isklyucheniya [Competitive exclusion principle], in E.I. Kolchinsky (Ed.), *Na perelome. Sovetskaya biologiya v 20-kh — 30-kh gg.* [At the turning point. Soviet Biology in the 1920s — 1930s], t. 1 (pp. 107–184), S.-Peterburg: [b. i.] (in Russian).

Krivozhenko, A.A. (2020). Al'ternativa na ideologicheskom fronte: Petrogradskiy universitet i vlast' v kontekste Grazhdanskoy voyny [Alternative on the ideological front: Petrograd University and power in the context of the Civil War], *Noveyshaya istoriya Rossii*, no. 3, 702–714 (in Russian).

Kurasov, S.A. (2014). Sluchay na lektsii: stolknoveniya v povsednevnosti "staroy" intelligentsii i "novogo" studenchestva v pervyye gody sovetской vlasti [An incident at a lecture: The clash in everyday life of the "old" intelligentsia and the "new" students in the first years of Soviet power], *Intelligentsiya i mir*, no. 3, 74–82 (in Russian).

Sinelnikova, E.F. (2012). Nauchnyye obshchestva Petrograda–Leningrada [Scientific societies of Petrograd–Leningrad], *Clio*, no. 7 (67), 92–95 (in Russian).

*Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga* (TSGA SPb) [Central State Archive of St. Petersburg], f. R-2555, op. 1, d. 271, 272, 295 (in Russian).

Yusupova, T.I., Andreyev, A.I. (Eds.) (2015). *Dnevniki Mongolo-Sychuan'skoy ekspeditsii, 1907–1909* [Diaries of the Mongol-Sichuan Expedition, 1907–1909], S.-Peterburg: Nestor-Istoriya (in Russian).

## Приложение 1

### **Список научных учреждений, предоставивших материалы для выставки Петроградского отдела народного образования 1921 г.**

Российская академия наук (сводные данные обо всех сорока академических учреждениях).

Государственная академия истории материальной культуры.

Пулковская обсерватория.

Главная физическая обсерватория.

Государственный оптический институт.

Государственный гидрологический институт.

Государственный рентгенологический и радиологический институт.

Государственный керамический исследовательский институт.

Государственный вычислительный институт при Всероссийском астрономическом союзе.

Петроградский научный институт им. П.Ф. Лесгафта.

Государственный клинический институт для усовершенствования врачей.

Государственный психотерапевтический институт.

Государственный клинический акушерско-гинекологический институт.

Государственный институт по изучению мозга и психической деятельности.

Государственный институт общественного зубоврачевания.

Государственный ортопедический институт.

Государственный психоневрологический институт.

Государственный санитарно-технический институт.

Комитет по изучению древнерусской живописи.

Государственный институт экономических исследований.

Главное гидрографическое управление.  
Российская публичная библиотека.  
Центральный географический музей.  
Музей Петроградского края.  
Народно-хозяйственный музей.

*Источник:* ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 271.

## Приложение 2

### Список научных обществ, предоставивших материалы для выставки Петроградского отдела народного образования 1921 г.<sup>25</sup>

Русское общество любителей мироведения (1909).  
Русское географическое общество (1845).  
Российское минералогическое общество (1817).  
Русское библиологическое общество (1899).  
Общество естествоиспытателей при Петроградском университете (1868).  
Русское астрономическое общество (1891).  
Петроградское общество архитекторов (1914).  
Русское энтомологическое общество (1859).  
Русское физико-химическое общество (1878).  
Русское палеонтологическое общество (1916).  
Русское техническое общество (1866).  
Русское ботаническое общество (1915).  
Петроградское общество психиатров (1861).  
Общество гражданских инженеров (1842).  
Научное общество марксистов (1919).  
Микробиологическое общество (1903).  
Общество российских архивных деятелей (1917).  
Русское историческое общество (1866).  
Общество изучения истории освободительного и революционного движения в России (1912).  
Общество ревнителей истории (1920).

*Источник:* ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 272.

<sup>25</sup> В скобках указан год основания общества.

# ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

*SERGEI V. ODIAKOV*

candidate of sociological sciences,  
associate professor of the Department of Sociology  
of South Ural State University (National Research University),  
associate professor of the Department of Social Work and Sociology  
of Faculty of Economics of Chelyabinsk State University,  
Chelyabinsk, Russia;  
e-mail: odiakovsv@susu.ru



## Methodological Approaches to the Study of Socio-Professional Structures Resulting from Digital Technologies in Contemporary Russia

УДК: 316.334.22

DOI: 10.24412/2079-0910-2024-3-123-132

In this article the author outlines the main classical and modern works in the sociology of professions to highlight the most appropriate for considering the transformation of socio-professional structure in contemporary Russia. A comparative analysis of the points of view that have been expressed in the literature on the role of professions in the social division of labor is made as well as some factors that determine Russia's current socio-professional structure are studied. Drawing on retrospective and modernization approaches, the paper proposes that the current situation in professions should be assessed from its more developed state. Since Western countries have embraced the digital society earlier, than Russia, which is at the start of this process, it is necessary to outline the commonalities and differences between these countries. It is argued that while European countries are characterized by fairly similar models and channels of social mobility, the key features of Russian professional mobility are quite unique and based on the share of power individual members of society could possess, the character of labor, and access to rewards. The author reveals a complex character of transformation of socio-professional structure in contemporary Russia resulting from the advent of digital technologies, the legacy of Soviet professional structure with a comparatively low degree of social differentiation, and the influence of Western standards and models of business organization. Taking into account that socio-professional structure of contemporary Russia is still under-researched empirical context, the author concludes that the process of modernization has insignificantly influenced the Russian socio-professional structure and that the scope of occupational change was not profound.

**Keywords:** methodology, professions, professionalism, socio-professional structure, digital technologies, Russia.

© Одяков С.В., 2024

## Introduction

This article contributes to the debate concerning the factors that affect professions, the social status of individuals, and occupational structure. The main hypothesis of the research is that success in the modernization of contemporary Russia depends on the capability of the socio-professional structure to change in directions relevant to modern societies. The modernization approach enables us to investigate the main directions in which the socio-professional structure is evolving.

A significant number of sociologists working in this field believe that the most optimal approach is to use the ideas of Erickson, Goldthorpe, Lipset and others as a methodological basis. In modern society, the positions of individuals, and entire social groups, are determined primarily by their employment [*Goldthorpe, 1974; Erikson, Goldthorpe, 1992*].

Modern society is expanding the possibilities of social mobility by increasing the number of jobs, professions, and changing the prestige of skilled labor, making them increasingly dependent on their level of professional education. In this regard, Grusky proposed the class structure of society as a model of professions [*Grusky, 2001*].

For instance, European countries, according to Goldthorpe and Erickson, are characterized by fairly similar models and channels of social mobility. They are primarily related to the place of the profession in the employment structure, the level of professional education and the level of professionalism achieved [*Erikson, Goldthorpe, 1992*].

For Russia, the features and channels of professional mobility are determined by global trends and historical specifics. Globally, the process of professionalization has significantly changed: specialists more often work in large companies, assuming roles dictated by market economy relationships. Historically, Russia's current professional structure is a legacy of the Soviet Union's social structure with a comparatively low degree of social differentiation. The main fundamental works [*Liubimova et al., 2008; Shkaratan, Iastrebov, 2007; Anikin, 2009, 2013; Bessudnov, 2009*] observing the dynamics of socio-professional structures in contemporary Russian society were published before the crisis of 2014–2016 (many of them — before the crisis of 2008–2010), which dramatically changed the situation in Russia. As for the most recent research, the important contribution to the problem was made by Gimpel'son, Kapeliushnikov, Luk'ianova, Sharunina, Vishnevskaiia, and Zudina. Russian researchers, considering the socio-professional structure, focus on the study of the certain occupational groups, analyzing them in the context of the sociology of professions [*Tikhonova, 2020*].

The article focuses on some aspects of the Russian society's shift to a new stage of economic and technological development, caused by digital technologies. In Part I we observe the main theoretical approaches to the study of professions and occupations in sociology. In Part II we emphasize the role of digital technologies in the transformation process of socio-professional structures, tracing it back to the Soviet period of Russian history. Thus, outlining the social-historical context of contemporary Russia, we compare the current situation in professions with its previous (Soviet) state and with the similar situation in the Western countries.

## Literature review

Profession, according to Weber, is defined as those specifications, specializations, or combinations of the labor efforts of an individual, which provides him or her with the basis

for obtaining a means of living or income [Weber, 2016]. Consequently, people should be interested in this sort of activity, because it corresponds to human needs and intentions. It is a resource that can be used for obtaining status, income, and other rewards.

Functionalism, alongside the trait approach to professions, was the dominant orthodoxy in the Anglo-American sociology of the professions up until the 1960s [Saks, 2014]. The functionalist approach was based on the works of Spenser, who regarded professions as specific social institutes.

Professionals, according to Spenser, obtain status in industrial societies due to their responsibility for producing and maintaining expert knowledge. Durkheim said that moral zeal, determining the responsibility of professionals, is a core element which overcomes the anomic tendencies caused by social and civil modernization. Parsons emphasized the importance of the professional complex for the reproduction of the societal system and analyzed the behavior of professionals using the theoretical categories of social action. This strengthened the institutional emphasis in understanding professionalism and attributed to professionals' positive impact on the public interest [Abramov, 2014]. Parsonian functionalism is based on two principles, according to which professions qualitatively differ from other types of occupations and form a unique social order providing the trajectories of social change [Sciulli, 2009].

We argue that continuous changes move some occupations closer to the status of professions and move others away. Various definitions describe the degree of professionalization, e. g. professionalized occupations, semi-professions, new professions [Abramov, 2014]. We see that, primarily as a result of the division and cooperation of labor on a national economic scale and at the enterprise level, new industries and sub-sectors, professions and specialties are emerging, and intra-production relationships of employees are becoming more complex. This approach assumes that professionalization is not a single process that develops along similar lines, but several parallel processes that follow their own trajectories.

The stratification approach (in the theoretical visionary view by Veblen, Bell, Galbraith, Toffler, Stiglitz, Hawkins, etc.) assumes that rapid technological change entails large-scale social, cultural and economic transformations that promote new groups of professionals with special knowledge and official positions, which allow them to constitute the core of modern social structure [Abramov, 2014]. Digital technologies, robotic systems, new materials and methods of construction, big data processing, machine learning and artificial intelligence have caused new challenges for social and professional structures.

One of the consequences of the increasing uncertainty in the professional world is the emergence, development and institutionalization of transprofessional activities over the past decade. The spread of transprofessionalism is a result of the third professional revolution [Perkin, 1989], which has changed the ways and organization of professional activity. There has been a shift from mass professions to professions that do not involve such a rigid specialization, and to professions with a leading form of organization in the form of professional and interprofessional networks. The emergence of new ICT and innovation in modern society, including Russian society, contributes to the formation and spreading of such professions: digital and social PR, territorial branding, internet communications, including the creation and support of corporate forums, social networks and blogs [Didkowskaia, 2016].



## Methods section

In order to trace the main directions of occupational change in contemporary Russia, we first compare the socio-professional structure in the Soviet Union and Post-Soviet Russia. Unfortunately, the comparison is far from conclusive, as there is a lack of research and empirical data in the field. For this reason, our analysis is based primarily on secondary data.

Another method of research is the study of changes related to professions. This focuses on the factors that determine the socio-professional structure of modern societies. The trends analyzed involve the advent of digital technologies and their influence on the labor market and the resulting structure of labor force supply and demand.

Both these methods were based on English and Russian sources. This comparative research can fill the gap in the literature on occupational change, which covers mostly European and English-speaking countries, and provide a better understanding of social processes in this sphere.

The author also relies upon the empirical sociological research of social and labor relations he conducted (from 2008 to 2010) at industrial enterprises in Chelyabinsk Region (Russia). The poll was conducted at the workplaces of respondents—employees of various socio-professional groups (N = 1,150). Empirical data were processed and analyzed using the Vortex 6.0 program.

## Results

According to the retrospective approach to the study of transformation processes, no problem can be solved without taking into account the former state of the social system, i.e. the history of society. This is why we first look at the characteristics of the Soviet system that defined the socio-professional structure of that period.

A number of authors define the social structure of Soviet society as an estate-corporate system [Tikhonova, 2007], or neo-etacratism [Shkaratan, 2009], or redistributive economy [Bessonova, 2019], where one of the main criterion for stratification was the share of power individual members of society could possess, the character of labor, and access to rewards [Shkaratan, 2009].

According to the stratification approach, professional differences were crucial to the description of the social structure of Soviet society. However, the degree of material, financial and social differentiation of socio-professional groups was not clearly expressed [Arutiunian, 1971; Shkaratan, 2009].

Tikhonova points out that Soviet society was divided into two main groups, one of which — the so-called ‘middle class’ — consisted of the leadership of enterprises, high-skilled professionals, including the working class elite, and those workers whose main activity was connected with the distribution of goods. The second group included the representatives of the lower class: industrial workers and peasantry. The members of this class perceived themselves as the middle class, because they not only constituted the majority of populace, but their standard of living was ideologically associated with the ‘standard’ for the whole of society [Tikhonova, 2007, p. 6–7].

This stable social structure created a hierarchy of prestigious professions in Soviet Russia. Shubkin and Titma showed that professions of intellectual labor connected with higher education were the most prestigious for youth [Titma, 1975; Konstantinovskii, Shubkin,

1977]. Earnings were of less interest to Soviet people, because it was not a differentiating criterion and did not influence the prestige of a profession. The choice of profession determined future social status, and this status was then approved by formal credentials obtained at university. There was a strong correlation between education, profession, prestige, and social status [Didkovskaia, 2016, p. 162].

The transformation of the socio-professional structure from the beginning of 1990s had several dimensions. We can divide these into the formation of new professions, the changing status of professional groups and occupational change (or the growth of wage inequality between socio-professional groups).

Concerning the social status of professional groups, Popova regards professionals in Russia as new marginal groups with unstable, transitional status and uncertain prospects. This field of research covers several areas, including precarious employment. Popova supposes that it is decisive for professionals to find possibilities for a positive exit from a situation of marginality, through the growth of professionalism and upward mobility [Popova, 2020, p. 60].

The socio-economic situation in Russia is still unstable. In these circumstances it is very difficult to forecast the future of socio-professional structures. Hence, the professional choice of young people tends to rely on the wage differences between occupations. This was supported in our previous research, where data indicated that the higher the satisfaction with wages, the higher the work satisfaction in general. The proportion of dissatisfied respondents among those who are not satisfied with their wage is 35.2%, while among those who are satisfied with their wage it is an order of magnitude less (4.2%). Meanwhile, for specialists and managers, after reaching a certain wage level, the correlation between earnings and job satisfaction weakens and then disappears [Odiakov, 2011].

New ICT and digitalization have transformed working patterns and the character of communication between people [Mullan, Wajcman, 2019]. Computers transformed work into a more knowledge-intensive activity, occupations located at critical junctions of information flow have gained greater structural power, and thereby higher wages [Kristal, 2020, p. 466]. In advanced industrial societies the workforce is differentiated in the way people have access to and control information.

*Table 1.* The distribution of employees engaged in three types of work in leading industrial economies for 1960, 1990 and 2005 (% of employees)

| The types of labor resource                     | US   |      |      | Germany |      |      | UK   |      |      | Japan |      |      |
|---|------|------|------|---------|------|------|------|------|------|-------|------|------|
|   | 1960 | 1990 | 2005 | 1961    | 1989 | 2005 | 1961 | 1981 | 2005 | 1960  | 1990 | 2005 |
| Professions of primarily intellectual type      | 37   | 45   | 49   | 32      | 41   | 45   | 39   | 50   | 56   | 33    | 46   | 52   |
| Professions with elements of intellectual labor | 26   | 29   | 31   | 25      | 30   | 33   | 24   | 23   | 22   | 32    | 35   | 37   |
| Professions of routine and semi routine labor   | 37   | 26   | 22   | 43      | 29   | 22   | 37   | 27   | 22   | 35    | 19   | 11   |

*The source:* [Nayemnyy trud..., 2015, p. 48]

In all countries the proportion of innovative workers grew 1960–2005. This period covers the transformational shift to post-industrial society. The highest proportion of intellectual work is in the UK and Japan (56% and 52% respectively), and the lowest in Germany (45%).

The proportion of workers of the second type has also grown. The exception is the UK, where there was a reduction in this category. However, the decrease in this group (from 24% to 22% in 2005) is statistically insignificant. In comparison to the US, Germany and Japan, the proportion of workers of the second type in the UK is the smallest (22%). The highest is in Japan (37%). In all the countries the speed of growth of the first type workers are much higher than the second type.

The dynamics of third type of workers demonstrate a decline. Table 1 shows the speed of this decline, and it is high in all the countries. The biggest decline was in Germany (from 43% in 1961 to 22% in 2005). The proportion of the third type of workers is similar in the US, the UK and Germany (about 20% of the total number of employees). The smallest proportion of this category is in Japan (11%) [*Nayemnyy trud...*, 2015, p. 46–48].

Digitalization has led to the widespread growth of automation. With the progressive reduction of working hours, on the one hand, contacts with the professional environment are reduced, and on the other hand, the time spent in the family circle, at home, increases.

It can be supported by the data on the structure of employees' value orientations obtained as a result of our research. Almost 78% of respondents preferred such values as 'a strong family, prosperous children'. 'Good health' has a little less importance for respondents (71.8%), providing a core component of an employee's resource potential, since it ensures the reproduction of labor. 'Material prosperity, providing normal living conditions' was preferred by 2/3 of respondents. At the same time, such values as 'success, achievements in professional activity' (21.9%), 'development and realization of their abilities' (17.6%), 'high position, successful career' (10.5%), 'recognition from society, prestige, honor' (10.1%) and 'the opportunity to engage in creativity, to create something new' (8.8%), were actually pushed to the periphery of public consciousness. All this suggests that at present time the resource potential is aimed at maintaining an acceptable standard of living for the employee and his family members, which is based on the satisfaction of primary biological needs. We can conclude that for Russian society it means that the effectiveness and productivity of human capital engaged in new kind of jobs is much to be desired.

## Discussion and conclusion

As summarized by Scott 'professions in modern society have assumed leading roles in the creation and tending of institutions. They are the preeminent institutional agents of our time' [Scott, 2008, p. 219]. This institutional function includes their crucial role as gatekeepers who guarantee the integrity and functional operation of core societal and economic institutions [Coffee, 2006] such as capital markets and organizational governance regimes. Brock considers that professionals, through their distinct cognitive, normative and regulative capabilities, play a more active role as 'lords of the dance' who help choreograph the broad restructuring of contemporary political-economic systems [Brock et al., 2014].

As the result of new challenges, the process of professionalization has significantly changed. During the 'golden age' of professionalism, most professionals were self-employed entrepreneurs; today most knowledge workers are employed by relatively large, complex or-

ganizations such as professional service firms, group practices, corporations, government agencies, or hospitals [Gorman, Sandefur, 2011]. Despite a great amount of excessive work that is delivered by bureaucratic management in such organizations (including education, healthcare system), professionals are usually get accustomed to combine the so-called professional and managerial logics in their workplaces.

Digital technologies could facilitate organizational efforts to control expert work, e.g. some genetic procedures by means of DNA-analysis enable employers to identify predilection of employees for some diseases (Alzheimer's or Parkinson's syndrome). Technology of proctoring provides a kind of surveillance system by recording a random conversation between two colleagues, tracking the content of e-mail correspondence, monitoring their day-to-day work. Many professionals perceive that these practices of formal control limit their autonomy at work. Therefore, successful regulation of industrial relationships can only be realized within the boundaries established by psychological, moral, and legal requirements.

Another trend is associated with digitalization which reinforces the fragmentation of labor market are: wage inequalities in wages, work conditions differences, and guarantees of employment [Kristal, 2020]. These are the factors around which new types of inequalities arise in contemporary Russian organizations [Tikhonova, 2014]. However, Murphy and Oesch evidence that the employment polarization is not a uniform and encompassing trend across countries, and suggest that a polarized job structure can be an outcome specific to particular labor market conditions. In addition, change in contemporary job structures is shaped by specific historical conditions and shifts in a country's occupational structure must be understood with reference to the idiosyncratic specific political context that applies to key industries at a given moment in time [Murphy, Oesch, 2018, p. 1113].

As for the historical context of contemporary Russia, current social stratification is determined neither by market criteria, i. e. level of income, prestige, consumption, or education of individuals and social groups (Weberian approach), nor by conflicts of social groups and consequential economic collective interests (Marxist approach). It is caused rather by the social status of an individual, or his or her closer surroundings, and rental exchanges, which they are able to maintain with the state. Occupations are embedded in this state corporate system and possessors gain success if professional status enables him or her to convert administrative resources into economic rents.

The choice of profession by youth is also at risk because of large degree of uncertainty, inherent in many aspects of getting ahead in professional organizations. As for the components of a profession (expert knowledge, technical autonomy, a normative orientation toward the service of others, and high status, income, and other rewards), many of them are still unstable, which makes forecasts of the most popular professions in the future uncertain.

In this context, the advent of ICT would probably lead to a number of collisions in contemporary society. For example, the risk of automation would result in the shrinking of labor demand with the subsequent growth of unemployment. The main effect to date of technology on professions has been to complement and enhance their work, and to create new fields relating to technology and its application. As Lester puts it, "technology has typically made practitioners more efficient and better-informed, enabling them to carry out new tasks, increased communication and accountability, and in some cases increased their exposure to market forces and client or patient choice" [Lester, 2020, p. 6]. These new challenges require a new type of professionalism. It is worth remembering that with an abundance of technology, humanity comes to the fore, and today it is important to learn soft skills. Although some new ICT-related occupations have appeared in the last two decades, they have

not yet become widespread and their institutionalization is not complete. This highlights the problem of the transformation of socio-professional structures in contemporary Russia, because in order to complete the shift to post-industrialism, Russian society will have to solve this problem.

## References

- Abramov, R.N. (2014). Klassifikatsiya issledovatel'skikh napravleniy v izuchenii zanyatiy i professiy [Classification of research directions in occupations and profession studies], in N. Pokrovski, D. Efremenko (Eds), *Sotsiologicheskii yezhegodnik, 2013–2014. Sb. nauch. tr.* [Sociological yearbook, 2013–2014: The collection of scientific papers] (pp. 83–104), Moskva: INION RAN (in Russian).
- Anikin, V. A. (2009). Tendentsii izmeneniya sotsial'no-professional'noy struktury Rossii v 1994–2006 gg. (po materialam RLMS) [Trends in the socio-professional structure of Russia in 1994–2006 (based on RLMS materials)], *Mir Rossii*, no. 3, 114–131. Available at: <https://mirros.hse.ru/article/view/5117> (date accessed: 10.06.2022) (in Russian).
- Anikin, V.A. (2013). Professional'naya struktura naseleniya i tip ekonomicheskogo razvitiya strany [Professional structure of the population and the type of economic development of the country], *Terra Economicus*, no. 2, 41–68 (in Russian).
- Arutiunian, I.V. (1971). *Sotsial'naiia struktura sel'skogo naseleniya SSSR* [The social structure of the rural population of the USSR], Moskva: Mysl' (in Russian).
- Bessonova, O.E. (2019). Kontraktnyy razdatok i solidarizm — novaya vekha rossiyskoy matritsy [Contractual redistribution and solidarism: a new milestone in the Russian institutional matrix], *Mir Rossii*, 28 (1), 7–31 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-7-31.
- Bessudnov, A.R. (2009). Sotsial'no-professional'nyy status v sovremennoy Rossii [Socio-professional status in modern Russia], *Mir Rossii*, no. 2, 89–115 (in Russian).
- Brock, D.M., Leblebici, H., Muzio, D. (2014). Understanding Professionals and Their Workplaces: The Mission of the Journal of Professions and Organization, *Journal of Professions and Organization*, no. 1, 1–15.
- Coffee, J.C. (2006). *Gatekeepers: The Professions and Corporate Governance*, Oxford, UK: Oxford University Press.
- Didkovskaia, Ya.V. (2016). *Transformatsiya sotsial'nogo mekhanizma vzaimosviasi professional'nogo samoopredeleniya i professional'noy kar'yery v rossiyskom obshchestve* [The transformation of social mechanism of association between professional self-determination and professional carrier in Russian society], dokt. dis. ... (Sotsiol.), Ekaterinburg. Available at: <http://hdl.handle.net/10995/42264> (date accessed: 23.03.2021) (in Russian).
- Erikson, R., Goldthorpe, J. (1992). *The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies*, Oxford: Clarendon Press.
- Goldthorpe, J. (1974). *The Social Grading of Occupations: A New Approach and Scale*, Oxford: Clarendon Press.
- Gorman, E., Sandefur, R. (2011). “Golden Age”, Quiescence, and Revival: How the Sociology of Professions Became the Study of Knowledge-based Work, *Work and Occupations*, 38 (3), 275–302.
- Grusky, D. (2001). The Past, Present, and Future of Social Inequality, in D. Grusky (Ed.), *Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective* (pp. 1–54), Westview Press.
- Konstantinovskii, D.L., Shubkin, V.N. (1977). *Molodezh' i obrazovaniye: Metod. voprosy i opyt sotsial'nogo prognozirovaniya na materialakh sotsiologicheskikh obsledovaniy v Novosibirskoy oblasti* [Youth and education: Method. questions and experience of social forecasting based on the materials of sociological surveys in Novosibirsk region], Moskva: Nauka (in Russian).
- Kristal, T. (2020). Why Has Computerization Increased Wage Inequality? Information, Occupational Structural Power, and Wage Inequality, *Work and Occupations*, 47 (4), 466–503.

Lester, S. (2020). New Technology and Professional Work, *Professions and Professionalism*, 10 (2). DOI: 10.7577/pp.3836.

Lubimova, T.S., Shkaratan, O.I., Iniasevskii, S.A. (2008). Novyy sredniy klass i informatsional'nyye rabotniki na rossiyskom rynke truda [The new middle class and information workers in the Russian labor market], *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 1, 5–27 (in Russian).

Mullan, K. Wajcman, J. (2019). Have Mobile Devices Changed Working Patterns in the 21<sup>st</sup> Century? A Time-diary Analysis of Work Extension in the UK, *Work, Employment and Society*, 33 (1), 3–20.

Murphy, E., Oesch, D. (2018). Is Employment Polarization Inevitable? Occupational Change in Ireland and Switzerland, 1970–2010, *Work, Employment and Society*, 32 (6), 1099–1117.

Nayemnyy (2015) trud na Zapade: tendentsii razvitiya [Wage labor in Western countries: trends of development], in Z.T. Golenkova (Ed.), *Nayemnyy rabotnik v sovremennoy Rossii* [The employee in contemporary Russia] (pp. 37–73), Moskva: Novyy khronograf. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24151852> (date accessed: 28.06.2024).

Odiakov, S.V. (2011). Faktory otnosheniya k trudu rabotnikov promyshlennykh predpriyatii Yuzhnogo Urala [Factors related to employees of industrial enterprises of the South Ural], *Vestnik YurGU. Ser.: "Sotsial'no-gumanitarnyye nauki"*, iss. 17, no. 30 (247), 117–121 (in Russian).

Perkin, H. (1989). *The Rise of Professional Society. England since 1800*, London: Routledge.

Popova, I.P. (2020). Sotsiologiya professii kak proyekt (po materialam zhurnal'noy rubriki) [Sociology of professions as a project (based on the materials of the journal section)], *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 7, 57–69 (in Russian). DOI 10.31857/S013216250010023-8.

Saks, M. (2014). Sotsiologiya professiy — razvivayushcheyesya napravleniye issledovaniy [The sociology of professions: a developing field of study], in N. Pokrovski, D. Efremenko (Eds), *Sotsiologicheskii yezhegodnik. 2013–2014. Sb. nauch. tr.* [Sociological yearbook, 2013–2014: The collection of scientific papers] (pp. 105–113), Moskva: INION RAN (in Russian).

Sciulli, D. (2009). *Professions in Civil Society and the State: Invariant Foundations and Consequences*, Boston (MA): Brill.

Scott, W.R. (2008). 'Lords of the Dance: Professionals as Institutional Agents', *Organization Studies*, no. 29, 219–38.

Shkaratan, O.I. (2009). *Sotsial'no-ekonomicheskoye neravenstvo i ego vosproizvodstvo v sovremennoy Rossii* [The socio-economic inequality and its reproduction in contemporary Russia], Moskva: ZAO "OLMA Media Group" (in Russian).

Shkaratan, O.I., Iastrebov, G.A. (2007). *Sotsial'no-professional'naya struktura i yeye vosproizvodstvo v sovremennoy Rossii. Predvaritel'nyye itogi predstavitel'nogo oprosa ekonomicheskii aktivnogo naseleniya Rossii 2006 g.* [Social and professional structure and its reproduction in modern Russia: Preliminary results of a representative survey of the economically active population of Russia 2006], Preprint WP7/2007/02. Seriya WP7 (Teoriya i praktika obshchestvennogo vybora), Moskva: GU VShE (in Russian).

Tikhonova, N.E. (2007). *Sotsial'naya stratifikatsiya v sovremennoy Rossii: opyt empiricheskogo analiza* [Social stratification in contemporary Russia: the experience of empirical analysis], Moskva: Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Tikhonova, N.E. (2014). *Sotsial'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'* [The social structure of Russia: theories and reality], Moskva: Novyy khronograf (in Russian).

Tikhonova, N.E. (2020). Professional'naya struktura sovremennoy Rossii: osobennosti i dinamika [The professional structure of modern Russia: features and dynamics], *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 3, 18–34 (in Russian). DOI: 10.31857/S086904990010067-5.

Titma, M.Kh. (1975). *Vybor professii kak sotsial'naya problema (na materialakh konkretnykh issledovaniy v ESSR)* [Choice of profession as a social problem (based on the materials of specific studies in the Estonian SSR)], Moskva: Mysl' (in Russian).

Weber, M. (2016). *Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii* [Economy and society: an outline of interpretive sociology], v 4 t., t. 1, L.G. Ionin (Ed.), Moskva: VShE (in Russian).



## Методологические подходы к изучению социально-профессиональной структуры в условиях цифровизации современного российского общества

*С.В. Одяков*

Южно-Уральский государственный университет (НИУ),  
Челябинский государственный университет,  
Челябинск, Россия;  
e-mail: odiakovsv@susu.ru

В статье анализируются основные классические и современные подходы в области социологии профессий с целью изучения трансформации социально-профессиональной структуры современного российского общества. Основным методом выступает сравнительный анализ сложившихся в международной и отечественной практике точек зрения на роль профессий в системе общественного разделения труда. Изучены факторы, которые влияют на современное состояние социально-профессиональной структуры в России. Используя ретроспективный и модернизационный подходы, автор показывает, что текущая ситуация в сфере профессиональной структуры должна рассматриваться с позиций ее более развитого состояния. Поскольку западный мир встал на путь цифровизации раньше, чем российское общество, которое находится в начале этого процесса, то необходимо проследить сходства и отличия между этими странами. Обосновано, что для европейских стран характерны однотипные модели и каналы социальной мобильности, тогда как для России особенности и каналы профессиональной мобильности определяются местом во властной иерархии индивида, характером труда и доступом к распределению благ и услуг. Раскрыт сложный характер трансформации социально-профессиональной структуры в современной России, на которую влияет: 1) внедрение цифровых технологий, 2) наследие советской профессиональной структуры с ее относительно низким уровнем социальной дифференциации и 3) влияние западных моделей и технологий ведения бизнеса. Учитывая, что социально-профессиональная структура современной России относительно мало исследована отечественными авторами, автор делает вывод, что процесс модернизации незначительно коснулся профессиональной структуры и масштаб изменений отношений занятости оказался невелик.

**Ключевые слова:** методология, профессии, профессионализм, социально-профессиональная структура, цифровые технологии, Россия.

# ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

## *Борис Ефимович Винер*

кандидат социологических наук,  
старший научный сотрудник Социологического института РАН —  
филиала Федерального научно-исследовательского  
социологического центра  
Российской академии наук,  
Санкт-Петербург, Россия;  
e-mail: wiennerras@yandex.ru



## *Константин Сергеевич Дивисенко*

кандидат социологических наук,  
старший научный сотрудник Социологического института РАН —  
филиала Федерального научно-исследовательского  
социологического центра  
Российской академии наук,  
Санкт-Петербург, Россия;  
e-mail: k.divisenko@socinst.ru



## **Диссертационные локусы и ареалы: случай советской и постсоветской этнологии**

УДК: 316.74:39(470+571)

DOI: 10.24412/2079-0910-2024-3-133-156

Авторы, используя сведения о диссертациях по этнографии/этнологии, подготовленных в СССР и постсоветских странах, обсуждают зоны соприкосновения когнитивной и социальной структур этнологии как научной дисциплины. Такие зоны можно обозначить как диссертационные локусы и ареалы. Под диссертационным локусом понимается набор диссертаций, подготовленных в одном учреждении, и совокупность этнологов, подготовивших эти диссертации. Такие локусы могут характеризоваться определенным набором тематик, который статистически отличается от наборов тематик в других локусах. Несколько диссертационных локусов могут входить в состав диссертационного ареала, или группы этнологических учреждений (этнологических подразделений учреждений), расположенных в одном городе, регионе или стране (бывшей союзной республике). Понятия локусов и ареалов позволяют

объединять исследователей, аффилированных с разными учреждениями, в том числе расположенными в разных населенных пунктах, а также дает возможность учитывать организационный дрейф локуса, например, при административном объединении/разделении учреждений или при смене аффилиации лидерами локусов, выполняющими функции научных руководителей и консультантов. В статье демонстрируется, что методы векторной алгебры и математической статистики в ходе анализа диссертационных тематик позволяют в ряде случаев достаточно уверенно идентифицировать диссертационные локусы и ареалы. Примерами автономных локусов можно считать этнологические подразделения во Владивостоке и Ивано-Франковске. В Ижевске и Казани сосуществует по несколько автономных локусов, не образующих общие ареалы. Наоборот, в общие ареалы объединяются локусы в Саранске, Омске, Львове. В то же время для большинства случаев, когда в одном городе расположено несколько этнологических локусов, как, например, в Уфе и Якутске, сравнение локусов по тематикам не дает однозначного ответа о возможности их объединения в общие ареалы. То же можно сказать о возможности объединения в один ареал ИЭА РАН и МАЭ РАН.

**Ключевые слова:** социология этнологии, когнитивная структура науки, социальная структура науки, диссертационные локусы, диссертационные ареалы, диссертационные тематики, DBSCAN.

### Список сокращений<sup>1</sup>

ЕУ — Европейский университет в Санкт-Петербурге

ИИФЭ — Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии Национальной академии наук Украины

ИИЭФ — Институт искусствоведения, этнографии и фольклора Национальной академии наук Беларуси

ИИЯЛ УФИЦ — Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН

ИН — Институт народоведения НАНУ (Львов)

ИЭА — Институт этнологии и антропологии РАН

ИЭИ — Институт этнологических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН

КНУ — Киевский национальный университет

ЛНУ — Львовский национальный университет

МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

МГПУ — Мордовский государственный педагогический университет

ПНУ — Прикарпатский национальный университет

<sup>1</sup> Из-за того, что учреждения на протяжении истории меняли свои статусы (например, филиал или самостоятельное учреждение) и названия, для ряда университетов и институтов мы даем неполные названия, причем наиболее поздние переименования могут быть нами не учтены.

## Диссертационные локусы и ареалы как научная проблема

В предыдущих статьях мы рассмотрели вопрос о возможности проведения периодизации советской и постсоветской этнографии/этнологии на основе определения тематик подготовленных к защите диссертаций [Винер, 2020; Дивисенко, Винер, 2021]. В частности, мы указывали на то, что в разных странах, республиках, городах и учреждениях у исследователей могли быть разные тематические интересы. В масштабах всего советского и постсоветского пространства различия между этими интересами пока изучены слабо: «Мы плохо осведомлены о том, чем занимаются этнографы / этнологи в различных научных центрах (имею в виду не только учреждения РАН), а порой и вовсе не знаем, какова ныне существующая организационная сеть учебных и исследовательских центров, лабораторий этнологии и культурной/социальной антропологии» [Островский, 2005, с. 79]. Со времени появления этого высказывания мало что изменилось в степени нашей осведомленности по этой проблеме.

Чтобы узнать, чем занимаются или занимались в прошлом этнологи на всем пространстве бывшего СССР, возможно множество исследовательских стратегий. Наиболее распространенная из них — историографический подход, когда прочитываются работы исследователей в какой-либо дисциплине или субдисциплине, изучаются биографии этих исследователей, и историограф создает описание, в котором будут сочетаться изложение установленных фактов и собственные выводы и оценки достижений предшественников и коллег. Такие описания могут объединяться в обобщающий нарратив. Понятно, что создание труда, охватывающего целиком некоторую дисциплину, является неподъемным для одного историка науки или даже для небольшого коллектива и потребует многих десятилетий труда.

Будучи социологами, интересующимися историей и современным положением дел в этнологии, мы используем иную стратегию, опирающуюся на подходы и инструментарий социологической науки. При этом возникают вопросы, что именно, каким образом и на основе каких данных мы собираемся описывать и сравнивать между собой. Получившие в последние десятилетия большую популярность методы анализа социотирований, ключевых слов, резюме статей и т. п. нам не помогут, поскольку направлены на исследование исключительно того, что изучают ученые, то есть когнитивной структуры науки, а то, что Островский называет этнологическими центрами, относится к социальной структуре науки<sup>2</sup>.

Для стоящей перед нами задачи необходимо использовать какую-то значительную совокупность письменных источников. В качестве такой совокупности могут выступать собранные нами сведения о подготовленных к защите диссертациях по этнографии/этнологии в советское и постсоветское время. Большинство сведений мы почерпнули из авторефератов, в которых авторы описывают объект и предмет своих интересов, теоретические подходы, использованные методы и результаты исследования. Нам представляется, что при работе с авторефератами по этнографии/этнологии наиболее просто квантифицировать тематики, интересующие авторов

---

<sup>2</sup> Понятия когнитивной и социальной структуры науки ввел британский социолог науки Ричард Уитли [Уитли, 1980].

диссертаций, и проследить их количественные связи с учреждениями, в которых выполнены эти работы<sup>3</sup>.

Сами по себе связи тематик с учреждениями, несомненно, интересны. Однако могут существовать ситуации, когда тематики коррелируют не с отдельным учреждением, а с совокупностью учреждений в большом городе или даже в пределах бывшей союзной республики. К подобной постановке вопроса еще в начале 1970-х гг. подошла американский социолог Сюзан Крофорд, изучая группы исследователей сна. Она предложила называть «площадь, на которой имеется хотя бы один ученый и где ни один ученый не находится на расстоянии более 80 миль от другого ученого», исследовательским центром [Crawford, 1971, p. 309–310]. Екатеринбургский исследователь Наталья Алексеевна Бабенкова провела анализ количественного распределения диссертаций по антропологии и этнологии, выполненных в разных центрах, понимаемых именно как учреждения [Бабенкова, 2020, с. 139].

Вместе с тем имеются три обстоятельства, которые не позволяют нам принять этот термин. Во-первых, в настоящее время в русском языке под научными центрами могут пониматься организации, обозначенные таким образом в официальных документах, — региональные научные центры РАН (например, Троицкий научный центр), учреждения, перечисленные в правительственных документах<sup>4</sup> (например, акционерное общество «Центр судостроения и судоремонта» в Петербурге), федеральные государственные учреждения, образованные на базе институтов, сохранивших в своем названии аббревиатуру РАН (например, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН).

Историк исторической науки Дмитрий Алексеевич Гутнов полагает, что наиболее долговечными являются научные школы, «в основе формирования которых лежит некая организационная общность, будь то место работы или учебы. Это может быть не только исследовательская деятельность в рамках какого-либо исследовательского центра, но и сотрудничество в тех или иных научных обществах, журналах и пр.» [Гутнов, 2002, с. 69]. Очевидно, что под центром здесь понимается НИИ, музей или университетское подразделение. Омский историк Ольга Васильевна Кузнецова среди организационных центров «научного сообщества историков Омска»

<sup>3</sup> Изучать различия в когнитивной структуре этнологии можно не только на основе тематических предпочтений этнологов, но и принимая во внимание их интерес к определенным территориям или их теоретические ориентации. Однако, как правило, за исключением российских столиц этнологи концентрируются на изучении собственных республик, регионов или соседних территорий. Что касается теоретических ориентаций, то их выявление зачастую является сложнейшим предприятием. Теоретические представления в этнологии зачастую имплицитны и не являются объектом саморефлексии исследователей. Принципы сбора полевого материала в значительной степени контекстуальны, а не определяются теориями. К тому же проблема теоретической организации этнологии / социокультурной антропологии достаточно сложна и далека от более или менее удовлетворительного освещения. Чтобы осознать это, достаточно сравнить типологии антропологических теорий британца Алана Барнарда и канадца Стэнли Барретта [Barnard, 2004, p. 9; Barrett, 1984, pp. 9–11]. Более поздние известные нам работы по антропологической теории, включая предназначенную для студентов продвинутого уровня книгу канадца Пола Эриксона и американца Лиэма Мёрфи [Erickson, Murphy, 2017], не добились больших успехов в типологизации теорий.

<sup>4</sup> Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 июня 2019 г. № 1221 Режим доступа: [https://minobrnauki.gov.ru/common/upload/library/2019/06/Rasporyazh\\_ot\\_06.06.19\\_N1221-r.pdf](https://minobrnauki.gov.ru/common/upload/library/2019/06/Rasporyazh_ot_06.06.19_N1221-r.pdf) (дата обращения: 11.12.2023).

перечисляет несколько университетов, филиалов НИИ, архивов, музеев [Кузнецова, 2002, с. 190]. В литературе под научным центром может пониматься и город, в котором находятся несколько тесно сотрудничающих друг с другом в области одной дисциплины организаций или подразделений. Социолог Сергей Исаевич Голод отмечал, что с 1960-х гг. можно говорить о ленинградском социологическом центре, представители которого работали в разных учреждениях города (см. об этом: [Козловский, 1999, с. 13]). Монография этнологов Ирины Витальевны Захаровой и Николая Аркадьевича Томилова содержит термин «этнографические научные центры» в своем названии. Причем под такими центрами в первую очередь понимаются как раз города Омск и Новосибирск, где в нескольких учреждениях имеются подразделения, проводящие этнологические исследования [Захарова, Томилов, 2007; также Томилов, Жигунова, 2010]<sup>5</sup>.

Во-вторых, и Крофорд, и российские авторы, использующие этот термин, подразумевают, что научный центр либо дискретно связан с определенной территорией, будь то отдельный город, большой географический регион или республика, либо является институтом, университетским подразделением, музеем и подобным исследовательским учреждением. При такой географической привязке, например, к городу, теряется возможность обозначить наличие в нем нескольких исследовательских центров. При привязке же только к учреждению или его подразделению теряется возможность аналитического объединения нескольких учреждений в одну единицу. Наконец, в-третьих, слово «центр» вызывает у читателя ассоциацию с учреждением, элементом социальной структуры науки и затеняет необходимость принятия во внимание когнитивных аспектов структуры научных дисциплин.

Поэтому мы предпочли оперировать собственными понятиями «диссертационный локус» и «диссертационный ареал». *Под диссертационным локусом в нашем случае понимается совокупность диссертаций, подготовленных в одном учреждении, и этнологов, подготовивших эти диссертации*<sup>6</sup>. Локус может характеризоваться набором тематических предпочтений диссертантов, совокупность которых статистически отличается от наборов тематик в других локусах. Несколько диссертационных локусов могут входить в состав *диссертационного ареала*, или *совокупности этнологических учреждений (этнологических подразделений учреждений), расположенных в одном городе, регионе или стране (бывшей союзной республике)*. Начиная работать над этой статьей, мы предполагали, что локус статистически отличается от других локусов. Подобным же образом различаются и ареалы. В таком случае статистические различия между локусами одного ареала были бы меньше, чем от локусов вне дан-

<sup>5</sup> Правда, в той же монографии авторы употребляют слово «центр» и применительно к учреждению — Институту истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН [Захарова, Томилов, 2007, с. 15].

<sup>6</sup> Мы заимствуем термин «локус» не из генетики, где он означает место расположения гена на хромосоме, а из набора англоязычных математических терминов. В англоязычной математике под локусом понимается «любая система точек, линий или кривых, которая удовлетворяет одному или нескольким заданным условиям <...> Локус точек, удовлетворяющих заданному условию, — это множество, которое содержит точки, удовлетворяющие условию, и ни одной, которая не удовлетворяет <условию>» (см., например: [James, 1992, p. 255]). В русской математической терминологии английскому локусу соответствует термин «геометрическое место точек». Конечно, наша аналогия, как и любая аналогия, не идеальна. Но, думается, для решения поставленной задачи она вполне пригодна.



ного ареала. Мы также допускали, что в большом городе, прежде всего столичном, возможны ситуации, когда некоторые этнологические учреждения (или этнологические подразделения) являются самостоятельными локусами, не входя в ареал, объединяющий другие локусы в этом городе.

Необходимо иметь в виду, что в локус объединяются не все сотрудники некоторого учреждения, а лишь те, которые подготовили свои диссертационные исследования в этом учреждении. Точно так же в него войдут ученые, подготовившие здесь диссертации, но являющиеся сотрудниками других институтов, университетов и т. д.

Преимуществом такого понимания локусов и ареалов является то, что оно позволяет объединять исследователей, трудоустроенных в разных учреждениях и населенных пунктах, а также дает возможность учитывать организационный дрейф локуса, например, при административном объединении/разделении учреждений или при смене учреждения трудоустройства лидерами локусов, выполняющими функции научных руководителей и консультантов. Диссертационные локусы и ареалы находятся в зонах соприкосновения когнитивной и социальной структур научных дисциплин и субдисциплин и соединяют формальные и неформальные элементы в ходе выполнения диссертационных исследований. Мы специально подчеркиваем эту особенность рассматриваемых феноменов, для того чтобы читатель лучше видел их отличия от школ, теоретических групп и других неформальных элементов социальной структуры научных дисциплин (см., например: [Сафонова, 2012]).

В ходе настоящего исследования мы намереваемся проверить возможность выявления диссертационных локусов и ареалов за счет анализа диссертационных тематик при помощи методов векторной алгебры и математической статистики.

## Данные и методы

Исследование опирается на собранные нами сведения о диссертациях, подготовленных к защите в 1934–2016 гг. в СССР и постсоветских странах: прежде всего это печатные версии авторефератов, хранящиеся в библиотеках Петербурга и Киева, электронные каталоги петербургских, московских, киевских, минских и других библиотек, сайты *dissercat*<sup>7</sup>, «Человек и наука»<sup>8</sup>, «Национальная электронная библиотека»<sup>9</sup>, а также сайт «Отечественные этнографы и антропологи XX века»<sup>10</sup>. Более подробно метод сбора данных описан в нашей статье, где мы помимо перечисления особенностей описываемых источников отмечаем их специфику в разные временные периоды, а также в разных учреждениях [Дивисенко, Винер, 2021, с. 159–161]. Всего были получены сведения о 2 901 диссертации и автореферате. Для количественного анализа оказались пригодными сведения о 2 403 кандидатских и 469 докторских диссертациях, которые мы анализируем суммарно без деления на докторские и кандидатские. Из рассмотрения пришлось исключить сведения о

<sup>7</sup> Режим доступа: <https://www.dissercat.com/> (дата обращения: 02.10.2020).

<sup>8</sup> Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/> (дата обращения: 01.10.2020).

<sup>9</sup> Режим доступа: <https://rusneb.ru/> (дата обращения: 21.10.2020).

<sup>10</sup> Режим доступа: <http://ethnographica.kunstkamera.ru> (дата обращения: 01.10.2020).

29 диссертациях, поскольку доступ к ним или авторефератам был невозможен, а по названию не всегда можно определить тематику.

Все эти 2 872 диссертации были проанализированы на предмет их тематики, причем одна диссертация могла касаться нескольких тем. Мы выделяли эти тематики подобно тому, как это делается при индексации на основе библиотечно-библиографической классификации (ББК) [*Библиотечно-библиографическая...*, 2001, с. 201–213]. При этом, используя подходы ББК к классификациям, мы вносили в них модификации, связанные с имеющимся материалом. Более детально мы описываем проблему определения тематик диссертаций в специально посвященном этому сюжету параграфе уже упоминавшейся статьи [*Дивисенко, Винер, 2021, с. 164–165*].

Мы полагаем, что диссертационные локусы могут различаться по доле различных тематик в выполненных в них диссертациях. Причем различия будут не по охвату географических территорий или рассматриваемым этническим общностям, но по сюжетам, которые для этнологии в ББК обозначаются с помощью специальных типовых делений, как-то: -32 «Формирование этнического состава населения данной страны», -426 «Народный костюм», -7 «Духовная культура», -72 «Народное искусство», -735 «Общественный и домашний этикет» и т. п. Эти названия мы здесь приводим лишь в качестве примеров из работы составителей таблиц ББК. Выделенные нами тематики представлены ниже (табл. 1).

Данные показывают, что в ряде университетов диссертации по этнологии готовились на разных кафедрах. Например, в СПбГУ таких кафедр было девять, но при этом основной массив диссертаций — 58 — выполнен на кафедре этнографии и антропологии исторического факультета, три — на предшествующих ей кафедрах этнографии восточного и филологического факультетов, а на остальных в совокупности еще пять диссертаций. Мы полагаем, что в таких случаях целесообразно объединять такие работы под шапкой соответствующего университета.

Для проверки гипотезы о возможности объединения этнологических учреждений на основе диссертационной тематики в локусы и ареалы были использованы два основных метода — кластерный анализ и анализ таблиц сопряженности. Для визуализации результатов использовался метод многомерного шкалирования. Логика анализа была следующей: 1) построение тематического профиля объекта на основе агрегирования исходных данных (на первом этапе по странам, далее — по учреждениям); 2) построение матрицы расстояний между объектами на основе косинусной меры; 3) кластеризация объектов; 4) выявление значимых различий в тематике диссертаций между кластерами. Такая итерация повторялась для кластеров, состоящих из нескольких объектов.

Поскольку основной задачей являлось не принудительное распределение всех объектов по априорному числу кластеров, а выявление групп, состоящих из наиболее близких объектов, для целей исследования был выбран алгоритм кластеризации, основанный на плотности *DBSCAN* (Density-based spatial clustering of applications with noise) [*Ester et al., 1996*] в реализации библиотеки *scikit-learn*. В отличие от «классических» методов кластеризации, *DBSCAN*, основываясь на априорно заданном расстоянии  $\epsilon$  между объектами, группирует их, не включая в кластеры случаи, находящиеся относительно далеко от выявленных плотных групп. Регулирование значения  $\epsilon$  позволяет выявить относительно однородные группирования на разном уровне (при различном масштабе).

При анализе таблиц сопряженности контролировалось значение  $\chi^2$ , а также двух точных тестов: Фишера и Барнарда (реализация SciPy), в тех случаях, когда применение критерия  $\chi^2$  было некорректным (исходные данные представляют собой сильно разреженную матрицу с неравномерно распределенными значениями).

## Результаты

На первом шаге анализа в качестве нижнего порога мы выбрали учреждения с числом диссертаций 14 и более<sup>11</sup>. При заданном пороге из анализа выпадают некоторые бывшие союзные республики, где подготовлено 113 диссертаций, а сведения об оставшихся 2 759 диссертациях представлены в таблице 1.

Табл. 1. Распределение тематики диссертаций по странам (в порядке убывания)

Table 1. Distribution of dissertation topics by country (in descending order)

|                           | Россия | Украина | Грузия | Беларусь | Азербайджан | Киргизия | Узбекистан | Казахстан | Армения | Другие | Всего |
|---------------------------|--------|---------|--------|----------|-------------|----------|------------|-----------|---------|--------|-------|
| Историческая этнография   | 321    | 20      | 13     | 5        | 1           | 6        | 2          | 5         | 1       | 8      | 382   |
| Обрядность                | 207    | 66      | 19     | 11       | 2           | 1        | 8          | 2         | 3       | 14     | 333   |
| Религия и магия           | 210    | 14      | 7      | 6        | 1           | 2        | 4          | 4         | 2       | 8      | 258   |
| Хозяйство                 | 151    | 20      | 35     | 2        | 11          | 0        | 4          | 2         | 6       | 19     | 250   |
| Социальная организация    | 183    | 5       | 10     | 1        | 2           | 1        | 3          | 3         | 1       | 3      | 212   |
| Семья и брак              | 121    | 13      | 23     | 5        | 5           | 0        | 1          | 2         | 1       | 9      | 180   |
| Этнография современности  | 119    | 19      | 4      | 6        | 4           | 2        | 5          | 2         | 1       | 10     | 172   |
| Материальная культура     | 112    | 8       | 9      | 4        | 13          | 2        | 0          | 1         | 2       | 14     | 165   |
| Монографическое описание  | 123    | 6       | 11     | 2        | 2           | 5        | 4          | 3         | 0       | 9      | 165   |
| Поселение и жилище        | 70     | 23      | 13     | 6        | 2           | 3        | 3          | 1         | 0       | 9      | 130   |
| Политическая антропология | 97     | 18      | 1      | 1        | 0           | 0        | 1          | 0         | 0       | 0      | 118   |
| История этнологии         | 45     | 39      | 1      | 6        | 2           | 3        | 1          | 1         | 0       | 2      | 100   |
| Народное искусство        | 69     | 6       | 4      | 2        | 0           | 2        | 4          | 5         | 4       | 4      | 100   |

<sup>11</sup> К концу 2016 г. такое число диссертаций было выполнено в ЕУ. Первоначально нам представлялось, что ЕУ имеет ярко выраженные отличия от других петербургских учреждений по характеру диссертаций. Однако к настоящему времени мы получили сведения о 40 диссертациях, подготовленных здесь. И стало понятно, что ЕУ заметно отличается только тем, что здесь лишь трое из 26 диссертантов, подготовивших диссертации по этнологии, имели этнологическое образование уровня специалитета, полученное в СПбГУ. Остальные начали приобщаться к этнологии с магистерского или аспирантского уровня. Причем еще девять из этих 40 диссертантов подготовили диссертации по филологии, один по искусствоведению, один по социологии и один по теории и истории культуры. В целом имеющиеся у нас данные пока не позволяют говорить о статистически отличимой специфике диссертаций из ЕУ по сравнению с диссертациями, подготовленными в МАЭ, где в основном и проходят защиты выпускников из ЕУ по этнологической специальности.



Окончание табл. 1

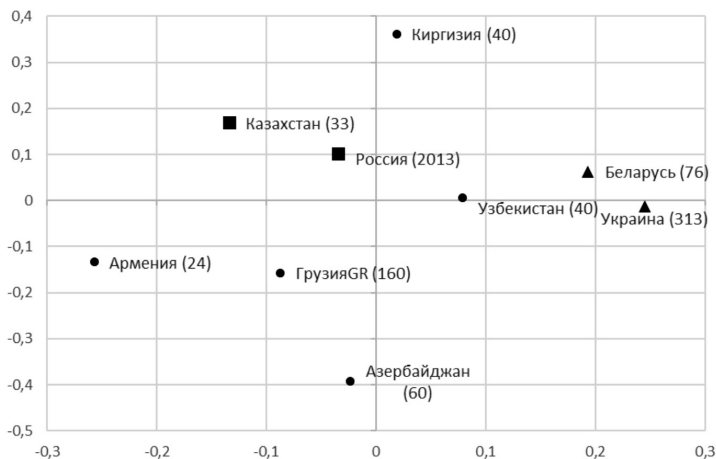
End of the table 1

|                              | Россия | Украина | Грузия | Беларусь | Азербайджан | Киргизия | Узбекистан | Казахстан | Армения | Другие | Всего |
|------------------------------|--------|---------|--------|----------|-------------|----------|------------|-----------|---------|--------|-------|
| Теории этноса                | 18     | 1       | 0      | 0        | 0           | 0        | 0          | 0         | 0       | 0      | 19    |
| Народные знания              | 10     | 5       | 1      | 1        | 0           | 0        | 0          | 0         | 1       | 0      | 18    |
| Системы родства              | 9      | 2       | 3      | 0        | 0           | 1        | 0          | 1         | 1       | 1      | 18    |
| Этнические ассоциации        | 12     | 4       | 0      | 1        | 0           | 0        | 0          | 0         | 0       | 0      | 17    |
| Этногеография                | 11     | 0       | 0      | 0        | 0           | 0        | 0          | 0         | 0       | 0      | 11    |
| Народный календарь           | 7      | 1       | 2      | 0        | 0           | 0        | 0          | 0         | 0       | 0      | 10    |
| Методы                       | 8      | 0       | 1      | 0        | 0           | 0        | 0          | 0         | 0       | 0      | 9     |
| Ономастика                   | 6      | 2       | 0      | 0        | 0           | 0        | 0          | 0         | 0       | 0      | 8     |
| Этнокультурные процессы      | 6      | 1       | 0      | 0        | 0           | 0        | 0          | 0         | 0       | 0      | 7     |
| Визуальная антропология      | 5      | 0       | 0      | 0        | 0           | 0        | 0          | 0         | 0       | 0      | 5     |
| Этностатистика               | 5      | 0       | 0      | 0        | 0           | 0        | 0          | 0         | 0       | 0      | 5     |
| Первобытное искусство        | 3      | 0       | 0      | 0        | 0           | 0        | 0          | 0         | 0       | 0      | 3     |
| Прикладная этнология         | 1      | 0       | 1      | 1        | 0           | 0        | 0          | 0         | 0       | 0      | 3     |
| Теоретическая этнология      | 3      | 0       | 0      | 0        | 0           | 0        | 0          | 0         | 0       | 0      | 3     |
| Этноконфликтология           | 1      | 2       | 0      | 0        | 0           | 0        | 0          | 0         | 0       | 0      | 3     |
| Искусственные изменения тела | 2      | 0       | 0      | 0        | 0           | 0        | 0          | 0         | 0       | 0      | 2     |
| Этология человека            | 1      | 0       | 0      | 0        | 0           | 0        | 0          | 0         | 0       | 0      | 1     |
| Всего диссертаций:           | 2013   | 313     | 160    | 76       | 60          | 40       | 40         | 33        | 24      | 113    |       |

Кластерный анализ (при  $\epsilon = 0,23$ ) для данной совокупности при разбивке по странам показывает, что республики Южного Кавказа, Узбекистан и Киргизия остаются самостоятельными объектами (рис. 1).

Оставшийся массив разбивается на объединенные российско-казахстанский и украинско-белорусский кластеры, отчетливо различающиеся по предпочитаемым тематикам (рис. 2).

Дальнейшее проведение кластерного анализа для российско-казахстанского кластера при том же пороге в 14 диссертаций и при  $\epsilon = 0,19$  дает в качестве самостоятельных объектов ЕУ и города Владивосток, Ижевск, Казань, Омск, Якутск. В северокавказский кластер группируются Махачкала и Нальчик, а в сибирский — Новосибирск, Томск и Улан-Удэ (рис. 3). При этом учреждения Москвы и Петербурга, кроме ЕУ, остаются в одном кластере с Казахстаном и Уфой. На следующем шаге (при  $\epsilon = 0,13$ ) анализа для последней совокупности Казахстан и Уфа отделяются от остающихся вместе Института этнологии и антропологии РАН (далее ИЭА), МГУ, МАЭ и СПбГУ. Совокупность этих четырех учреждений мы называем центральным кластером, поскольку они объединяют 55% российских диссертаций и в значительной мере оказывали определяющее воздействие на этнологические учреждения союзных республик и особенно Российской Федерации (далее — РФ).



Здесь и далее на диаграммах рассеяния маркеры в виде квадратов, треугольников и ромбов («■», «▲», «◆») обозначают принадлежность объектов тому или иному кластеру; окружность («●») показывает, что объект не относится ни к одному из обнаруженных кластеров.

Рис. 1. Результаты кластерного анализа (группировка по странам)  
 Fig. 1. Results of cluster analysis (grouping by country)

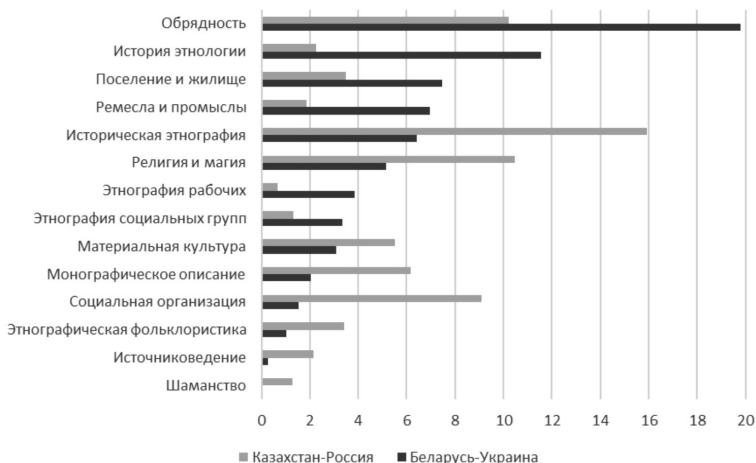


Рис. 2. Значимые различия в тематике диссертаций кластеров «Казахстан — Россия» и «Беларусь — Украина» ( $p < 0,05$ )

Fig. 2. Significant differences in the topics of dissertations of the clusters “Kazakhstan — Russia” and “Belarus — Ukraine” ( $p < 0.05$ )

При сравнении казахстанских диссертаций с общероссийской совокупностью обнаруживается достоверное различие лишь по одной тематике: в Казахстане народное искусство составляет 15,2% от общего числа всех диссертаций Казахстана, в то время как в РФ диссертаций на эту тему только 3,4%.

При обращении к украинско-белорусскому кластеру обнаруживается, что эти две республики значимо различаются только тем, что в Белоруссии больше диссертаций по этносоциологии: 6,6% белорусских против 1,9% украинских. Результаты кластеризации по крупным центрам Беларуси и Украины при  $\epsilon = 0,29$  представлены на рис. 4.



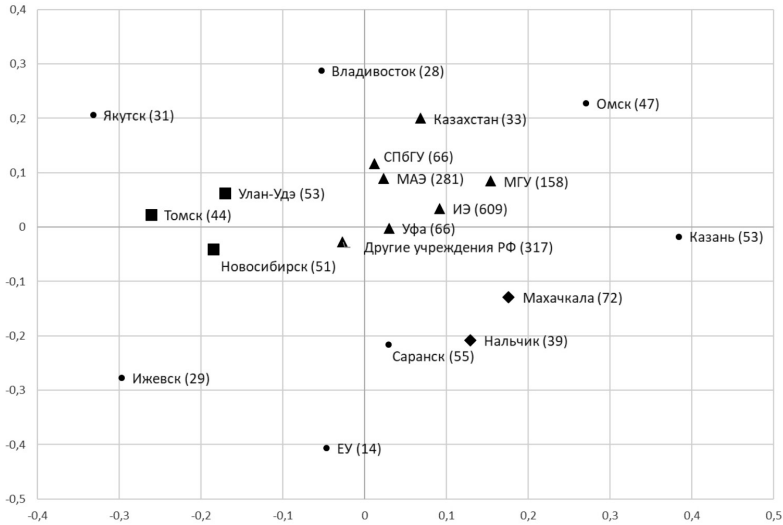


Рис. 3. Результаты кластерного анализа (Россия и Казахстан)

Fig. 3. Results of cluster analysis (Russia and Kazakhstan)

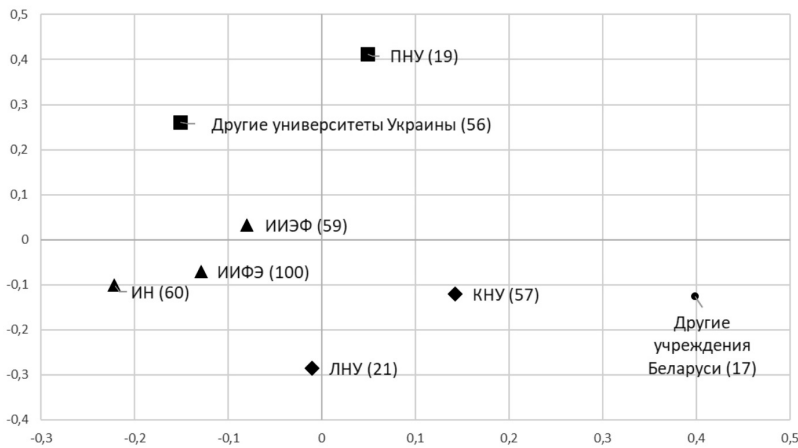


Рис. 4. Результаты кластерного анализа (Беларусь и Украина)

Fig. 4. Results of cluster analysis (Belarus and Ukraine)

Здесь нижний порог для учреждений выбран по ПНУ, где было подготовлено 19 диссертаций. Численность всех белорусских университетских диссертаций была ниже этого порога, составляя только 17 диссертаций. В результате их малой численности они не попадают в три кластера, отображенные на диаграмме. В первом из них оказываются академические институты национальных академий наук Украины и Беларуси: ИИЭФ, ИН и ИИЭФ. Во второй кластер попадают КНУ и ЛНУ, которые далее в тексте мы называем историческими университетами. В третьем кластере оказываются ПНУ и остальные одиннадцать периферийных украинских университетов, в двух из которых подготовлено по семь диссертаций, в одном — шесть, а в остальных по одной-две.

## Обсуждение результатов

Поскольку наш материал довольно объемен, в предлагаемой статье мы интерпретируем полученные результаты выборочно и с разной степенью подробности. Начнем со сравнения тематик крупнейших локусов в Москве и Петербурге (рис. 5).

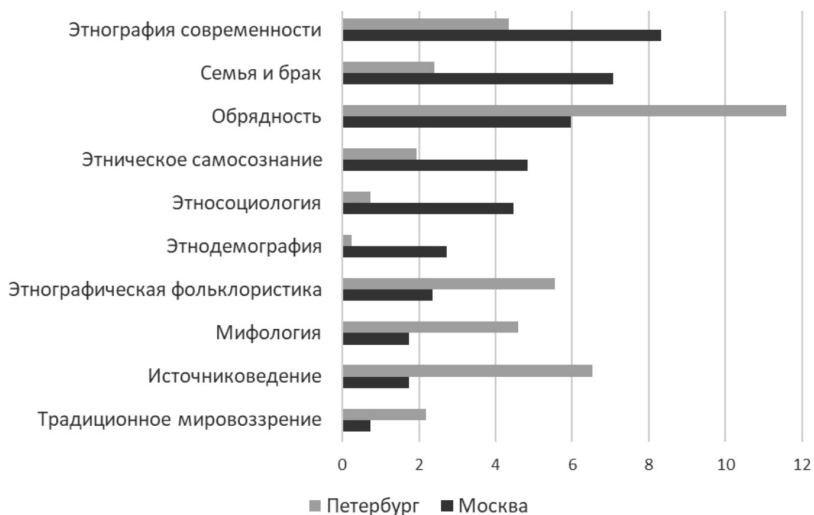


Рис. 5. Сравнение тематик крупнейших локусов в Москве и Петербурге  
Fig. 5. Comparison of the topics for the largest loci in Moscow and St. Petersburg

Сразу обращает на себя внимание, что, за исключением этнографии брака и семьи, петербургской особенностью является повышенное внимание к традиционным темам старой русской этнографии, а москвичи более склонны подхватывать новые тенденции в этнологической науке<sup>12</sup>. Историческая этнография, то есть изучение этногенеза и этнической истории народов, стала доминировать в СССР в период директорства в ИЭА с 1942 г. и до конца жизни Сергея Павловича Толстова (1907–1976). В Петербурге она по своей доле обгоняет Москву. При этом петербуржцы также сохраняют верность повышенному вниманию к источниковедению, которое характерно для петербургской исторической школы со времен Сергея Федоровича Платонова (1860–1933) и Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919).

Сопоставление двух столичных институтов с МГУ и СПбГУ показывает, что для университетов более приоритетно изучение хозяйства и истории этнологии. Этносоциология после своего зарождения в СССР в конце 1960-х — начале 1970-х гг. длительное время использовала лишь количественные методы, прежде всего массовые опросы. Этот метод требует больших финансовых затрат, неподъемных для университетов без дополнительных источников финансирования, а грантовые возможности в России появились лишь в середине 1990-х гг., да и то они довольно ограничены, если сравнивать с передовыми в научном отношении странами. Этносоциологические диссертации готовились преимущественно в ИЭА, где со второй половины

<sup>12</sup> Распределение диссертаций по периодам, а также количественный анализ различий между периодами представлены в параграфе «Результаты статистического анализа» в нашей уже упоминавшейся статье [Дивисенко, Винер, 2021, с. 171–180].

1960-х гг. существует этносоциологическое подразделение и где было подготовлено 34 диссертации, тогда как в МГУ и МАЭ за весь изученный нами период подготовлено только по две диссертации по этой субдисциплине.

Близость московского и петербургского институтов по тематикам исследования, по-видимому, коренится в общем институциональном происхождении этих учреждений: образованный в 1930-е гг. в Ленинграде институт в условиях Второй мировой войны, когда часть его сотрудников была эвакуирована из города, а также возникла потребность в практических рекомендациях этнографов для руководства страны, был разделен на московскую и ленинградскую части. После войны именно московская часть стала головной. А в 1992 г. ленинградская часть стала самостоятельным учреждением — МАЭ. Ученые из обеих частей института довольно интенсивно общались друг с другом и участвовали в совместных проектах. Некоторые научные подразделения могли одновременно существовать в обоих городах. Так, Кирилл Васильевич Чистов (1919–2007) вспоминал, что в 1961 г. его пригласили заведовать восточнославянским отделом института с секторами в Москве и Ленинграде [Тишков, 2008, с. 99].

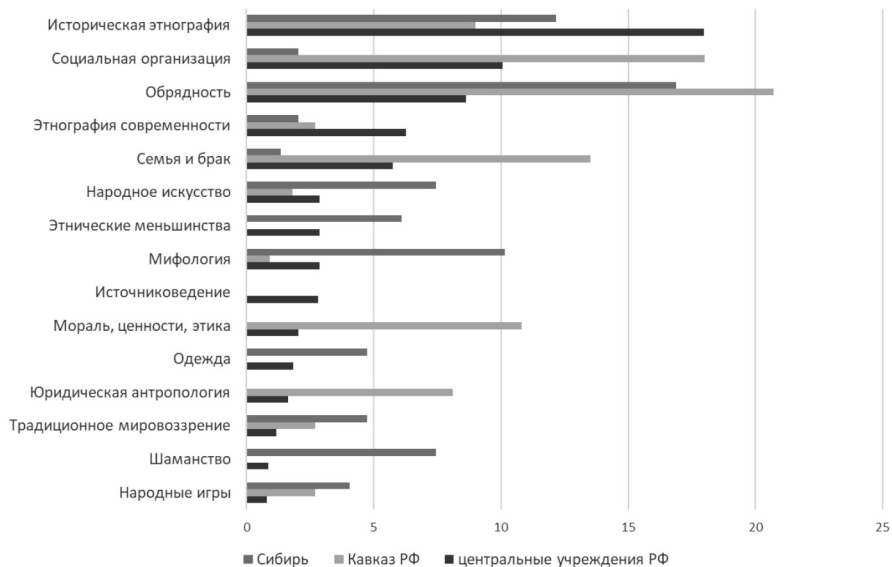
В то же время Владимир Рафаилович Кабо (1925–2009), работавший в разное время в обеих частях института, отмечал: «Традиции петербургской и московской этнографических школ были различны: в традициях Петербурга главным были полевые исследования с глубоким погружением в язык и культуру изучаемого народа; московской, анучинской школе — названной так по имени этнографа и антрополога Анучина<sup>13</sup> — свойственны комплексность, синтез этнографических, археологических и антропологических исследований» [Кабо, 2017].

Сложно сказать, насколько верно оценивал Кабо различия между двумя частями института и сколь долго сохранялись эти различия между москвичами и ленинградцами. Но, возможно, и эти традиции сказываются на тематических интересах исследователей.

Как видно на рисунке 3, к центральному кластеру примыкают Казахстан (который мы далее не рассматриваем из-за сравнительно малого числа диссертаций) и Уфа, где находятся кафедра истории Республики Башкортостан, археологии и этнологии Башкирского университета, ИИЯЛ УФИЦ и ИЭИ. В университете из восьми кандидатских диссертаций по этнологии шесть выполнено под руководством Рима Зайнигабитовича Янгузина (1941–2007), который в 1991 г. стал первым заведующим кафедры истории Башкортостана и этнографии. Здесь почти все диссертации (10 из 11) сосредоточены на тематике традиционной этнографии. В ИИЯЛ УФИЦ диссертации также в основном относятся к традиционной тематике (21 из 23 кандидатских). ИЭИ основан Раилем Гумеровичем Кузеевым (1929–2005), который переместился туда из ИИЯЛ УФИЦ. Тематики здесь несколько более разнообразные, и несколько больше внимания, по сравнению с предыдущими локациями, уделяется изучению других этносов. На основе имеющихся данных о тематиках мы не в состоянии ответить на вопрос, можно ли объединить какие-то из этих локаций в общий ареал.

Рисунок 3 также демонстрирует присутствие на российско-казахстанской диаграмме рассеивания кавказского (Нальчик и Махачкала) и сибирского (Томск, Новосибирск, Улан-Удэ) кластеров. Пока мы не можем объяснить наличие такой конфигурации, но представляем читателю рисунок 6, дающий представление о тематиках, предпочитаемых в выделенных нами кластерах.

<sup>13</sup> Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923).



*Рис. 6.* Сравнение тематик диссертаций в центральном, кавказском и сибирском кластерах  
*Fig. 6.* Comparison of dissertation topics in the Central, Caucasian and Siberian clusters

Здесь отчетливо видно, что для северокавказских этнологов самые привлекательные тематики — обрядность и социальная организация. Сибиряки заметно лидируют по мифологии и шаманству. И оба этих кластера отстают от центра по интересу к исторической этнографии. При этом на Северном Кавказе вообще не подготавливались диссертации по шаманству и меньшинствам, а в сибирском кластере — по юридической антропологии.

Отдельными объектами вне кластеров оказались шесть городов: Владивосток, Ижевск, Казань, Омск, Саранск и Якутск. Во Владивостоке этнологическое подразделение есть лишь в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, диссертанты которого фокусируются главным образом на изучении традиционной культуры коренного дальневосточного населения.

В Ижевске в Удмуртском институте истории, языка и литературы руководителем семи из подготовленных кандидатских диссертаций была Галина Аркадьевна Никитина (1951–2017). Тематика диссертаций, защищенных под ее руководством, тяготеет к современности и актуальным проблемам жизнедеятельности удмуртского этноса. В Удмуртском университете из 17 выполненных кандидатских диссертаций 15-ю руководил Владимир Емельянович Владыкин (р. 1943). Здесь также существует заметный интерес к изучению современности, но доля подобных диссертаций меньше и представлена в семи работах. Остальные диссертанты отдали предпочтение изучению традиционной этнографической проблематики и историографии.

В Казани довольно четко можно различить тематики институтские и университетские. Диссертанты в Институте истории специализируются преимущественно на изучении татар (14 из 17 диссертаций). В университете из 34 диссертаций изучению только татар посвящено пять работ, зато 15 работ рассматривают различные стороны жизни русских Поволжья. Еще в 11 диссертациях сравниваются по каким-ли-

бо аспектам несколько народов либо описывается межэтническое взаимодействие, а три посвящены народам зарубежных стран либо недавним мигрантам из других стран. Таким образом, в случае Казани по этнической тематике мы достаточно отчетливо прослеживаем наличие в городе двух диссертационных локусов.

Возможность такого различия тематик казанских учреждений сильно контрастирует со случаем Саранска. Здесь диссертации по этнологии выполняются в трех учреждениях: в НИИ гуманитарных наук при Правительстве Мордовии, в Мордовском ГУ и в МГПУ. В институте сегодня существует отдел региональных исследований и этнологии. В настоящее время на сайте отдела значатся пять сотрудников, из которых лишь Людмила Ивановна Никонова является этнологом<sup>14</sup>. И это при том, что в этом учреждении было подготовлено 34 кандидатских и четыре докторских диссертации по этнологии. В Мордовском ГУ, по нашим данным, было подготовлено шесть кандидатских и четыре докторских диссертации. С 1988 г. существовала кафедра, в названии которой среди прочего было и слово «этнография». Но в 2013 г. она была слита еще с двумя кафедрами в кафедру истории России<sup>15</sup>. Сейчас на сайте кафедры значатся лишь два доктора, защитившихся по этнологии, а остальные девять сотрудников имеют другие специальности<sup>16</sup>. Наконец, в МГПУ защищена одна докторская и три кандидатские диссертации. В настоящее время здесь на кафедре отечественной и зарубежной истории и методики обучения из девяти преподавателей трое являются этнологами, которые подготовили свои диссертации в мордовском институте. Можно проследить перемещение исследователей между этими тремя учреждениями. Возможно, отмеченные явления являются важным аргументом в пользу того, что в Саранске мы имеем дело с диссертационным ареалом, состоящим из нескольких локусов, причем ослабление одних локусов может сочетаться с усилением других. Но дополнительную аргументацию можно будет получить, лишь проследив изменения в социальной структуре этнологии в этом регионе.

Омская этнология получила заметное развитие благодаря научным и организационным способностям ее признанного лидера Николая Аркадьевича Томилова (р. 1941). По-видимому, это в значительной степени и определяет предпочитаемые диссертантами тематики. Как и ожидалось, омичи заняты почти исключительно изучением Западной Сибири (в ее географических, а не административных границах), лишь изредка касаясь сопредельных территорий. Причем в самой Западной Сибири их интересует преимущественно южная часть, в прошлом заселенная преимущественно тюркскими группами и переселенцами и депортированными из европейской части СССР. Заметных различий в тематиках между Омской лабораторией (в прошлом филиалом) Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН и университетом не прослеживается. С нашей точки зрения, такое сходство

<sup>14</sup> Отдел региональных исследований и этнологии. Режим доступа: <http://www.niign.ru/ob-institute/struktura-instituta/nauchnyie-otdelyi/otdel-regionalnyix-issledovanij-i-programm> (дата обращения: 4.02.2024).

<sup>15</sup> В мордовском госуниверситете ликвидировали кафедру археологии и этнографии. Режим доступа: <https://nazaccent.ru/content/8897-v-mordovskom-nacionalnom-issledovatel'skom-gosuniversitete-likvidirovana.html> (дата обращения: 04.02.2024).

<sup>16</sup> Кафедра истории России. Режим доступа: <https://mrsu.ru/ru/university/chair/kafedra-istorii-rossii/employee/> (дата обращения: 29.02.2024).

тематик в обоих локусах, как и роль их создателя Томилова, позволяет утверждать, что Омск является единым диссертационным ареалом.

Якутск напоминает Омск тем, что и местный институт, образованный из нескольких институтов, и университет проводят исследования по сходному набору тематик. Опять-таки якутские исследователи ограничиваются территорией Якутии. Но в нашей коллекции значатся сведения лишь о трех десятках якутских диссертаций, и поэтому пока сложно делать достаточно обоснованные выводы.

Украинско-белорусский кластер характеризуется тем, что на диаграмме рассеивания (рис. 4) академические институты в обеих республиках оказались ближе друг к другу, чем к украинским университетам. Белорусские университеты сюда не попали из-за небольшого количества диссертаций (12). Нижний порог выбран по ПНУ (19 диссертаций).

Далее мы сравниваем институты с КНУ и ЛНУ (рис. 7).

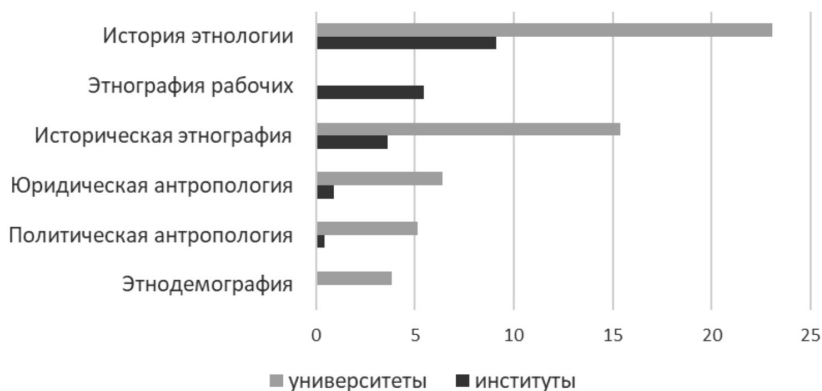


Рис. 7. Сравнение академических институтов украинско-белорусского кластера с Киевским и Львовским национальными университетами

Fig. 7. Comparison of academic institutes of the Ukrainian-Belarusian cluster with Kiev and Lviv National Universities

По всем тематикам, для которых существуют значимые различия между показанными здесь институтами и университетами, лидируют университеты. Отсутствие этнографии рабочих в украинских университетах объясняется тем, что, когда там в конце 1980-х гг. возникли кафедры этнологии, тема этнографии рабочих, развивавшаяся в системе Академии наук, уже в основном вышла из моды, уступив место этносоциологии. Тема поселения и жилища оказывается периферийной для КНУ (три диссертации) и ЛНУ, зато в ИИФЭ она значится в 11 авторефератах, а в ИН — в восьми. Видимо, она представлялась достаточно важной и перспективной для углубленной разработки многими исследователями.

Несколько иначе обстоит дело с изучением хозяйства. Академические этнологи также не большие энтузиасты подготовки диссертаций по этой теме (у них в Киеве две диссертации и во Львове — четыре), несмотря на то, что автором известной монографии об украинском земледелии является именно сотрудник ИИФЭ, выпускник кафедры этнографии МГУ и аспирантуры Института этнографии АН СССР Владимир Федорович Горленко [Горленко, 1971]. В КНУ и ЛНУ вместе по этой тематике подготовлено четыре диссертации, зато в периферийных украин-



ских университетах вместе восемь диссертаций. Мы затрудняемся объяснить такие предпочтения, как и то, что у академических этнологов отсутствует интерес к этнодемографии: все четыре украинские работы по этнодемографии выполнены в университетах. Тематика этнического состава и расселения также больше привлекает внимание университетских этнологов.

Тематика субэтнических групп характерна только для периферийных университетов, причем четыре диссертации из пяти подготовлены в ПНУ под руководством основателя кафедры этнологии и археологии Николая Васильевича Кугутяка (р. 1952). На его интересы, как и на интересы всей кафедры, влияют этнографические особенности Ивано-Франковской области, где расселены субэтнические группы гуцулов и бойков. Следует заметить, что Ивано-Франковская область вообще имеет заметные региональные этнографические особенности, что выражается в интересе к субэтническим группам, а также к этническому самосознанию. Это подтверждается информацией об интересах преподавателей на сайте кафедры<sup>17</sup>.

Юридическая антропология в большей степени характерна для КНУ и ЛНУ, где подготовлено пять диссертаций по этой тематике. Остальные две выполнены в ИИФЭ. Мы склонны видеть в этом определенную консервативность академических учреждений, которые длительное время ведут научную работу по заранее одобренным и выдержавшим временную проверку темам. В текстах авторефератов украинских академических исследователей в начале XXI в. можно даже обнаружить примерно такую фразу: «Диссертация выполнена в рамках плановой темы <...> отдела <...> Института...» В университетских авторефератах также имеется такая формула, но для университетов главным требованием является подготовка студентов, поэтому можно допустить, что исследователям здесь проще обращаться к новаторским для украинской этнологии тематикам, обещающим менее трудоемкий процесс сбора материалов, чем длительное пребывание в поле. Это же рассуждение будет верным и применительно к политической антропологии. Здесь девять диссертаций выполнено в университетах, а еще столько же в не отраженном в нашем количественном анализе и диаграммах из-за малочисленности диссертаций по этнологии (всего 14) киевском Институте политических и этнонациональных исследований НАНУ. Судя по всему, ИИФЭ и ИН не считают эту проблематику своей.

Украинские данные хорошо согласуются с нашим представлением о том, что в институтах больше возможностей для экспедиционной деятельности и сбора полевого материала. Университетские исследователи вынуждены компенсировать нехватку поля работой в библиотеках и архивах. Прежде всего это относится к Киеву и Львову, где библиотеки и архивы хранят гораздо больше литературы и источников, чем в других областях Украины. При реконструкции истории народов в Восточной Европе университетский исследователь может обойтись без собственных этнографических полевых материалов. В университете преподавателю проще переключаться на нетрадиционные тематики, поскольку он меньше связан утвержденными долгосрочными планами своего подразделения. Обделенность периферийных университетов архивными источниками побуждает к написанию диссертаций на модные теперь у западных коллег темы, например, такие как политическая и юридическая антропология (рис. 8). В то же время преподавателю из периферийного универси-

<sup>17</sup> Кафедра етнології і археології. Викладацький склад. Режим доступа: <https://kea.pnu.edu.ua/vykladatskyu-sklad/> (дата обращения: 04.02.2024).

тета гораздо проще добраться до поля максимум за несколько часов на пригородном автобусе или электричке. Останавливаться на ночлег можно у родственников, друзей, знакомых. То есть, помимо месячной экспедиции, становятся возможными полевые экскурсии на выходные, праздники и каникулы, что позволяет собрать собственный материал быстрее исследователей из КНУ.

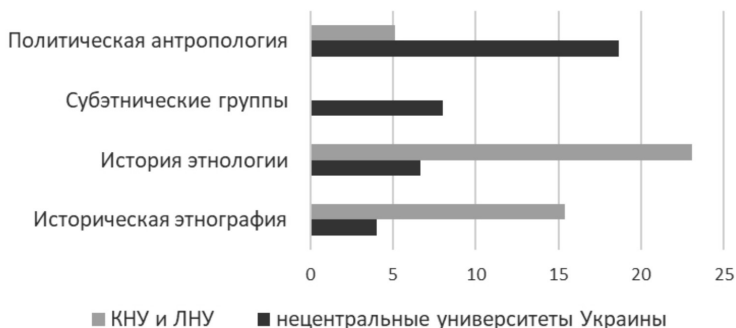


Рис. 8. Сравнение тематик в КНУ и ЛНУ с тематиками периферийных университетов Украины

Fig. 8. Comparison of subjects at KNU and LNU with subjects of peripheral universities in Ukraine

Грузия, по нашему мнению, является единым ареалом, несмотря на то, что помимо Тбилиси этнологические учреждения находятся или находились в нескольких населенных пунктах. К сожалению, мы плохо знаем грузинскую ситуацию, и несмотря на то, что данные указывают на некоторые количественные различия в предпочтениях диссертантов в Институте истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР и в Тбилисском университете, в настоящее время мы не берем на себя ответственность в их интерпретации.

## Заключение

1. Выбранное нами сочетание невероятных и вероятных методов векторной алгебры и математической статистики подтвердило возможность выявления групп этнологических учреждений на основе тематики подготовленных в них диссертаций. Алгоритм пошагового разделения общего массива помог обнаружить как тематически близкие учреждения, так и «учреждения-одиночки» при разном масштабе анализа (от республиканского до регионального и городского). Фиксация на всех шагах анализа достоверных различий в тематике и числа этих различий позволила интерпретировать выявленные группирования и отдельные объекты как диссертационные локусы и в ряде случаев как ареалы.

2. Для некоторых случаев (Ижевск, Казань) с помощью сравнения тематик диссертаций удалось выявить автономию диссертационных локусов, которые в пределах этих городов не объединяются в ареалы. Автономными локусами можно считать Владивосток и Ивано-Франковск.

3. С большой степенью вероятности диссертационными ареалами можно считать Саранск и Омск, поскольку тематические различия между локусами внутри этих городов не прослеживаются, а предварительное изучение связей между ис-

следователями в этих городах указывает на заметное количество совместителей и перемещений между локусами. Возможно, сюда же следует отнести Львов. Скорее всего, одним ареалом является Грузия, но для окончательного вывода по этой стране у нас недостаточно данных.

3. В то же время для большинства случаев, когда в одном городе расположено несколько этнологических локусов (например, Уфа, Якутск), сравнение локусов по тематикам не дает однозначного ответа о возможности их объединения в общие ареалы. То же можно сказать о возможности объединения в один ареал ИЭА и МАЭ.

4. Для дальнейшего продвижения по этой проблематике потребуется дополнительно изучить социальную структуру этнологии в изучаемых нами республиках. Результаты этой работы будут представлены в последующих публикациях.

## Литература

*Александров Д.А.* Организация вузовских кафедр как фактор развития науки: Германия, США, Россия // Мировые модели взаимодействия науки и высшего образования: Материалы Международной научной конференции 1–3 июля 1996 года / Ред. Ю.С. Васильев, С.А. Кугель. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. С. 195–202.

*Бабенкова Н.А.* Мониторинг науки: библиометрический анализ диссертаций по антропологии и этнологии (1995–2019) // Уральский исторический вестник. 2020. № 3 (68). С. 134–145. DOI: 10.30759/1728-9718-2020-3(68)-134-145.

Библиотечно-библиографическая классификация: Средние таблицы. Практическое пособие. Вып. 1 / Сост. Г.П. Ванская и др. М.: Либерия, 2001. 314 с.

*Винер Б.Е.* Институциональная история российской этнологии: краткий обзор // Этнографическое обозрение. 2020. № 4. С. 150–166. DOI: 10.31857/S086954150010839-2.

*Горленко В.Ф.* Народна землеробська техніка українців. Київ: Наукова думка, 1971. 164 с.

*Гудков Л.* Есть ли основания у теоретической социологии в России? // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 1 (99). С. 101–116.

*Гутнов Д.А.* О школах в исторической науке // История мысли: Историография / Ред. И.П. Смирнов. М.: Вузовская книга, 2002. С. 65–72.

*Дивисенко К.С., Винер Б.Е.* Периодизация советской и постсоветской этнологии на материалах тематики диссертаций (1934–2016) // Мир России. Социология. Этнология. 2021. Т. 30. № 4. С. 156–187. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-4-156-187.

*Елфимов А.Л.* Антропология в разных измерениях: предисловие составителя // Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы / Ред. и сост. А.Л. Елфимов. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 5–18.

*Захарова И.В., Томилов Н.А.* Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX — начала XXI века. Омский этнографический центр. Омск: Наука, 2007. 399 с.

*Здравомыслов А.Г.* Вехи научной биографии // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 3. С. 5–21.

*Кабо В.Р.* Глава 9. Книги и люди // Кабо В.Р. Дорога в Австралию. М.: Восточная литература, 2008. Режим доступа: <https://vladimirkabo.com/books/road-to-australia/books-and-people> (дата обращения: 04.02.2024).

*Козловский В.В.* Социология в Санкт-Петербурге // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 2. С. 5–30.

*Кузнецова О.В.* Локальное научное сообщество историков в 90-е годы XX века (на материалах города Омска) // Мир историка. XX век / Ред. А.Н. Сахаров. М.: Институт российской истории РАН, 2002. С. 179–199.

*Куперштох Н.А.* Научные школы России и Сибири: проблемы изучения // Философия науки. 2005. № 2 (25). С. 93–106.

- Островский А.* [Без названия] // Антропологический форум. Специальный выпуск. 2005. С. 78–82.
- Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань: [Б. и.], 2004. 348 с.
- Сафонова М.А.* Сетевая структура и идентичности в локальном сообществе социологов // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 107–120.
- Тишков В.А.* «Этнография — наука подробная»: интервью с К.В. Чистовым // Тишков В.А. Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. М.: СПб.: Алетей, 2008. С. 81–102.
- Томилов Н., Жигунова М.* Омский научный этнографический центр: штрихи к портрету // Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования. Т. II. М.: МАЭ РАН, 2010. С. 285–295.
- Уитли Р.* Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования // Научная деятельность структура и институты / Ред. Р. Уитли. М.: Прогресс, 1980. С. 218–256.
- Barnard A.* History and Theory in Anthropology. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004. xii, 243 p.
- Barrett S.R.* The Rebirth of Anthropological Theory. Toronto: University of Toronto Press, 1984. xiv, 266 p.
- Becker H.S.* The Chicago School, So-called // Qualitative Sociology. 1999. Vol. 22. No. 1. P. 3–12.
- Crawford S.* Informal Communication among Scientists in Sleep Research // Journal of the American Society for Information Science. 1971. Vol. 22. No. 5. P. 301–310.
- Ester M., Kriegel H.-P., Sander J., Xu X.* A Density-Based Algorithm for Discovering Clusters in Large Spatial Databases with Noise // Proceedings of the Second International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining (KDD–96) / Eds. E. Simoudis, J. Han, U.M. Fayyad. AAAI Press, 1996. P. 226–231.
- Erickson P.A., Murphy L.D.* A History of Anthropological Theory. 5<sup>th</sup> ed. Toronto, ON: University of Toronto Press, 2017. xxii, 373 p.
- Malciene L.* Scientometric Analysis of a Scientific School // Scientometrics. 1989. Vol. 15. No. 1–2. P. 73–85.

## **Dissertation Loci and Areas: the Case of Soviet and Post-Soviet Ethnology**

***BORIS E. WIENER***

Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology  
of the Russian Academy of Sciences,  
St. Petersburg, Russia;  
e-mail: wienerras@yandex.ru

***KONSTANTIN S. DIVISENKO***

Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology  
of the Russian Academy of Sciences,  
St. Petersburg, Russia;  
e-mail: k.divisenko@socinst.ru

Using information about dissertations on ethnography / ethnology prepared in the USSR and post-Soviet countries, the authors discuss the zones of contact between the cognitive and social structures of ethnology as a scientific discipline. Such zones are designated as dissertation loci and areas. The dissertation locus refers to the set of dissertations prepared at one institution and the collection of ethnologists who prepared these dissertations. The locus is characterized by a certain assemblage of topics, the totality of which is statistically different from the sets of topics in the other loci. Several dissertation loci may be part of a dissertation area, or a set of ethnological institutions (ethnological divisions of institutions) located in the same city, region or country (former Soviet republic). The concepts of loci and areas make it possible to unite researchers employed in different institutions and localities, and also make it possible to take into account the organizational drift of a locus, for example, during the administrative merger / division of institutions or when locus leaders who act as research advisors and consultants change the institution of employment. The article demonstrates that the methods of vector algebra and mathematical statistics allow to identify confidently for some cases dissertation loci and areas in the course of the analysis of dissertation. Examples of autonomous loci include ethnological departments in Vladivostok and Ivano-Frankovsk. Several autonomous loci which do not form common areas coexist in Izhevsk and Kazan. On the contrary, loci in Saransk, Omsk, and Lvov are united into common areas. At the same time, comparison of loci by topic does not give for most cases, when several ethnological loci are located in one city, an unambiguous answer about the possibility of combining them into common areas such as, for example, in Ufa and Yakutsk. The same can be said about the possibility of combining the Institute of Ethnology and anthropology of the Russia Academy of Sciences and the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences into one area.

**Keywords:** sociology of ethnology, cognitive structure of science, social structure of science, dissertational loci, dissertational areas, dissertational topics, DBSCAN.

## References

- Aleksandrov, D.A. (1997). Organizatsiya vuzovskikh kafedr kak faktor razvitiya nauki: Germaniya, SShA, Rossiya [The organization of university chairs as a factor in the development of science: Germany, USA, Russia], in Yu.S. Vasil'ev, S.A. Kugel (Eds.), *Mirovyye modeli vzaimodeystviya nauki i vysshego obrazovaniya: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 1–3 iyulya 1996 goda* [World models of interaction between science and higher education: Proceedings of the International Scientific Conference July 1–3, 1996] (pp. 195–202), S.-Peterburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta (in Russian).
- Babenkova, N.A. (2020). Monitoring nauki: bibliometricheskii analiz dissertatsiy po antropologii i etnologii (1995–2019) [Research monitoring: bibliometric analysis of dissertations on anthropology and ethnology (1995–2019)], *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, no. 3 (68), 134–145 (in Russian). DOI: 10.30759/1728-9718-2020-3(68)-134-145.
- Barnard, A. (2004). *History and Theory in Anthropology*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Barrett, S.R. (1984). *The Rebirth of Anthropological Theory*, Toronto: University of Toronto Press.
- Becker, H.S. (1999). The Chicago School, So-called, *Qualitative Sociology*, 22 (1), 3–12.
- Crawford, S. (1971). Informal Communication among Scientists in Sleep Research, *Journal of the American Society for Information Science*, 22 (5), 301–310.
- Divisenko, K.S., Wiener, B.E. (2021). Periodizatsiya sovetskoy i postsovetskoy etnologii na materialakh tematiki dissertatsiy (1934–2016) [The periodization of Soviet and post-Soviet ethnology based on dissertation topics (1934–2016)], *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 30 (4), 156–187 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-4-156-187.

Elfimov, A.L. (2012). Antropologiya v raznykh izmereniyakh: predisloviye sostavitelya [Anthropology in different dimensions: foreword by the compiler], in A.L. Elfimov (Ed., comp.), *Antropologicheskiye traditsii: stili, stereotipy, paradigmy* [Anthropological traditions: styles, stereotypes, paradigms] (pp. 5–18), Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye (in Russian).

Erickson, P.A., Murphy, L.D. (2017). *A History of Anthropological Theory*, 5<sup>th</sup> ed., Toronto, ON: University of Toronto Press.

Ester, M., Kriegel, H.-P., Sander, J., Xu, X. (1996). A Density-based Algorithm for Discovering Clusters in Large Spatial Databases with Noise, in E. Simoudis, J. Han, U.M. Fayyad (Eds.), *Proceedings of the Second International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining (KDD-96)* (pp. 226–231), AAAI Press.

Gorlenko, V.F. (1971). *Narodna zemlerobs'ka tekhnika ukraïntsv* [Ukrainian folk ploughing tools], Kyïv: Naukova dumka (in Ukrainian).

Gudkov, L. (2009). Yes' li osnovaniya u teoreticheskoy sotsiologii v Rossii? [Is there any basis for theoretical sociology in Russia?], *Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannyye. Analiz. Discussii*, no. 1 (99), 101–116 (in Russian).

Gutnov, D.A. (2002). O shkolakh v istoricheskoy nauke [About schools in historical study], in I.P. Smirnov (Ed.), *Istoriya mysli: Istoriografiya* [History of thought: Historiography] (pp. 65–72). Moskva: Vuzovskaya kniga (in Russian).

Kabo, V.R. (2008). Glava 9: Knigi i yudi [Chapter 9: Books and people], in V.R. Kabo, *Doroga v Avstraliyu* [The road to Australia], Moskva: Vostochnaya literatura. Available at: <https://vladimirkabo.com/books/road-to-australia/books-and-people> (date accessed: 04.02.2024) (in Russian).

Kozlovskiy, V.V. (1999). Sotsiologiya v Sankt-Peterburge [Sociology in St. Petersburg], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 2 (2), 5–30 (in Russian).

Kupershtokh, N.A. (2005). Nauchnyye shkoly Rossii i Sibiri: problemy izucheniya [Scientific schools in Russia and Siberia: problems of their study], *Filosofskiy nauki*, no. 2 (25), 93–106 (in Russian).

Kuznetsova, O.V. (2002). Lokal'noye nauchnoye soobshchestvo istorikov v 90-e gody XX veka (na materialakh goroda Omska) [Local scientific community of historians in the 90s of the 20<sup>th</sup> century (based on materials from the city of Omsk)], in A.N. Sakharov (Ed.), *Mir istorika. XX vek* [The world of the historian. 20 century] (pp. 179–199), Moskva: Institut rossiyskoy istorii RAN (in Russian).

Malciené, L. (1989). Scientometric Analysis of a Scientific School, *Scientometrics*, 15 (1–2), 73–85.

Ostrovskii, A.B. (2005). [Untitled], *Antropologicheskii forum. Spetsial'nyy vypusk*, 78–82 (in Russian).

Rostovtsev, E.A. (2004). *A.S. Lappo-Danilevskiy i peterburgskaya istoricheskaya shkola* [A.S. Lappo-Danilevskiy and St. Petersburg historical school], Ryazan': b. i. (in Russian).

Safonova, M.A. (2012). Setevaya struktura i identichnosti v lokal'nom soobshchestve sotsiologov [Network structure and identities in the local community of sociologists], *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 6, 107–120 (in Russian).

Tishkov, V.A. (2008). “Etnografiya — nauka podrobnaya”: interv'y u s K.V. Chistovym [“Ethnography is a detailed discipline”: interview with K.V. Chistov], in V.A. Tishkov, *Nauka i zhizn'. Razgovory s etnografami* [Scholarship and life. Conversations with ethnographers] (pp. 81–102), Moskva; S.-Peterburg: Aleteiya (in Russian).

Tomilov, N., Zhigunova, M. (2010). Omskiy nauchnyy etnograficheskii tsentr: shtrikhi k portretu [Omsk research ethnographic centers: touches to the portrait], in G.A. Komarova (Ed.), *Antropologiya akademicheskoy zhizni: mezhdistitsiplinarnyye issledovaniya* [Anthropology of academic life: interdisciplinary research], t. 2 (pp. 285–295), Moskva: MAE RAN (in Russian).

Vanskaya, G.P. et al. (Comp.) (2001). *Bibliotechno-bibliograficheskaya klassifikatsiya: Srednie Tablitsy. Prakticheskoe Posobie* [Library bibliographic classification: Average tables. Practical guide], vyp. 1, Moskva: Libereya (in Russian).

Whitley, R. (1980). Kognitivnaya i sotsial'naya institutsionalizatsiya nauchnykh spetsial'nostey i oblastey issledovaniya [Cognitive and social institutionalization of scientific specialties and research



areas], in E.M. Mirsky, B.G. Yudin (Ed.), *Nauchnaya deyatel'nost': struktura i instituty* [Scientific activity: structure and institutions] (pp. 218–256), Moskva: Progress (in Russian).

Wiener, B.E. (2020). *Institutsional'naya istoriya rossiyskoy etnologii: kratkiy obzor* [Institutional history of Russian ethnology: a brief overview], *Etnograficheskoye obozreniye*, no. 4, 150–166 (in Russian). DOI: 10.31857/S086954150010839-2.

Zakharova, I.V., Tomilov, N.A. (2007). *Etnograficheskiye nauchnyye tsentry Zapadnoy Sibiri serediny XIX — nachala XXI veka. Omskiy etnograficheskiy tsentr* [Ethnographic research centers of Western Siberia in the middle of the 19 — beginning of the 21 century. Omsk Ethnographic Center], Omsk: Nauka (in Russian).

Zdravomyslov, A.G. (1998). *Vekhi nauchnoy biografii* [Milestones of scientific biography], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 1 (3), 5–21 (in Russian).

*SVETLANA A. KORABLEVA*

PhD student,  
National Research University “Higher School of Economics”,  
St. Petersburg, Russia;  
e-mail: sbolshakova@hse.ru



## **Models of Scientific Leadership in Russian *R&D* Institutions: an Empirical Reconstruction**

УДК: 001:316.46

DOI: 10.24412/2079-0910-2024-3-157-180

This article discusses the concept of leadership in science. The main goal of this research is to define the concept of leadership and models of leadership in science by considering an example of *R&D* sector in Russia. To achieve the goal a qualitative study was conducted, which included data collection by conducting in-depth interviews and subsequent analysis of the information received. In total, 16 respondents from different positions, from different fields of science and from different cities participated in the study. It is important to note that all respondents held managing positions in scientific organizations, which is an important element of the study, since the respondents have extensive management experience so their answers were based on practice.

As a result of the research, different models of leadership in science have been identified, which have their own specific features and traits. Also, as a result of the study, a general idea of leadership in science was analyzed: what is the basis of leadership in science, what traits should be inherent in a leader in science and other important aspects. Leadership is not universal, both in relation to all spheres of human life (business, science, etc.), and in relation to science itself, although there are a large number of identical signs. However, scientific leadership has its own distinctive features that greatly distinguish it from other types of leadership.

The results of the study are critically important, as they give an idea of leadership and management in science. At the moment, management system in science is not a widespread topic of research, so this work is unique and relevant and can be used as a basis for subsequent research.

**Keywords:** scientific leadership, leadership in science, scientific recognition, models of scientific leadership.

### **Acknowledgment**

The author would like to express sincere gratitude to Konstantin Sergeevich Fursov for his help in collecting data for the study and further support.

## Introduction

There is leadership in any industry — business, politics, sports and other areas of human life. In this study, the main area where leadership is studied is science, or rather the *R&D* sector. Research and Development (R&D) includes creative and systematic work carried out with the aim of increasing the volume of knowledge, including knowledge about humanity, culture and society, and developing new applications of existing knowledge [OECD, 2015]. Despite its peculiarities and laws, science and *R&D* also have their own leaders. A scientific leader can be defined in different ways. It can be someone who is in some way superior to another scientist, someone who leads a team, as well as someone who unites a scientific team, motivating it to achieve a common goal. For a long time, it was believed that a supervisor should have certain qualities, competencies, perform a certain role and perform certain tasks. But more and more scientists are talking about the transformation of the scientific sphere — an epochal turning point which blurs the boundaries between science and other spheres. Many boundaries are erased, leadership becomes universal, sometimes formal. Science includes norms from business, a large number of administrative phenomena. Therefore, it is important to understand how scientists themselves construct the image of a scientific leader, because they are the ones who know the field of science and its unspoken rules and norms.

The problem of this study can be formulated as follows: it is unclear whether leadership is a universal phenomenon, or scientific leadership has strong specifics, driven by normative structure of science?

The main goal of this research is to define the concept of leadership and models of leadership in science by considering an example of *R&D* sector in Russia.

In this regard, the following research questions were raised:

4. How do scientists themselves describe a scientific leader, how do their views differ and what do they have in common?
5. Is there a stable profile of personal qualities, professional qualities and competencies of a leader in science? Or does the profile of a scientific leader not have a single set of certain criteria?
6. What categories are used to form leadership in science and how does it relate to leadership in other theoretical concepts?

In connection with the goal of the study and the questions, the following research objectives were set:

- to identify the theoretical concepts of leadership, their features and differences;
- to determine how scientific leadership is interpreted in modern scientific society (the profile of a scientific leader), to define models of scientific leadership;
- to determine to what extent the concept of leadership is universal for all spheres and areas.

## Theoretical background

This section is an analysis of literature, which is the basis for this study. The purpose of this review is to define leadership concepts, study their differences, and determine the basis for subsequent hypotheses.

The earliest theory of leadership is the theory of personality traits or leadership qualities. The very first authors [Tead, 1935; Fayol, 1949; Baird, Mann, 1959; Stogdill, 1974] who studied this concept believed that leaders have a certain special set of personal qualities that are given to leaders from birth and cannot change over time. Based on this approach, scientists believed that leaders are born, not become. That is, it is impossible to become a leader without having certain qualities. Scientists who adhered to this approach believed that there are qualities that a leader must possess otherwise he will not be able to become one.

Other authors have studied the behavioral approach to leadership [McGregor, 1960; Likert, 1961; Blake, Mouton, 1986; Lewin, 2000]. They argued that the head determines his behavior. Or rather, behavior towards subordinates, that is, leadership style. In this approach, the main focus is on management. Leadership style can be defined as a set of behavioral traits that a leader uses in relation to subordinates to encourage them to achieve goals. Despite the general meaning of behavioral concepts, different authors define them differently. The first scientist who described behavioral leadership styles was K. Lewin. The author identifies three types of leadership: authoritarian, democratic, and authoritarian.

The situational approach is considered by such authors as [Fiedler, 1967, 1971, 1981; Vroom, Yetton, 1973; House, Mitchell, 1975; Hersey, 1985]. This approach provides for the dependence of the effectiveness of management on various situational factors. Situational factors may be the specifics of the task, the needs of subordinates, the external environment, etc.

In general, there are four main situational models. F. Fiedler identified three factors that influence the behavior of a leader: the relationship between subordinates and the head, the structure of the task, the official powers of the head. Relationships can be both good (loyalty, trust, etc.) and bad. The task can be structured and unstructured (its familiarity, wording, etc.). In turn, the official powers of the leader can be strong (a lot of formal power, etc.) and not strong. Thus, the author believes that there are 8 potential types of leadership depending on different situations.

There is also a theory of leadership based on emotional intelligence, which is studied by such authors as [Goleman et al., 2008]. The main idea of the concept is that it is necessary to be able to manage the emotions of other people, to be aware of your own emotions and feelings as well as the emotions and feelings of other people (subordinates).

Prior to this, general concepts of leadership were described, which are not directly related to science, but rather represent a common understanding of leadership as a phenomenon that exists in different fields. At the next step, it is necessary to consider leadership in science and understand its features, similarities and differences from the general concept of leadership.

Robert Merton, a sociologist, is considered the founder of social science [Merton, Storer, 1973]. It was he who proposed to consider science as a social institution, which has its own norms, laws that regulate the activities of scientists. The scientist formed a number of laws, a set of norms — the “scientific ethos”, which he considered the main mechanism of functioning of this social institution — science. Merton believed that the main force that drives science is the desire of every scientist for professional recognition. In other words, all the research, the results of scientists are a desire to get recognition, to be better than others. Despite the fact that Merton does not consider “leadership”, it can be suggested that the desire for recognition is the desire for leadership, since the more colleagues recognize a scientist, recognize his work, the more a scientist stands out, has significance, the more trust in him, his influence on the team.

Moreover, Robert Merton defined the phenomenon of the “Matthew Effect” — the phenomenon of uneven distribution of advantages, the meaning of which is that the one who initially has advantages accumulates them without difficulty, while the one who is initially limited by advantages has a smaller step to success [Merton, 1988]. This phenomenon is also being investigated in science, when existing achievements help a scientist to get more and more of them, sometimes without even applying efforts. As an example: a scientist has a lot of grants, so he gets another grant only because the previous grants went to him.

As already mentioned, the basis for the selection of a scientist (leadership to one degree or another) is recognition. However, after this theory, many other scientists put forward their theories on how to get recognition, how to measure it and how to determine it.

According to the authors [Artyukhin et al., 2018], scientific leadership is understood precisely through domination, which is manifested in the organization of the activities of scientific structures. According to the authors, in modern Russia, scientific activity and scientific is considered through a bureaucratic approach, which is characterized by documentation, rationality, formalism, a clear distribution of functions, etc. Also, one of the main features of bureaucracy is the appointment of officials. According to the authors, the management of science carries the ideas of bureaucracy when it is based on formal citation indicators, ratings and other similar parameters. From this understanding of science comes the understanding of scientific leadership. With a bureaucratic approach, the leader is appointed depending on scientometric indicators, or the manager / administrator becomes the leader. However, science also has a social structure, thanks to which leadership is not based on formal indicators and administrative hierarchy. It is necessary to summarize that according to M.I. Artyukhin, V.A. Kupriyanov, S.A. Dushina, scientific leadership is not bureaucratic management. Scientific leadership is a combination of factors — cognitive breakthrough, social significance of the leader, academic recognition. That is, scientific achievements, merits in a particular field, versatile involvement in science, recognition of importance in scientific society, which in turn is based on the rationality of scientific contribution, are important for a scientific leader. There are many examples when scientific leaders set research directions, selected scientists, offered solutions and ideas. That is, scientific leadership was based not on a position in the bureaucratic hierarchy and subordination to someone’s will, but on the ability to invent and implement new ideas, to attract interested parties [Ibid., 2018].

However, there are other theories that highlight the importance of scientometric indicators as a basis for measuring and evaluating scientists and their contribution to science (scientific recognition). Among the authors, M.A. Akoev, V.A. Markusova, O.V. Moskaleva, V.V. Pisyakov can be distinguished. The authors study the data of science identify many arguments in favor of using, for example, citation as a basis for evaluating scientists — “To cite someone is to recognize the impact of a predecessor on your work, a kind of a way to repay an intellectual debt to the person you are quoting” [Akoev et al., 2014]. The authors identify the reasons for citing publications: recognition of contributions, criticism of previous works, definition/description of methods, confirmation of contributions, respect, and others.

Analyzing leadership in a particular context, it is necessary to note such a phenomenon as managerialism in the academic world. Scientists, including those analyzed above, note the influence of management structures on the world of science and education. The interest of studying it lies in the fact that often the evaluation of employees is more quantitative (the number of published publications, for example). At the same time, goals are set more in a formal context. Many authors disagree with the correctness of these introductions in

scientific and academic environments. It is necessary to start with what managerialism is. David Boje believes that managerialism can be defined as a way of considering organizational theory and behavior of organizations exclusively from the point of view of managers who are key functional agents of a bureaucratic society [Boje, 2008]. And when we talk about managerialism in science, we are talking about the application of the rules of organizations in science and the academic environment.

Managerialism is based on several components (features): firstly, the concept of efficiency as the primary value that guides managers in their actions and decisions; secondly, the belief in the universalist nature of management tools and methods; thirdly, managers realize themselves as a separate social group with their own interests; fourth, managers are viewed as moral agents who care about public interests [Abramov, 2007, 2011].

But science is not the sphere to which it is necessary to apply all the rules and goals that are applied in other spheres, without adapting and understanding the specifics of science [Pavlyutkin, 2004; Chernobrovkina, 2019; Niyazova, 2021]. First, how should efficiency be measured? To measure it, quantitative indicators are introduced, in the weather for which time is lost on research, development, etc. An example is the mandatory minimum number of publications. Secondly, there is no universal method of management in the scientific environment, since the manager himself in the scientific environment is often an informal leader and does not “manage” in the usual sense of the word, but “chooses the direction and motivates to achieve goals”.

Speaking about leadership, we can also consider the theory of Pierre Bourdieu, a French sociologist, about capital and the scientific sphere in principle. The author defines such a concept as a “scientific field” — a system of objective relations between positions achieved (in the previous struggle), a place (i. e. competition, the specific stake in which is a monopoly on scientific authority, defined as technical ability and — at the same time — as social power, or, if you like, a monopoly on scientific competence, understood as the ability to legitimately (i. e., authoritatively and authoritatively) speak and act on behalf of science, socially assigned to a certain individual [Bourdieu, 2005]. Scientific authority is a special kind of social capital, which under special conditions can be accumulated, transferred and transformed into other types of capital. The author will also highlight such a concept as Symbolic capital — any kind of capital (cultural, social or economic) that has a special recognition within the social field. Most often, the symbolic capital is prestige, reputation and honor. Scientific authority can also be attributed to symbolic capital. P. Bourdieu suggests that scientists evaluate science as a set of political and scientific strategies. In other words, science has common features with other social fields (mechanisms of dominance, capitalization, competition, etc.); at the same time it has autonomy and specificity, which consists in the search for scientific truth. This means that leadership in science also has both a symbolic support (prestige, recognition, etc.), as well as a political basis [Ivanova, 2012].

As a result of the analysis of the literature, the following general theories of leadership were identified:

- theories of personality traits;
- behavioral theories;
- situational theories;
- theories of leadership based on emotional intelligence.

It should be noted that these theories are generalized, their authors study leadership in the context of all spheres.



The following are the theories of leadership in science:

- recognition-based leadership;
- theories of managerialism;
- theory of symbolic capital as basic of recognition;
- theory of orientation to quantitative performance indicators (scientometrics) as basic of recognition.

After analyzing the literature and different concepts, it can be said that leadership in science can have two foundations — general leadership and special leadership in science. In other words, is scientific leadership different from leadership in other fields? If scientific leadership is based on recognition, what is its measure and how to acquire it?

## Methodology

The purpose of this study is to determine the profile of a scientific leader in the modern world.

The problem of this study is the lack of a clear understanding of who a scientific leader is in the modern world.

The problem is that the scientific leader in the modern world can be represented in different ways. It is necessary to understand what qualities a scientific leader should have, what behavioral models he should use, what functions he should perform, what relation he should have to science.

An analysis of the literature has shown that there are a large number of theories and opinions about who a leader is, including in the scientific field. However, during the analysis, no studies were found that would study this problem in practice. That is, it is not clear who the scientific leader is in the modern world. Many young scientists want to become leaders in their field in the future, but they do not know exactly how to achieve this, what qualities and knowledge they need to possess. Therefore, it was decided to study this problem.

The object of this research is the heads of *R&D* institutions, units.

The subject of the study is the opinion of leaders about scientific leadership, its features.

Objectives of this study:

- to determine the formal characteristics of the leader (how he came to the position, how many people are subordinate, etc.);
- to define how the leader defines the concept of a scientific leader;
- to determine which personal characteristics (qualities) are important for a scientific leader;
- to determine which behaviors a scientific leader should use;
- to determine which factors should influence the behavior of a scientific leader;
- to determine the general profile of the scientific leader.

For this study, a method of qualitative analysis of primary information was chosen (content analyses). Primary information is extremely significant, since it is the most relevant to the research: it is collected during the study, so the collected data will relate specifically to the present time; the primary information will be able to most clearly answer the questions and tasks of the study, because it will not contain other topics.

In order to collect the necessary information, the interview method is used. The relevance of this method lies in the fact that with the help of interviews it will be possible to

collect the necessary information from the target group, in other words, to choose exactly those individuals who will definitely help to collect the necessary information.

A research interview is a conversation with a research purpose. There are different types of interviews, but a semi-structured type was chosen for this study. The choice of this type of interview is justified by the fact that in the process of conducting it answers to specific questions will be received, but it will be possible to obtain more relevant information with the help of additional questions and clarifications. With the help of a semi-structured interview, it will be possible to achieve deeper and more detailed answers, understand the true motives of the respondent.

The interview method was chosen for the following reasons.

1. Many issues that are subject to discussion need to be properly explained, as they can be understood in different ways.
2. It is necessary to ask additional questions in order to get the most complete answer (with causal relationships, explanations). And additional questions depend on the respondent's answer, which cannot be predicted in the questionnaire method.
3. In this study, the goal is to understand the very essence of leadership in science, not the statistics of answers and opinions.

One of the important stages is the preparation of an interview guide (questions) that should correspond to the objectives of the study.

1. To determine the formal characteristics of the leader (how he came to the position, how many people are subordinate, etc.

Relevant interview questions:

- What position do you hold?
- What does your unit do? How many people are there in it?
- How long have you been in this position?
- How you came to this position?
- What responsibilities do you have?

2. To define how a respondent defines the concept of a scientific leader.

Relevant interview questions:

- Who is a leader in science?
- In your opinion, how do these concepts compare — a formal leader and an informal leader?
- A leader must be related to science?
- Do you think a formal leader (who hold formal position) should also be an informal leader?
- Do you think a leader in science is different from a leader in other fields?

3. To determine which personal characteristics (qualities) are important for a scientific leader.

Relevant interview question:

- Are personal qualities important for a leader? Which ones exactly?

4. To determine which behaviors a scientific leader should use.

Relevant interview questions:

- Is it important how the leader communicates with his team?
- What kind of relationship do you think a leader should build with his team?

- If we consider exactly the context in which the leader should give instructions to subordinates, then how exactly should this happen? Should the leader make decisions on his own and issue decrees, or consult with the team and solve problems together?

5. To determine which factors should influence the behavior of a scientific leader.

Relevant interview question:

- There are theories that describe situational hikes to leadership. They argue that the leader should change his behavior depending on different situations. For example, from the specifics of the task, from the team that is working on this task, etc. Do you agree with this opinion?

6. To determine the general profile of the scientific leader.

Relevant interview questions:

- Are formal achievements in science important for a leader? Significant publications, citations?
- Is there a difference between the leader of different scientific fields?
- If you describe a scientific leader with 3 adjectives, what adjectives will they be?

### Sampling of the study

Since this study is qualitative, non- probability sampling is used — purposive sampling. The following criteria were taken into account when determining the sample:

1. Respondents should hold senior positions in scientific fields.
2. Respondents must be of different gender and age.
3. Respondents should be in different positions according to the level of management.
4. Respondents should represent different fields of science.
5. Respondents should be from different cities.

Generalizing, it can be said that the basis of the sample is diversity (with certain limitations), since more objective results require the opinion of representatives of different scientific communities.

The sample consists of 16 respondents. 6 women, 10 men.

*Table 1. Sample*

| № | Criteria          | Description  |
|---|-------------------|--|
| 1 | Age               | 32–44  |
| 2 | Quantity          | 16   |
| 3 | Gender            | Male, female   |
| 4 | Fields of science | 10: (Sociology (3 respondents), History (3 respondents), Psychology (1 respondent), Economics (1 respondent), Philosophy (1 respondent), Physics (1 respondent), Mathematics (1 respondent), Chemistry (2 respondents), Biology (2 respondents), IT (1 respondent) |
| 5 | Academic degree   | Candidates of Sciences, Doctors of Sciences  |
| 6 | Position          | Head of the laboratory, head of the department, Vice-rector, Deputy Vice-rector, Director of a research institute, Deputy Director of a research institute, Director of a research center.   |
| 7 | City              | Moscow, Saint Petersburg, Tyumen, Novosibirsk, Tomsk, Vladivostok  |

*Source:* Author's own research

## Findings

In the first question, where respondents were asked to describe who a scientific leader is, all respondents described him differently, but there are a lot of common features that all respondents highlighted — recognition, achievements in science, ability to work with a team and other features.

In the second question, which concerned the involvement of the leader (the one who manages the team formally) in science and the importance of combining the role of a formal and informal leader in one person, the respondents' opinions differed greatly, but all were reasoned. The majority of respondents noted that it is not necessary for a formal leader to be informal, but others insisted on the opposite. Regarding the attitude to science, opinions also diverged. The majority answered that a formal leader must necessarily be a scientist, but several respondents noted that a formal leader may not have a strong relationship to science, provided that he is engaged in the organization of scientific activities, management, and an informal leader (another leader) is a professional scientist and is engaged in the scientific side.

The third question asked respondents to express an opinion on whether there are differences between a leader in science and a leader in another field (for example, in business). Almost all respondents noted that there is still a difference (despite many similarities). The most important features of a leader in the scientific field are the goal (motivation) — the leader does not work for money, but for an idea, the goals are idealistic, not material; the leader in science communicates with the team in a different way (without an ordered tone, respect for the opinions of the team and the personality of scientists); the leader in science has less developed managerial competencies, he is more immersed in the subject.

The fourth question related to the importance of personal qualities of a leader in science. All respondents answered this question in a similar way, highlighting a standard set of leadership qualities (according to the theories of personal qualities): the ability to organize a team, sociability, responsibility, decision-making ability and other qualities. In a special way, respondents highlighted scientific expertise — professionalism in their field.

The fifth question related to the behavior of the leader. All respondents insist that an authoritarian management style is impossible in science (respondents suggested its possibility, but only in theory), the ties in the team should be horizontal with collective decision-making (except for special situations and questions). Some respondents also stressed the small distance between the leader and the team (so that there is the right to make decisions, etc.).

The sixth question was related to situational approaches to leadership. All respondents answered this question in approximately the same way — there are situations when you need to be flexible, adapt to circumstances (in moderation), and this is very important for effective work.

The seventh question relates to the importance of formal achievements for a scientific leader. All respondents stressed that achievements are very important, as they show the results of activities, are markers of leadership, and are the basis for recognition. However, as it turned out, respondents have very different opinions about which achievements are important.

The eighth question related to the difference in leadership in different scientific fields. Some respondents stressed that there may be differences, for example, if we consider the humanities and natural sciences (way of thinking, specifics of scientific activity and research),

but some do not see any special differences and believe that the differences can only be personal.

The ninth question involved the definition of three main criteria, without which leadership in science is impossible. Someone highlighted the common features of leadership, and someone highlighted scientific recognition, expertise in their field.

It should be noted that no correlations were found not by age, nor by gender, nor by industry, nor by other criteria.

However, it should be noted that the sample was built on diversity according to various criteria, so it is currently impossible to track the correlation.

It should also be noted that this study has *limitations*.

1. In order to track a possible correlation, it is necessary to select more respondents for each criterion;
2. Some questions (for example, 9) do not provide objective information, but only provide additional information for analysis (according to the answers to question 9, it cannot be argued that only these traits are important for a leader and build theories, since respondents may simply forget some quality, or take it for granted anyway).

This table is a systematic report on the first question, when respondents were given the opportunity to determine who is a leader in science.

*Table 2. The basis of leadership*

| № | The basis of leadership  | Important characteristics   |
|---|--|---|
| 1 | Scientific recognition (must be scientist)   | A professional in the field, must also combine administrative duties, might be a head of new scientific directions  |
| 2 | Scientific recognition (must be scientist)   | Expertise, ability to build a team's work, managerial tasks responsibilities  |
| 3 | Scientific recognition (must be scientist)   | Has a degree that confirms the presence of hard skills, very good soft skills (communication, training others, etc.), knows what is happening all over the world in this area |
| 4 | 1) Scientific recognition (must be scientist) for scientist-leader<br>2) Great management skills for leader-manager of science | 1) World-class research, publications, conferences<br>2) A manager who understands science  |
| 5 | A set of traditional leadership qualities in science   | The one who can lead the team, responsible, brave   |
| 6 | Scientific recognition (must be scientist)   | Has scientific authority, willingness to work with a team   |
| 7 | Scientific recognition (must be scientist)   | The creator of some new holistic direction, there is a team that develops it. Scientist is not a manager  |
| 8 | Scientific recognition (must be scientist)   | The generation of new ideas, the creator of the team, great publications  |
| 9 | Scientific recognition (must be scientist)   | He is engaged in research, attracts supporters, wants to promote the results to the public  |

End of the table 1

| №  | The basis of leadership   | Important characteristics   |
|----|---|---|
| 10 | 1) Scientific recognition (must be scientist) for intellectual (ideological) leader<br>2) Management skills for administrator-manager   | 1) Opens up new approaches, ideas, the one that other scientists are following<br>2) Managerial responsibilities  |
| 11 | 1) Scientific recognition (must be scientist) for scientist — generator of ideas<br>2) Great management skills and Scientific recognition (must be scientist) for scientist-organizer | 1) Can work even alone, communicate through publications, etc.<br>2) Knows the goals, finds people, receives funding, etc. — effectively organizes the scientific process |
| 12 | Scientific recognition (must be scientist)  | Soft skills, responsibility, there is a clear goal (semantic content)   |
| 13 | Scientific recognition (must be scientist)  | Actively engaged in science and organizes the scientific process  |
| 14 | Scientific recognition (must be scientist)  | Notable for his scientific results, respected in his society, popularization of science in both broad and narrow circles  |
| 15 | 1) Scientific recognition (must be scientist) for scientific leadership<br>2) Management skills for administrator-manager   | Coordination of work, training, achievements, publications  |
| 16 | Scientific recognition (must be scientist)  | A professional in the field, must also combine administrative duties, might be a head of new scientific directions  |

Source: Author's own analysis

As can be seen from the table, respondents put many different meanings into the concept of “leader”, highlighting different traits, competencies and responsibilities.

The second question discussed the importance for a leader to be a scientist himself (be related to science), as well as to be an informal leader. In the table below grouped information of respondents' responses can be found.

Table 3. Leader and relation to science

| № | Relation to science           | Does a formal leader need to be an informal leader?                           | Causes, consequences, additional notes   |
|---|-------------------------------|---|--|
| 1 | Must be the scientist himself | Yes (critically)<br>But over time, it may lose due to the administrative part | Must be a scientist himself, understand how it works otherwise the degradation of the collective |
| 2 | Must be the scientist himself | No, it is necessary to generally understand the current situation             | A formal leader should no longer delve deeply into science                                       |
| 3 | Must be the scientist himself | No, often different people  | It is important to go all the way in science yourself, be the best in your team                  |

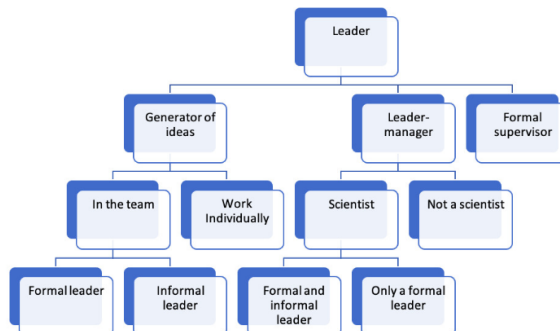


End of the table 2

| №  | Relation to science   | Does a formal leader need to be an informal leader?   | Causes, consequences, additional notes                                 |
|----|---|---|--|
| 4  | Must be the scientist himself   | No, often different people  | Ideally, formal leader = informal                                      |
| 5  | It is necessary to understand science, to be a scientist, but it is not necessary to be a scientist-leader    | No, different functions   | It is necessary to help scientists-leaders to develop                  |
| 6  | Must be the scientist himself   | No  | Must have recognition, authority                                       |
| 7  | Must understand the specifics, basic features, ideology, etc.   | No, informal leaders are scientists   | Must effectively manage and create conditions for science              |
| 8  | Depends on the management level. If there is a laboratory / department, then must be a professional scientist | Depends on the management level. If there is a laboratory/ department, then must also be an informal leader |  |
| 9  | Must be the scientist himself   | No, because managers are often scientists in the past   |  |
| 10 | Must be the scientist himself   | No, often different people  |  |
| 11 | Must be the scientist himself   | Ideally, yes, but scientists often do not want to take the administrative part                              |  |
| 12 | Must be the scientist himself   | Yes   | Many scientists do not know how to manage                              |
| 13 | Must be the scientist himself   | Yes   |  |
| 14 | The leader must be a scientist, the manager-not necessarily, but must understand the field                    | Not necessary, but desirable. Just a manager can have no influence on the team                              | The most important thing is that everyone fulfills their functionality |
| 15 | Must be the scientist himself (leader), manager-not necessarily   | Not necessary   |  |

Source: Author's own analysis

It can be noted that opinions vary. Someone considers it critically important that the scientific process is led by a scientist and is also an informal leader, while someone insists on the help of professional managers.



Source: Author's own analysis

Fig. 1. Models of leadership

After conducting a study, 7 types (models) of leadership in science were discovered. Each type of leadership has its own characteristics, approaches and goals.

*Table 4. Types of leadership*

| № | Type                        | Main activity  | Additional information (activity)   | Position (status)                         | Relation to science   |
|---|-----------------------------|--|---|---|---|
| 1 | Ideological leader          | Definition of scientific directions of team development, generation of ideas | A very small amount of administrative work  | Formal leader (might be informal as well) | Scientist   |
| 2 | Ideological leader          | Definition of scientific directions of team development, generation of ideas | Work with a team  | Informal leader                           | Scientist   |
| 3 | Ideological leader          | Inventing new scientific directions, generating ideas                        | Work mostly alone   | Informal leader                           | Scientist   |
| 4 | Leader-organizer of science | Administrative, organizational and management responsibilities               | Search for funding, establishing scientific contacts, defining scientific plans, team building, maintaining of internal and external communications, possibly research activities                                       | Formal leader and informal leader         | Scientist   |
| 5 | Leader-organizer of science | Administrative, organizational and management responsibilities               |   | Formal leader                             | Scientist   |
| 6 | Leader-organizer of science | Administrative, organizational and management responsibilities               | Search for funding, establishing scientific contacts, defining scientific plans, team building, maintaining of external communications, creating a comfortable environment for scientists, promoting scientific results |   | Not a scientist, but has basic knowledge and understands all the features |
| 7 | Formal supervisor           | Administrative activity or absence (formal position only)                    | Does not contact the team, does not have influence  | Formal                                    | No matter   |

*Source:* Author's own analysis

The broadest concept of a leader can be divided into 3 groups: 1) a scientific leader — idea generator and a creator of new directions (an ideological leader); 2) a leader — an organizer of science (is a formal leader) and 3) just a formal leader. In any case, the leader-generator of ideas will be a professional scientist, but he can work both individually and in a team. If he works in a team, then he is most likely an informal team leader, since he

brings new ideas to the team, but he can also be a formal team leader. A scientific leader — generator of ideas — can work alone, communicating through publications and other communication channels that do not involve personal and frequent interactions with society.

The head-organizer of science can either be a scientist or not, performing administrative and organizational functions. This type of leadership assumes that the leader organizes scientific processes, attracts funding, solves complex problem situations, etc. In other words, the main part of the work is the management of science. If the head of the organizer is a scientist, then he can be both a formal leader (he is more engaged in administrative and organizational activities, should not delve deeply into science and engage in it), and an informal leader (strong involvement in the team, scientific activity, generation of ideas, etc.), in this case the leader combines both the scientific part and the administrative and organizational part. However, according to respondents, it is very difficult, since there is very little time for science when you are in a formal position. It is also possible that the leader-organizer of science is not a scientist, in this case, he cannot be an informal leader, but in any case he must have certain knowledge in the field where he works, the peculiarity of such leadership is professional management, understanding how to stand processes effectively from the point of view of managerial activity.

In total, there are at least 7 types of leadership in science, each of which is applicable to certain cases. It cannot be said that any one type of leadership is ideal and should be applied to all spheres. On the contrary, according to respondents, each area, environment, and team has its own type of leadership that meets all needs to a greater extent and is considered the most effective. For example, if the team is small, then the leader does not have to take a lot of administrative and organizational responsibility on himself, and therefore he devotes most of his time to science (the ideological leader). If we consider large collectives, where there may be directions within the same sphere, then organizational and managerial responsibilities may come to the fore (leader-organizer).

*Table 5. Characteristics of the leader*

| General characteristics of the leader   | Specific characteristics of a leader in science  |
|---|--|
| <ul style="list-style-type: none"> <li>— ability and desire to work with people;</li> <li>— communication skills;</li> <li>— emotional Intelligence;</li> <li>— responsibility;</li> <li>— working capacity;</li> <li>— ability to lead a team, “charge with an idea”;</li> <li>— ability to make decisions;</li> <li>— ability and desire to manage;</li> <li>— initiative;</li> <li>— purposefulness;</li> <li>— genius (talent);</li> <li>— creativity;</li> <li>— charisma;</li> <li>— ability to plan;</li> <li>— ability to follow trends.</li> </ul> | <ul style="list-style-type: none"> <li>— ability to find different approaches to different people;</li> <li>— professionalism (expertise) in science;</li> <li>— ability to create conditions for scientific activity (attract funding, organize events, establish internal and external communications).</li> </ul> |

*Source:* Author’s own analysis

As it can be seen, respondents identify many qualities that should be inherent in a leader in science. However, it can be noted that most of the qualities are non-specific, but relate

to leadership in general, without reference to the industry. To a greater extent, respondents emphasize the importance of the ability to communicate with people, not to be afraid of it, because otherwise it is impossible to be a leader (if you do not consider a scientist who works alone — an ideological leader).

### **Science and management**

As defined above, there are at least 7 types of leadership. Consider those when the leader is a formal leader (has a certain administrative position), while influencing the team. Most of the respondents insist that the leaders should be scientists who have made achievements on the scientific path themselves. Respondents are critical of this issue, believing that a non-scientist cannot lead science, it is wrong, inappropriate. In addition, a leader in an administrative position should not just be a scientist, but be recognized in the scientific community, have outstanding achievements, in other words, have scientific leadership. Such a critical opinion is due to the fact that, according to respondents, those who have not been engaged in science do not know all the features, and since science is a specific field, it is impossible to learn it quickly, and it is impossible to manage what you do not understand.

However, there is another opinion about this. In the course of the study, a special type of leadership was identified — organizational. The peculiarity of this type is that the leader (formal, then who manages and knows how to influence) must be a professional manager (organizer of science) and at the same time may not be a scientist. This does not mean that he should not understand science, on the contrary, he should know its basic features, understand trends, understand the most significant areas for development, etc., but at the same time he does not have to be a leading scientist himself, his leadership can be based on the effective organization of scientific processes (search for funding, networking, search for partners, allocation of financial resources, etc.). This leadership is based on the theory that a leader can effectively manage science, but not be a leading scientist — these positions will be occupied by scientists. One of the proposed options for managing science is management divided between two people — the leader-organizer (professional manager) and the leader-scientist). Respondents see the importance of this approach to science management, as they insist that scientists who do not have managerial education do not possess managerial competencies, as well as managers do not possess deep knowledge in science. There are also respondents who are sure that scientists should lead, but point out the importance of acquiring knowledge and competencies in the field of management when a scientist acquires a leadership position. As can be seen from the analysis, opinions about the management of science can have radically opposite sides.

### **Science and recognition**

The models of leadership in science were considered above.

Despite the fact that several types of leadership have been identified, all of them are based on authority (except for one — completely formal). Respondents have repeatedly stressed that recognition is the most important component of leadership. However, recognition can be achieved in different ways, which can be very different.

After analyzing the respondents' responses, it was decided to identify 3 categories through which one can gain recognition and authority.

The first group is scientometric indicators — indices of the publication activity of authors or organizations, the significance of publications depending on the scientific weight of the journal, etc. (number of publications, number of citations, Hirsch index, journal ratings, rankings, etc.). Some indicators are quantitative (number of citations, publications). The meaning of this group of indicators is to evaluate the effectiveness of a scientist.

Respondents were divided into two groups — those who support this system and those who consider it unacceptable in science. Those respondents who have a positive attitude to this system, argue this as follows:

*Table 6. Opinion on scientometrics*

| <b>For</b>   | <b>Against</b>  |
|--|---|
| <ul style="list-style-type: none"> <li>– This is a way of evaluating effectiveness</li> <li>– It is necessary to be able to apply correctly</li> <li>– To one degree or another, the profile of the scientist is shown</li> <li>– Anyone who understands science will correctly evaluate</li> <li>– In any case, the leader will have good indicators</li> <li>– Publications in some journals mean the world level of research</li> </ul> | <ul style="list-style-type: none"> <li>– It's not the quantity that matters, but the quality</li> <li>– It is necessary to evaluate not where the publications are, but what new they bring to the scientific world</li> <li>– The very essence of science is lost</li> <li>– Often the tool is used incorrectly</li> </ul> |

*Source:* Author's own analysis

1. Science must be evaluated, because scientific activity must be effective, and it is necessary to understand who works how;
2. Scientometrics can be applied correctly if you know how to do it. For example, it is impossible to compare quantitatively the indicators of scientists in their different fields, since different fields of science have their own specifics that you need to know, understand, and apply in analysis when using scientometric indicators. For example, there are areas where a priori there cannot be a large number of citations, since the field is very narrow and there are few specialists there. However, if you know all the features, then this tool (scientometrics) can be used correctly to evaluate the effectiveness;
3. Even if you do not know the scientist personally, then according to certain scientometric indicators, you can make a certain profile of the scientist, understand his approximate career path, in other words, make a certain opinion about his scientific activity;
4. People who are immersed in science (fellow scientists) can correctly assess scientometric indicators;
5. These indicators are important, but a real leader will have all the indicators at a high level in any case, and not because he is chasing them, but because he reaches good indicators with his scientific activity;
6. It is impossible to publish in some journals with a high rating without having good research and results (world-class research), so the very fact of publication in them speaks of the achievements of a scientist.

However, there are also those respondents who have a negative attitude towards scientometrics, considering this tool unsuitable for science. They determine their attitude to scientometrics as follows:

1. It is not quantity that matters, but quality. The pursuit of the number of publications (which often affects certain financial components) negatively affects their content, scientists try to divide the full study into many topics in order to make an article out of each topic. Therefore, publications are poor in content. In this case, the negative attitude is precisely to the pursuit of the number of publications.
2. In the modern world, scientists have become proud of where they published, not what they did (discoveries). The discoveries and research themselves have become less important, they are judged more by certain ratings, and not by the scientific component.
3. The very essence of science is lost, as a search for truth, and not a race for formal indicators.
4. Indicators are often evaluated incorrectly, since they do not possess certain knowledge, which negatively affects the objective assessment of the scientist.

*Table 7: Opinion on achievements (not-quantitative)*

| <b>For</b>  | <b>Against</b>  |
|---|---|
| <ul style="list-style-type: none"> <li>– These are markers of scientific leadership</li> <li>– Some awards/prizes are given for very outstanding activities</li> <li>– Some publications and citations are of great importance to the researcher</li> </ul> | <ul style="list-style-type: none"> <li>– Some consider it from quantitative point of view</li> <li>– Awards are different and it is impossible to equate all formal achievements with success in scientific activity</li> </ul> |

*Source:* Author’s own analysis

This group includes, to a greater extent, those achievements that are of a qualitative nature. This number includes both publications and citations, but they are not considered as something that needs to be measured in numbers (quantitatively). This group also includes awards, awards, certificates of honor, etc.

Those respondents who have a positive attitude to this type of achievement indicate the following reasons:

1. All achievements are social markers of scientific leadership, as they show what a scientist has achieved. In any case, there is an evaluation system in the scientific world, and the scientific society evaluates a scientist by his achievements. Without certain achievements, a scientist cannot be considered a leader. The leader must have experience in scientific publications, presentations at conferences.
2. There are very significant awards that are given only for a very large contribution of a scientist to science, so they are only qualitative in nature.
3. Significant publications and citations recognized by scientists cannot but influence the authority of a scientist, as this shows his contribution to science.

However, there is also an opinion that even awards, diplomas, honorary titles are unimportant for the following reasons:

1. Awards are often considered from a quantitative point of view (the more, the better), the semantic load is lost.



2. It is impossible to collect a “portfolio” and focus only on it, since it can be of a different nature and be a formality, and not real scientific achievements.

*Table 8: Opinion on achievements (all formal)*

| <b>For</b>  | <b>Against</b>  |
|---|---|
| – Authority can be determined by other criteria (ideas, thoughts, patents, books, personal qualities, etc.) | – Often does not allow you to achieve certain titles, positions, receiving certain grants |

*Source:* Author’s own analysis

There is also an opinion that formal achievements may not be important, since a scientist-leader may have other goals, other indicators of his authority. According to some respondents, a scientist can be very authoritative in a team, but thanks to his new ideas, thoughts, discoveries, books. For example, a scientist can develop something, turn it into a patent, and then into a business, without having a large number of publications, and he cannot be called a leader. This also applies to the management model, which is based on the organization of science. A leader can be authoritative not because of his formal achievements, but because of his ability to organize science, as well as because of his personal and leadership qualities.

However, there are disadvantages to this way of acquiring authority. In an academic environment, it will be almost impossible to achieve success, to hold certain positions. And there is also the possibility of not receiving many financial sources of support, since, for example, some grants cannot be obtained without publications in highly rated journals and citations.

It should be noted that leadership in science, as the study showed, is in any case based on recognition and authority. And recognition is already based on various factors, there are certain markers that are the basis for leadership. These markers are certain achievements. In any case, there should be achievements, but each respondent defines these achievements differently.

All respondents note that publications are critically important for a leader-scientist (and for a scientist in general), since these are the results of his activities, a means of communicating with the scientific world. Someone considers the scientometric approach to be a good tool, provided it is used correctly, while someone assures that the authority of the leader cannot be determined in quantitative ways. Anyway, formal achievements are important for a leader-scientist: publications, citations, grants, awards, awards, ratings, etc., since they are markers of leadership in the scientific environment. However, the assessment of these achievements (how many achievements, which ones) varies and depends on many factors, such as the field of science, goals, as well as the scientist’s own opinion and attitude to achievements.

At the beginning of the study, after analyzing the literature, certain hypotheses were put forward.

*The first hypothesis* was that many heads of scientific structures consider their leadership mainly from the point of view of management, and not scientific leadership, which consists of indicating the direction of research, motivating to comprehend the scientific truth, etc. In other words, science fades into the background, administrative tasks are a priority.

This hypothesis was both confirmed and not confirmed at the same time. On the one hand, indeed, when scientists acquire a managerial position (formal), they begin to engage in administrative duties to a greater extent, losing their informal leadership (if there was one). This is because due to the large number of administrative and organizational responsibilities, there is not enough time to do science. However, are there any such examples when a formal leader continues to engage in scientific activities, leading the team behind him and remaining informal scientific leader at the same time. As the study showed, the responsibilities and role of a formal leader strongly depend on the field of science, direction, personal qualities and competencies and other possible factors.

*The second hypothesis* was that scientific leaders are always involved in various interactions: with colleagues in the scientific workshop, in communication with students, in interdisciplinary communication, etc.

This hypothesis was fully confirmed.

As the analysis showed, a scientific leader or leader-organizer of science always contacts and interacts with a large number of people (except for a special type of leadership when a scientist works alone). This can be formal communication with your team, personal informal communication with scientists, speaking at conferences, communication with other scientific structures, etc. In any case, a leader cannot be a leader if he cannot communicate with other people and establish contact. Therefore, the ability to build good relationships with the team is very important for a leader (as the analysis above showed, it is important to find an approach to each scientist). To do this, it is necessary to possess certain qualities: sociability, emotional intelligence, ability to work in a team.

*The third hypothesis* was: "In each field, a leader may have his own specific characteristics, but there are certain features, characteristics that are inherent in all leaders, regardless of the field of science".

This hypothesis was also confirmed. The leader of all fields of science is characterized by a respectful attitude towards the team (scientists) despite the difference in positions (if we consider the leader in a formal position). The leader must have authority, have achievements. Also common qualities are flexibility (the ability to adapt to different circumstances and people), the ability to organize yourself and your company, responsibility, idealistic goals. However, there are certain differences among leaders in different fields. In natural science fields, collective research, in areas where there are great connections with business, a leader may have stronger leadership qualities (persuasion, sociability, initiative, etc.). In areas where the work is more individual, the leader may need leadership qualities to the least extent, think about them, and show them to the least extent.

It is also worth noting that a leader in one field of science cannot be a leader (manage) in another field, since in order to manage in science, you need to be a professional scientist and know all the features (except the leader-organizer of science).

*The fourth hypothesis* was that Key important qualities for a scientific leader: recognition by the scientific society and influence on it, the ability to "pave the way".

This hypothesis was confirmed partly. All respondents confirmed that there can be no leadership in science without recognition, especially if we consider scientific leadership. To become a scientific leader, a scientist must have a strong authority, the scientific community must see his merits in science, his contribution. However, scientific recognition and reputation are complex concepts that achieve a large number of achievements (the set and number of which may vary from the field of science).

If a scientist does not have a scientific reputation, then no one will follow him, he will not be able to keep the team, etc.

However, if the manager is not a scientist and does not know how to gain scientific recognition, he can also manage science, but only from an organizational point of view.

It is interesting that a scientist can be recognized only in one or several scientific fields, where he is a professional and has scientific expertise. And of course, the ability to pave a scientific path (to determine the horizons of development, to establish a scientific process) is an important competence for a scientific leader, but not necessary for leader-manager who has only management responsibilities.

## Conclusion

On the one hand, leadership is an understandable phenomenon that is perceived on an intuitive level, on the other hand, it can be interpreted differently by different people, and have its own specifics. In this paper, a scientific type of leadership is considered — a specific type that has its own characteristics, common features and differences in comparison with a general type of leadership. Many theories indicate that scientific leadership cannot be equated with leadership, for example, in business, since science itself is very different from other areas of human life.

The main goal of this research is to define the concept of leadership and models of leadership in science in the modern world.

The following research questions were raised:

1. How do scientists themselves describe a scientific leader, how do their views differ and what do they have in common?
2. Is there a stable profile of personal qualities, professional qualities and competencies of a leader in science? Or does the profile of a scientific leader not have a single set of certain criteria?
3. What categories are used to form leadership in science and how does it relate to leadership in other industries and theoretical concepts?

The research had several objectives:

- to identify the theoretical concepts of leadership, their features and differences;
- to determine how scientific leadership is interpreted in modern scientific society (the profile of a scientific leader), to define models of scientific leadership;
- to determine to what extent the concept of leadership is universal for all spheres and areas.

It should be noted that in the course of the study, all tasks were completed, all answers to research questions were received. In order to achieve this goal, it was decided to use the content analysis method (analysis of primary information), a qualitative research method was used to collect data — in-depth interview. The sample consisted of 16 respondents, leading scientists, of different genders, ages, fields of science, and positions. Each respondent was interviewed according to a pre-prepared program, which was based on theoretical concepts and hypotheses. After the interview, all the answers were deciphered and analyzed. It was this research methodology that helped to solve all the tasks.

It should be noted that as a result of the study, it turned out that there is no consensus on leadership in science. Many respondents noted certain important traits (sociability, responsibility, ability to create a team, etc., traits that are not specific to science, and therefore

relate to the theoretical concept of personality traits of a leader. In other words, the importance of certain traits is universal. However, several respondents noted that leadership qualities and managerial competencies are less pronounced in the scientific environment than in business.

A distinctive feature of scientific leadership was revealed — a model of behavior and leadership. In science, according to all respondents, horizontal ties are accepted in the team, between the leader and the team, there is no strict hierarchy, decisions are made mainly collectively, the opinion of the team is taken into account, but there may be exceptions. An interesting feature is that the leader needs to find different approaches to different team members, since they are almost always irreplaceable, and therefore it is necessary to respect them, their opinion, their personal qualities. It is also necessary to show flexibility in relation to other factors — the specifics of the task, deadlines, different groups, etc., which corresponds to the theoretical concept of situational leadership and is a universal quality of leadership.

The results of the study identified 7 models of leadership in the scientific field, each of which has its own characteristics. In some models, the basis of leadership is the scientific component, in other words, the leader should be a scientist who, regardless of the formal position, should primarily be engaged in science, conduct research, etc. In this case, the leader must necessarily be a recognized scientist, a professional in his field. In other models, attention is paid more to the organizational functions of the leader (the ability to build and organize scientific activities). In this case, the leader can be like a professional scientist, since he does not have to be one, but only have a general idea of science, know the specifics. In one organization, there may be one leader who performs the role of both a formal leader and an informal one, or there may be two leaders whose duties and functions differ. For example, if an organization has a leader-organizer of science who is not a recognized scientist (or a scientist in general), then the organization must have a leader-scientist (he may be an informal leader) who must have deep knowledge in the scientific field.

Anyway, the leadership model in an organization depends on many factors — on the field, on the personal characteristics of a person, the specifics of the scientific research process, etc. In other words, there is no one type of leadership that would be applicable to all areas of science.

Also, a distinctive feature of scientific leadership is its basis — recognition. If we consider a leader-scientist, then it should be a person with scientific authority, he should be a professional in his field. If the leader is the organizer of science, then recognition may be unscientific.

All respondents claimed that recognition is formed because of achievements and they are critically important for a leader in science. However, respondents gave different answers to the importance of certain achievements, in other words, they assessed the path to recognition differently. Someone has a categorically negative attitude to scientometric indicators, believing that it often does not show real achievements in science, while someone considers it a certain indicator of a scientist's activity and insists on the advantages of using this tool to evaluate a scientist (provided that this tool is used correctly). Someone highlights discoveries, the creation of new directions, the receipt of prizes, awards, etc. To a greater extent, we can say that all respondents agree on one thing — achievements are important, since they are markers of leadership (publications, citations, grants, awards, books, etc.), but everyone evaluates them differently. Therefore, I must say that for different leadership models, their specific achievements are important.

In conclusion, it should be noted that, as the study showed, leadership in science has special characteristics (scientific recognition, behavior model, motives, expertise), so it is not universal (both in relation to other spheres and in relation to different fields of science). Leadership in science is a special phenomenon that can be studied from different sides.

For further work, it can be recommended to conduct an analysis within one scientific field and analyze whether there is a certain accepted (universal) model of leadership in one branch of science, whether there are certain problems with leadership and management in this area, etc.

## References

Abramov, R.N. (2007). Menedzherializm: ekonomicheskaya ideologiya i upravlencheskaya praktika [Managerialism: economic ideology and management practice], *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 8 (2), 92–101 (in Russian)

Abramov, R.N. (2011). Menedzherializm i akademicheskaya professiya. Konflikt i vzaimodeystviye [Managerialism and the academic profession. Conflict and interaction], *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 7, 37–47 (in Russian).

Akoev, M.A., Markusova, V.A., Moskaleva, O.V., Pislyakov, V.V. (2014). *Rukovodstvo po naukometrii: Indikatory razvitiya nauki i tekhnologiy* [Handbook for scientometrics: Indicators of science and technology development], Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta (in Russian).

Artyukhin, M.I., Kupriyanov, V.A., Dushina, S.A. (2018). Nauchnoye liderstvo i yego sotsial'nyye implikatsii [Scientific leadership and its social implications], *Problemy deyatel'nosti uchenogo i nauchnykh kolektivov*, no. 4 (34), 87–104 (in Russian).

Bourdieu, P. (2005). *Sotsial'noye prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: fields and practices], S.-Peterburg: Aleteiya (in Russian).

Boje, D.M. (2008). *Storytelling Organizations*, London: Sage Publishers.

Blake, R.R., Mouton, J.S. (1986). *Executive Achievement: Making It at the Top*, New York: McGraw-Hill.

Chernobrovkina, N.I. (2019). Novyy menedzherializm i akademicheskii professionalizm: internalizatsiya ili ekonomicheskaya pragmatika obrazovaniya? [New managerialism and academic professionalism: internalization or economic pragmatics of education?], *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*, 9 (10-1), 285–291 (in Russian).

Fayol, H. (1949). *General and Industrial Management*, London: Sir Isaac Pitman & Sons, Ltd.

Fiedler, F.E. (1967). *A Theory of Leadership Effectiveness*, New York: McGraw-Hill.

Fiedler, F.E. (1971). *Leadership*, New York: General Learning Press.

Fiedler, F.E. (1981). *Leader Attitudes and Group Effectiveness*, Westport CT: Greenwood Press.

Goleman, D., Boyatzis, R., McKee, A. (2008). *Emotsional'noye liderstvo: Iskustvo upravleniya lyud'mi na osnove emotsional'nogo intellekta* [Emotional leadership: The art of managing people based on emotional], Moskva: Al'pina Biznes Buks (in Russian).

Hersey, P. (1985). *The Situational Leader*, New York: Warner Books.

House, R.J., Mitchell, T.R. (1975). *Path-goal Theory of Leadership*, Seattle, Washington: University of Washington.

Ivanova, N. A. (2012). P'yer Burd'ye o nauke kak pole simvolicheskogo proizvodstva i roli Habitusa v nem [Pierre Bourdieu about science as a field of symbolic production and the role of habitus in it], *Vestnik Tormskogo gos. un-ta*, no. 4 (20), vyp. 1, 206–219 (in Russian).

Lewin, K. (2000). *Razresheniye sotsial'nykh konfliktov* [Resolving social conflicts], New York: Harper (in Russian).

Likert, R. (1961). *New Patterns of Management*, New York, Toronto, London: McGraw-Hill Book Company.

- McGregor, D. (1960). *The Human Side of Enterprise*, New York: McGraw-Hill.
- Merton, R.K. (1988). The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property', *Isis*, 79 (4), 606–623.
- Merton, R.K., Storer, N.W. (1973). *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigation*, Chicago, London: University of Chicago Press.
- Niyazova, M.V. (2021). Individual'naya nauchnaya produktivnost' vs novyy menedzherializm v akademicheskikh issledovaniyakh [Individual scientific productivity vs new managerialism in academic research], *Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz*, 25 (2), 114–122 (in Russian).
- OECD (2015). Frascati Manual 2015: Guidelines for Collecting and Reporting Data on Research and Experimental Development, The Measurement of Scientific, Technological and Innovation Activities. Paris: OECD Publishing.
- Pavlyutkin, I.V. (2004). Upravleniye universitetom v usloviyakh novoy rynochnoy situatsii (k kontseptsii "novogo menedzherializma") [University management in a new market situation (towards the concept of "new managerialism")], *Voprosy obrazovaniya*, no. 3, 57–65 (in Russian).
- Stogdill, R.M. (1974). *Handbook of Leadership: A Survey of Theory and Research by Ralph M. Stogdill*, New York: Free Press.
- Tead, O. (1935). *Industrial Leadership; the Art of Leadership*, New York, London: Whittlesey House, McGraw-Hill Book Company, inc.
- Vroom, V.H., Yetton, P.W. (1973). *Leadership and Decision-Making*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

## Модели научного лидерства в организациях сектора исследований и разработок в России: реконструкция на основе эмпирических данных

СВЕТЛАНА АНДРЕЕВНА КОРАБЛЕВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,  
Санкт-Петербург, Россия;  
e-mail: sbolshakova@hse.ru

В статье рассматривается понятие лидерства в науке. Основной целью исследования является определение понятия лидерства и моделей лидерства в науке на примере сектора НИОКР в России. Для достижения цели было проведено качественное исследование, которое включало сбор данных путем проведения глубинных интервью и последующий анализ полученной информации. Всего в исследовании приняли участие 16 респондентов разных должностей, из разных областей науки и из разных городов. Важно отметить, что все респонденты занимали руководящие должности в научных организациях, что является важным элементом исследования, так как респонденты имеют большой опыт управления, поэтому их ответы основывались на практике.

В результате исследования были выявлены различные модели лидерства в науке, которые имеют свои специфические черты и особенности. Также в результате исследования было проанализировано общее представление о лидерстве в науке: что является основой лидерства в науке, какие черты должны быть присущи лидеру в науке и другие важные аспекты. Лидерство не является универсальным как по отношению ко всем сферам человеческой жиз-



ни (бизнес, наука и т. д.), так и по отношению к самой науке, хотя и существует большое количество схожих признаков. Однако научное лидерство имеет свои отличительные черты, которые во многом отличают его от других видов лидерства.

Результаты исследования критически важны, так как дают представление о лидерстве и управлении в науке. На данный момент система управления в науке не является широко распространенной темой для исследования, поэтому предлагаемая работа отличается актуальностью и научной новизной и может быть использована в качестве основы для последующих исследований.

**Ключевые слова:** научное лидерство, лидерство в науке, научное признание, модели научного лидерства.

***ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА БЛИЗНЕЦКАЯ***

преподаватель Московского государственного института  
международных отношений (университета),  
Москва, Россия;  
младший научный сотрудник  
Санкт-Петербургского государственного университета,  
Санкт-Петербург, Россия;  
e-mail: ekate.bliznetskaya@gmail.com



***АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ КУТЕЙНИКОВ***

кандидат политических наук,  
доцент, старший научный сотрудник  
Санкт-Петербургского государственного университета,  
Санкт-Петербург, Россия;  
e-mail: a.kuteynikov@spbu.ru



***ВСЕВОЛОД ИЛЬИЧ ШАПОВАЛОВ***

магистрант Московского государственного института  
международных отношений (университета),  
Москва, Россия;  
e-mail: vs.il.shapovalov@gmail.com



**Стратегии городов по адаптации к изменению климата  
в контексте многостороннего международного  
сотрудничества**

УДК: 504.06

DOI: 10.24412/2079-0910-2024-3-181-199

В статье с позиций социологического подхода рассмотрено влияние международных организаций в области климата на создание и внедрение технологий по предотвращению или снижению негативного влияния климатических изменений на городские экосистемы, инфраструктуру городов и сообщества горожан. Отмечена современная тенденция фокусиро-

вания внимания исследователей климата на вопросах практического применения научных знаний и разработке технологических решений. Рассмотрена роль международных организаций, объединяющих усилия научного сообщества в изучении климата и выдвигении рекомендаций по предотвращению или снижению негативных последствий его изменений. Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК), представляющая собой международную научную организацию, охарактеризована в качестве наиболее успешного форума многостороннего сотрудничества в области климата. Она привлекает к своей работе специалистов, составляющих ядро многочисленной и влиятельной глобальной профессиональной группы (эпистемного сообщества, по терминологии П. Хааса), вовлеченной в исследование климата. Занимаясь обработкой и структурированием научных данных в области климата, эксперты МГЭИК формируют управленческие сигналы, адресованные правительствам, являющимся сторонами Рамочной конвенции ООН по изменению климата, однако выполнять международные договоренности должны субъекты, обладающие ресурсами для самостоятельных действий. Города и другие населенные пункты, непосредственно сталкивающиеся с результатами климатических изменений и обладающие необходимыми управленческими структурами и ресурсами для организации противодействия изменению климата, становятся исполнителями рекомендаций. Во многом опираясь на данные МГЭИК, они формируют проактивную политику по адаптации к изменениям климата, разрабатывают и принимают стратегии и планы по адаптации к изменениям климата. Изучение документов городов методом дискурс-анализа показывает их тематическую и содержательную связь с оценочными докладами МГЭИК. Таким образом, используя ресурсы и возможности международных организаций, города внедряют универсальные технологии повышения климатической устойчивости, разработанные с помощью глобальной профессиональной группы специалистов, и берут на себя ответственность за будущий климат Земли.

**Ключевые слова:** город, климат, технология, глобальная социальная группа, эпистемное сообщество, адаптация к климатическим изменениям, адаптивная способность.

## Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-28-10320 (<https://rscf.ru/project/23-28-10320>) и Санкт-Петербургского научного фонда в рамках проекта № 23-28-10320 в Санкт-Петербургском государственном университете.

В статье рассматривается взаимосвязь между стратегиями городов по адаптации к изменению климата и многосторонними международными формами сотрудничества, охватывающими как межгосударственный уровень, так и связи на уровне негосударственных субъектов. Авторы исследования исходят из предположения о том, что существующая международная концептуально-нормативная основа борьбы с изменением климата влияет на формирование стратегий и технологий, используемых городами при решении вопросов реагирования на изменения климата. При этом переход городских органов управления и администрирования, а также сообществ горожан от реактивного, несистемного реагирования на изменение климата к проактивной адаптационной политике во многом обусловлен деятельностью глобальной социальной группы специалистов в области климата, объединенных ра-

ботой в Межправительственной группе экспертов по изменению климата и других международных организациях.

### Актуальность темы и постановка проблемы

Актуальность изучения заявленной темы обусловлена стремительным нарастанием климатических вызовов, стоящих перед городами, и вместе с тем усилением внимания научного сообщества к феномену климатических изменений вообще и к вопросам влияния жизнедеятельности городов на климат в частности. В настоящее время в городах проживает примерно половина населения планеты. По прогнозам, доля городских жителей к 2030 г. достигнет 60%. При этом, по некоторым оценкам, города обеспечивают до 90% производства товаров и услуг и потребляют до 80% энергии, производимой во всем мире [Cities..., 2010]. На фоне роста населения, инфраструктуры, промышленного потенциала городов все более значимыми становятся вопросы их вклада в изменение климата и адаптации к его последствиям. Например, в Шестом оценочном докладе Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) отмечается повышение с 2015 по 2020 г. доли выбросов парниковых газов урбанизированных территорий до 67–72% [Climate..., 2023]. Недавнее решение Бюро МГЭИК подтвердило актуальность этой темы: в текущем 2024 г. в дополнение к своей основной работе по написанию оценочного доклада оно инициировало подготовку только одного специального доклада; он будет освещать вопросы об изменении климата в городах [Murthy, 2024].

В специализированной литературе последних лет отчетливо прослеживается тенденция расширения поля научного дискурса о различного рода так называемых технологиях устойчивого развития (или зеленых технологиях, устойчивых технологиях, умных технологиях), используемых, в частности, и в городах [Pradeep, Kaur, 2020; Smart Buildings, 2024; Smart and Sustainable Technology, 2022; Potienko, 2022; Lata, 2022]. Фокус внимания исследователей смещается в сторону вопросов окружающей среды, обеспечения устойчивости климата, противодействия изменению климата. Это свидетельствует о том, что научные знания о климате «переросли» фазу постановки и теоретического исследования проблемы. Научное сообщество приступило к практическому применению накопленных знаний и разработке технологических решений. При этом под технологиями понимают или подразумевают не только способы и методы производства какого-либо продукта или эксплуатации оборудования, не только комплексы ноу-хау [Технология..., 2017], но также и создание инфраструктуры для обеспечения некоторой функции, организацию каких-либо действий, направленных на решение определенного набора задач. В содержание понятия «технология» включают, например, комплексные алгоритмы организации городского водоснабжения, утилизации отходов, создания коммуникационных систем городов [What Is Sustainable Technology?, 2017, p. 241–242].

Авторы книги «Что такое устойчивая технология» рассматривают предмет своего исследования — устойчивые технологии — как составные части социального процесса. Они утверждают, что не существует устойчивого развития как такового по аналогии с тем, что не существует здорового питания, но существуют рецепты того, как правильно питаться, и сформировавшиеся привычки потребления пищи. Технологии устойчивого развития, полагают исследователи, могут

быть реализованы только тогда, когда их материально-технический компонент, являющийся продуктом инженерного проектирования, будет связан с изменением поведения человека. Следует учитывать, что внедрение технологий наталкивается на интересы представителей различных групп людей, на их устоявшийся образ жизни. Поэтому при создании или запуске новой технологии приходится искать пути гармоничного соединения социальных и технических решений. Например, для технологий изменения климата авторы монографии предлагают создание электронной интеллектуальной системы в сочетании с введением налога на выбросы углекислого газа. При этом местным сообществам предстоит решить, с какими неудобствами и дополнительными затратами они должны будут смириться в обмен на внедрение технологий по улучшению состояния окружающей среды [*Ibid.*, p. 242].

Результаты исследования, изложенные в данной статье, являются определенным вкладом в разработку научной проблемы о взаимосвязи, с одной стороны, всемирных (глобальных) институтов климатического управления и, с другой стороны, технологий по предотвращению или снижению негативного влияния климатических изменений на городские экосистемы, инфраструктуру городов и сообщества горожан.

### **Многостороннее сотрудничество в сфере управления климатом**

Включение вопросов изменения климата в международную повестку дня в значительной степени связано с международными организациями. Начало институционализированному многостороннему взаимодействию ученых в формате неправительственной Международной метеорологической организации было положено в 1873 г. Многолетнее сотрудничество метеорологов вышло на межправительственный уровень в середине XX в. В 1947 г. была учреждена и в 1950 г. начала функционировать Всемирная метеорологическая организация. Новой организации были предоставлены серьезные ресурсы и статус специализированного учреждения ООН, позволившие ей вести деятельность в области метеорологии (погода и климат), оперативной гидрологии и связанных с ними сфер на универсальном уровне [*One...*, 1973, p. 31].

ВМО выступила координатором Международного геофизического года (1958–1959) [*Green...*, 2008, p. 139], по итогам которого начался прямой мониторинг концентрации углекислого газа в атмосфере в районах, удаленных от всех источников промышленного и теплового загрязнения, — в Антарктиде и на Гавайях [*Agrawala*, 1998, p. 605]. Станция на Мануа-Лоа на Гавайях по-прежнему функционирует и используется для замеров концентрации углекислого газа в атмосфере.

В 1967 г. ВМО совместно с Международным научным советом (МНС) запустила Глобальную программу атмосферных исследований (GARP). Цели программы заключались в лучшем понимании атмосферных процессов и климатической системы Земли, улучшении моделей, используемых для прогнозирования погоды. Участники программы также были вовлечены в работу по моделированию климата Земли. Впоследствии, в 1980 г. GARP была преобразована в форум для международного сотрудничества в области исследования климата — Всемирную климатическую программу.

Полученные данные способствовали росту научного интереса к вопросам изменения климата, глобального потепления и других аспектов экологической повестки дня. На рубеже 1960-х и 1970-х гг. знания о скорости глобального изменения климата, связи климатических изменений с деятельностью человека еще не носили комплексного характера. Сведения, обобщения, оценки публиковались в отдельных статьях, докладах [Agrawala, 1998, p. 605], формируя основу современных систематизированных данных и детализированных концепций. Тем не менее, например, советский ученый М.И. Будыко еще в 1970-х гг. предвидел повышение средней глобальной приземной температуры к началу XXI в. [Будыко, 1972; 1974].

В 1970-х гг. благодаря исследованиям химиков М. Молины и Ф.Ш. Роуланда стало известно еще об одной проблеме — истощении озонового слоя атмосферы. ВМО внесла свой вклад в подъем общественного и государственного внимания к способности хлорофторуглеродов разрушать озон. В 1976 г. организация провела первую оценку состояния озонового слоя Земли [Green..., 2008, p. 139]. Начался поиск средств и инструментов, чтобы прекратить его разрушение.

В 1979 г. ВМО и Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) организовали Первую Всемирную климатическую конференцию, посвященную вопросам сугубо физической основы изменения климата, с участием физиков, метеорологов, химиков. В дальнейшем в изучение климата были вовлечены представители других научных дисциплин, включая и общественные науки. В 1980 г. по инициативе ВМО, ЮНЕП и Международного научного совета (МНС) состоялось совещание в Филах (Греция), собравшее в личном качестве многих крупных специалистов в области климатических исследований. ЮНЕП инициировала подготовку научного доклада «Оценка роли углекислого газа и других парниковых газов в изменении климата и связанных с ним воздействий» [Report..., 1986], результаты которого стали предметом для обсуждения на втором, более представительном совещании в Филах в 1985 г. По итогам обсуждения были сделаны выводы о том, что проблема изменения климата гораздо более серьезна, чем это казалось раньше. Скорость изменений климата столь высока, что глобальное потепление уже не является темой отдаленного будущего. ВМО, ЮНЕП и МНС создали Консультативную группу по парниковым газам (AGGG), в задачу которой было вменено информирование этих организаций о результатах новых климатических исследований.

22 марта 1985 г. была подписана Венская конвенция о защите озонового слоя. По случайному совпадению, в том же году над Антарктидой впервые было обнаружено истончение озонового слоя на площади, достигающей 800 000 км<sup>2</sup> (так называемая озоновая дыра). Научное сообщество довольно быстро сформировало консенсус, подтвердив существование и проблемы, и связанных с ней угроз всему живому на Земле. Подхватившие эту тему западные средства массовой информации стали рисовать почти что апокалипсические картины будущего, вызывая страх у значительной части своей аудитории. По утверждению Р. Бенедика, власть знания (power of knowledge) в сочетании с общественным мнением стали решающими факторами принятия Монреальского протокола к Венской конвенции в 1987 г. [Andersen, Sarma, 2002, p. 300]. Монреальский протокол устанавливает, в частности, дополнявшийся затем несколько раз список веществ, производство которых предполагается уменьшить или запретить, поскольку они разрушают озоновый слой. ВМО следит за выбросом парниковых газов и озоновым слоем посредством Глобальной программы наблюдений за атмосферой [Global Atmosphere..., 2024].



Необычайно жаркое лето 1985 г. в Северной Америке побудило администрацию президента США выдвинуть предложение о межправительственном научно-политическом органе, который бы проводил регулярную оценку воздействия меняющегося климата на экономику и окружающую среду, состояния науки об изменении климата и наличия стратегий реагирования на климатические изменения. В 1988 г. ВМО и ЮНЕП сформировали Межправительственную группу экспертов по изменению климата (МГЭИК), которая и стала основным поставщиком знаний в области климата не только для правительств, но и для широкой публики, включая бизнес-сообщества.

### Города и климатические изменения

С 1990-х гг. в научных исследованиях и на ряде крупных международных форумов поднимались вопросы о субъектах, способных систематически решать конкретные задачи по предупреждению климатических изменений и противодействию негативным явлениям, связанным с климатом.

В Рамочной конвенции ООН по изменению климата (РКИК ООН) в 1992 г. местные органы власти и сообщества были признаны важными участниками действий в области климата. По итогам Конференции Всемирный банк, Организация Объединенных Наций и некоторые другие международные организации выступили с рядом инициатив, направленных на лучшее понимание взаимосвязи между урбанизацией и изменением климата, уделяя особое внимание городам так называемого глобального Юга [*Urban Climate Politics*, 2019, p. 5].

В научных кругах в это время развернулось обсуждение вопроса о связи между процессами глобализации и урбанизации, в особенности применительно к мировым городам, где глобальный экологический кризис проявился наиболее отчетливо. Городская среда обитания в ряде работ стала рассматриваться в качестве составной части глобальной среды [*World Cities...*, 1995, p. 281]. В 1997 г. был принят Киотский протокол к РКИК ООН, обязывающий развитые страны — стороны протокола — сокращать выбросы парниковых газов [*Киотский...*, 1997]. Затянувшаяся ратификация протокола подпитывала и научные исследования, и общественно-политические дискуссии о различных способах противодействия климатическим изменениям, организационных формах и акторах климатической политики.

На протяжении следующих 10–15 лет тема городов в международной повестке дня все больше и больше коррелировалась с проблематикой изменения климата. Многочисленные исследования способствовали утверждению тезиса о том, что климатические изменения в значительной степени связаны с крупными городами, функционированием экономических предприятий, расположенных в городах, и объектами городской инфраструктуры, отходами, производимыми городским хозяйством. Вместе с тем городские власти и городские сообщества стали активно вырабатывать меры по борьбе с неблагоприятными климатическими изменениями. Знания в области климата стали особенно востребованными. Киотский протокол дал старт ряду инициатив, реализуемых на уровне городов и поддержанных влиятельными политическими силами, в том числе проектам международного сотрудничества городов. Так, в 2005 г., в год вступления протокола в силу, по инициативе

мэра Лондона К. Ливингстона создается глобальная сеть мэров ведущих городов мира, объединившихся в борьбе с климатическим кризисом. В настоящее время сеть, получившая название *C40Cities*, объединяет около 100 городов, реализующих разноплановые проекты, вектор которых направлен на объединение усилий по сокращению выбросов парниковых газов.

В ноябре 2010 г. представители муниципальных властей заявили о принятии добровольных обязательств, зафиксированных в Глобальном соглашении городов о климате, известном также как «Пакт Мехико». В 2013 г. фонд Рокфеллера на конкурсной основе сформировал группу «100 резильентных городов», участники которой получали финансовую и консультационную поддержку для реализации согласованных мер по противодействию негативным процессам, оказывающим влияние на города, включая и климатические процессы. По окончании регулярного финансирования группы фондом Рокфеллера в 2019 г. на ее основе были созданы «Глобальная сеть резильентных городов» и организация «Катализатор резильентности городов» для помощи городам в климатической адаптации [*100 Resilient...*, 2024]. Всего же, по некоторым оценкам, проблематика климата включена в повестку дня примерно 170 международных объединений городов, не считая внутригосударственных городских союзов.

### **Вклад научного сообщества в формирование климатической повестки дня городов**

Деятельность Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) является, пожалуй, самым ярким примером агрегирования и практического применения научного знания в области климатических изменений в масштабе всей планеты. МГЭИК представляет собой международную научную организацию. Ее членами являются государства, входящие в ООН и/или ВМО [*Гладильщикова, Семенов, 2017*]. МГЭИК не проводит самостоятельных исследований. Она формирует оценку новейших научных данных о физической основе изменения климата, последствий этого изменения для окружающей среды и экономики, а также о путях смягчения негативных эффектов этой проблемы. Основные результаты работы МГЭИК публикуются в оценочных докладах, над которыми работает международный коллектив авторов, насчитывающий до 3000 чел. В состав авторского коллектива отбираются специалисты, имеющие серьезную репутацию в научном сообществе, их кандидатуры утверждаются на правительственном уровне.

Оценочный доклад публикуется один раз в несколько лет в трех томах. Каждый том проходит два этапа рецензирования: сначала представителями научного сообщества, затем — представителями правительств. Все части Оценочного доклада утверждаются на пленарных сессиях МГЭИК в соответствии со строго определенными правилами процедуры.

Первый Оценочный доклад МГЭИК сопровождал начало переговоров по созданию Рамочной конвенции ООН по изменению климата. В последующие годы публикация Оценочного доклада положительно сказывалась на продвижении межправительственного диалога по климату. Хотя формально Конференция сторон РКК ООН не обязана опираться на оценочные доклады МГЭИК, фактически представители государств и ученые-климатологи используют именно их. МГЭИК приобрела

статус исключительно авторитетного источника информации о том, что происходит с климатом Земли, благодаря профессионализму привлекаемых исследователей, достоверности сведений и своей независимости.

МГЭИК является структурой межправительственного сотрудничества, ключевая роль в ней принадлежит именно представителям национальных правительств. По своему замыслу доклады МГЭИК ориентированы на разработчиков климатической политики, но они широко используются и в научных исследованиях, поскольку суммируют и оценивают результаты самых актуальных исследований климата [35 лет..., 2023]. Городские власти также относятся к ключевым адресатам сообщений МГЭИК. Так, в Пятом оценочном докладе МГЭИК, в томе, подготовленном Рабочей группой II, о воздействиях, уязвимости и адаптации к изменению климата содержится глава, посвященная адаптации городских территорий. Авторы главы утверждают, что адаптация к изменению климата на уровне городов имеет потенциал быть преобразующей адаптацией, «способной устранить коренные причины бедности и провалов в достижении устойчивого развития, включая необходимость быстрого прогресса в смягчении последствий» [Revi, 2014].

В то же время признается роль городов в увеличении выбросов парниковых газов и подчеркивается необходимость сочетания адаптации и снижения выбросов. Достижению целей препятствует недостаточная адаптация (maladaptation), которая особенно сильно влияет на уязвимые группы населения и приводит к усилению неравенства. Однако отмечается и возможность избежать недостаточной адаптации путем развития гибких межотраслевых долгосрочных программ по планированию и принятию адаптационных мер. Городам и городским агломерациям рекомендовано использовать комплексный подход к планированию различного рода инфраструктуры: физической, социальной и природной — в целях сокращения выбросов парниковых газов и климатической адаптации.

На 21-й сессии Конференции сторон РКК ООН (КС-21) в 2015 г. было принято соглашение, получившее название Парижского. В нем установлен максимальный предел роста температуры атмосферы по сравнению с показателем температуры конца XIX в. в 2°C, выше которого, по научно обоснованным оценкам, повышение температуры в течение XXI столетия признается недопустимым. При этом соглашение определяет также желательный предел максимального роста температуры — 1,5°C, к которому подписанты обязываются стремиться [Парижское..., 2015]. КС-21, образно говоря, впервые официально предоставила городам право голоса на межгосударственных переговорах по климату, и это рядом экспертов считается одним из серьезных достижений конференции, а также одной из главных причин ее успеха. Участники следующей конференции, КС-22, заявили о важности расширения финансирования городских мероприятий в области климата для выполнения обязательств Парижского соглашения. Они подчеркнули, что города должны играть ключевую роль в достижении целей, поставленных в Париже, и отметили роль Глобального соглашения мэров в решении вопросов, связанных с климатом [Global Covenant..., 2024].

На КС-28 в 2023 г. принимается Рамочная программа ОАЭ по глобальной устойчивости к изменениям климата (UAE Framework for Global Climate Resilience) [Glasgow-Sharm..., 2020], нацеленная на повышение эффективности адаптации к изменению климата. Она включает в себя положение о повышении устойчивости (resilience) инфраструктуры и населенных пунктов для обеспечения всех базовых

потребностей и снижения негативных последствий изменения климата [What..., 2023].

Разрабатываемый в настоящее время МГЭИК Специальный доклад об изменении климата и городах объединит результаты работы всех трех рабочих групп МГЭИК. «Это особенно важно не только для понимания связи между городами и их уязвимостью к изменению климата, последствиями, адаптацией и смягчением последствий, но и для содействия оценке связей между двумя наиболее значительными современными факторами глобального изменения окружающей среды: изменением климата и урбанизацией» [Solecki, 2024, p. 2].

### **Стратегии городов по адаптации к климатическим изменениям**

Многие города, осуществляющие проактивную адаптационную политику, разрабатывают и принимают документы, как правило, называемые стратегиями [The Climate..., 2019] или планами [Региональный..., 2023] по адаптации к изменению климата. Также они могут носить название «климатическая стратегия», «план климатических действий», «стратегия резильентности» и др. Авторы данной статьи проанализировали документы адаптационной политики 18 городов. Десять документов названы стратегиями адаптации к изменению климата, пять — планами климатических действий, два — стратегиями по повышению резильентности, один представляет собой стратегию адаптации к изменению климата для жилищного сектора и еще один — стратегию создания климатически нейтрального города. Формирование выборки анализируемых текстов проводилось по следующим формальным критериям: атрибутирование документа как документа стратегического городского управления, наличие в названии документа или одной из его частей термина «адаптация», свободный доступ к электронной версии.

В качестве метода изучения текстов применен тематический дискурс-анализ. Дискурс-анализ направлен на выявление объективного содержания информационных сообщений в широком контексте, сопоставление объекта исследования с идеальной моделью при обеспечении единства аналитических и синтезирующих исследовательских практик [Туркина, 2018, с. 78]. Дискурс-анализ относится к методам эмпирического исследования, позволяющим установить связи между содержанием текста и социальными процессами, протекающими в соответствующих областях жизнедеятельности людей [Дудина, Смирнова, 2014, с. 234]. Тематический дискурс-анализ применяется для выявления доминирующих сюжетов в содержании документов. В нашем случае этот метод открывает возможность соотнесения тематики разделов изучаемых текстов с тематикой составных частей Оценочных докладов МГЭИК.

Типичным для изученных стратегических документов является наличие раздела об оценке климатических рисков (Найроби, Будапешт, Ванкувер) [Nairobi's..., 2021; Sustainable..., 2021; Climate..., 2024]. В Стратегии адаптации к изменениям климата Ванкувера выстроена цепочка, завершающим элементом которой являются адаптационные мероприятия: оценка рисков — опасность — будущие изменения климата — воздействия — адаптационные мероприятия. Стратегия Лондона содержит анализ резильентности, где отправной точкой являются «шоки и стрессы», а финальной — объекты воздействия [London..., 2020]. Гонконг и Вена в своих стратеги-

ях определяют приоритетные направления действий [Hong Kong's..., 2021; Smart..., 2022]. Копенгагенский план адаптации к изменению климата исходит из анализа масштабов угроз, на основе которого формируется оценка рисков и возможностей, а также затрат на адаптацию. Затем определяются меры по адаптации, предлагаются проекты и рекомендации, учитываемые в городском планировании [Copenhagen..., 2023]. Стратегия Хельсинки, изложенная в документе «Хельсинкская политика по адаптации к климатическим изменениям», направлена на обеспечение готовности к климатическим изменениям. Технологии адаптации интегрируются в систему управления городом и сопровождаются, в частности, проведением исследований и организацией эффективной коммуникации с различными группами жителей, что в свою очередь ведет к вовлечению заинтересованных сторон, включая представителей бизнеса [Helsinki's..., 2019]. В Парижской стратегии результативности оцениваются климатические вызовы, на основе оценки определяются цели адаптации и предлагается комплекс действий [Paris..., 2018]. План адаптации к изменениям климата нью-йоркских городских властей устанавливает цель, из которой выводятся стратегии действий по адаптации к климатическим изменениям [Climate..., 2022].

В создании технологий прослеживается определенная последовательность. Первоначально осуществляется оценка климатической уязвимости и климатических рисков для города. Затем выявляются приоритетные направления для адаптационных действий. После этого происходит интеграция адаптационных действий в климатические планы городов. Наконец, на заключительном этапе разрабатывается отдельная стратегия адаптации города к изменению климата.

Города разрабатывают адаптационные стратегии с разной степенью детализации. Одни из них устанавливают количественные показатели и распределяют ответственность за их достижение между различными субъектами. Одновременно предусмотрены формы и механизмы контроля за выполнением запланированных мероприятий. Другие города ограничиваются описанием ключевых направлений адаптации, приводят примеры одной или нескольких программ, финансируемых из средств городского бюджета. Некоторые из рассмотренных документов содержат сведения об источнике финансирования программ и проектов. При этом финансирование может осуществляться как из национального или регионального бюджетов, так, например, и из средств Всемирного банка или других международных организаций.

Адаптационные технологии городов во многом ориентированы на снижение ключевых климатических рисков для городов и населенных пунктов, как их определяет Шестой оценочный доклад Межправительственной группы экспертов по изменению климата. К ним относятся: ущерб от паводковых явлений, последствия наводнений, повреждение инфраструктуры и негативное воздействие на основные отрасли экономики [Cities..., 2023]. Особое внимание, как считают авторы доклада, должно уделяться городам и населенным пунктам, расположенным в прибрежных районах, ввиду повышенных климатических рисков при высокой экономической значимости таких зон.

Наличие специального документа по адаптации к изменению климата свидетельствует о том, что город уже имеет видение адаптации и разработал или разрабатывает технологии управления климатическими рисками. Особенности технологий по борьбе с климатическими изменениями заключаются в том, что в них соединена оценка климатических рисков с мероприятиями по минимизации рисков в ответ на

ожидаемые изменения климата. Таким образом, элементами адаптационных технологий являются: нацеленность на реализацию адаптационной политики города; анализ климатических опасностей или результаты оценки климатических рисков для города; перечень адаптационных мероприятий, касающихся разных отраслей городского хозяйства, функционирования организаций, учреждений, объектов инфраструктуры; обозначение подхода к управлению адаптацией города к изменению климата.

## Заключение

Многостороннее сотрудничество в сфере адаптации к изменениям климата можно назвать наукоемким. Оно обеспечивается не только дипломатами и государственными служащими других ведомств, но также и довольно многочисленной и влиятельной группой профессионалов различного профиля, вовлеченных в исследования климата. В социологии международных отношений такие группы называют группами участников международных отношений или глобальными социальными группами. Имея всемирный размах, они формируются из частей, локализованных в отдельных странах. Для глобальной социoproфессиональной группы характерна тесная связь с определенной международной организацией. Представители глобальных групп разделяют и некоторый набор универсальных ценностей, и *esprit du corps* международных институтов [Бояшов, Кутейников, 2014]. За представителями глобальных групп, сосредоточенных на интеллектуальной деятельности, закрепился предложенный П. Хаасом термин «эпистемные сообщества» (*epistemic community*) [Haas, 1989, p. 388].

Типичная глобальная социoproфессиональная группа имеет своего рода ядро, образованное профессионалами с наиболее ярко выраженными признаками группы. В изучаемом нами случае — это эксперты МГЭИК. Занимаясь обработкой и структурированием научных данных в области климата, эпистемное сообщество формирует управленческие сигналы, адресованные правительствам. Специфика международных соглашений о климате состоит в том, что их заключают государства, а выполнять договоренности должны какие-то иные акторы, обладающие и возможностями, и ресурсами для этого. Следовательно, необходимо найти этих акторов. Как оказалось, вполне самостоятельные действия могут организовывать и вести города, точнее, городские власти и сообщества горожан. Выдвижение городов как субъектов климатических действий стало возможным, в частности, благодаря тому, что они представляют собой универсальный вариант территориальной и социально-экономической организации жизни людей, являясь своего рода центрами гравитации всех процессов жизнедеятельности общества. Именно города и другие населенные пункты непосредственно сталкиваются с результатами климатических изменений, носящими нередко характер серьезных вызовов и даже угроз. Вместе с тем они обладают управленческими структурами и ресурсами для организации противодействия изменению климата. Эпистемное сообщество климатологов фактически нашло в лице городов субъектов, которым с помощью мягкого управленческого воздействия можно передать через посредника (правительство), а иногда даже непосредственно импульс по внедрению технологий, направленных на снижение неблагоприятных климатических изменений.



Фокус стратегий по адаптации к изменениям климата городов формируется преимущественно на основе анализа и оценки рисков, имеющих универсальный характер. Выявление многих рисков проведено в рамках МГЭИК и многих других международных организационных форм всемирного или регионального уровня, а также правительственных учреждений. Научное сообщество пока еще обладает крайне ограниченными сведениями об алгоритмах и процедурах функционирования городских структур, о том, как на основе статистики и аналитических материалов о климате ведется разработка конкретных программ и проектов адаптации. Имеющиеся данные свидетельствуют, что учитывается степень опасности рисков, ранжируются приоритеты, оценивается наличие ресурсов, делаются прогнозы о том, как городской организм изменится в зависимости от того или иного сценария развития событий. Далее, в зависимости от особенностей административного устройства, состава городского сообщества, степени вовлеченности различных субъектов, принимаются решения директивного, декларативного или рекомендательного характера.

Научный компонент управления в ряде случаев подкрепляется и дополняется деятельностью фондов. Частные финансирующие структуры вообще ориентируют свои филантропические программы в основном на негосударственные субъекты, и города в этом отношении являются подходящими реципиентами. Программы экспертной поддержки и финансирования вносят в разработку адаптационных стратегий и технологий элементы унификации и способствуют формированию определенной концептуальной доминанты.

Отсутствие полных знаний не отменяет направленного воздействия на города. Сегодня города стали предметом внимания представителей эпистемного сообщества не только с позиций сугубо научного интереса. Речь идет о том, чтобы выявить сильные и слабые места города, оценить степень уязвимости, выстроить защиту, применяя самые передовые технологии. Глобальная социальная группа специалистов, объединенная поиском ответов на климатические вызовы, способствует городам в построении климатических стратегий и реализации комплексных действий в сфере климата. Города, используя ресурсы и возможности международных организаций, внедряют универсальные технологии повышения климатической устойчивости, разработанные с помощью глобальной социо-профессиональной группы специалистов, и берут на себя ответственность за будущее климата Земли.

## Источники

Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата. 1997. Режим доступа: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/kyoto.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml) (дата обращения: 30.05.2024).

Парижское соглашение. 2015. Режим доступа: [https://unfccc.int/files/meetings/paris\\_nov\\_2015/application/pdf/paris\\_agreement\\_russian\\_.pdf](https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf) (дата обращения: 03.03.2024).

Региональный план адаптации Санкт-Петербурга к изменениям климата. 2023. Режим доступа: [https://www.gov.spb.ru/static/writable/documents/2023/08/03/План\\_адаптации\\_от\\_16.06.2023.docx](https://www.gov.spb.ru/static/writable/documents/2023/08/03/План_адаптации_от_16.06.2023.docx) (дата обращения: 03.03.2024).

Технология // Большая российская энциклопедия. Режим доступа: [https://old.bigenc.ru/technology\\_and\\_technique/text/4190937?ysclid=lyuieenisf328183272](https://old.bigenc.ru/technology_and_technique/text/4190937?ysclid=lyuieenisf328183272) (дата обращения: 02.06.2024).

Cities and Climate Change. OECD. 2010. DOI: 10.1787/9789264091375-en.

Climate Change Adaptation Strategy 2024–2025. 2024. Available at: <https://vancouver.ca/green-vancouver/climate-change-adaptation-strategy.aspx> (date accessed: 30.05.2024).

Climate Change 2022 — Impacts, Adaptation and Vulnerability // Working Group II Contribution to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. 2023. P. 907–1040. DOI: 10.1017/9781009325844.008.

Climate Change 2023: Synthesis Report. A Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / Eds. H. Lee, J. Romero. IPCC, Geneva, Switzerland, 2024. DOI: 10.59327/IPCC/AR6-9789291691647.

Climate Change at NYCHA: A Plan to Adapt. 2022. Available at: [https://www.nyc.gov/assets/nycha/downloads/pdf/Climate-Change-at-NYCHA\\_lores\\_single-pages.pdf](https://www.nyc.gov/assets/nycha/downloads/pdf/Climate-Change-at-NYCHA_lores_single-pages.pdf) (date accessed: 30.05.2024).

Copenhagen Climate Adaptation Plan. 2023. Available at: <https://www.eghn.org/en/copenhagen-climate-adaptation-plan/> (date accessed: 30.05.2024).

Glasgow–Sharm el-Sheikh Work Program on the Global Goal on Adaptation Referred to in Decision 7/CMA.3. Decision -CMA.5. 2022. Available at: [unfccc.int/sites/default/files/resource/cma5\\_auv\\_8a\\_gga.pdf](https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cma5_auv_8a_gga.pdf) (date accessed: 24.12.2023).

Global Atmosphere Watch Programme (GAW). Available at: <https://community.wmo.int/en/activity-areas/gaw> (date accessed: 30.05.2024).

Global Covenant of Mayors for Climate and Energy. 2024. Available at: <https://www.globalcovenantofmayors.org> (date accessed: 03.03.2024).

Hong Kong's Climate Action Plan 2050. 2021. Available at: [https://climate-laws.org/documents/hong-kong-s-climate-action-plan-2050\\_b5b6?id=hong-kong-s-climate-action-plan-2050\\_e6250](https://climate-laws.org/documents/hong-kong-s-climate-action-plan-2050_b5b6?id=hong-kong-s-climate-action-plan-2050_e6250) (date accessed: 30.05.2024).

London City Resilience Strategy 2020. London: Greater London Authority February, 2020. 96 p. Available at: [https://www.london.gov.uk/sites/default/files/london\\_city\\_resilience\\_strategy\\_2020\\_digital.pdf](https://www.london.gov.uk/sites/default/files/london_city_resilience_strategy_2020_digital.pdf) (date accessed: 30.05.2024).

Nairobi's Climate Action Plan 2020–2050. Available at: <https://cdn.nation.co.ke/downloads/Nairobi-City-Climate-Action-2021.pdf> (date accessed: 30.05.2024).

Report of the International Conference of the Assessment of the Role of Carbon Dioxide and of Other Greenhouse Gases in Climate Variations and Associated Impacts. World Meteorological Organization (WMO); United Nations Environment Programme (UNEP); International Council of Scientific Unions (ICSU). Available at: <https://library.wmo.int/idurl/4/28228> (date accessed: 30.05.2024).

Smart Climate City Strategy Vienna — Our Way to Becoming a Model Climate City. 2022. Available at: <https://smartcity.wien.gv.at/en/strategy/> (date accessed: 30.05.2024).

Sustainable Energy and Climate Action Plan of Budapest. 2021. Available at: [https://archiv.budapest.hu/sites/english/Documents/BP\\_klimastrategia\\_SECAP\\_EN\\_final.pdf](https://archiv.budapest.hu/sites/english/Documents/BP_klimastrategia_SECAP_EN_final.pdf) (date accessed: 30.05.2024).

The Climate Change Adaptation Strategy for the City of Warsaw by 2030 with the Prospects Until 2050. 2019. Available at: [https://adaptcity.pl/wp-content/uploads/2019/11/strategia\\_2030-ENG.pdf](https://adaptcity.pl/wp-content/uploads/2019/11/strategia_2030-ENG.pdf) (date accessed: 30.05.2024).

What Is the UAE Framework for Global Climate Resilience, and How Can Countries Move It Forward? 2023. Available at: <https://www.iisd.org/articles/deep-dive/uae-framework-global-climate-resilience> (date accessed: 30.05.2024).

100 Resilient Cities. 2024. Available at: The Rockefeller Foundation <https://www.rockefellerfoundation.org/100-resilient-cities/> (date accessed: 30.05.2024).

## Литература

*Бояшов А.С., Кутейников А.Е.* Роль Европейского Суда по правам человека в формировании и воспроизводстве глобальных социальных групп // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер. 12. Вып. 3. С. 145–152.

*Будыко М.И.* Влияние человека на климат. Л.: Гидрометеиздат, 1972. 46 с.

*Будыко М.И.* Изменения климата. Л.: Гидрометеиздат, 1974. 280 с.

*Гладильщикова А.А., Семенов С.М.* Межправительственная группа экспертов по изменениям климата (МГЭИК): Цикл шестого оценочного доклада // Фундаментальная и прикладная климатология. 2017. Т. 2. С. 13–25.

Методология и методы социологического исследования / Под ред. В.И. Дудиной, Е.Э. Смирновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. 388 с.

35 лет Межправительственной группе экспертов по изменению климата // Фундаментальная и прикладная климатология. 2023. Т. 9. № 4. С. 373–385. Режим доступа: <https://faclimatology.ru/index.php/fpk/article/view/23/37> (дата обращения 02.06.2024).

*Туркина О.А.* Тематический анализ как разновидность дискурс-анализа: синтез социологического и лингвистического подходов // Журнал Белорусского государственного университета. Сер.: Филология. 2018. № 2. С. 76–83. Режим доступа: <https://journals.bsu.by/index.php/philology/article/view/267/219> (дата обращения: 03.06.2024).

*Agrawala S.* Context and Early Origins of the Intergovernmental Panel on Climate Change // Climatic Change. 1998. Vol. 39. No. 4. P. 605–620.

*Andersen S.O., Sarma K.M.* Protecting the Ozone Layer. The United Nations History. New York: UNEP; London and Sterling: Earthscan, 2002. 544 p.

Architectural, Construction, Environmental and Digital Technologies for Future Cities. Experience and Challenges from Russian Cities / Eds. N. Potienko, A. Karlina, E. Ahmedova, V. Faerman. Cham: Springer, 2022. X, 459 p.

*Green R.* Chronology of International Organizations. London, New York, 2008. 320 p.

Green and Smart Technologies for Smart Cities / Eds. T. Pradeep, G. Kaur. New York: Taylor & Francis, 2020. 379 p.

*Haas P.M.* Do Regimes Matter? Epistemic Communities and Mediterranean Pollution Control // International Organization. 1989. Vol. 43. No. 3. P. 377–403.

*Lata S., Souvik T., Magradze, G., Kumar T.A.* Intelligent Green Technologies for Sustainable Smart Cities. Beverly: Wiley; Scrivener Publishing, 2022. 368 p.

*Lowe M. et al.* A Research-Based, Practice-Relevant Urban Resilience Framework for Local Government // Local Environment: The International Journal of Justice and Sustainability. 2024. Vol. 29. Iss. 7. P. 886–901. DOI: 10.1080/13549839.2024.2318571.

*Murthy I.K.* IPCC Work on Seventh Climate Assessment Threatened by Shorter Timelines Change // The Hindu. 2024. February 12. Available at: [https://translated.turbopages.org/proxy\\_u/en-ru.ru.4a8f18e8-665935a4-a38f2c0d-74722d776562/https/www.thehindu.com/sci-tech/energy-and-environment/ipcc-bureau-ar7-climate-assessment-stocktake-timelines-explained/article67823986.ece](https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.4a8f18e8-665935a4-a38f2c0d-74722d776562/https/www.thehindu.com/sci-tech/energy-and-environment/ipcc-bureau-ar7-climate-assessment-stocktake-timelines-explained/article67823986.ece) (date accessed: 30.05.2024).

One Hundred Years of International Co-Operation in Meteorology (1873–1973). A Historical Review. Geneva: Secretariat of the World Meteorological Organization, 1973. 61 p.

*Revi A., Satterthwaite D.E., Aragón-Durand F., Corfee-Morlot J., Kiunsi R.B.R., Pelling M., Roberts D.C., Solecki W.* Urban Areas // Climate Change 2014: Impacts, Adaptation, and Vulnerability. Part A: Global and Sectoral Aspects. Contribution of Working Group II to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / Eds. C.B. Field, V.R. Barros, D.J. Dokken, K.J. Mach, M.D. Mastrandrea, T.E. Bilir, M. Chatterjee, K.L. Ebi, Y.O. Estrada, R.C. Genova, B. Girma, E.S. Kissel, A.N. Levy, S. MacCracken, P.R. Mastrandrea, L.L. White. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2014. P. 535–612. Available at: [https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/02/WGIIAR5-Chap8\\_FINAL.pdf](https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/02/WGIIAR5-Chap8_FINAL.pdf) (date accessed: 30.05.2024).

Smart Buildings and Technologies for Sustainable Cities in China / Eds. Z. Tongyu, D. Wu, A. Cheshmehzangi. Singapore: Springer, 2024. XVIII, 161 p.

Smart and Sustainable Technology for Resilient Cities and Communities / Eds. R.J. Howlett, L.C. Jain, J.R. Littlewood, M.M. Balas. Singapore: Springer, 2022. XVI, 322 p.

Solecki W., Roberts D. Seto K.C. Strategies to Improve the Impact of the IPCC Special Report on Climate Change and Cities // Nature Climate Change. 2024. Vol. 14. P. 685–691. DOI: 10.1038/s41558-024-02060-9.

Urban Climate Politics. Agency and Empowerment / Eds. J. van der Heijden, H. Bulkeley, C. Certomà. New York: Cambridge University Press, 2019. 246 p.

What Is Sustainable Technology? / Eds. K. Mulder, H. von Lente. Abingdon; New York: Routledge, 2017. 264 p.

World Cities in a World-System / Eds. P.L. Knox, P.J. Taylor. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 354 p.

## **Urban Strategies for Adaptation to Climate Change in the Context of Multilateral International Cooperation**

***EKATERINA A. BLIZNETSKAYA***

MGIMO University,  
Moscow, Russia;  
Saint Petersburg State University,  
St. Petersburg, Russia;  
e-mail: ekate.bliznetskaya@gmail.com

***ALEXANDER E. KUTEYNIKOV***

Saint Petersburg State University,  
St. Petersburg, Russia;  
e-mail: a.kuteynikov@spbu.ru

***VSEVOLOD I. SHAPOVALOV***

MGIMO University,  
Moscow, Russia;  
e-mail: vs.il.shapovalov@gmail.com

Using a sociological approach, the article considers the impact of international organizations in the field of climate on the development of technologies to prevent or reduce negative consequences of climate change on urban ecosystems, infrastructure and communities as well as its implementation. There is some evidence to suggest that current researchers focus their attention on applied scientific knowledge and technological developments. The authors also consider the role of international organizations aggregating the efforts of epistemic community in studying the climate and providing recommendations to prevent or reduce the negative consequences of its changes. The Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC), as an international scientific organization, has been considered as the successful example of multilateral cooperation in the field of climate science.

It engages highly qualified specialists forming the core of a large and influential global professional group (epistemic community, according to terminology of P. Haas), involved in climate research. In processing and structuring scientific data in the field of climate, IPCC experts are sending messages addressed to policy makers that are involved into the United Nations Framework Convention on Climate Change. But international agreements must be implemented by entities that have the resources to act independently. Cities and regions that are directly faced with climate changes have organizational capacities and resources to organize climate mitigation and adaptation measures. Cities become implementers of the IPCC recommendations. Based largely on the IPCC data, cities conduct proactive policies for adaptation to climate change, develop and implement strategies and plans for adaptation to climate change. The study of strategic documents of cities by the method of discourse analysis shows their thematic and substantive connection with the IPCC Reports. Thus, using the resources and capabilities of international organizations, cities are implementing universal technologies to improve climate resilience, developed with the help of a global group of professionals, and taking responsibility for the future of the Earth's climate.

**Keywords:** city, climate, technology, global social group, epistemic community, adaptation to climate change, adaptive capacity.

## Acknowledgment

The research was carried out with support from the Russian Science Foundation (RSF) according to the research grant No. 23-28-10320 (<https://rscf.ru/project/23-28-10320/>) and St Petersburg Science Foundation according to the research grant no. 23-28-10320 in Saint Petersburg State University.

## References

- Agrawala, S. (1998). Context and Early Origins of the Intergovernmental Panel on Climate Change, *Climatic Change*, 39 (4), 605–620.
- Andersen, S.O., Sarma, K.M. (2002). *Protecting the Ozone Layer. The United Nations History*, New York: UNEP; London and Sterling: Earthscan.
- Boyashov, A.S., Kutejnikov, A.E. (2014). Rol' Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka v formirovani i vosproizvodstve global'nykh sotsial'nykh grupp [The role of the European Court of Human Rights in the management and development of global social groups], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. ser. 12. no. 3, 145–152 (in Russian).
- Budyko, M.I. (1974). *Izmeneniya klimata* [Climate change], Leningrad: Gidrometeoizdat (in Russian).
- Budyko, M.I. (1972). *Vliyaniye cheloveka na klimat* [Human influence on climate], Leningrad: Gidrometeoizdat (in Russian).
- Cities (2010) and Climate Change. DOI: 10.1787/9789264091375-en.
- Climate (2024) *Change Adaptation Strategy 2024–2025*. Available at: <https://vancouver.ca/green-vancouver/climate-change-adaptation-strategy.aspx> (date accessed: 30.05.2024).
- Climate (2022) *Change at NYCHA: A Plan to Adapt*. Available at: [https://www.nyc.gov/assets/nycha/downloads/pdf/Climate-Change-at-NYCHA\\_lores\\_single-pages.pdf](https://www.nyc.gov/assets/nycha/downloads/pdf/Climate-Change-at-NYCHA_lores_single-pages.pdf) (date accessed: 30.05.2024).
- Climate (2023) *Change 2022 — Impacts, Adaptation and Vulnerability*, in *Working Group II Contribution to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change* (pp. 907–1040). DOI: 10.1017/9781009325844.008.

Copenhagen (2023) *Climate Adaptation Plan*. Available at: <https://www.eghn.org/en/copenhagen-climate-adaptation-plan/> (date accessed: 30.05.2024).

Dudina, V.I., Smirnova, E.E. (Eds.). (2014). *Metodologiya i metody sotsiologicheskogo issledovaniya* [Methodology and methods of sociological research], S.-Peterburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta (in Russian).

Gladil'shchikova, A.A., Semenov, S.M. (2017). Mezhpriatel'stvennaya gruppa ekspertov po izmeneniyam klimata (MGEIK): Tsikl shestogo otsenoch'nogo doklada [Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC): Cycle of the Sixth assessment report], *Fundamental'naya i prikladnaya klimatologiya*, vol. 2, 13–25 (in Russian).

Glasgow–Sharm el-Sheikh (2022) *Work Program on the Global Goal on Adaptation Referred to in Decision 7/CMA.3. Decision -/CMA.5*. Available at: [unfccc.int/sites/default/files/resource/cma5\\_auv\\_8a\\_gga.pdf](https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cma5_auv_8a_gga.pdf) (date accessed: 24.12.2023).

Global (2024) *Atmosphere Watch Programme (GAW)*. Available at: <https://community.wmo.int/en/activity-areas/gaw> (date accessed: 30.05.2024).

Global (2024) *Covenant of Mayors for Climate and Energy*. Available at: <https://www.globalcovenantofmayors.org> (date accessed: 03.03.2024).

Green, R. (2008). *Chronology of International Organizations*, London, New York.

Haas, P.M. (1989). Do Regimes Matter? *Epistemic Communities and Mediterranean Pollution Control, International Organization*, 43 (3), 377–403.

Heijden, van der J., Bulkeley, H., Certomà, C. (Eds.). (2019). *Urban Climate Politics. Agency and Empowerment*, New York: Cambridge University Press.

Hong Kong's (2021) *Climate Action Plan 2050*. Available at: [https://climate-laws.org/documents/hong-kong-s-climate-action-plan-2050\\_b5b6?id=hong-kong-s-climate-action-plan-2050\\_e6250](https://climate-laws.org/documents/hong-kong-s-climate-action-plan-2050_b5b6?id=hong-kong-s-climate-action-plan-2050_e6250) (date accessed: 30.05.2024).

Howlett, R.J., Jain, L.C., Littlewood, J.R., Balas, M.M. (Eds.). (2022). *Smart and Sustainable Technology for Resilient Cities and Communities*, Singapore: Springer.

Kiotskiy (1997) *protokol k Ramochnoy konventsii Organizatsii Ob'yedinennykh Natsiy ob izmenenii klimata* [The Kyoto Protocol of the United Nations Framework Convention on Climate Change]. Available at: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/kyoto.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml) (date accessed: 30.05.2024) (in Russian).

Knox, P.L., Taylor, P.J. (Eds.). (1995). *World Cities in a World-System*, Cambridge: Cambridge University Press.

Lata, S., Souvik, T., Magradze, G., Kumar, T.A. (2022). *Intelligent Green Technologies for Sustainable Smart Cities*, Beverly: Wiley; Scrivener Publishing.

Lee, H., Romero, J. (Eds.). (2024). *Climate Change 2023: Synthesis Report. A Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*, IPCC, Geneva, Switzerland. DOI: 10.59327/IPCC/AR6-9789291691647.

London City Resilience Strategy 2020, London: Greater London Authority, February, 2020. Available at: [https://www.london.gov.uk/sites/default/files/london\\_city\\_resilience\\_strategy\\_2020\\_digital.pdf](https://www.london.gov.uk/sites/default/files/london_city_resilience_strategy_2020_digital.pdf) (date accessed: 30.05.2024).

Lowe, M. et al. (2024). A Research-based, Practice-relevant Urban Resilience Framework for Local Government, in *Local Environment: The International Journal of Justice and Sustainability*, 29 (7), 886–901. DOI: 10.1080/13549839.2024.2318571.

Mulder K., Lente H. van (Eds.). (2017). *What Is Sustainable Technology?* Abingdon; New York: Routledge.

Murthy, I.K. (2024). IPCC Work on Seventh Climate Assessment Threatened by Shorter Timelines Change, in *The Hindu*, February 12. Available at: [https://translated.turbopages.org/proxy\\_u/en-ru.ru.4a8f18e8-665935a4-a38f2c0d-74722d776562/https://www.thehindu.com/sci-tech/energy-and-environment/ipcc-bureau-ar7-climate-assessment-stocktake-timelines-explained/article67823986.ece](https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.4a8f18e8-665935a4-a38f2c0d-74722d776562/https://www.thehindu.com/sci-tech/energy-and-environment/ipcc-bureau-ar7-climate-assessment-stocktake-timelines-explained/article67823986.ece) (date accessed: 30.05.2024).

Nairobi's (2020) *Climate Action Plan 2020–2050*. Available at: <https://cdn.nation.co.ke/downloads/Nairobi-City-Climate-Action-2021.pdf> (date accessed: 30.05.2024).



One (1973) *Hundred Years of International Co-Operation in Meteorology (1873–1973). A Historical Review*, Geneva: Secretariat of the World Meteorological Organization.

Parizhskoye (2015) *soglasheniye* [The Paris Agreement]. Available at: [https://unfccc.int/files/meetings/paris\\_nov\\_2015/application/pdf/paris\\_agreement\\_russian\\_.pdf](https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf) (date accessed: 03.03.2024) (in Russian).

Potienko, N., Ahmedova, E., Karlina, A. Faerman, V. (Eds.). (2022). *Architectural, Construction, Environmental and Digital Technologies for Future Cities. Experience and Challenges from Russian Cities*, Cham: Springer.

Pradeep, T., Kaur, G. (Eds.). (2020). *Green and Smart Technologies for Smart Cities*, New York: Taylor & Francis.

Regional'nyy (2023) *plan adaptatsii Sankt-Peterburga k izmeneniyam klimata* [Regional St. Petersburg adaptation plan to climate change]. Available at: [https://www.gov.spb.ru/static/writable/documents/2023/08/03/Plan\\_adaptatsii\\_ot\\_16.06.2023.docx](https://www.gov.spb.ru/static/writable/documents/2023/08/03/Plan_adaptatsii_ot_16.06.2023.docx) (date accessed: 03.03.2024) (in Russian).

Report (1986) *of the International Conference of the Assessment of the Role of Carbon Dioxide and of Other Greenhouse Gases in Climate Variations and Associated Impacts*. World Meteorological Organization (WMO); United Nations Environment Programme (UNEP); International Council of Scientific Unions (ICSU). Available at: <https://library.wmo.int/idurl/4/28228> (date accessed: 30.05.2024).

Revi, A., Satterthwaite, D.E., Aragón-Durand, F., Corfee-Morlot, J., Kiunsi, R.B.R., Pelling, M., Roberts, D.C., Solecki, W. (2014). Urban Areas, in C.B. Field, V.R. Barros, D.J. Dokken, K.J. Mach, M.D. Mastrandrea, T.E. Bilir, M. Chatterjee, K.L. Ebi, Y.O. Estrada, R.C. Genova, B. Girma, E.S. Kissel, A.N. Levy, S. MacCracken, P.R. Mastrandrea, and L.L. White (Eds.), *Climate Change: Impacts, Adaptation, and Vulnerability. Part A: Global and Sectoral Aspects. Contribution of Working Group II to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change* (pp. 535–612), Cambridge; New York: Cambridge University Press. Available at: [https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/02/WGIIAR5-Chap8\\_FINAL.pdf](https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/02/WGIIAR5-Chap8_FINAL.pdf) (date accessed: 30.05.2024).

Smart (2022) *Climate City Strategy Vienna — Our Way to Becoming a Model Climate City*. Available at: <https://smartcity.wien.gv.at/en/strategy/> (date accessed: 30.05.2024).

Solecki, W., Roberts, D., Seto, K.C. (2024). Strategies to Improve the Impact of the IPCC Special Report on Climate Change and Cities, *Nature Climate Change*, vol. 14, 685–691. DOI: 10.1038/s41558-024-02060-9.

Sustainable (2022) *Energy and Climate Action Plan of Budapest*. Available at: [https://archiv.budapest.hu/sites/english/Documents/BP\\_klimastrategia\\_SECAP\\_EN\\_final.pdf](https://archiv.budapest.hu/sites/english/Documents/BP_klimastrategia_SECAP_EN_final.pdf) (date accessed: 30.05.2024).

The Climate (2019) *Change Adaptation Strategy for the City of Warsaw by 2030 with the Prospects Until 2050*. Available at: [https://adaptcity.pl/wp-content/uploads/2019/11/strategia\\_2030-ENG.pdf](https://adaptcity.pl/wp-content/uploads/2019/11/strategia_2030-ENG.pdf) (date accessed: 30.05.2024).

Tekhnologiya (2024) [Technology], in *Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya*. Available at: [https://old.bigenc.ru/technology\\_and\\_technique/text/4190937?ysclid=lyuieenisf328183272](https://old.bigenc.ru/technology_and_technique/text/4190937?ysclid=lyuieenisf328183272) (date accessed: 02.06.2024).

Tongyu, Z., Yi, C., Wu, D., Cheshmehzangi, A. (Eds.). (2024). *Smart Buildings and Technologies for Sustainable Cities in China*, Singapore: Springer.

Turkina, A.A. (2018). Tematicheskii analiz kak raznovidnost' diskurs-analiza: sintez sotsiologicheskogo i lingvisticheskogo podkhodov [Thematic analysis as a type of discourse analysis: synthesis of sociological and linguistic approaches], *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, ser.: Filologiya*, no. 2, 76–83. Available at: <https://journals.bsu.by/index.php/philology/article/view/267/219> (date accessed: 12.06.2024) (in Russian).

What (2023) *Is the UAE Framework for Global Climate Resilience, and How Can Countries Move It Forward?* Available at: <https://www.iisd.org/articles/deep-dive/uae-framework-global-climate-resilience> (date accessed: 30.05.2024).

---

100 (2024) *Resilient Cities*. Available at: The Rockefeller Foundation <https://www.rockefellerfoundation.org/100-resilient-cities/> (date accessed: 30.05.2024).

35 let (2023) Mezhravitel'stvennoy gruppe ekspertov po izmeneniyu klimata [35 years of the Intergovernmental Panel on Climate Change], *Fundamental'naya i prikladnaya klimatologiya*, 9 (4), 373–385 (in Russian).

# СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БИОЛОГИИ И МЕДИЦИНЫ

*ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА ВОЛОДАРСКАЯ*

доктор психологических наук, доцент,  
главный научный сотрудник  
Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова  
Российской академии наук,  
Москва, Россия;  
e-mail: eavolod@gmail.com



## Направления популяризации отечественной биологии на международных выставках во Франции в середине XX века

УДК: 159.9(075)+(092)

DOI: 10.24412/2079-0910-2024-3-200-216

Статья посвящена анализу приемов научной популяризации достижений советских биологов, используемых на международной выставке в Париже в 1961 г. В качестве источниковой базы рассматривались сценарно-тематические планы участия в этой экспозиции, предоставляемые в Научный совет по выставкам при Президиуме АН СССР институтами Отделения биологических наук, а также протоколы заседаний Научного совета по выставкам. В результате анализа документов из Архива РАН были выявлены формы показа новаторских научных результатов в области биологии, описан перечень биологических институтов, предоставивших материалы передовых для того времени направлений исследований. Обнаружена специфика использования наглядных способов трансляции информации с учетом целевых аудиторий, ориентирующихся в основном на эмоциональное восприятие или достижение познавательных целей посетителей выставки. Отмечается, что выработка стратегий продвижения знаний о науке в широком социальном контексте взаимодействия с непрофессиональным научным сообществом возможна с опорой на накопленный опыт продуктивного использования успешных приемов представления достижений отечественной науки в рамках экспозиционной деятельности Академии наук СССР.

**Ключевые слова:** научная популяризация, Научный совет по выставкам, образ науки, продвижение знания, формы показа, наглядность, тематико-экспозиционный план.

## Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-18-00564 «Советско-французские научные связи в области биологии (1930–1970-е гг.)».

## Введение

Первостепенная роль научного знания в развитии государства и эффективном функционировании общества отражена в решении о проведении Десятилетия науки и технологий в период 2022–2031 гг., в качестве приоритетных задач которого обозначены привлечение талантливой молодежи в сферу исследований и разработок, содействие участия исследователей и разработчиков в решении важнейших задач развития общества и страны; повышение доступности информации о достижениях и перспективах отечественной науки для граждан<sup>1</sup>. Для реализации Десятилетия науки и технологий было решено создать Координационный комитет, который возглавили помощник Президента Российской Федерации А.А. Фурсенко и вице-премьер Правительства Д.Н. Чернышенко. Открывая первое заседание Координационного комитета, его глава А.А. Фурсенко отметил: «От науки зависит, как мы будем развиваться дальше. За прошедший год интерес к ней существенно вырос. Но сегодня ситуация такова, что необходима не просто популяризация науки, но и сутевые изменения, которые кардинальным образом увеличивали бы роль науки в развитии страны»<sup>2</sup>.

Одной из целей усиления социального престижа исследовательской деятельности для молодых россиян, обозначенных в этой государственной программе, выступает популяризация результатов и содержания науки как системы знаний и системы коллективного профессионального труда. Среди тематических социально значимых направлений выделены такие, как: «Наука как искусство» (популяризация современного научного знания и технологических достижений через художественные формы и средства креативных индустрий); «Инфраструктура для популяризации науки и создания контента» (создание условий и стимулирующих экосистем для производства и массового распространения произведений, посвященных науке и деятельности ученых).

Значимым параметром распространения научного знания служит научная популяризация, осуществляемая не только в межличностном общении учителя и ученика, но и в специализированных изданиях и других видах СМИ. Научная популяризация отражает «процесс распространения научных знаний в современной и доступной форме для широкого круга людей, имеющих определенный уровень подготовленности для получения информации» [Макарова, 2013, с. 102]. Описаны основные принципы научной популяризации: так как научное знание приобретает

<sup>1</sup> Указ Президента РФ от 25 апреля 2022 г. № 231 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204250022> (дата обращения: 11.04.2024).

<sup>2</sup> Первое заседание Координационного комитета по празднованию 10-летия науки и технологий. Режим доступа: <http://government.ru/> (дата обращения: 19.04.2024).

социальный характер и направлено на «присвоение» гражданами, то распространение знаний в СМИ выступает способом установления контактов между наукой и обществом; принимаемые решения должны базироваться на знании фактов, а не на мнении о них; уровень научной осведомленности становится показателем компетентности личности [*Images of Science*, 1989]. Несмотря на доступность и значительный объем научного знания для неспециалистов, трудность осмысления сложных исследовательских закономерностей может дезориентировать субъекта, привести к возникновению страха неправильного понимания и использования научного результата, невозможности отличить его от псевдонаучных фактов, что, в свою очередь, снижает доверие и интерес к науке [*Ваганов*, 2018]. Ведь уровень осведомленности не означает того же уровня понимания научной информации. Поэтому основные задачи научной популяризации заключаются в просвещении, формировании общественного мировоззрения через популяризацию научного подхода к окружающей действительности, распространении научных знаний в современной и доступной форме; в установлении доверительных контактов между обществом и наукой, которая выступает его существенной характеристикой; в создании позитивного образа науки как одной из наиболее привлекательных форм человеческой деятельности [*Coepen*, 2001; *Российская наука и СМИ*, 2004; *Ваганов*, 2019].

Популяризация науки нужна не только неспециалистам для усвоения и использования научных знаний, но и самим ученым с целью собственного личностного роста. Средства научной популяризации имеют разную адресность (ученые, студенты и школьники, бизнес, органы управления и т. д.), что необходимо учитывать при изложении материала. С психологической позиции научная популяризация предполагает не только трансляцию научной информации разным целевым аудиториям, но также формирование образов ученого и науки, создание и поддержание отношения к ней.

Первый вид научной информации, ориентированный на профильную целевую группу, — специфические научные издания, предназначенные для специалистов — ученых, являющиеся ареной научных дискуссий, сохранения и приумножения интеллектуальной традиции [*Hombert*, 2004]. Другой вид СМИ — научно-популярные издания, нацеленные на перевод строго научных объяснительных схем на язык быденного восприятия, способствующего повышению у читателей интереса к научному знанию [*Navas*, 2005].

Динамика научной коммуникации включает в себя такие этапы, как: «этап ученого, когда происходит разработка научной идеи и личная коммуникация ученого с его окружением; этап научного сообщества, в ходе которого происходит движение научной идеи среди ученых; этап заинтересованных групп, когда идеи выходят за пределы научных кругов и предлагаются разным социальным группам, которые обязаны интересоваться наукой (представителям бизнеса, государства, учащимся); этап популярной науки, на котором научные идеи презентуются научной общественности; этап художественного творчества о науке, когда предметом коммуникации становятся не научные идеи, а образы и мифы об ученых и науке» [*Медведева*, 2014а, с. 281]. В настоящий момент предлагается не противопоставлять собственно науку и ее популярную версию, а описывать «единый континуум коммуникации науки на различных уровнях и с использованием разных способов общения в зависимости от контекста и стиля коммуникации» [*Медведева*, 2014b, с. 185]. Выделены следующие уровни коммуникации науки и общества: внутридисциплинарный

уровень профессиональной коммуникации ученых; междисциплинарный уровень обсуждения вопросов в рамках полипредметного научного пространства представителей разных научных дисциплин; педагогический уровень (тексты учебников); популярный уровень (популярные издания, фильмы, выставки и т. д.) [Коннов, 2014].

Социально-психологический анализ феномена научной популяризации нацелен на выявление уровней коммуникации в научной популяризации [Boltanski, Maldidier, 1977; Ваганов, 2007], культурно-исторической опосредованности содержания научно-популярных статей [Bauer, Petkova, 2000], коммуникативных барьеров между наукой и СМИ [Кокурина, 2004; Попов, 2004], особенностей использования различных каналов коммуникации: телевидение [Silverston, 1989], иллюстрации в журналах [Фандо, 2016; Freyssinet-Dominjon, 1996], кино [Медведева, 2015; Gauthier, 1996]; пресса [Мельникова, 2003; Pereira de Sa, de Oliveira Souto, Moller, 1996]<sup>3</sup>, радио [Оскольский, 2004].

Помимо традиционных каналов коммуникации, используемых в научной популяризации, сегодня активно развиваются способы, учитывающие возможности городской среды, например, билборды на дорогах, информация о науке на транспорте, в частности тематические вагоны метро, городские научные фестивали, граффити и топонимика [Володарская, 2023]. К современным разнообразным научно-популярным проектам можно отнести федеральный фестиваль *Science Bar Hopping*, проходящий в России с 2018 г., на котором ученые рассказывают о своих исследованиях в барах в центре города<sup>4</sup>. В этом году он перешел в онлайн-режим, а охват каждого пятичасового научного онлайн-марафона, который транслировался социальной сетью «ВКонтакте», составлял более чем 500 тыс. контактов. Другой пример — интернет-проект на платформе *YouTube* «Заходит ученый в бар», где ученый и популярный блогер обсуждают научную проблему за стойкой бара<sup>5</sup>. Количество просмотров шоу свидетельствует о востребованности такого формата научной коммуникации.

Разнообразие интернет-площадок, посвященных научным вопросам, также свидетельствует, с одной стороны, о динамизме поиска приемов и вариантов научной популяризации, а с другой стороны, о востребованности в обществе знания о науке и об ученых. Руководитель дирекции популяризации Фонда инфраструктурных и образовательных программ, созданного 22 октября 2010 г. на основании Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 211-ФЗ «О реорганизации Российской корпорации нанотехнологий», Сергей Филиппов полагает, что нужна «комплексная программа популяризации естественно-научных и научно-технических знаний для широкого общества. Это приведет, во-первых, к большей осознанности и снижению тревожности, во-вторых, повысит уровень лояльности к проникновению технологий и масштабной цифровизации, в-третьих, обеспечит приток талантливой молодежи в науку и технологии. У нас дефицит таких площадок, которые бы

<sup>3</sup> Яковенко И.А. Рынок научно-популярных журналов (аналитический обзор). Режим доступа: <http://pressaudit.ru/gynok-nauchno-populyarnyx-zhurnalov-analiticheskij-obzor/> (дата обращения: 30.03.2024).

<sup>4</sup> Science Bar Hopping. Available at: <https://xn--80afdrjqf7b.xn--p1ai/events/8386/> (date accessed: 10.04.2024).

<sup>5</sup> Интернет-проект «Заходит ученый в бар». Режим доступа: <https://www.youtube.com/channel/UCRbtxx-c9gCaagF-2xU5vOA> (дата обращения: 23.04.2024).



вызывали доверие и создавали возможность для выработки мнения, основанного на научных подходах. Если раньше было возможным брать тренд из прошлого, линейно протягивать в будущее и на основании этого вектора делать прогноз, то больше эта методика не работает»<sup>6</sup>.

\* \* \*

Учет логики историко-научного поиска, в частности, в рамках историко-психологического знания как части науковедения, безусловно, будет способствовать как разработке новых современных интерактивных средств общения субъекта с наглядно представленным научным результатом, так и использованию показавших свою эффективность коммуникативных приемов, понятных для восприятия как специалистами, так и людьми без предварительной профильной подготовки. Поэтому важно использовать общие методологические принципы историко-научного подхода к творческому мышлению, историзма при обосновании содержания создания нового научного знания, когда историко-научный материал рассматривается с точки зрения анализа творческого акта в условиях конкретных форм культуры. Прежде всего это принцип историзма, в соответствии с которым оценка нового осуществляется в сравнении с тем, что было сделано перед этим на данном историческом отрезке. Историко-психологическое знание возможно интерпретировать, основываясь на принципе презентизма, в рамках которого полученные результаты сопоставляются с актуальными запросами сегодняшнего дня развития науки, современными взглядами и исследовательскими принципами. Позиция антикваризма базируется на утверждении ценности конкретного научного достижения самого по себе, застывшего в определенном виде в прошлом без включения его в общую логику развития психологии и соотношения с современными воззрениями.

Нам бы хотелось опереться на введенный М.Г. Ярошевским принцип обращения к истории как творческого диалога с прошлым для осуществления категориального анализа динамики представлений о сути изучаемых психологических феноменов, когда история — это не коллекция фактов, а теория развития, исследование пути научного познания [Ярошевский, Петровский, 1998]. Творческий диалог с прошлым предполагает рассмотрение истории явления для решения возникающей сейчас исследовательской проблемы, а не просто для фиксации суммы накопленной информации.

Применение этого принципа к решению на современном уровне проблемы популяризации науки среди представителей молодого поколения создает возможность опереться на результаты, в частности, экспозиционной деятельности, которая осуществлялась Академией наук СССР и была направлена на продвижение информации о достижениях отечественной науки, пропаганду ее возможностей, создание позитивного имиджа страны как сильной державы с высоким научным потенциалом. Значимость популяризации результатов деятельности советских ученых как самостоятельной задачи проявилась в создании в 1959 г. отдельного подразделения АН СССР — Научного совета по выставкам, председателем которого был назначен академик А.Л. Курсанов. В проекте Постановления Президиума АН СССР «Об

<sup>6</sup> Мамонова Е. Почему важно популяризировать науку // Российская газета. 2020. 22 декабря. Режим доступа: <https://rg.ru/2020/12/22/pochemu-vazhno-popularizirovat-nauku.html> (дата обращения: 08.04.2024).

организации работы по подготовке выставок АН СССР и Академий наук союзных республик», подписанном Президентом АН СССР академиком А.Н. Несмеяновым и Главным ученым секретарем Президиума АН СССР академиком А.В. Топчиевым, указывается, что «участие в выставках было одним из эффективных методов реализации международных договоров о развитии культурных и научно-технических связей между странами, пропаганде достижений советской науки внутри СССР и в зарубежных странах»<sup>7</sup>. В сопроводительной справке о Научном совете по выставкам, содержащейся в приложении 2 к цитированному выше документу, отмечено: «Одной из активных форм пропаганды достижений советской науки за рубежом и в СССР является выставка наиболее актуальных научных работ»<sup>8</sup>.

Цель данного исследования заключается в описании форм показа научных результатов, использованных в рамках участия институтов Отделения биологических наук АН СССР, в частности, в Международной промышленной выставке, которая проходила в Париже с 25 августа по 20 сентября 1961 г. Проблематика советско-французских научных связей активно разрабатывается в современной истории науки [*От Атлантики до Урала*, 2015; *Barbara et al.*, 2012, 2016; *La guerre froide*, 2016; *Les sciences en guerre froide*, 2022; *Фандо*, 2023].

Источниковой базой для характеристики продвижения советской биологии на международных выставках в конце 1950-х — начале 1960-х гг. стали документы Архива Российской академии наук, описывающие деятельность Научного совета по выставкам<sup>9</sup>. В качестве основного исторического источника описания содержания и специфики представленного материала были использованы тематико-экспозиционные планы биологических институтов АН СССР, представляемые в Научный совет по выставкам и фиксирующие сценарный план участия в парижской экспозиции. Основным методом стал ретроспективный метод, позволяющий выявить тенденции в использовании форм и базовых принципов показа достижений ученых Академии наук.

Составление сценарных планов для участия в выставках, которые представлялись в Научный совет по выставкам при Президиуме АН СССР, подтверждается наличием писем, подписанных руководством отдельных учреждений, которые входили в состав Отделения биологических наук АН СССР, и адресованных Председателю Научного совета по выставкам академику А.Л. Курсанову. В письме от имени заместителя директора Института генетики доктора биологических наук профессора К.В. Косикова, датированном 13 сентября 1960 г. № 215-692, отмечается, что «Институт генетики АН СССР направляет для советской выставки достижений науки, техники и культуры в Париже экспозиционный план по следующим темам: 1) Вегетативная гибридизация растений и животных. 2) Межпородное скрещивание в товарном производстве»<sup>10</sup>. В письме от 14 сентября 1960 г. № 217-649, подписанном директором Института микробиологии членом-корреспондентом АН СССР А.А. Илименецким, указано: «В соответствии с распоряжением Президиума АН СССР № 67 от 22.08.60 “Об участии Института микробиологии в советской промышленной выставке в Париже” сообщаем план показа работ института. Раздел 5.

<sup>7</sup> Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1509. Оп. 1. Д. 125. Л. 21.

<sup>8</sup> Там же.

<sup>9</sup> АРАН. Ф. 1509. Оп. 1. Д. 690.

<sup>10</sup> АРАН. Ф. 1509. Оп. 1, Д. 90. Л. 1.

Биология. Тема: Повышение продуктивности бактерий и грибов. Основным содержанием темы будет показ методов получения новых штаммов микроорганизмов, перспективных как в теоретическом, так и в практическом отношениях, повышения их продуктивности в условиях производства. Тема включает разделы: 1) Использование радиации для: а) селекции культур-продуцентов ферментов и органических кислот; б) облучения микроорганизмов. 2) Повышение продуктивности микроорганизмов методом проточных культур: а) направленное изменение микроорганизмов путем адаптации их в условиях непрерывного культивирования; б) ускорение роста микробов посредством выращивания их на проточных средах»<sup>11</sup>.

Анализ тематических планов позволил определить, как состав участников — академические биологические институты — в рамках популяризации общей проблемы «Развитие советской науки» на выставке в Париже в 1961 г., так и конкретные аспекты отражения этой темы (табл. 1).

*Табл. 1.* Тематика участия институтов Отделения биологических наук АН СССР в международной выставке в Париже

*Table 1.* Subjects of participation of institutes of the Department of Biological Sciences of the USSR Academy of Sciences in the international exhibition in Paris

| <i>Тема</i>  | <i>Институт АН СССР</i>   |
|--|---|
| 1. Освоение пустынь и засоленных земель                        | Почвенный институт имени В.В. Докучаева   |
| 2. Научные основы мелиорации почв                              |   |
| 3. Освоение целинных земель                                    |   |
| 4. Борьба с эрозией почв                                       |   |
| 5. Освоение внутренних водоемов (их флоры и фауны)             | Институт биологии водохранилищ (в 1962 г. переименован в Институт биологии внутренних вод, с 1987 г. носит имя первого директора И.Д. Папанина) |
| 6. Повышение продуктивности бактерий и грибов                  | Институт микробиологии (с 2003 г. носит имя С.Н. Виноградского)<br>Институт биохимии имени А.Н. Баха  |
| 7. Научные основы борьбы с гнусом. Теория очаговых заболеваний | Зоологический институт  |
| 8. Межпородное скрещивание в товарном птицеводстве             | Институт генетики   |
| 9. Вегетативная гибридизация растений                          |   |
| 10. Ботанические сады СССР                                     | Главный ботанический сад (с 1991 г. носит имя основателя и первого директора Н.В. Цицина)   |
| 11. Интродукция тропических и субтропических растений          |   |
| 12. Аклиматизация южных растений в северных районах            | Ботанический институт имени В.Л. Комарова   |
| 13. Работы по засухоустойчивости и солеустойчивости            | Институт физиологии растений имени К.А. Тимирязева  |
| 14. Получение тетраплоидной гречихи                            | Институт биологической физики   |

Экспозиционная площадь, которая выделялась на раздел «Наука» на парижской выставке, составляла 1 200 м<sup>2</sup>. Выставочные материалы биологических институтов

<sup>11</sup> Там же. Л. 4.

были включены в общий раздел «Человек преобразует природу»<sup>12</sup>. Перечисление тем, включенных в сценарный план трансляции на выставке в Париже, позволяет понять, какие именно результаты считались в начале 60-х гг. прошлого века передовыми для отечественных биологов академического сектора советской науки. Но этот специализированный предметный анализ направлений биологического поиска выходит за рамки осуществленного нами исследования. Наш фокус сосредоточен на характеристике способов и приемов популяризации достижений отечественной биологической науки в рамках международной экспозиции.

Принципы показа достижений отечественной науки на международных выставках, изменение акцентов в способах популяризации советской науки с учетом закономерностей визуального канала восприятия информации как основного на таких научных форумах подтверждаются материалами протоколов заседаний Научного совета по выставкам. По результатам заседания 14 сентября 1960 г. постановили: «Тему “Развитие советской науки” предпочтительнее показывать в форме научно-популярного кинофильма, продолжительностью 10 минут для пристендового показа и до 30 минут для показа в кинозале. В теме должны быть показаны достижения исследователей в соответствующей области, а не только приборы. В графических и фотоматериалах необходимо показывать путь советского человека в науку, сказать о людях в науке. Недопустимо большое количество схем и макетов. Художественное оформление должно быть выдержано в мягких, естественных тонах»<sup>13</sup>.

Решения Научного совета по выставкам обосновывают новые задачи в принципах и формах продвижения научного знания на выставках. «Надо свести к минимуму форму показа в плакатах — как устаревший прием, требующий больших расходов для одноразового показа. Надо стремиться к внедрению передовых форм — большеразмерные цветные диапозитивы, кинопоказ, музыкальное и световое сопровождение показа», — отражено в протоколе заседания Научного совета по выставкам от 25 января 1960 г.<sup>14</sup> В этом же документе раскрываются направления экспозиционного показа советской науки, выделенные с учетом запросов целевой аудитории, а именно: посетителей без специальных знаний и посетителей со специальными знаниями. Этот существенный аспект учитывает уровень подготовленности к восприятию экспонатов выставки и их влияние на результат посещения. «Для посетителей, не имеющих специальной подготовки, содержание и оформление рассчитывается, главным образом, на эмоциональное восприятие с использованием в основном только научных экспонатов и популярных плакатов без показа научных основ самих достижений. Необходимо для каждой экспонируемой комплексной проблемы создать определяющий ее содержание экспонат, доступный восприятию только эмоциональным путем. Для эмоционального восприятия недостаточно одного образа, нужен известный комплекс экспонатов, рассчитанных по содержанию и оформлению на такое восприятие. В показе можно применять любые формы — мультфильмы, макеты, свет, звук и т. д. Для иллюстрации научного содержания нужно показывать и действующие приборы, но не в большом количестве, наиболее

<sup>12</sup> Там же. Л. 59.

<sup>13</sup> АРАН. Ф. 1509. Оп. 1. Д. 631. Л. 12.

<sup>14</sup> Там же. Л. 15.

интересные и доступные для понимания посетителей, не имеющих специальных знаний»<sup>15</sup>.

Второй план экспозиционной деятельности направлен на познавательные цели посетителей со специальными знаниями. В этом же документе читаем: «Здесь, наряду с показом проблемы по эмоциональному плану, должны экспонироваться приборы, имеющие принципиально новое значение в схеме своего построения и применения. Приборы должны сопровождаться необходимыми характеристиками. Если экспонируются новые процессы, то они должны быть такими, чтобы дать специалисту что-то новое, полезное для его работы. При этой форме показа надо обязательно экспонировать новую научную литературу. Академия наук демонстрирует результаты своих научных исследований. Они должны стать основным предметом показа. Показ приборов, с помощью которых проводились экспонируемые научные исследования, должен быть органически целым в показе результатов исследования по экспонируемой научной проблеме, но не затенять, а иллюстрировать и дополнять их показ. Целесообразно ограничить показ небольшим количеством крупных комплексных проблем»<sup>16</sup>.

Результаты изучения этого архивного документа свидетельствуют о многоплановости использования экспозиционных площадей с учетом запросов разных групп посетителей и особенностей восприятия ими научной информации.

На следующем этапе нашего исследования было осуществлено изучение конкретных приемов, используемых в научной популяризации на выставке в Париже (табл. 2).

Новым приемом пропаганды достижений советских биологов стал показ специально подготовленных для этой экспозиции научно-популярных фильмов. Активное использование метода трансляции тематических кинофильмов характерно в середине — второй половине XX в. не только для биологии, но и для всей отечественной науки. Метафорически этот исторический этап называют «золотым веком» научно-популярного документального кино, расцветом документалистики об ученых и их деятельности.

Остановимся подробнее на анализе приемов научной популяризации на примере фильма на тему «Пшенично-пырейные гибриды академика Н.В. Цицина», автором сценария которого стал старший научный сотрудник Главного ботанического сада АН СССР Д.В. Горюнов<sup>17</sup>. Сочетание изображения, музыкального сопровождения и дикторского текста было призвано усилить значимость и ценность теории и практики отдаленной гибридизации, разработанной в СССР И.В. Мичуриным и продолженной и развиваемой академиком Н.В. Цициным. Вначале зрителю крупным планом демонстрируют поле колосящейся пшеницы и отдельные участки полегшей, изреженной, тощей, пораженной различными заболеваниями зерновой культуры. В сочетании с закадровым текстом, объясняющим причины и варианты недостатков этого растения, обосновывается необходимость ее «капитального улучшения», актуальность скрещивания колосьев пшеницы и дикого пырея для выведения новых сортов, чему и будет посвящена основная часть сюжетной линии фильма.

<sup>15</sup> Там же. Л. 16.

<sup>16</sup> Там же.

<sup>17</sup> АРАН. Ф. 1509. Оп. 1. Д. 59. Л. 14.

*Табл. 2. Формы показа достижений ученых биологических институтов АН СССР на выставке в Париже*

*Table 2. Forms for displaying the achievements of scientists from biological institutes of the USSR Academy of Sciences at an exhibition in Paris*

| <b>Форма</b>                | <b>Пример</b>   |
|-----------------------------|---|
| Кинофильм                   | «В чудесном саду», «Пшенично-пырейные гибриды академика Н.В. Цицина», «Эрозия почв», «Работа с сухой установкой для анализа физиологии засухоустойчивости и методов ее диагностики», «О фототроне», «Применение люминесцентной микроскопии в микробиологии», «Превращение неплодородных почв в плодородные» |
| Карты                       | Карта мира с привлечением растительных ресурсов из различных районов их происхождения в международном сотрудничестве с зарубежными ботаническими центрами.<br>Почвенная карта СССР 1960 г.  |
| Художественные панно        | Изображение крупных обобщенных фрагментов преобразования человеком природы в потребительский период взаимодействия с природными богатствами; развития и обогащения природных ресурсов на благо человека; перспективы расширения природных богатств на основе вмешательства науки                            |
| Фотографии и фотомонтаж     | Развитие саженца дерева какао в не обогреваемых зимой оранжереях Гагринского ботанического сада.<br>Новые формы южных культур при акклиматизации в северных районах страны  |
| Рисунки                     | Использование метода гравийных культур для создания почвенной засухи. Методы диагностики жароустойчивости культур.<br>Механизм токсического и осмотического (проникающего, всасывающего) действия солей на растения   |
| Диаграммы, графики, таблицы | Изменение окраски оперения цыплят разных поколений скрещивания. Интенсивность накопления коллекций в Главном ботаническом саду.<br>Рост обменного фонда, в частности, семян, Государственного ботанического сада АН СССР.<br>Урожайность бахчевых и овощных культур при использовании микроэлементов        |
| Диапозитивы, диафильмы      | Ботанические сады — центры зонального значения  |
| Натуральные экспонаты       | Натуральные перья кур разной породы.<br>Плоды дерева какао и продукты, производимые из плодов какао-бобов (конфеты, шоколад)  |
| Муляжи                      | Снопцы растений в натуральную величину диплоидной и экспериментально полученной тетраплоидной гречихи.<br>Техника прививки для изменения наследственности растений томатов  |
| Приборы                     | Приборы по изучению эрозии почвы.<br>Микроскоп с охлажденным столиком.<br>Люминесцентный микроскоп.<br>Осветитель с набором светофильтров   |
| Макеты                      | Фитотрон  |
| Текст                       | Повышение солеустойчивости растений.<br>Понятие холодостойкости растений.<br>Методы получения практически ценных форм микроорганизмов   |



Сразу демонстрируются результаты гибридизации: «...руки раскладывают на столе крупные и безостные<sup>18</sup>, многоцветковые колосья пшенично-пырейных гибридов»<sup>19</sup>.

Усиление действенности донесения до зрителя серьезного прорыва академика Н.В. Цицина по выведению новых вариантов пшеницы становится возможным через демонстрацию в большом количестве эпизодов человеческих рук, которые можно рассматривать как аллегория заботы, тепла, труда. Подобный художественный прием использован следующим образом: руки вносят в кадр два хлеба; руки разрезают хлеб и сравнивают два образца хлеба; руки с колосьями пшеницы и пырея; рука демонстрирует пышность хлеба из нового сорта. Использован способ демонстрации противопоставления при сравнении прежнего и гибридного варианта отдельных колосьев, снопов и полей. Подобное усиление масштаба наглядности было призвано подтвердить неоспоримое преимущество и значительность работ Н.В. Цицина, предполагающих распространение по всей стране. Для подтверждения этой идеи в фильме использован метод мультипликации, когда на карте СССР видна движущаяся черта, указывающая на зоны возделывания озимых гибридов, а закадровый голос сообщает: «Сотни тысяч гектаров в СССР засеиваются гибридным зерном, озимые районированы в 17 краях и областях разных республик Советского Союза, и в Прибалтике, и в Казахстане»<sup>20</sup>.

Продвижение информации о личности академика Н.В. Цицина как человека науки, величине его научных достижений также решается в фильме. Это достигается через совмещение по времени кадров из картины «Великий преобразователь природы» (1955, режиссер Б.Ф. Светозаров, студия «Центрнаучфильм»), где И.В. Мичурин выступает на торжественном собрании по случаю 60-летия своей деятельности, и следующего за этим эпизода, в котором академик Н.В. Цицин рассказывает аудитории о мичуринском учении и разработанных методах. Сходство моделей построения кадров фильма призвано усилить высокую оценку труда и доверие как к самому академику, так и к содержанию его деятельности как ученика и преемника дела И.В. Мичурина. Анализ художественного воплощения образа И.В. Мичурина представлен в фильме «Мичурин» (1948, режиссер А.П. Довженко, киностудия «Мосфильм») [Собисевич, 2022].

Цель создания образа Советского Союза как передовой державы с высоким научным потенциалом, применяемым для улучшения жизни людей, успешно достигается в финале картины через демонстрацию «изобильно плодоносящих садов, полей хлопчатника и пшеницы с поющими шеренгами молодежи с плакатами о мире на разных языках», а также фрагментом выступления И.В. Цицина со словами о том, что «задача ученых — широко применять отдаленные скрещивания, особенно культурных растений с дикорастущими, для улучшения и обновления ассортимента культурных растений, для создания изобилия продовольствия для населения мира»<sup>21</sup>. (В данной статье мы не касаемся сути научных взглядов Н.В. Цицина и изме-

<sup>18</sup> Ость — тонкий заостренный отросток на цветковой или колосковой чешуе у растений. Безостная — сорт пшеницы, у которой из-за отсутствия остей не накапливается избыточная влага, способствующая распространению болезней.

<sup>19</sup> АРАН. Ф. 1509. Оп. 1. Д. 59. Л. 15.

<sup>20</sup> Там же. Л. 16.

<sup>21</sup> Там же. Л. 17.

нений его исследовательских позиций сообразно переменам политического климата в стране.)

Итак, хотя создание новых приемов и способов популяризации науки становится существенной задачей сегодняшнего дня, анализ «языка» продуктивного общения научного сообщества и общества в целом в предыдущие исторические периоды деятельности отечественных ученых может значительно способствовать как модификации доказавших свою значимость методов популяризации, так и обоснованию актуальных коммуникативных моделей.

\* \* \*

Таким образом, осуществленный анализ форм показа научных результатов, использованных в рамках участия институтов Отделения биологических наук АН СССР в Международной промышленной выставке в Париже (1961), позволяет сформулировать следующие выводы:

Научная популяризация, пропаганда достижений отечественной биологической науки на международной арене предполагает разработку специальных принципов и форм показа передовых результатов советской науки в рамках экспозиционной деятельности АН СССР.

Утверждение тематико-экспозиционных планов участия учреждений Академии наук, в частности институтов биологического профиля, в выставке в Париже в 1961 г. подтверждает значимость специализированной деятельности Научного совета по выставкам при Президиуме АН СССР по подготовке и организации демонстрации научных достижений.

Представлено разграничение наглядных форм продвижения информации о науке для разных аудиторий посетителей выставки — имеющих и не имеющих предварительную специализированную подготовку в соответствующей области знания. Для группы специалистов акцент ставится на достижения их познавательных целей через увеличение уровня осведомленности именно о новых результатах на основе расширения содержания для переработки новой научной информации, усилении роли когнитивного контакта с наукой на уровне понимания, осмысления, суждений и умозаключений. Для посетителей-неспециалистов акцент должен переноситься на эмоциональное восприятие и расширение чувственного опыта, побуждение к проявлению таких чувств, как удивление, восхищение, интерес, любопытство, гордость, удовлетворенность, уважение, симпатия и т. д., так как эмоциональный фон приводит к формированию отношения субъекта к науке и ученым.

Использованные на выставке в Париже формы представления научных материалов в области биологии свидетельствуют об акцентах на динамических вариантах трансляции информации — кинофильмах.

Формы представления научных достижений советской биологической науки на международных выставках обоснованы необходимостью усиления популярности и доходчивости в восприятии и понимании материалов, поддержания и формирования положительного отношения к работе ученых.

## Источники

Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1509. Оп. 1. Д. 59, 90, 125, 631.

Интернет-проект «Заходит ученый в бар». Режим доступа: <https://www.youtube.com/channel/UCRbtxx-c9gCaagF-2xU5vOA> (дата обращения: 23.04.2024).

*Мамонова Е.* Почему важно популяризировать науку // Российская газета. 2020. 22 декабря. Режим доступа: <https://rg.ru/2020/12/22/pochemu-vazhno-populiarizirovat-nauku.html> (дата обращения: 08.04.2024).

Первое заседание Координационного комитета по празднованию 10-летия науки и технологий. Режим доступа: <http://government.ru/> (дата обращения: 19.04.2024).

Указ Президента РФ от 25 апреля 2022 г. № 231 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204250022> (дата обращения: 11.04.2024).

*Яковенко И.А.* Рынок научно-популярных журналов (аналитический обзор). Режим доступа: <http://pressaudit.ru/gynok-nauchno-populyarnyx-zhurnalov-analiticheskij-obzor/> (дата обращения: 30.03.2024).

Science Bar Hopping. Available at: <https://xn--80afdrjqf7b.xn--plai/events/8386/> (date accessed: 10.04.2024).

## Литература

*Ваганов А.Г.* Научно-популярная журналистика и престиж науки в общественном сознании // Российский химический журнал (ЖРХО им. Д.И. Менделеева). 2007. Т. 51. № 3. С. 86–90.

*Ваганов А.Г.* Человек не пользуется технологиями — он живет ими // Энергия, экономика, техника, экология. 2018. № 8. С. 77–80.

*Ваганов А.Г.* Кто в России хочет быть ученым // Энергия, экономика, техника, экология. 2019. № 2. С. 62–65.

*Володарская Е.А.* Наука в городе: позиционирование науки средствами визуальной культуры // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2023. М.: ИИЕТ РАН, 2023. С. 266–269.

*Кокурина Е.В.* Особенности перевода с «научного» // Российская наука и СМИ / Ред. Ю.Ю. Черный, К.Н. Костюк. М.: Изд-во фонда им. К. Аденауэра, 2004. С. 97–101.

*Коннов В.И.* Социально-психологические основы национальной научно-исследовательской культуры // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 5. С. 9–27.

*Макарова Е.А.* Популяризация науки в интернете: содержание, формы, тенденции развития // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2013. № 2. С. 101–107.

*Медведева С.М.* От научного творчества к популяризации науки: теоретическая модель научной коммуникации // Вестник МГИМО-Университета. 2014а. № 4. С. 278–286.

*Медведева С.М.* Российская наука и государство: образ ученого в современном российском кино // Вестник МГИМО-Университета. 2014б. № 2. С. 184–192.

*Медведева С.М.* Самопожертвование ученого в изображении отечественного кино // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 5. С. 231–239.

*Мельникова О.Т.* Фокус-группы в маркетинговом исследовании: методология и техники качественных интервью. М.: Академия, 2003. 264 с.

*Оскольский А.А.* Наука на радио: опыт авторской программы // Российская наука и СМИ / Ред. Ю.Ю. Черный, К.Н. Костюк. М.: Изд-во фонда им. К. Аденауэра, 2004. С. 187–193.

*Попов С.Б.* Просто о сложном // Российская наука и СМИ / Ред. Ю.Ю. Черный, К.Н. Костюк. М.: Изд-во фонда им. К. Аденауэра, 2004. С. 112–117.

Российская наука и СМИ / Ред. Ю.Ю. Черный, К.Н. Костюк. М.: Изд-во фонда им. К. Аденауэра, 2004. 448 с.

*Собисевич А.В.* Конструируя образец идеального советского ученого: обзор документов о создании фильма «Мичурин» режиссера А.П. Довженко // Историко-биологические исследования. 2022. Т. 14. № 2. С. 94–108. DOI: 10.24412/2076-8176-2022-2-94-108.

*Фандо Р.А.* Научная карикатура как зеркало настроений ученого сообщества: сатирический журнал зоологов Московского университета // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. Т. 37. № 1. С. 27–49.

*Фандо Р.А.* Советско-французские научные связи (1920–1930-е гг.). М.: Янус-К, 2023. 219 с.

*Яковенко И.А.* Рынок научно-популярных журналов (аналитический обзор). Режим доступа: <http://pressaudit.ru/gynok-nauchno-populyarnyx-zhurnalov-analiticheskij-obzor/> (дата обращения: 30.03.2024).

*Ярошевский М.Г. Петровский А.В.* Основы теоретической психологии. М.: Инфра-М, 1998. 525 с.

*Barbara J.-G., Dupont J.-C, Kolchinsky E.I., Loskutova M.V.* Russian-French Links in Biology and Medicine. S.-Pétersbourg, Nestor-Historia, 2012. 204 p.

*Barbara J.-G., Dupont J.-C, Kolchinsky E.I., Loskutova M.V.* Biologie et médecine en France et en Russie. Histoires croisées (XIXe — XXe siècle). Paris: Hermann Éditeurs, 2016. 241 p.

*Bauer M.W., Petkova Kr.* Long-term Trends in the Public Representation of Science across the “Iron Curtain” — 1946–1995 // Science, Technology and Human Values. 2000. Vol. 52. No. 25. P. 31–51.

*Boltanski L., Maldidier P.* La vulgarisation scientifique et son public. Paris: Edition de la Maison des sciences de l’Homme, 1977. 97 p.

*Coenen H.* Recherche-action: rapports entre chercheurs et acteurs // Revue internationale de psychosociologie. 2001. Vol. 7. No. 16–17. P. 19–32.

*Freyssinet-Dominjon J.* Le monde enseignant dans “Le monde de l’éducation” (1899–1994). Approche rhétorique de l’image dessinée du professeur // Recherche et formation. 1996. No. 21. P. 23–36.

*Gauthier G.* La représentation des enseignants dans le cinéma français (1964–1994) // Recherche et formation. 1996. No. 21. P. 43–56.

*Hombert J.M.* Les revues en sciences humaines et sociales // Sciences de l’homme et de la société. 2004. No. 69. P. 3–9.

Images of Science. Scientific Practice and the Public / Ed. S.J. Doorman. Gower: Hants, 1989. 269 p.

La guerre froide et l’internationalisation des sciences. Acteurs, réseaux et institutions / Dir. C. Defrance, A. Kwaschik. Paris: CNRS Éditions, 2016. 219 p.

Les sciences en guerre froide, 1946–1990. France — Union soviétique et pays de l’Est / Dir. C. Debru. Hüniguingue, Presses universitaires Rhin & Danube, 2022. 523 p.

*Navas M.* Représentation sociale de la recherche à l’université: étude auprès d’étudiants inscrits en première année de biologie et de sociologie // Mémoire de Master en psychologie sociale de l’Université de Montpellier. Montpellier: Presse de l’Université de Montpellier, 2005. 82 p.

*Pereira de Sa C., de Oliveira Souto S., Moller R.C.* La représentation sociale de la science par des consommateurs et des non-consommateurs de la vulgarisation scientifique // Les cahiers internationaux de psychologie sociale. 1996. No. 29. P. 29–38.

*Silverston R.* Science and the Media: The Case of Television // Images of Science: Scientific Practice and the Public / Ed. S.J. Doorman. Gower: Hants, 1989. P. 187–211.

*Sullerot Ev.* Images des enseignants dans plus de 40 films des années 1942–1962 // Recherche et formation. 1996. No. 21. P. 37–42.

## Directions for Popularizing Domestic Biology at International Exhibitions in France in the Mid-20<sup>th</sup> Century

*ELENA A. VOLODARSKAYA*

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology  
of the Russian Academy of Sciences,  
Moscow, Russia;  
e-mail: eavolod@gmail.com

The article is devoted to the analysis of the methods of scientific popularization of the achievements of Soviet biologists used at the international exhibition in Paris in 1961. As a source base the author uses the scenario and thematic plans for participation in this exhibition, submitted to the Scientific Council on Exhibitions under the Presidium of the USSR Academy of Sciences by the institutes of the Department of Biological Sciences, as well as minutes of meetings of the Scientific Council for Exhibitions. As a result of the analysis of documents from the Archive of the Russian Academy of Sciences, forms of displaying innovative scientific results in the field of biology were identified, a list of biological institutes that provided materials and areas of research that were advanced at that time were described. The specificity of using visual methods of transmitting information has been discovered, taking into account target audiences who are focused mainly on the emotional perception or achievement of cognitive goals of exhibition visitors. It is noted that the development of strategies for promoting knowledge about science in a broad social context of interaction with the non-professional scientific community is possible based on the accumulated experience of productive use of successful techniques for presenting the achievements of domestic science within the framework of the exhibition activities of the USSR Academy of Sciences.

**Keywords:** scientific popularization, Scientific Council for Exhibitions, image of science, promotion of knowledge, forms of display, visibility, thematic and exhibition plan.

### Acknowledgment

The research was carried out with support from the Russian Science Foundation (RSF) according to the research grant No. 22-18-00564 “Soviet–French scientific relations in the field of biology (1930–1970)”.

### References

- Arkhiv Rossiyskoy akademii nauk (ARAN) [Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAS)], f. 1509, op. 1, d. 59, 90, 125, 631 (in Russian).
- Barbara, J.-G., Dupont, J.-C, Kolchinsky, E.I., Loskutova, M.V. (2012). *Russian-French Links in Biology and Medicine*, Saint-Petersbourg: Nestor-Historia.
- Barbara, J.-G., Dupont, J.-C, Kolchinsky, E.I., Loskutova, M.V. (2016). *Biologie et médecine en France et en Russie. Histoires croisées (XIXe – XXe siècle)*, Paris: Hermann Éditeurs (in French).
- Bauer, M.W., Petkova, Kr. (2000). Long-term Trends in the Public Representation of Science across the “Iron Curtain” — 1946–1995, *Science, Technology and Human Values*, 52 (25), 31–51.

Boltanski, L., Maldidier, P. (1977). *La vulgarisation scientifique et son public*, Paris: Edition de la Maison des sciences de l'Homme (in French).

Cherny, Yu.Yu., Kostyuk, K.N. (Eds.) (2004). *Rossiyskaya nauka i SMI* [Russian science and media], Moskva: Izdatel'skiy dom fonda K. Adenauera (in Russian).

Coenen, H. (2001). Recherche-action: rapports entre chercheurs et acteurs, *Revue internationale de psychosociologie*, 7 (16–17), 19–32 (in French).

Debru, C. (Dir.) (2022). *Les sciences en guerre froide, 1946–1990. France — Union soviétique et pays de l'Est*, Huningue, Presses universitaires Rhin & Danube (in French).

Defrance, C., Kwaschik, A. (Dirs.) (2016). *La guerre froide et l'internationalisation des sciences. Acteurs, réseaux et institutions*, Paris: CNRS Éditions (in French).

Doorman, S.J. (Ed.) (1989). *Images of Science. Scientific Practice and the Public*, Gower: Hants.

Fando, R.A. (2016). Nauchnaya karikatura kak zerkalo nastroyeniy uchenogo soobshchestva: satiricheskiy zhurnal zoologov Moskovskogo universiteta [Scientific cartoon as a mirror of the mood of the scientific community: a satirical magazine of zoologists of Moscow University], *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki*, 37 (1), 27–49 (in Russian).

Fando, R.A. (2023). *Sovetsko-frantsuzskiy nauchnyye svyazi (1920–1930-ye gg.)* [Soviet-French scientific relations (1920–1930s)], Moskva: Janus-K (in Russian).

Freyssinet-Dominjon, J. (1996). Le monde enseignant dans “Le monde de l'éducation” (1899–1994). Approche rhétorique de l'image dessinée du professeur, *Recherche et formation*, no. 21, 23–36 (in French).

Gauthier, G. (1996). La représentation des enseignants dans le cinéma français (1964–1994), *Recherche et formation*, no. 21, 43–56 (in French).

Hombert, J.M. (2004). Les revues en sciences humaines et sociales, *Sciences de l'homme et de la société*, no. 69, 3–9 (in French).

Internet-proyekt “Zakhodit uchenyy v bar” [Internet project “A scientist walks into a bar”]. Available at: <https://www.youtube.com/channel/UCRbttx-c9gCaagF-2xU5vOA> (date accessed: 04.23.2024) (in Russian).

Kokurina, E.V. (2004). Osobennosti perevoda s “nauchnogo” [Features of translation from “scientific”], in Yu.Yu. Cherny, K.N. Kostyuk (Eds.), *Rossiyskaya nauka i SMI* [Russian science and media] (pp. 97–101), Moskva: Izdatel'skiy dom fonda K. Adenauera (in Russian).

Konnov, V.I. (2014). Sotsial'no-psikhologicheskiye osnovy natsional'noy nauchno-issledovatel'skoy kul'tury [Socio-psychological foundations of national scientific research culture], *Psikhologicheskiy zhurnal*, 35 (5), 19–27 (in Russian).

Makarova, E.A. (2013). Populyarizatsiya nauki v internete: sodержaniye, formy, tendentsii razvitiya [Popularization of science on the Internet: content, forms, development trends], *Vestnik Moskovskogo universiteta, ser. 10: Zhurnalistika*, no. 2, 101–107 (in Russian).

Mamonova, E. (2020). Pochemu vazhno populyarizirovat' nauku [Why is it important to popularize science], *Rossiyskaya gazeta*, December 22. Available at: <https://rg.ru/2020/12/22/pochemu-vazhno-populyarizirovat-nauku.html> (date accessed: 08.04.2024) (in Russian).

Medvedeva, S.M. (2014a). Ot nauchnogo tvorchestva k populyarizatsii nauki: teoreticheskaya model' nauchnoy kommunikatsii [From scientific creativity to the popularization of science: a theoretical model of scientific communication], *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 4, 278–286 (in Russian).

Medvedeva, S.M. (2014b). Rossiyskaya nauka i gosudarstvo: obraz uchenogo v sovremennom rossiyskom kino [Russian science and the state: the image of a scientist in modern Russian cinema], *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 2, 184–192 (in Russian).

Medvedeva, S.M. (2015). Samopozhertvovaniye uchenogo v izobrazhenii otechestvennogo kino [Self-sacrifice of a scientist in the depiction of Russian cinema], *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 5, 231–239 (in Russian).

Melnikova, O.T. (2003). *Fokus-gruppy v marketingovom issledovanii: metodologiya i tekhniki kachestvennykh interv'yu* [Focus groups in marketing research: qualitative interview methodology and techniques], Moskva: Akademiya (in Russian).



Navas, M. (2005). *Representation sociale de la recherche a l' université: etude aupres d'etudiants inscrits en première année de biologie et de sociologie*, Memoire de Master en psychologie sociale de l'Université de Montpellier, Montpellier: Presse de l'Université de Montpellier (in French).

Oskolsky, A.A. (2004). Nauka na radio: opyt avtorskoy programmy [Science on the radio: experience of the author's program], in Yu.Yu. Cherny, K.N. Kostyuk (Eds.), *Rossiyskaya nauka i SMI* [Russian science and media] (pp. 187–193), Moskva: Izdatel'skiy dom fonda K. Adenauera (in Russian).

Pereira, de Sa C., de Oliveira Souto, S., Moller, R.C. (1996). La représentation sociale de la science par des consommateurs et des non-consommateurs de la vulgarisation scientifique, *Les cahiers internationaux de psychologie sociale*, no. 29, 29–38 (in French).

Pervoye zasedaniye Koordinatsionnogo komiteta po prazdnovaniyu 10-letiya nauki i tekhnologii [The first meeting of the Coordination Committee to celebrate the 10<sup>th</sup> anniversary of science and technology]. Available at: <http://government.ru/> (date accessed: 04.19.2024) (in Russian).

Popov, S.B. (2004). Prosto o slozhnom [Just about the complex], in Yu.Yu. Cherny, K.N. Kostyuk (Eds.), *Rossiyskaya nauka i SMI* [Russian science and media] (pp. 112–117), Moskva: Izdatel'skiy dom fonda K. Adenauera (in Russian).

Science Bar Hopping. Available at: <https://xn--80afdrjqf7b.xn--p1ai/events/8386/> (date accessed: 10.04.2024).

Silverston, R. (1989). Science and the Media: The Case of Television, in S.J. Doorman (Ed.), *Images of Science: Scientific Practice and the Public* (pp. 187–211), Gower: Hants.

Sobisevich, A.V. (2022). Konstruiruya obrazets ideal'nogo sovetского uchonogo: obzor dokumentov o sozdanii fil'ma “Michurin” rezhissera A.P. Dovzhenko [Constructing a model of an ideal Soviet scientist: a review of documents on the creation of the film “Michurin” directed by A.P. Dovzhenko], *Istoriko-biologicheskkiye issledovaniya*, 14 (2), 94–108 (in Russian).

Sullerot, Ev. (1996). Images des enseignants dans plus de 40 films années 1942–1962, *Recherche et formation*, no. 21, 37–42 (in French).

Ukaz Prezidenta RF ot 25 aprelya 2022g. № 231 “Ob ob'yavlenii v Rossiyskoy Federatsii Desyatiletiya nauki i tekhnologii” [Decree of the President of the Russian Federation of April 25, 2022 No. 231 “On the announcement of the Decade of Science and Technology in the Russian Federation”]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204250022> (date accessed: 04.11.2024) (in Russian).

Vaganov, A.G. (2007). Nauchno-populyarnaya zhurnalistika i prestizh nauki v obshchestvennom soznanii [Popular science journalism and the prestige of science in the public consciousness], *Rossiyskiy khimicheskiy zhurnal*, 51 (3), 86–90 (in Russian).

Vaganov, A.G. (2018). Chelovek ne pol'zuyetsya tekhnologiyami — on zhivet imi [A person does not use technology — he lives by it], *Energiya, ekonomika, tekhnika, ekologiya*, no. 8, 77–80 (in Russian).

Vaganov, A.G. (2019). Kto v Rossii khochet byt' uchenym [Who in Russia wants to be a scientist], *Energiya, ekonomika, tekhnika, ekologiya*, no. 2, 62–65 (in Russian).

Volodarskaya, E.A. (2023). Nauka v gorode: pozitsionirovaniye nauki sredstvami vizual'noy kul'tury [Science in the city: positioning science through visual culture], in *Institut istorii yestestvoznaniya i tekhniki im. S.I. Vavilova. Godichnaya nauchnaya konferentsiya, 2023* [S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology. Annual scientific conference, 2023] (pp. 266–269), Moskva: IIET RAN (in Russian).

Yakovenko, I.A. (2016). *Rynok nauchno-populyarnykh zhurnalov (analiticheskiy obzor): Lektsiya* [The market for popular science magazines (analytical review): Lecture]. Available at: <http://pressaudit.ru/rynok-nauchno-populyarnyx-zhurnalov-analiticheskij-obzor/> (date accessed: 03.30.2024) (in Russian).

Yaroshevsky, M.G. Petrovsky, A.V. (1998). *Osnovy teoreticheskoy psikhologii* [Fundamentals of theoretical psychology], Moskva: Infra-M (in Russian).

## ***Юлия Владимировна Кирик***

кандидат медицинских наук,  
доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения  
Дальневосточного государственного  
медицинского университета Минздрава РФ,  
Хабаровск, Россия;  
e-mail: swan\_look@mail.ru  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9395-5054>



## **Теоретические подходы социальной патологии в академической литературе Германии (1910–1930)**

УДК: 61 (091)+614.2 : 316.3 (430) «1910-1930»

DOI: 10.24412-2079-0910-2024-3-217-230

В начале XX в. немецкая академическая наука представила новые теоретические концепции в области социально-гигиенической мысли, которые получили признание на международном уровне. Эти идеи оказали значительное влияние на развитие науки социальной гигиены, в том числе и в России. Позже эта наука была переименована в «общественное здоровье». Несмотря на важность темы социальной патологии для понимания общественного здоровья, исторические научные основы этой области до сих пор остаются недостаточно изученными и мало представлены в научных публикациях.

Альфред Гротьян оставил свой след в истории не только как основатель социальной гигиены, но и как создатель концепции социальной патологии, исследующей взаимосвязь между заболеваниями и обществом. Он предложил методологию и научные методы изучения этой проблемы. Они были представлены в монографии, опубликованной в 1912 г.

В период Веймарской республики в 1920-х гг. новое поколение социал-гигиенистов решило развить идеи Гротьяна, изложив их в шеститомном руководстве «Социальная гигиена и здравоохранение». Такие заболевания, как туберкулез, венерические болезни и алкоголизм, были выделены в отдельную группу для более детального исследования из-за их распространенности и серьезных последствий, особенно во время и после Первой мировой войны.

В этой статье мы проанализировали научное наследие Гротьяна в контексте развития теории социальной патологии и рассмотрели развитие его идей в немецкой академической литературе 1920-х гг.

**Ключевые слова:** история, общественное здоровье, социальная гигиена, социальная патология, Альфред Гротьян, Германия.

## Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 19-18-00031 «“Мягкая сила” советской медицины: передача знаний, технологий и идеологий в международных связях Наркомздрава РСФСР (1921–1947)».

Автор выражает благодарность д. м. н., профессору кафедры общественного здоровья и здравоохранения Дальневосточного государственного медицинского университета Павлу Эдуардовичу Ратманову за ценные научные консультации во время проведения исследования и написания статьи.

Теория социальной патологии давно привлекает внимание исследователей и остается актуальной в научном мире общественного здоровья. Ее главная цель — понять, как социальные факторы и условия жизни влияют на здоровье и благополучие людей. Исследователи в этой области стремятся не только выявить социальные факторы, но и понять, как они взаимодействуют в социальной среде и как это влияет на здоровье отдельных людей и общества в целом.

Значительный вклад в развитие теории внес немецкий социал-гигиенист и гуманист Альфред Гротьян (*Alfred Grotjahn*, 1869–1931). Он предложил свою методологическую парадигму для изучения социальной патологии в начале 1910-х гг. Немецкие авторы, такие как М. Хубенсторф (*Michael Hubenstorf*, род. 1954), Г. Баадер (*Gerhard Baader*, 1928–2020), М.К. Гордон (*Myron Kantorowicz Gordon*, 1895–1977), К. Рот (*Karl Heinz Roth*, род. 1942), активно занимались исследованием и описанием идей Гротьяна в своих теоретических и полемических работах [*Gordon*, 1931; *Baader*, 2005; *Hubenstorf*, 2005; *Roth*, 2005].

В 1920-х гг. сторонники идей Гротьяна активно работали над пересмотром его научных концепций, помещая их в новые контексты, чтобы обновить и расширить теоретическую базу. Период непосредственно после Первой мировой войны открыл уникальные возможности для переосмысления социальных явлений, поскольку многие страны оказались в центре глубоких социальных, политических и экономических трансформаций. Именно в эти годы научная теория социальной патологии получила широкое признание.

Изучение истории развития теоретических основ немецкой социальной патологии важно для России, особенно в свете введения в 1922 г. на медицинских факультетах дисциплины «социальная гигиена», которая стала неотъемлемой частью ее содержания. Однако вопрос о том, как немецкая теория социальной патологии была интегрирована в российскую науку, до сих пор остается слабо изученным. Наше исследование сосредоточено на анализе и осмыслении основных теоретических подходов социальной патологии, разработанных в Германии, для последующего изучения и применения этих концепций в российской науке социальной гигиены. Наша задача заключается в дальнейшем развитии научного дискурса в этой области.

**Целью** данного исследования является изучение научно-теоретических основ социальной патологии Альфреда Гротьяна и анализ развития его идей в руководствах по социальной гигиене, выпущенных в 1920-х гг. в Веймарской республике.

Изучив некоторые немецкие руководства, сборник по социальной гигиене и демографии, мы попытаемся найти ответы на следующие вопросы: 1) Какой вклад в

развитие теории социальной патологии внес Гротьян? 2) Насколько идеи немецких социал-гигиенистов в 1920-е гг. отличались от представлений Гротьяна? Мы рассмотрим понятие «широко распространенные заболевания» и выявим, чем оно отличается от понятия «социальная патология».

В начале XX в. врачи и ученые начали осознавать, как важны социальные аспекты в клинической практике и гигиене. Они начали публиковать свои наблюдения в различных гуманитарных научных журналах, представляя новую форму знания. Эти данные оказались чрезвычайно ценными для понимания социальных факторов, влияющих на заболевания. Интерес к этой теме проявлялся не только в работах врачей, но и в исследованиях экономистов, социологов и политиков, что подчеркивало ее важность и актуальность [Grotjahn, 2015].

В 1902 г. Гротьян и известный экономист Ф. Кригель (*F. Kriegel*) начали издание ежегодного отчета «О достижениях в области социальной гигиены и демографии» (изд. до 1914 г.). В рамках этого отчета основатели публиковали краткие аналитические обзоры оригинальных исследований специалистов в таких гуманитарных научных дисциплинах, как демография, гигиена, медицина, экономика, социология и политология. Цель отчета состояла в том, чтобы объединить широкий круг специалистов вокруг издания и предложить альтернативный многосторонний подход к социальным проблемам. Систематизированные материалы, представленные в отчете, позволяли расширять границы научного познания [Grotjahn, Kriegel, 1902; Grotjahn, 2015].

Первые выпуски годового отчета оказали большое влияние на научные взгляды Гротьяна, который в то время был врачом общей практики. В 1904 г. он официально представил научную концепцию социальной гигиены на заседании в Немецком обществе общественного здравоохранения. В своем докладе Гротьян впервые сформулировал понятие социальной гигиены, определил ее границы как независимой научной дисциплины, выделил отличия от биологической гигиены и описал методы исследования в этой области [Кирик, Ратманов, 2024]. Г. Баадер отмечает, что к 1911 г. парадигма социальной гигиены Гротьяном была пересмотрена и приняла форму «социальной патологии». Новая теоретическая концепция была названа «попыткой создания теории социальных отношений болезней человека, как основы социальной медицины и социальной гигиены» [Baader, S. 5]. В 1912 г. Гротьян опубликовал монографию «Социальная патология», которая имела огромный успех и была переиздана в Германии в 1915 и 1923 гг. Третье издание этой книги было переведено и опубликовано в России в 1925–1926 гг. [Гротьян, 1925, 1926].

Важно отметить, что в монографии Гротьяна отсутствует твердая теоретическая основа понятия «социальная медицина». Автор отказывается от научного определения этого термина и использует его только в узком смысле, связывая его лишь с социальным страхованием. Таким образом, в монографии «социальная медицина» имеет исключительно практическое предназначение и используется для представления статистических данных о страховых случаях, связанных с заболеваниями [Grotjahn, 2015]. Профессор истории медицины Михаэль Хубенсторф утверждает, что в Германии в период с 1910 по 1969 г. «социальная медицина» была тесно связана с судебной медициной, а именно с медицинской экспертизой и медициной в контексте социального страхования [Hubenstorf, S. 17].

Термин «социальная патология» был введен французским социологом Эмилем Дюркгеймом (*Émile Durkheim*, 1858–1917) в XIX в. и стал широко использоваться

в начале XX в. представителями органической школы<sup>1</sup> социологии. Этот термин был применен для описания различных социальных расстройств, которые сопровождаются ослаблением функций социального организма. Он основан на аналогиях, взятых из биологии и политологии, что порой вызывало путаницу и споры между врачами и социологами. Врачи придавали ему медицинский смысл, в то время как социологи видели его скорее как социальное явление.

Для того чтобы избежать недоразумений и излишнего применения аналогий, Гротьян рекомендовал использовать обобщенное понятие и позволить философам разрешать разногласия между врачами и социологами относительно причинной обусловленности и научных границ.

Развитие медико-гигиенической деятельности в области социальных проблем только начинало набирать обороты. Врачи, которые серьезно изучали влияние социальных факторов на здоровье, еще не полностью осознавали сущность социально-гигиенического подхода. Гротьян предложил трактовать социальную патологию как «теорию социальных отношений болезней», пока специалисты медицинских наук не нашли научное обоснование для множества связей между патологией и социальной средой [Grotjahn, 2015].

Гротьян считал, что связь между социальными отношениями и болезнями человека состоит из двух взаимосвязанных процессов. Первый процесс заключается в том, что социальные факторы, такие как жилье, питание, одежда, труд, отдых, условия воспитания детей и общества, оказывают влияние на развитие, течение и исход болезней в разных социальных группах. Распределение заболеваний может варьироваться в зависимости от социальных условий, а неравенство в этих условиях может повысить вероятность заболевания среди наиболее уязвимых групп населения.

Второй процесс заключается в том, что болезни оказывают влияние на изменение социальных структур общества, формирующих основу общественного порядка. Социал-гигиенист полагал, что болезни, особенно заразные, могут негативно сказаться на показателях народонаселения и привести к демографическому кризису. Кроме того, они серьезно влияют на физическое и психическое здоровье людей, что неизбежно приводит к снижению производительности труда и обороноспособности государства. Это имеет глубокие последствия для экономического состояния и безопасности общества.

В своих исследованиях Гротьян подходил к социальной патологии с позиции описательной и нормативной науки, аналогично социальной гигиене. Социальная патология как описательная наука исследует взаимосвязь между социальными факторами и различными заболеваниями, которые влияют на людей, проживающих в различных социальных условиях. Она также изучает, как исход болезней, такой как смерть, излечение, истощение и передача «физической малоценности» по наследству, влияет на изменение социальных структур общества. Как нормативная наука в своей основе она рассматривает профилактические меры, направленные на предотвращение негативных последствий социального воздействия [Grotjahn, 2015, 2023].

Гротьян поставил перед собой задачу систематизировать накопленные эмпирические наблюдения о болезнях и исследовать влияние социальных факторов на

---

<sup>1</sup> Направление в социологии конца XIX — начала XX в., отождествлявшее общество с организмом и пытавшееся объяснить социальную жизнь биологическими закономерностями [Большая советская энциклопедия, 1974, т. 18, с. 487–488].

их развитие. Как специалист по социальной гигиене, он в своих исследованиях использовал признаки, отличные от обычной этиолого-клинической классификации. В первую очередь, он обращал внимание на частоту заболеваний, их эпидемическую опасность, а также на то, как они влияют на продолжительность жизни, занятия и будущее поколений.

В монографии социал-гигиенист исследует и объясняет теоретические основы взаимосвязи между комплексом социальных факторов и развитием заболеваний. В основе его исследования лежит понимание того, что экономическая основа социальных факторов играет важную роль в формировании различных социальных условий для разных категорий населения. Социальные факторы<sup>2</sup> неразрывно связаны с социальными условиями<sup>3</sup>, которые, в свою очередь, определяются социальной средой<sup>4</sup>.

Гротьян подчеркивает, что социальные причины заболеваний требуют постоянного исследования, в отличие от точных наук. Постоянные изменения в социальной среде, социальных условиях и различной степени влияния факторов на риск, развитие, течение и исход заболеваний в различных социальных группах являются основными причинами изменения социальных структур общества<sup>5</sup>.

Исследования социал-гигиениста подтверждают значимую роль социальных факторов в развитии большинства заболеваний, наряду с физико-биологическими и генетическими причинами. Однако их влияние может различаться в зависимости от класса заболевания. Хронические инфекционные заболевания, заболевания обмена веществ, профессиональные и детские болезни сильно зависят от социальных факторов. Острые инфекционные и венерические заболевания имеют среднюю степень влияния социальных факторов, в то время как нервные и психические болезни практически не зависят от них.

Гротьян утверждал, что связь между развитием болезней и социальными факторами, хотя и не всегда очевидная, имеет прямое влияние на характер, форму и исход заболеваний в различных социальных группах населения. Он основывал свои выводы на проведенных наблюдениях и отмечал значительную изменчивость уровня смертности в определенных социальных группах, которая в большой степени зависит от экономических условий.

Социал-гигиенист выделяет три категории, которые описывают влияние болезней на социальную структуру общества. Первая категория включает социально обусловленные заболевания, такие как детские болезни и заболевания, специфичные для женщин. Эти заболевания оказывают значительное воздействие на устой-

<sup>2</sup> Социальные факторы — это движущая сила, явление или процесс социальной среды, которые либо увеличивают, либо уменьшают риск угрозы, развития, течения и исход болезней [Roger et al., 2015, p. 44].

<sup>3</sup> Социальные условия — условия жизнедеятельности индивида в обществе, как в процессе труда, так и в рамках свободного времени [Экономический словарь, 2014, с. 1227].

<sup>4</sup> Социальная среда — это общество и созданное человеком пространство, состоящее из всех его элементов (институты, инфраструктура, отношения, культурные традиции), которые окружают индивидов и взаимодействуют с ними [Barnett, Casper, 2001, p. 465].

<sup>5</sup> Социальная структура — устойчивые формы взаимосвязи между элементами социальной системы общества, обусловленные разделением труда, отношением классов и социальных групп, наличием институтов, основы социального порядка [Энциклопедия эпистемологии, 2009, с. 907].



чивость социальной структуры. Вторая категория включает заболевания, которые сами по себе являются социально обусловленными, но не оказывают существенного влияния на социальные отношения, например инфекционные заболевания. И, наконец, третья категория включает наследственные и социально не обусловленные заболевания, которые, однако, значительно влияют на изменение социальной структуры и общественную жизнь, такие как нервные и психические расстройства [Grofjahn, 2015, 2023].

Для анализа данных, полученных в ходе проведения социально-гигиенического исследования, он предлагает использовать научный подход, включающий в себя применение медицинской математической статистики (биостатистики), клинические методы и методы патологии.

Гротьян осознавал, что ему не хватает возможностей для проведения наблюдений с высокой степенью достоверности и он не обладает необходимыми математическими навыками в области статистики. В монографии он применил методы описательной статистики для анализа демографических показателей и показателей заболеваемости. Он также признавал субъективность своих взглядов и не претендовал на истину в последней инстанции.

Гротьян был первым, кто попытался изучить болезнь с использованием социально-патологического подхода. Он верил, что научные исследования со временем получат достаточное развитие, и стремился сделать свою работу полезной для будущих исследователей. Описание социальной патологии, по его мнению, было бы полезно в медицинских справочниках и учебной литературе, особенно в разделах, посвященных причинам и профилактике. Он считал, что установление стандартов в области социальной медицины и социальной гигиены поможет создать основу для их применения в повседневной практике [Grofjahn, 2015, 2023].

Гротьяну не удалось полностью объединить теоретические основы социальной патологии и социальной гигиены в единое целое. Это связано с различиями в научных подходах и недостаточными знаниями о том, как применять научные методы. В последнем переиздании монографии (1923) автор выделил отдельный абзац, посвященный краткому обзору влияния на здоровье населения социально-гигиенических факторов, таких как жилье, питание и труд.

Исследования социал-гигиениста, сфокусированные на развитии заболеваний с точки зрения социально-патологического подхода, показали, что большинство патологических состояний может быть предотвращено, хотя не все из них могут быть вылечены. Для достижения этой цели Гротьян предложил три направления одной стратегии: 1) соблюдение каждым человеком принципов индивидуальной гигиены и здоровьесохраняющего поведения, 2) проведение государственных мероприятий по социальной гигиене, включающих социальную политику, социальное обеспечение и пропаганду, 3) контроль воспроизводства населения со стороны врачей и гигиенистов [Grofjahn, 2023].

В своей монографии Гротьян подчеркивает важность внедрения эффективных социально-экономических мер для улучшения здоровья населения. Автор отмечал, что такие меры способствуют снижению уровня заболеваемости, инвалидности и преждевременной смертности. Он утверждал, что повышение здоровья общества достигается не только усилиями медицинских специалистов, но и за счет улучшения социально-экономического благополучия населения, что приводит к уменьшению частоты возникновения заболеваний и их тяжести.

Монография Гротьяна «Социальная патология» считается выдающимся трудом в области социальной гигиены, сыгравшим ключевую роль в повышении эффективности системы социального обеспечения в Германии. Сразу же после выпуска первого издания Гротьян был признан экспертом и ключевой фигурой в ряде ведущих социально-медицинских проектов на протяжении нескольких лет [Roth, S. 33].

Следующий исторический период формирования научных представлений о социальной патологии пришелся на 1920-е гг. в Веймарской республике. В этот период было опубликовано шеститомное руководство «Социальная гигиена и здравоохранение» под редакцией А. Готтштейна, А. Шлоссмана и Л. Телеки. Внимание мы уделили третьему тому «Социальное обеспечение, туберкулез, алкоголь и венерические заболевания» (1926) и пятому тому «Социальная патология и физиология» (1927), которые рассматривают проблематику социальных болезней. Руководства были написаны группой ученых и врачей из Первой Австрийской республики и Веймарской республики.

Третий том руководства посвящен практическим мероприятиям социального обеспечения, направленным на предотвращение распространения широко распространенных заболеваний в Веймарской республике [Gottstein et al., 1926]. В этот труд вошли четыре темы: правовые основы и социальное обеспечение (Hans Maler, Dresden); туберкулез (Ludwig Teleky, Düsseldorf; Alfred Goetzl, Wien; Sigismund Peller, Wien; Georg Simon, Aprath; Richard Volk, Wien); алкоголь и меры по борьбе с ним (E.G. Dresel, Heidelberg); венерические заболевания (Hans Haustein, Berlin).

В период с 1920 по 1930 г. социальное обеспечение стало одной из главных сфер борьбы с распространенными заболеваниями. Понятие «социальное обеспечение» не было просто теоретическим концептом, но имело огромное практическое значение, существенно изменившееся с начала XX столетия. После Первой мировой войны Германия разработала и ввела систему социальной поддержки своих граждан. Эта система была создана для компенсации последствий войны и в первую очередь поддерживала ветеранов, выживших иждивенцев, социальных пенсионеров и малоимущих людей.

Правительство Веймарской республики приняло решение о проведении реформ, направленных на повышение производственных сил и развитие национальной экономики. Это решение было необходимо в силу сложившейся ситуации, возникшей после поражения в Первой мировой войне. Значительные репарации, изоляция от международного сообщества, огромная инфляция, безработица и другие экономические проблемы серьезно подрывали стабильность и процветание страны.

Социальное обеспечение представляло собой комплекс мер, осуществляемых государством, обществом и частными лицами, с целью обеспечения людей не только материальными благами, но и нематериальной поддержкой (социальная помощь). Его основная задача состояла в предоставлении помощи и поддержки определенным категориям граждан, входящим в определенное сообщество. Социальная помощь, в свою очередь, являлась неотъемлемой частью благотворительной деятельности и одним из основных компонентов социального обеспечения.

Во времена Веймарской республики, в 1920-е гг., существовало важное различие между социальной политикой и социальным обеспечением. Социальная политика была направлена на защиту интересов работников и обеспечение их трудовых прав в случае потери или недостаточной гарантии прав. Различные социально-политические меры, такие как пенсии, страхование от несчастных случаев, пособия

по безработице и другие формы социальной поддержки, были привязаны к выполнению трудовой деятельности.

С конца XIX столетия туберкулез, венерические заболевания и алкоголизм были наиболее распространенными и разрушительными болезнями. Проблема туберкулеза стала особенно острой в период Первой мировой войны. Помимо туберкулеза, также отмечалась высокая заболеваемость и избыточная смертность от венерических заболеваний. Условия военного времени способствовали быстрому распространению этих заболеваний. Кроме того, стала актуальной проблема алкоголизма. Эти болезни были известны как «широко распространенные заболевания» (*Volkskrankheiten*). В третьем томе руководства каждому из этих заболеваний посвящена отдельная глава.

Война и ее последствия привели к значительному росту случаев нервных заболеваний и психических расстройств, что способствовало их широкому распространению. Во многих землях Германии помощь психически больным оказывалась ведомственными учреждениями медицинской полиции, действующими в соответствии со специальным законодательством. Возможно, именно поэтому редакция не включила эти заболевания в третий том руководства.

В третьем томе авторы подробно описали комплекс мероприятий, направленных на предотвращение широко распространенных заболеваний. Они рассмотрели эту проблему с точки зрения социального обеспечения, включающего в себя три основные сферы: законодательную, медицинскую и социальную поддержку. Авторы представили эти сферы как взаимосвязанную систему, создающую комплексный подход к борьбе с заболеваниями. В отношении мер экономической поддержки были описаны только формы, применимые к конкретным заболеваниям.

В 1920-е гг. в Веймарской республике была разработана комплексная система социального обеспечения, включающая государственные службы и специализированные учреждения. Эти учреждения предоставляли возможность лечения в стационарных и санаторно-курортных условиях, а также оказывали поддержку в профессиональной переподготовке и трудоустройстве. Кроме того, были предприняты меры по обеспечению жильем заразных больных. Принятый в 1925 г. Закон о социальном обеспечении стал юридическим основанием для предоставления населению необходимой помощи со стороны государственных служб и учреждений. Главная цель системы социального обеспечения заключалась в сохранении и увеличении человеческих ресурсов в истощенных после войны отраслях народного хозяйства [*Gottstein et al.*, 1926].

Третий том представляет собой практическое руководство, которое помогает разобраться в концепции социального обеспечения и его использовании для предотвращения распространенных заболеваний. Важно отметить, что этот том не содержит теоретических и методологических основ, которые обычно присутствуют в научных руководствах. Вместо этого он фокусируется исключительно на практических аспектах проблемы, предлагая практические вопросы и рекомендации по использованию социального обеспечения в борьбе с заболеваниями.

Пятый том руководства «Социальная патология и физиология» охватывает три основные темы, связанные с различными аспектами здоровья (индивидуального, группового, популяционного) и окружающей среды. Первая тема исследует влияние факторов окружающей среды на здоровье индивидуумов и население (*R. Allers*, Wien; *A. Korff-Petersen*, Kiel; *O. Spitta*, Berlin; *O. Krummacher*, Münster i.W; *C. Tyszka*,

Hamburg; *A. Beythien*, Dresden). Вторая тема сосредоточена на социологии внутренних болезней и исследует, как социальные условия, в которых человек живет и работает, влияют на развитие, течение и исход заболевания (*H. Rautmann*, Freiburg; *A. Gottstein*, Berlin; *Friedrich Lonne*, Gottingen; *Julius Zappert*, Wien; *E. Stier*, Berlin; *O. Neugebauer*, Wein; *A. Peyser*, Berlin). Наконец, третья тема посвящена физическому здоровью и воспитанию (*A. Mallwitz*, Berlin; *W. Schnell*, Halle) [*Gottstein et al.*, 1927].

В пятом томе авторы провели детальный анализ факторов, способных негативно сказываться на здоровье как отдельных людей, так и целых групп населения. Они использовали классификацию, предложенную Гротьяном, для анализа влияния труда, условий жилья, питания, одежды, а также подробно рассмотрели климатические условия. В работе содержится обширный обзор научных исследований, проведенных в различных областях медицины начала XX в.

Для изучения влияния различных факторов окружающей среды на здоровье авторы пятого тома применили физиологические методы, отличные от методов социально-гуманитарных наук, предложенных Гротьяном для исследования социальной гигиены. Они проводили исследования, направленные на выявление изменений, происходящих в мышцах, крови, дыхании, пищеварении, обмене веществ и энергии, а также в питании и терморегуляции. Такой подход имел практическое значение.

В начале 1920-х гг. произошли значительные изменения в области социальной гигиены [*Хоффманн*, 2018]. Эти изменения были вызваны Первой мировой войной и распадом Германской империи. Человек стал рассматриваться не только как член общества, но и как важное звено национальной экономики и защитник государства. Специалисты в области медицины, менеджмента, психологии и государственного управления начали активно искать способы рациональной организации человеческой жизни для максимального использования его потенциала в производстве и других сферах общественной деятельности. В этот период большое внимание уделялось исследованиям по рационализации труда, основанным на концепции научного менеджмента Фредерика Тейлора. Эта концепция предполагает анализ и систематизацию рабочих процессов [*Allers*, 1927].

Пятый том содержит обзор нормативных актов, согласно нормативной практической части социальной гигиены концепции Гротьяна. Здесь представлены основные аспекты социально-гигиенической, законодательной и экономической политики государственных органов власти.

В главах, посвященных социологии внутренних болезней, авторы исследуют и обсуждают теоретические основы влияния социальных, природно-климатических и генетических факторов на возникновение заболеваний. Следует отметить, что основное внимание в теоретическом материале уделяется социальным факторам, в то время как анализ других факторов является вторичным. Это способствует углублению научной базы в руководстве.

Редакторы осознанно решили использовать термин «социология внутренних болезней» в названии всех глав, посвященных исследованию различных заболеваний, вместо традиционного термина «социальная патология». Авторы ставили перед собой задачу проиллюстрировать, как социальные факторы влияют на развитие болезней у групп людей, проживающих в различных социально-экономических условиях, а также выявить экономические последствия, связанные с этими заболеваниями. Они исследовали заболевания, перечень которых соответствует класси-

фикации, представленной в монографии Гротьяна. В рамках пятого тома рассматриваются заболевания различных систем организма — кровеносной, дыхательной, пищеварительной, эндокринной, мочевыделительной, нервной, кроветворной, а также инфекционные заболевания, патологии женских половых органов, беременность и роды, детские заболевания и другие патологии. Исключение составили туберкулез, венерические болезни, алкоголизм и профессиональные заболевания<sup>6</sup>. Они подробно описаны в третьем и втором томах шеститомного издания.

Для изучения влияния социальных факторов на развитие заболеваний авторы пятого тома применили метод описательной статистики. Исследование включало в себя анализ демографических показателей и показателей заболеваемости. Из-за сложности статистических наблюдений, исследовательских задач и научных методов исследователи не смогли применить предложенные Гротьяном научные методы, включая методы математической статистики, клинические методы и методы патологии.

\* \* \*

А. Гротьян — выдающийся исследователь и один из ведущих представителей социологического направления в области гигиены и мысли своего времени. Его научное наследие имеет огромное значение и представлено двумя важными теориями — «социальная гигиена» (1904) и «социальная патология» (1912). Эти теории играют ключевую роль в его работе, раскрывая взаимосвязь между окружающей средой и здоровьем. Исследования Гротьяна стали фундаментом для дальнейшей разработки социальной гигиены и патологии.

В своей теории о «социальной патологии» Гротьян исследует влияние социальных факторов на появление, распространение и исход заболеваний в различных социальных группах населения. Он подчеркивает важность понимания того, как социальные условия влияют на заболевания, а также влияние самих болезней на социальные структуры общества. В рамках теории социал-гигиенист предлагает проведение индивидуальных, медицинских и государственных профилактических мер, направленных на предотвращение развития болезней и их последствий.

Для изучения социальной патологии Гротьяном было предложено применять методы математической статистики в сочетании с клиническими и патологическими исследованиями. Одним из наиболее сложных и важных аспектов в его методологии был анализ этиологических связей между социальными условиями, формируемыми социальной средой, и проявлением конкретных болезней. Гротьян придерживался мнения, что для социал-гигиенистов ближайшей задачей должен стать анализ определения вклада каждого фактора в возникновение того или иного заболевания. В своей работе «Социальная патология» он проанализировал доступные материалы и попытался выявить взаимосвязь между заболеваниями и различными социальными условиями, включая качество питания, одежды, условия проживания, труда, а также образование детей и общества в целом. Для достижения этой цели он применил методы описательной административной статистики.

В 1920-х гг. группа ученых и врачей из Австрии и Германии попыталась расширить научные знания о социальной патологии на основе теории Гротьяна. Однако выявление этиологических связей между социальными условиями и проявлением

<sup>6</sup> В интересующей нас книге не рассматриваются профессиональные заболевания.

болезней оказалось сложной задачей в научных исследованиях. В итоге они изложили теоретические основы социальной патологии, аналогичные тем, которые были описаны Гротьяном.

После окончания Первой мировой войны вопрос распространения таких заболеваний, как туберкулез, венерические заболевания и алкоголизм, стал еще более значимым. Эти заболевания получили название «широко распространенные» и стали объектом специального исследования. Органы власти Веймарской республики уделили особое внимание этим болезням. Борьба с ними стала одним из главных приоритетов того времени.

В начале XX в. концепция социальной патологии Гротьяна была широко известна. Несмотря на свою прогрессивность, она являлась сложной теоретической конструкцией. Теоретические затруднения, связанные с объектом исследования, междисциплинарным подходом, методологией исследования, стали серьезным препятствием для ее дальнейшего развития. В результате отсутствия четкой теоретической базы в 1920-е гг. в Германии эта концепция стала скорее объектом практического применения, чем устоявшейся теоретической моделью.

## Литература

Большая советская энциклопедия: [В 30 т.] / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. Т. 30. М.: Советская энциклопедия, 1974. 631 с.

*Гротьян А.* Социальная патология. Вып. 1. М.: Мосздравотдел, 1925. 228 с.

*Гротьян А.* Социальная патология. Вып. 2. М.: Мосздравотдел, 1926. 472 с.

*Кирик Ю.В., Ратманов П.Э.* Социальная гигиена в Германии в начале XX века: предмет науки и методология // *Здравоохранение Российской Федерации*. 2024. Т. 68. В печати.

*Хоффманн Д.Л.* Взращивание масс: модерное государство и советский социализм, 1914–1939. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 42 с.

*Экономический словарь* / Ред. А.И. Архипова. М.: Проспект, 2014. 1478 с.

*Энциклопедия эпистемологии и философии науки* / Сост. И.Т. Касавин. М.: Канон+, 2009. 1 247 с.

*Allers R.* Arbeit, Ermüdung, Rube // *Handbuch der sozialen Hygiene und Gesundheitsfürsorge* / Hrsg. A. Gottstein, A. Schlossmann, L. Teleky. Bd. 5: Soziale Physiologie und Pathologie. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 1927. S. 1–138.

*Baader G.* Von der Sozialen Medizin und Hygiene über die Rassenhygiene zur Sozialmedizin (BRD) / Sozialhygiene (DDR). Available at: [https://www.dgsmp.de/100-jahre/CD\\_DGSMP/PdfFiles/Texte/G\\_B.pdf](https://www.dgsmp.de/100-jahre/CD_DGSMP/PdfFiles/Texte/G_B.pdf). (date accessed: 17.02.2024).

*Barnett E., Casper M.* A Definition of “Social Environment” // *American Journal of Public Health*. 2001. Vol. 91. No. 3. P. 465.

*Gordon M.K.* Die begründung der sozialen hygiene als wissenschaft // *Archiv für soziale Hygiene und Demographie NF*. 1931. B. VI. S. 249–255.

*Grotjahn A.* Soziale Pathologie: Versuch einer Lehre von den sozialen Beziehungen der menschlichen Krankheiten als Grundlage der sozialen Medizin und der sozialen Hygiene. Berlin: Springer-Verlag, 1915. 532 S.

*Grotjahn A.* Soziale Pathologie: Versuch Einer Lehre von den Sozialen Beziehungen der Krankheiten als Grundlage der Sozialen Hygiene. Berlin: Springer-Verlag, 1923. 548 S. DOI: 10.1007/978-3-642-51815-7.

*Grotjahn A, Kriegel F.* Jahresbericht über die Fortschritte und Leistungen auf dem Gebiete der sozialen Hygiene und Demographie. B und I: Bericht über die Jahre 1900 und 1901. Jena: Fischer, 1902. 393 S.



Handbuch der sozialen Hygiene und Gesundheitsfürsorge / Hrsg. A. Gottstein, A. Schlossmann, L. Teleky. Berlin: Verlag von Julius Springer, 1925. Bd. 3: Wohlfahrtspflege Tuberkulose Alkohol Geschlechtskrankheiten. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 1926. 796 S.

Handbuch der sozialen Hygiene und Gesundheitsfürsorge / Hrsg. A. Gottstein, A. Schlossmann, L. Teleky. Bd. 5: Soziale Physiologie und Pathologie. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 1927. X, 807 S.

*Hubenstorf M.* Sozialhygiene, Staatsmedizin, Public Health — Konzeptwandel oder deutscher Sonderweg? Available at: [https://www.dgsmmp.de/100-jahre/CD\\_DGSMMP/PdfFiles/Texte/M\\_H.pdf](https://www.dgsmmp.de/100-jahre/CD_DGSMMP/PdfFiles/Texte/M_H.pdf). (date accessed: 16.02.2024).

Oxford Textbook of Global Public Health / Eds. R. Detels, M. Gulliford, Q.A. Karim, Ch.Ch. Tan. Oxford: Oxford University Press, 2015. 1687 p.

*Roth K.H.* Schein-Alternativen im Gesundheitswesen: Alfred Grotjahn (1869–1931) — Integrationsfigur etablierter Sozialmedizin und nationalsozialistischer “Rassenhygiene”. Available at: [https://www.dgsmmp.de/100-jahre/CD\\_DGSMMP/PdfFiles/Dokumente/Roth.pdf](https://www.dgsmmp.de/100-jahre/CD_DGSMMP/PdfFiles/Dokumente/Roth.pdf). (date accessed: 16.02.2024).

## Theoretical Approaches to Social Pathology in German Academic Literature (1910–1930)

*IULIA V. KIRIK*

Far Eastern State Medical University,  
Khabarovsk, Russia;  
e-mail: swan\_look@mail.ru

At the beginning of the 20<sup>th</sup> century, German academic science introduced new theoretical concepts in the field of social hygienic thought that were recognized internationally. These ideas had a significant impact on the development of the science of social hygiene, including in Russia. This science was later renamed public health. Despite the importance of the topic of social pathology for understanding public health, the historical scientific foundations of this field still remain insufficiently studied and represented in academic publications.

Alfred Grotjahn made history not only as the founder of social hygiene, but also as the creator of the concept of social pathology, which explores the relationship between disease and society. He proposed a methodology and scientific methods for studying this problem. These were presented in a monograph published in 1912.

During the Weimar Republic in the 1920s, a new generation of social hygienists decided to develop Grotjahn's ideas into a six-volume manual “Social Hygiene and Public Health”. Diseases such as tuberculosis, venereal disease and alcoholism were selected for more detailed study because of their prevalence and serious consequences, particularly during and after the First World War.

In this article, we have analyzed Grotjahn's scientific legacy in the context of the development of the theory of social pathology and examined the development of his ideas in the German academic literature of the 1920s.

**Keywords:** history, public health, social hygiene, social pathology, Alfred Grotjahn, Germany.

## Acknowledgments

The research was carried out with support from the Russian Science Foundation according to the research grant No. 19-18-00031: “Soft Power” of Soviet Medicine: Transfer of Knowledge, Technologies and Ideologies in International Relations of the People’s Commissariat of Health of the RSFSR (1921–1947).

The author would like to thank P.E. Ratmanov, MD, Professor, Department of Public Health and Healthcare Organisation, Far Eastern State Medical University, for valuable scientific advice during the research and verification of the critical content of this article.

## References

- Allers, R. (1927). Arbeit, Ermüdung, Rube, in A. Gottstein, A. Schlossmann, L. Teleky (Hrsg.), *Handbuch der sozialen Hygiene und Gesundheitsfürsorge*, Bd. 5: Soziale Physiologie und Pathologie (S. 1–138), Berlin: Verlag von Julius Springer (in German).
- Arkhipov, A.I. (Ed.) (2001). *Ekonomicheskii slovar’* [Economic glossary], Moskva: Prospekt (in Russian).
- Baader, G. *Von der Sozialen Medizin und Hygiene über die Rassenhygiene zur Sozialmedizin (BRD) / Sozialhygiene (DDR)*. Available at: [https://www.dgsmp.de/100-jahre/CD\\_DGSMP/PdfFiles/Texte/G\\_B.pdf](https://www.dgsmp.de/100-jahre/CD_DGSMP/PdfFiles/Texte/G_B.pdf) (date accessed: 17.02.2024) (in German).
- Barnett, E., Casper, M. (2001). A Definition of “Social Environment”, *American Journal of Public Health*, 91 (3), 465–465 (in English).
- Detels, R., Gulliford, M., Karim, Q.A., Tan, Ch.Ch. (Eds.) (2015). *Oxford Textbook of Global Public Health*, Oxford: Oxford University Press.
- Gordon, M.K. (1931). Die begründung der sozialen hygiene als wissenschaft, *Archiv für soziale Hygiene und Demographie NF*, B. VI, 249–255 (in German).
- Grotjahn, A. (1915). *Soziale Pathologie: Versuch einer Lehre von den sozialen Beziehungen der menschlichen Krankheiten als Grundlage der sozialen Medizin und der sozialen Hygiene*, Berlin: Springer-Verlag (in German).
- Grotjahn, A. (1923). *Soziale Pathologie: Versuch Einer Lehre von den Sozialen Beziehungen der Krankheiten als Grundlage der Sozialen Hygiene*, Berlin: Springer-Verlag (in German). DOI: 10.1007/978-3-642-51815-7.
- Grotjahn, A. (1925). *Sotsial’naya patologiya* [Social pathology], vyp. 1, Moskva: Moszdravotdel (in Russian).
- Grotjahn, A. (1926). *Sotsial’naya patologiya* [Social pathology], vyp. 2, Moskva: Moszdravotdel (in Russian).
- Grotjahn, A, Kriegel, F. (1902). *Jahresbericht über die Fortschritte und Leistungen auf dem Gebiete der sozialen Hygiene und Demographie. B und I: Bericht über die Jahre 1900 und 1901*, Jena: Fischer (in German).
- Gottstein, A., Schlossmann, A., Teleky, L. (Hrsg.) (1926). *Handbuch der sozialen Hygiene und Gesundheitsfürsorge*, Bd. 3: Wohlfahrtspflege Tuberkulose Alkohol Geschlechtskrankheiten, Berlin: Verlag von Julius Springer (in German).
- Gottstein, A., Schlossmann, A., Teleky, L. (Hrsg.) (1927). *Handbuch der sozialen Hygiene und Gesundheitsfürsorge*, Bd. 5: Soziale Physiologie und Pathologie, Berlin: Verlag von Julius Springer (in German).
- Hubenstorf, M. *Sozialhygiene, Staatsmedizin, Public Health — Konzeptwandel oder deutscher Sonderweg?* Available at: [https://www.dgsmp.de/100-jahre/CD\\_DGSMP/PdfFiles/Texte/M\\_H.pdf](https://www.dgsmp.de/100-jahre/CD_DGSMP/PdfFiles/Texte/M_H.pdf). (date accessed: 16.02.2024) (in German).

Kasavin, I.T. (Comp.) (2009). *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopaedia of epistemology and philosophy of science], Moskva: Kanon (in Russian).

Khoffmann, D.L. (2018). *Vzrashchivaniye mass: modernoye gosudarstvo i sovetskiy sotsializm, 1914–1939* [Education of the masses: the modern state and Soviet socialism, 1914–1939], Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye (in Russian).

Kirik, Iu.V., Ratmanov, P.E. (2024). Sotsial'naya gigiena v Germanii v nachale XX veka: predmet nauki i metodologiya [Social hygiene in Germany in the early twentieth century: subject of science and vethodology], in *Zdravookhraneniye Rossiyskoy Federatsii* [Healthcare of the Russian Federation], t. 69, v pechati (in Russian).

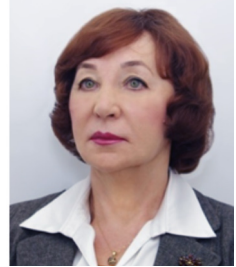
Prokhorov, A.M. (Ed.) (1978). *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: v 30 t.* [Great Soviet encyclopedia], 3-e izd., t. 30, Moskva: Sovetskaya entsiklopediya (in Russian).

Roth, K.H. *Schein-Alternativen im Gesundheitswesen: Alfred Grotjahn (1869–1931) — Integrationsfigur etablierter Sozialmedizin und nationalsozialistischer "Rassenhygiene"*. Available at: [https://www.dgsmp.de/100-jahre/CD\\_DGSMP/PdfFiles/Dokumente/Roth.pdf](https://www.dgsmp.de/100-jahre/CD_DGSMP/PdfFiles/Dokumente/Roth.pdf). (date accessed: 16.02.2024) (in German).

# ПРОБЛЕМЫ НАУКОМЕТРИИ

*ТАТЬЯНА КИРИЛЛОВНА БОГДАНОВА*

кандидат экономических наук, доцент,  
доцент Департамента бизнес-информатики  
Высшей школы бизнеса  
Национального исследовательского университета  
«Высшая школа экономики»,  
Москва, Россия;  
e-mail: tanbog@hse.ru



*МАКСИМ ЕВГЕНЬЕВИЧ ОЩЕПКОВ*

аспирант Департамента бизнес-информатики  
Высшей школы бизнеса  
Национального исследовательского университета  
«Высшая школа экономики»,  
Москва, Россия;  
e-mail: moshchepkov@hse.ru



## Выявление тенденций и перспективных направлений исследований в области управления корпоративной результативностью

УДК: 001.891.34+65.01

DOI: 10.24412/2079-0910-2024-3-231-252

В исследованиях области управления корпоративной результативностью (СРМ) постепенно формируется новое, «второе поколение» ученых при сохранении ключевой роли «первого поколения» ведущих авторов. Учитывая структурные изменения социально-экономических процессов, существующие работы в силу устаревания не охватывают существенный период времени в развитии области исследований. Цель данной работы — представить картину исторического развития и современных трендов исследований в области СРМ на основе базы данных *Scopus*. Комплексный подход на основе библиометрических методов и методов кластеризации позволил выявить наиболее перспективные направления исследований в области СРМ, не потерявшие своей актуальности на протяжении последних 40 лет.

**Ключевые слова:** наукометрия, библиометрические методы, систематический обзор литературы, исторический подход, кластерный анализ, управление корпоративной результативностью, информационные методы и системы.

## Введение

Учитывая структурные изменения экономики, которые являются катализатором развития систем управления корпоративной результативностью (Corporate Performance Management, СРМ), часть исследовательских работ направлена на анализ эволюции темы. Сопоставление особенностей управления результативностью в различные периоды времени дает представление, которое, основываясь на опыте прошлых лет, позволяет ответить на вопросы, связанные с развитием современных систем управления результативностью.

Предлагаемая статья вносит свой вклад в развитие этой сферы, преодолевая некоторые существенные ограничения предшествующих работ. Последние актуальные работы в силу устаревания не охватывают значительный период времени в развитии области исследования СРМ. Авторы большинства эмпирических исследований и обзоров ограничиваются узкими рамками избранных направлений указанной сферы, не применяя специальные методы для широкого охвата предметной области, что приводит к появлению противоречивых выводов, цикличности исследований, расхождений в терминологической основе. Некоторые работы фокусируются преимущественно на изучении экзогенных факторов, лишенных непосредственного влияния на СРМ, что ограничивает полное понимание того, как динамика изменения эндогенных факторов влияет на СРМ. Отмечается смещение фокуса в сторону изучения отдельных подходов и моделей измерения и управления результативностью без учета связей с окружающими дисциплинами и областями науки и практики.

Вместе с тем в некоторых исследованиях успешно выделены тенденции и направления, которые находят развитие в предлагаемой работе. Обнаруженное соответствие методов анализа данных, использованных в предшествующих исследованиях, методам, которым отдается предпочтение в этой статье, подтверждает ее валидность.

Таким образом, учет опыта предыдущих авторов при расширении взгляда на развитие концепции и усилении методологической базы позволит понять реляционную природу исследовательских потоков в области СРМ. Это также способствует формированию целостного представления об эволюции области и дает основу для развития более комплексных и всесторонних подходов к исследованию и управлению результативностью в организациях.

В этой работе мы придерживаемся расширенного библиометрического подхода, основанного на объединении двух реляционных методов: *Co-Citation Analysis of Reference* (ССА-*R*) и *Bibliographic Coupling of Publications* (ВСА-*D*), и использовании тематического анализа. Цель работы — представить картину исторического развития и современных трендов области управления корпоративной результативностью на основе базы данных *Scopus*. Формирование картины эволюции области позволит сгруппировать исследования, а также отдельных авторов в единые кластеры, которые помогут определить основные направления развития теории, выделить исторические вехи и сформировать подполя области исследований, представляющих повышенный интерес. Полученные результаты служат основой для будущих исследований, а также являются ориентиром для изучения прошлого опыта в области СРМ.

## **Определение понятия «управление корпоративной результативностью»**

В литературе понятие «управление корпоративной результативностью» преимущественно рассматривается в широком смысле. К примеру, согласно определению О.В. Китовой, это понятие включает информационные технологии (ИТ) и инструменты, методы и процессы управления, а также человеческие ресурсы и предполагает периодическое измерение и анализ ключевых показателей, ориентированных на достижение определенных целей [Китова, 2012]. В свою очередь, J. Alexander определяет управление корпоративной результативностью как все виды деятельности по планированию, оценке, совершенствованию и мониторингу критически важных направлений бизнеса и инициатив [Alexander, 2018]. Группа по стандартизации BPM определяет управление корпоративной результативностью как методологию, направленную на оптимизацию реализации стратегии, которая состоит из набора интегрированных циклических аналитических процессов, поддерживаемых соответствующими технологиями и имеющих отношение как к финансовой, так и к операционной информации [BPM Standards Group, 2005]. В работе Д.В. Исаева подчеркивается, что в основе концепции BPM лежит идея непрерывного цикла управления, включающего определение целей развития, моделирование определяющих факторов и ограничений, стратегически ориентированное планирование и бюджетирование, мониторинг, анализ достигнутых результатов, формирование финансовой и управленческой отчетности [Исаев, 2008].

Таким образом, систематизируя многочисленные трактовки интересующего нас понятия в литературе, можно заключить, что СPM предусматривает структурирование и упорядочивание взаимосвязи между ключевыми функциями управления. Управление корпоративной результативностью представляет собой рамочную структуру, охватывающую интегрированные методы планирования и оценки деятельности фирмы, включающую систему показателей и метрик и образующую замкнутый цикл управленческих и аналитических процессов (вместе с поддерживаемыми их системами) мониторинга и управления деятельностью фирмы.

Система измерения результативности, согласно авторам основополагающих работ в этой области, — набор показателей, используемых для количественной оценки как внутренней эффективности (экономичность), так и внешней эффективности (эффективность) [Neely et al., 1995; Kaplan, Norton, 1996]. Необходимо подчеркнуть, что понятие «система» употребляется в двух значениях: как концепция управления и как информационная система (программное решение, поддерживающее концепцию СPM).

## **Первоначальный поиск и предварительный анализ**

Для того чтобы избежать ошибок, связанных с использованием компьютеризированных библиографий при проведении анализа литературы с помощью расширенного библиометрического подхода, исследование строилось на основе пятиэтапного процесса, предложенного в работах: [Anand et al., 2021b; Tranfield et al., 2003]. Указанный процесс включает в себя следующие этапы:



1. Выбор базы данных.
2. Выбор ключевых слов (поисковых терминов) для процесса поиска.
3. Критерии включения и исключения документов.
4. Описательное кодирование выбранных документов с помощью программного обеспечения или *Excel*.
5. Обобщение и интерпретация результатов.

В качестве эмпирической базы исследования были использованы публикации из базы данных *Scopus* компании *Elsevier*, полученные путем итеративного подбора фильтров и ключевых слов из области СРМ при формировании запроса. *Scopus* — это удобная, широко используемая надежная база данных, которая имеет много дополнительных функций по сравнению с другими базами данных, такими как *Web of Science (WoS)* и *Google Scholar* [Harzing, Alakangas, 2016; Bosman et al., 2006]. Более того, сравнение охвата журналов в *Scopus* и *WoS* выявило относительно небольшое количество журналов, индексируемых исключительно в *WoS*, и примерно 97% журналов *WoS*, которые также включены в *Scopus* [Mongeon, Paul-Hus, 2016]. Таким образом, *Scopus* создал убедительную репутацию для проведения систематических обзоров.

Общая методология поиска литературы, в частности подбор ключевых слов, подкрепляется определением концепции СРМ, которое устанавливает терминологические рамки поиска и представлено в разделе 1. Следуя рекомендациям коллег [Anand et al., 2021b], выбор ключевых слов мы осуществляли с использованием синонимов, различных вариантов написания терминов и отдельных слов. К исходному запросу были добавлены многочисленные критерии включения и исключения, чтобы сделать данные более точными. Важным фактором в поиске публикаций является пересечение двух наборов ключевых слов, относящихся к описанию предметной области и к описанию ее контекста, чтобы обеспечить релевантность содержания статей цели исследования. В результате фильтрации предполагается формирование ограниченного набора наиболее релевантных статей предметной области, являющегося обозримым для включенного анализа с прочтением полнотекстовых статей и в то же время составляющего ядро изучаемой предметной области.

Выполнив поиск документов в базе данных *Scopus*, мы определили 369 источников на основе запроса :

( TITLE-ABS-KEY ( “corporat\* performance” OR “corporat\* efficiency” OR “corporat\* effective\*” OR “enterprise performance” OR “enterprise efficiency” OR “enterprise effective\*” OR “business performance” OR “business efficiency” OR “business effective\*” OR “firm performance” OR “firm efficiency” OR “firm effective\*” OR “company performance” OR “company efficiency” OR “company effective\*” OR “organizational performance” OR “organizational efficiency” OR “organizational effective\*” OR “financial performance” OR “operational performance” OR “cost effectiveness”) ) AND ( TITLE-ABS-KEY ( “management” OR “measure\*” OR “benchmarking” OR “assess\*” OR “monitor\*” OR “\*valuation” OR “estimat\*” OR “improv\*” OR “establish\*” OR “increase\*” OR “control” OR “governance” OR “leadership” OR “strateg\*” OR “indicators” OR “planning” OR “balanced scorecard\*” OR “multidimensional model\*” OR “information\* technolog\*” OR “information\* system\*” OR “information service\*” OR “decision making” OR “decision trees” OR “decision support\*” OR “decision support system\*” OR “analytical system\*” OR “management information system\*” OR

“recommend\* system\*” OR “computer system\*” OR “expert system\*” OR “business analytics” OR “forecasting” OR “learning” OR “business intelligence” OR “predictive analytics”) ) AND ( LIMIT-TO ( SRCTYPE , “j” ) ).

### Анализ метрик *Scopus*

График распределения количества публикаций по годам (рис. 1) показывает, что с начала 2000 г. наблюдался бум, но затем, с 2006 г., тенденция сместилась в сторону умеренного роста количества публикаций. Благодаря исследовательским фирмам в области информационных технологий и поставщикам программного обеспечения концепция CPM приобрела свое первоначальное название в 1990-х гг., однако проблема управления результативностью фирмы была известна исследователям задолго до этого момента. Современное видение измерения и управления результативностью бизнеса, основанное на информационных моделях, технологиях бизнес-аналитики (BI), начало формироваться в 2000-х гг. Достигнув пика в изучении новой концепции оценки корпоративной результативности, количество исследований по этой теме резко сократилось и постепенно снова стало расти с 2006 г. Это свидетельствует о растущем академическом интересе со стороны сообщества к исследованию концепции в условиях бурного развития промышленной цифровизации и информационных технологий.

Публикации по годам

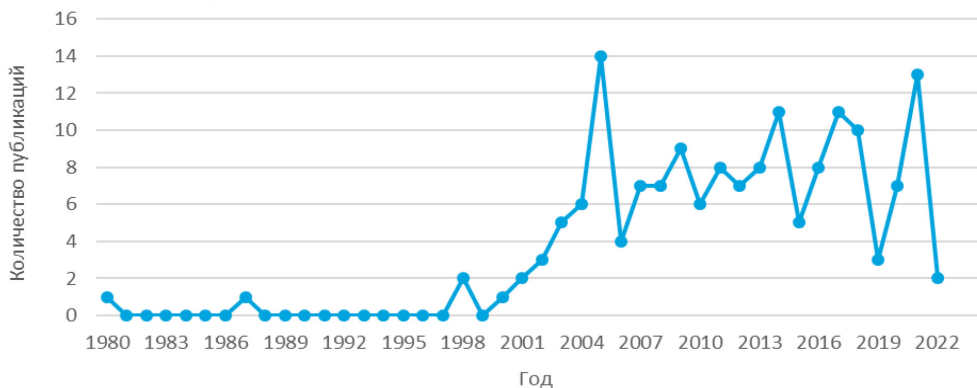


Рис. 1. Количество публикаций в наборе данных по годам

Fig. 1. The number of publications in the dataset by year

На следующем графике показано количественное распределение публикаций по авторам, связанным с соответствующей страной (рис. 2). Это означает, что авторы из этих стран сыграли важную роль в исследованиях, разрабатывающих концепцию CPM и связанные с ней показатели результативности фирмы в контексте информационных технологий и соответствующей терминологии.

### Публикации по странам или территориям

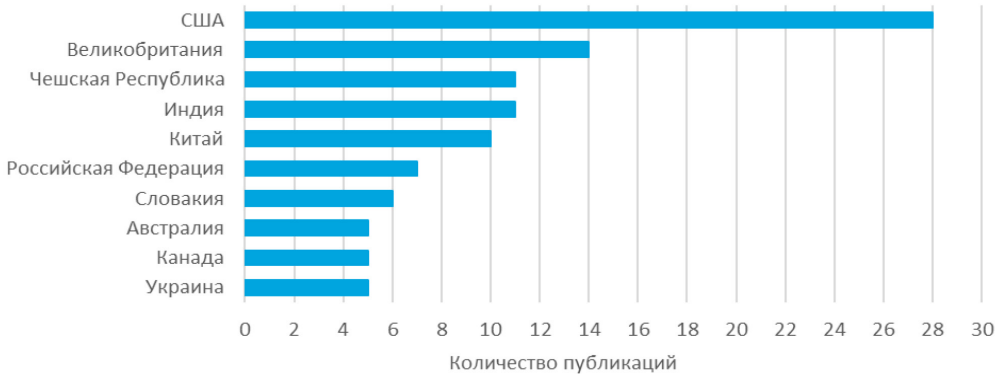


Рис. 2. Количество публикаций в наборе данных по странам

Fig. 2. Number of publications in the data set by country

Согласно графику выше, наибольшее количество исследований по оценке корпоративной результативности представлено авторами из США — 28 публикаций. Выявлено, что концепция рассматривается в широком спектре областей, например: управление здравоохранением, снижение воздействия на окружающую среду, управление инновациями, управление затратами, бухгалтерский учет, управление цепочками поставок, управление знаниями и другие.

В ходе анализа исследований ведущих авторов, опубликовавших наибольшее количество работ по теме CRM, было обнаружено, что по индивидуальной публикационной активности лидируют авторы из Чехии и США. Названные исследователи вносят существенный вклад в развитие теории концепции CRM, в том числе за счет уникальных примеров реализации решений, демонстрирующих различия в подходах отдельных регионов.

Представленные результаты свидетельствуют о том, что рассматриваемая тема значима с академической стороны и востребована для будущих исследований. Авторы, представляющие США, Великобританию, Чехию, Словакию и другие страны, сходятся в своем понимании проблем концепции, которые заключаются в широких границах терминологии, не определяющей четко результаты CRM-решений, и в отсутствии явной связи между стратегией и оперативными инициативами [Acito, Khatri, 2014; Andersen et al., 2004].

### Анализ наиболее цитируемых публикаций

Как показано в работе: [Anand, Brix, 2022], часто цитируемые публикации надежны и содержат актуальные темы по каждой дисциплине. В таблице 1 представлено десять наиболее цитируемых статей в извлеченной выборке. В контексте расчетных метрик базы данных *Scopus* эти статьи были рассмотрены и проанализированы на предмет того, какой вклад внесли авторы статей и почему они высоко цитировались.

Табл. 1. Высокоцитируемые статьи с 1980 по 2022 г.

Table 1. Highly cited articles from 1980 to 2022

| Авторы, год                 | Тема / Фокус   | Примечания   |
|-----------------------------|--|--|
| Elbashir и др., 2011        | Роль потенциала организационного поглощения для поддержки интегрированных систем управления и контроля                   | Рассмотрено влияние способности организации к усвоению информации на внедрение инноваций в системе управления и контроля (MCS) и уровень внедрения систем BI   |
| Acito, Khatri, 2014         | Извлечение ценности из бизнес-аналитики в контексте управления здравоохранением, бухгалтерского учета и цепочки поставок | Представлена структурированная основа для извлечения ценности из бизнес-аналитики, которая показывает необходимость согласования стратегии с управлением результативностью бизнеса   |
| Folan. Browne, 2005         | Система измерения результативности предприятия   | Предложена расширенная система измерения результативности предприятия (EERP) на основе комбинации системы сбалансированных показателей (BSC) и процедурной структуры выбора и внедрения показателей результативности                                   |
| Basu, 2001                  | Новые критерии управления результативностью, ориентированные на внешнюю среду  | Представлена характеристика процесса адаптации показателей результативности бизнеса в контексте экономики сотрудничества (переход от предприятия к совместным цепочкам поставок)   |
| Presley, Meade, 2010        | Модернизация и применение бенчмаркинга в индустрии зеленого строительства  | Предложена структура, объединяющая результативность и стратегию фирмы в методологии сравнительного анализа, обеспечивающая достоверность оценки результативности бизнеса   |
| Frolick, Ariyachandra, 2006 | Структура BPM, потенциальные движущие силы, барьеры и критические факторы успеха для внедрения BPM                       | Представлены теоретические положения о концепции BPM, включая историческую основу, отличия от бизнес-аналитики и ее потенциальную ценность для бизнеса   |
| Bose, 2006                  | Системы управления данными для CRM   | Представлены результаты анализа практики применения технологий, лежащих в основе EPM (хранилище данных (DWH), оперативная аналитическая обработка данных (OLAP)), выявлены проблемы их управления  |
| Bourne и др., 2003          | Новые тренды корпоративного управления на примере лучших практик   | Подход к CRM дополнен ключевыми факторами результативности наряду с традиционными финансовыми результатами и ключевыми изменениями в методах управления  |
| Richards и др., 2019        | Влияние BI на CRM и относительная важность бизнес-аналитики (BA) для практики CRM  | Выявлено положительное влияние инструментов BI на эффективность анализа и планирования в контексте CRM. Однако отмечается, что потребности в информации зависят от уровня неопределенности и двусмысленности в практике управления                     |
| Carpinetti и др., 2008      | Управление производительностью кластера малых и средних предприятий (МСП)  | Представлена концептуальная модель, основанная на сочетании BSC и моделей CRM. Выявлено, что отсутствие культуры принятия решений на основе данных и нехватка ресурсов могут быть серьезными препятствиями при использовании метрик для кластерных МСП |

Из таблицы 1 видно, что в процессе развития бизнес-среды и информационных технологий существуют тенденции трансформации методов управления, ориентированных на управление корпоративной результативностью и ее измерение. Многие авторы отмечают акцент на качественных показателях и показателях результативности при сохранении традиционных финансовых показателей [Basu, 2001; Presley, Meade, 2010; Bourne et al., 2003; Carpinetti et al., 2008]. Новые тенденции в методах управления побуждают исследователей разрабатывать расширенные системы измерения результативности компании [Hull, 2021; Neely, 1999; Malina, Selto, 2001]. Кроме того, с появлением новых методов анализа данных в литературе поднимаются вопросы, касающиеся взаимного влияния различных аналитических методов и технологий на производительность друг друга и совокупную производительность [Richards et al., 2019].

В то время как одни исследователи обращаются к эмпирической стороне методологии использования СРМ-решений на практике, другие авторы продолжают дискуссию относительно сущности концепции, указывая на отсутствие общего понимания терминологии и концептуальных основ СРМ [Acito, Khatri, 2014; Frolick, Ariychandra, 2006]. Отсутствие консенсуса в понимании дисциплины управления результативностью бизнеса и метрик измерения результативности приводит к тому, что компании и исследователи не могут в полной мере оценить эффективность внедрения этих систем и, как следствие, максимизировать выгоды от их использования [Hull, 2021].

Ценность концепции СРМ для бизнеса становится широко признанной. Однако успех внедрения СРМ-решений зависит от различных факторов, для которых не существует единого представления. В существующей литературе ключевые факторы успеха рассматриваются фрагментарно, в контексте специфики отдельных проектов. Кроме того, некоторые исследователи отмечают, что культура принятия решений (как на стратегическом, так и на операционном уровне) и способность к освоению в компании могут оказать существенное влияние на преимущества корпоративных систем управления результативностью [Elbashir et al., 2011; Carpinetti et al., 2008].

### **Ключевые вехи в измерении корпоративной результативности**

На следующем этапе анализа литературы по СРМ был использован метод совместного цитирования на основе ссылок, ССА-R, для анализа статей, которые наиболее тесно связаны друг с другом. Этот метод позволил изучить, как область исследования концепции развивалась с годами.

После загрузки необработанных библиометрических данных в *VOSviewer* было определено в общей сложности 8 525 ссылок, из которых 20 соответствовали порогу трех цитирований и 97 соответствовали порогу двух цитирований. Таким образом, определив порог в два цитирования, мы использовали соответствующий набор данных в дальнейшем анализе. Сформированная выборка была разделена на пять кластеров в зависимости от частоты внутренних связей источников. Данные о распределении работ по кластерам были использованы в разделе 3.3 при анализе пересечений результатов двух библиометрических методов. Далее представлены результаты систематического обзора полученной выборки, показавшие,

какие важные теории, ключевые идеи, предпосылки и выводы обсуждаются в этих источниках.

Самые ранние работы в наборе данных рассматривают процесс измерения и управления результативностью организации посредством управления ресурсами, отдавая предпочтение человеческим ресурсам. В то же время развивается системный подход к повышению эффективности компании [Nonaka et al., 1994; Govindarajan, Gupta, 1992; Barney, 2001].

С начала 1990-х гг. произошло переосмысление традиционной системы измерения корпоративной результативности, основанной на измерении финансовых результатов фирмы, с включением нефинансовых показателей и акцентом на стратегии фирмы. Смещение акцента на традиционные показатели связано с трансформацией компаний, вызванной информационной конкуренцией, — управление нематериальными активами становится более важным, чем управление инвестициями и физическими активами [Neely et al., 1995].

В 1992 г. разработанная R.S. Kaplan и D.P. Norton концепция системы сбалансированных показателей (Balanced Scorecard, BSC) произвела революцию в традиционных представлениях о производительности. Используя эту систему, которая включала нефинансовые показатели деятельности фирмы, в сочетании с описанной методологией, менеджеры смогли систематически связывать операционную деятельность со стратегическими целями фирмы и тем самым отслеживать ее будущее состояние [Kaplan, Norton, 1996].

Следующая веха в измерении корпоративной результативности и в управленческих исследованиях характеризуется стремлением ученых ввести новые модели измерения результативности в организационный контекст (компетентностные подходы, экономика знаний, учет заинтересованных сторон и т. д.), создав основу для повышения шансов организации на получение выгоды от их использования [Otley, 1999; Neely, 1999; Norreklit, 2000]. Наблюдается фундаментальный переход от фазы затрат к фазе ценности в бизнесе с влиянием информационных технологий на сбор и анализ данных.

На следующем этапе развития рассматриваемой темы происходит повышение концентрации оценочных и критических исследований, которые направлены на анализ современного состояния проблемы и перспективных направлений ее развития. Это связано с тем, что прошло достаточно времени для оценки эффективности использования новых концепций измерения результативности бизнеса, таких как BSC, компетентностный подход, трансформировавших традиционный взгляд на этот процесс [Malina, Selto, 2001; Rigby, 2001].

Отдельной вехой можно выделить период стремительного развития ИТ-индустрии, при котором выявилось отставание возможностей компаний по внедрению ИТ-продуктов в свои процессы управления. Традиционные системы поддержки управления эволюционировали в общекорпоративные решения, поддерживающие все уровни управления и бизнес-процессы. Таким образом возникла обширная область исследования проблем проектирования и внедрения систем управления корпоративной результативностью.

Очередным важным этапом является появление устойчивости как глобальной проблемы. Повышается важность стратегической гибкости в качестве движущей силы повышения конкурентоспособности и результативности компаний в условиях непредсказуемых изменений. В этот период происходит переосмысление системы



управления организацией, заключающееся в сокращении периода планирования и контроля с годового на более короткий и регулярный, при этом повышается значимость неформальной отчетности [Cappelli et al., 2016]. Этот факт приводит к разработке новых систем управления, основанных на модели управления с обратной связью, которая включает стратегическое планирование, оперативное выполнение, обратную связь и обучение.

Следующий этап исследований, завершающий хронологию обзора, в большей степени характеризуется рассмотрением аналитических инструментов, интегрированных информационных систем и возрастающей значимостью технологий в управлении корпоративной результативностью [Davenport et al., 2006; Negash, Gray, 2008; Rom, Rohde, 2007]. Проблемы согласования стратегии и исполнения, а также гибкости и адаптивности управления проявляются более остро и вызывают повышенный интерес со стороны практиков и исследователей.

Этот этап характеризуется переходом от вехи *BI&A 1.0* (Business Intelligence and Analytics 1.0, Бизнес-аналитика 1.0), в которой компании способны получать критическую информацию из структурированных данных, собираемых с помощью корпоративных систем и анализируемых коммерческими системами управления реляционными базами данных, к вехе *BI&A 2.0*, которая заключается в возможности извлекать и анализировать неструктурированный пользовательский контент. В связи с этим перед учеными возникают вопросы о новом видении информационной системы для устранения нехватки опытных менеджеров и специалистов с глубокими аналитическими навыками: как использовать большие данные и управлять ими для получения конкурентного преимущества, какие источники данных являются стратегически важными [Chen et al., 2012]? В качестве отдельной значимой области исследований выделяется использование больших данных в корпоративных системах управления результативностью, а также активно рассматривается аналитический процесс бизнес-интеллекта (BI) в контексте больших данных как нового способа объединения оперативных данных с аналитическими инструментами для представления сложной и конкурентной информации для лиц, принимающих решения [Phillips-Wren et al., 2015].

Таким образом, новое поколение организаций вступает в конкуренцию за аналитику, вследствие чего аналитика занимает центральное место в их стратегиях развития. Однако, чтобы конкурировать на количественном уровне, организации должны пройти существенные изменения. Трансформация требует: 1) значительных инвестиций в технологии, 2) накопления массивных хранилищ данных, 3) разработки стратегии управления данными, стандартов и показателей измерения прогресса использования больших данных, 4) изменений в корпоративной культуре, которая проявляется в отношении к изменяющимся бизнес-процессам. В свою очередь модели измерения производительности организации эволюционировали в более горизонтальные, ориентированные на процессы и потребности заинтересованных сторон.

## Анализ современных тенденций

Для выявления текущих тенденций в области СРМ был применен метод *BCA-D*, который позволяет сформировать выборку библиографически связанных

друг с другом документов на основе анализа совместного цитирования [Anand et al., 2021a].

Согласно рекомендациям коллег, был установлен временной промежуток анализа в пять полных лет, с 2016 по 2022 г. С учетом порогового значения временного интервала, а также условия наличия совместного цитирования в публикациях из общего пула статей было отобрано 57 статей, объединенных единой тематикой исследований. Далее, чтобы глубже понять эволюцию этой области, были проведены качественное кодирование и тематический анализ полученной выборки.

Объединение имеющихся кодов и ключевых тем с выявленными кодами путем анализа методом *BCA-D* для теоретического обоснования категорий позволяет определить, в какой степени статьи имеют общие ссылки, вследствие чего формируются кластеры исследований со схожими характеристиками, которые определяют существующие тенденции в литературе по проблематике СРМ (рис. 3). Анализ связей между источниками позволил выделить пять кластеров, каждый из которых характеризует отдельное укрупненное направление в изучении области исследования управления корпоративной результативностью.

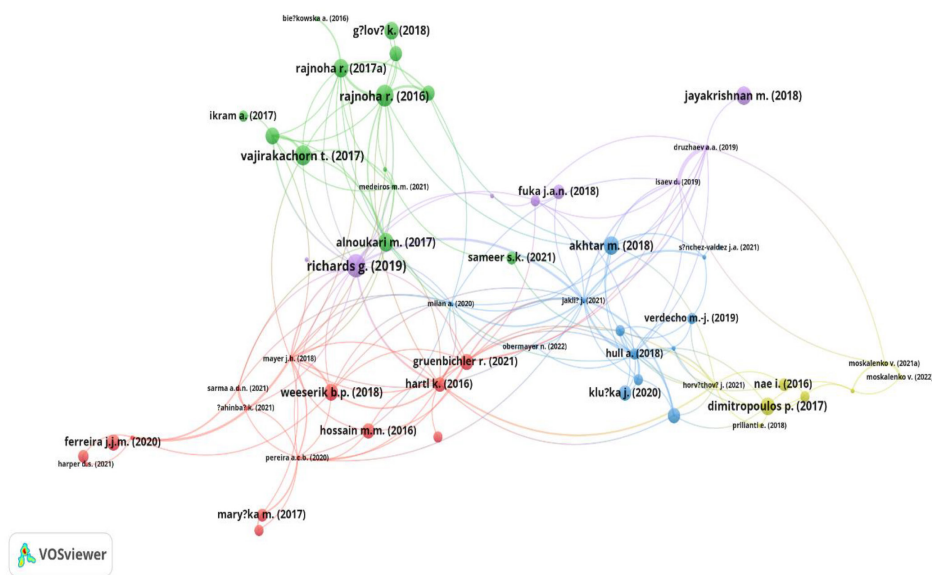


Рис. 3. Карта библиографического сопоставления документов  
Fig. 3. Map of bibliographic coupling of publications

В зеленом *BCA-D*-кластере научных статей исследуется влияние инструментов бизнес-аналитики, систем управления (включая ERP) и применения больших данных на результативность корпоративного управления и предпринимательской деятельности. Особое внимание уделяется пересмотру системы бизнес-аналитики для оперативной поддержки принятия решений и интеграции аналитики с корпоративным стратегическим управлением. Кластер подчеркивает значимость новых методов измерения корпоративной результативности, отходя от традиционных финансовых метрик.

Большие данные, вместе с инструментами управления, включая ERP и BI, играют ключевую роль в улучшении производительности бизнеса, повышении репутации через киберсоциальные сети и обеспечивают долгосрочное и устойчивое воздействие на общую эффективность предпринимательской деятельности в современной бизнес-среде. В контексте роста инвестиций в ERP-системы исследования подчеркивают необходимость рационального сосуществования внедренных решений, чтобы приносить реальную пользу компании. Кластер подчеркивает также роль *Data Stewardship* (DS) и *BI* в контроле за эффективностью анализа больших данных при управлении корпоративной результативностью.

Синий *BCA-D*-кластер объединяет в основном разведывательные исследования, оценивающие текущее состояние систем управления корпоративной результативностью. Традиционные методы управления результативностью доказали свою полезность в классической бизнес-среде, но применение таких механизмов к некоммерческим общественным образованиям, крупным транснациональным компаниям, цепочкам создания стоимости изучено недостаточно. Совокупность статей этого кластера охватывает вывод о значимости поддержки стратегического управления практиками концепции СРМ для обеспечения гибкости в адаптации подходов управления к меняющейся среде и глубокого понимания общей результативности бизнеса со стороны руководства компаний.

Фиолетовый *BCA-D*-кластер рассматривает эффективность систем управления корпоративной результативностью в рамках процессного подхода. Стратегия создает воздействие посредством изменений в бизнес-процессах и информационных системах. Влияние СРМ на корпоративную результативность в значительной степени опосредовано согласованностью СРМ-ВРМ и производительностью процессов. Согласование СРМ-ВРМ требует определения ключевых показателей производительности процессов (KPI), которые основываются на процессно-ориентированной бизнес-стратегии в сотрудничестве с заинтересованными сторонами, четкой ответственности за достижение процессно-ориентированных целей и согласованной системе вознаграждения. Кроме того, значимым фактором влияния СРМ на результативность компании является зрелость процессов, поэтому кластер включает исследования, направленные на разработку моделей зрелости процессов, рассмотрение методологических вопросов, связанных с управлением развитием СРМ-систем.

В центре внимания желтого *BCA-D*-кластера статей находится разработка стратегических целей и показателей развития компании. В этих статьях подчеркивается важность не только определения целей, но и внедрения подходящих мер и инструментов для их достижения. Подходы к измерению результативности бизнеса эволюционируют в направлении формирования комплексных сбалансированных оценок состояния компании и внешней среды при поддержке современных аналитических методов. Методики формирования стратегий развития компании включают различные статистические модели и нейронные сети для прогнозирования внутренних и внешних факторов. Нерационально выстроенная система управления результативностью рассматривается как основная причина снижения производительности. Кроме того, отмечается важность интеграции систем стратегического управления и бюджетирования, поскольку показатели результативности и планы по их достижению должны быть гармонизированы на разных организационных уровнях компании.

Выделенный красный *BCA-D*-кластер статей характеризует исследования концептуальных основ СРМ. Системы, связанные с управлением и измерением результативностью, считаются одной из наиболее быстро развивающихся областей управления большинства компаний. Отдельный пласт исследований направлен на изучение критических составляющих общей модели СРМ, которая воплощает процесс управления стратегией организации, обеспечивая гибкость и адаптивность организации. Таким образом, общими элементами модели СРМ считаются данные, бизнес-процессы, организация (лидерство, видение, миссия, цели, организационное согласование и т. д.), компания (сотрудники, клиенты, решения и т. д.), системы и информационные технологии. В связи с этим появляется новый подход к управлению результативностью бизнеса, основанный на объединении индивидуальных и организационных перспектив, в частности компетентной организации, управления знаниями и системы управления результативностью.

В условиях, когда объемы данных возрастают и тем самым усложняется процесс принятия решений, инновации становятся ключевым компонентом управления результативностью компаний. При этом опыт компании влияет на успешность реализации инновационных проектов и усвоения потоков знаний. Концепция СРМ признается важным инструментом повышения конкурентоспособности и достижения бизнес-целей не только крупных, но и малых и средних предприятий (МСП). Однако возможности СРМ в МСП остаются недооцененными из-за недостатка ресурсов. Экономика бизнес-информатики становится жизненно важной для того, чтобы гарантировать, что инвестиции в ИТ принесут ожидаемую ценность бизнесу. Поэтому актуальными становятся исследования моделей планирования затрат в бизнес-информатике.

Все большее внимание привлекают исследования, посвященные практической аналитике данных. Потребность компаний в эффективном использовании аналитики порождает стремительно развивающуюся область исследований операционализации аналитики для сокращения дистанции между стратегией и оперативными действиями компании для получения выгод. Подчеркивается важность систем интеллектуального анализа данных в выявлении преимуществ бизнеса и принятии решений для своевременного реагирования на экзогенные и эндогенные события. Кроме того, поскольку подразумевается, что цифровые технологии, носящие разрушительный характер, искажают философию бенчмаркинга по своей сути (это эталонное сопоставление компанией лучших практик, имеющихся на данный момент), исследователи разрабатывают новые перспективные методы бенчмаркинга, ориентированные на будущее (предсказывание наилучших путей развития компании, подразделения или функции в условиях отсутствия релевантного опыта в прошлом).

## **Формирование подполей исследований**

Объединив сформированные с помощью двух методов кластеры работ, мы получили пересечения, позволяющие определить подобласти исследований по теме СРМ и сформулировать их профили. Фокус анализа направлен на выявление эволюционных изменений, протекающих в основных областях исследования концепции СРМ, через призму современных тенденций.

Таблица пересечений кластеров показывает количество ссылок на работы кластеров *ССА-R* в совокупности работ кластеров *ВСА-D* (табл. 2). Например, совокупность ключевых работ красного *ВСА-D*-кластера цитирует 35 работ из красного *ССА-R*-кластера, 18 работ из зеленого *ССА-R*-кластера, 22 работы из синего *ССА-R*-кластера и 12 работ из желтого *ССА-R*-кластера, 3 работы из фиолетового *ССА-R*-кластера.

Табл. 2. Пересечения кластеров статей, выделенных методами *ВСА-D* и *ССА-R*  
 Table 2. Intersections of clusters of articles extracted by *ВСА-D* and *ССА-R* methods

|       |            | ССА-R   |         |       |        |            |
|-------|------------|---------|---------|-------|--------|------------|
|       |            | Красный | Зеленый | Синий | Желтый | Фиолетовый |
| ВСА-D | Красный    | 35      | 18      | 22    | 12     | 3          |
|       | Зеленый    | 15      | 6       | 25    | 3      | 3          |
|       | Синий      | 78      | 10      | 21    | 25     | 4          |
|       | Желтый     | 33      | 2       | 7     | 2      | 0          |
|       | Фиолетовый | 42      | 11      | 16    | 9      | 1          |

Работы красного *ССА-R*-кластера направлены на оценку динамики и перспектив развития концепции измерения и управления результативностью. Исследователи этого кластера работают над модернизацией традиционного подхода стратегического менеджмента в сторону более комплексных междисциплинарных теорий СРМ, в основном с точки зрения концептуальной основы. Причины, по которым фирмы переходят от традиционных представлений результативности к более горизонтальным, ориентированным на процессы и потребности заинтересованных сторон, включающие нефинансовые показатели, заключаются в потребности измерения не только стоимости фирмы, но и факторов, ведущих к созданию стоимости в бизнесе. Актуальными вопросами являются изучение взаимосвязи применяемых стратегических методов и моделей, промышленного инжиниринга, информационных процессов с результативностью компании.

Наибольшая поддержка этого кластера исходит от синего *ВСА-D*-кластера и фиолетового *ВСА-D*-кластера. Авторы современных работ опираются на заложенные фундаментальными исследованиями концептуальные особенности СРМ, намереваясь выявить факторы эффективности и причины возникающих проблем внедряемых систем. Этот кластер обеспечивает современные работы пониманием корней возникновения проблем стратегической рассогласованности для дальнейшего развития идей процессно-ориентированного подхода к управлению.

Зеленый *ССА-R*-кластер статей фокусируется на исследовании влияния интеллектуального и структурного капитала на результативность компании и отражает эволюцию области управления знаниями в рамках концепции управления результативностью. Переход от производительности физического труда работников к производительности работников умственного труда считается центральной проблемой для выживания и процветания развитых экономик. Интеллектуальный, структурный и реляционный капитал играет ключевую роль в повышении как операционных, так и финансовых показателей компаний. Отдельными авторами статей, относящихся к этому кластеру, подчеркивается необходимость сдвига от традиционных методов организации, основанных на должностях, к компе-

тентностным подходам для обеспечения конкурентных преимуществ на мировых рынках.

Этот кластер в большей степени поддерживается работами красного *BCA-D*-кластера. Статьи красного *BCA-D*-кластера предоставляют теоретико-методологические основы теории знаний и управления персоналом для развития новых структур управления результативностью, сочетающие индивидуальные и организационные перспективы. Управление персоналом на основе компетенций может стимулировать производительность и повысить адаптивность стратегического управления за счет различных факторов, таких как ускорение инициатив, реакция персонала, использование человеческих талантов, признание различий в индивидуальных способностях, управление мотивацией менеджеров.

Работы синего *ССА-R*-кластера объединяют исследования, рассматривающие эволюцию СРМ с точки зрения методологического и инструментального развития. Предпосылкой исследовательских инициатив выступает опережающее развитие информационных технологий, которые позволяют собирать и преобразовывать данные в практические знания, при относительно низкой зрелости ИТ-культуры компаний. Отсюда появляются новые интегрированные системы управления корпоративной результативностью, и проблема приобретает все больший междисциплинарный характер. В рамках этого кластера поднимается вопрос о необходимых и достаточных условиях внедрения систем управления корпоративной результативностью.

Поддержка этого кластера в большей мере исходит от работ трех кластеров — зеленого *BCA-D*, красного *BCA-D*, синего *BCA-D*. Появление большого количества разнообразных методов и инструментов поддержки процесса принятия решений, а также рост объемов инвестиций в интегрированные системы управления вызывают проблему рационального выбора и эффективного взаимодействия информационных технологий. Таким образом, современные исследования опираются на положения базисных работ для развития знаний об извлечении практической пользы от внедрения систем управления корпоративной результативностью. При этом многие исследователи, намереваясь сформулировать общие характеристики систем, углубляются в историю развития области, изучая опыт и принципы управления в прошлом и трансформируя этот взгляд на современность, изучают локальные страновые особенности управления для выявления влияния внешней среды на успешность внедрения и развития подобных систем.

Желтый *ССА-R*-кластер связан с развитием концепции стратегической гибкости в контексте современных требований бизнес-среды и разработкой систем измерения результативности. Стратегическая гибкость имеет решающее значение в нестабильной среде и является движущей силой повышения конкурентоспособности и результативности компании. Системы измерения результативности, являющиеся ключевым фактором стратегического планирования, должны учитывать практические аспекты измерения. В связи с этим активно изучаются проблемы соответствия интеллектуального, информационного и организационного капитала компании ее стратегии.

Этот кластер получает наибольшую поддержку со стороны синего *BCA-D*-кластера. Современные работы, опираясь на результаты базисных статей о проблемах обеспечения стратегической согласованности и значимой роли высшего руководства в этом процессе, совершенствуют методологическую и инструментальную базу



информационной поддержки формирования и реализации стратегии. Методологическая и инструментальная база соответствует практикам концепции СРМ.

Работы фиолетового *ССА-R*-кластера сосредоточены на изучении создания и управления организационными знаниями. В рамках этого кластера рассматриваются проблемы не только производства знаний, но и их конверсии в организационные знания. В направлении создания знаний изучаются подходы для обеспечения соответствия в стратегических исследованиях между теоретическими предложениями и оперативными тестами. В поле управления знаниями подчеркивается роль личности в создании знаний, а организация рассматривается как институт интеграции знаний. Основанный на знаниях подход открывает новые аспекты современных организационных инноваций и имеет перспективы для практик управления. Актуальными вопросами и задачами, относящимися к этому направлению, являются оценка влияния на результативность стратегий удержания талантов в рамках позитивистской парадигмы; пересмотр существующих теорий в области управления талантами; развитие подхода преобразующего организационного обучения (*Transformative Organizational Learning, TOL*), включающего влияние сообщества на ценности предприятия.

Таким образом, комплексный подход на основе библиометрических методов и методов кластеризации позволил выявить наиболее перспективные направления исследования в области СРМ, не потерявшие своей актуальности на протяжении последних 40 лет. Обозначенные подобласти исследований, полученные путем объединения результатов *BCA-D*- и *ССА-R*-анализов, согласуются с темами основополагающих работ, представленных ранее в этой статье (табл. 1). Это подтверждает достоверность представленных результатов.

## Заключение

Несмотря на повышающийся интерес среди исследователей к теме управления корпоративной результативностью и широкое признание ценности концепции СРМ, в литературе не уделяется должного внимания исследованиям, демонстрирующим взаимосвязанный характер создания знаний, учитывающим развивающийся и междисциплинарный характер концепции. В предлагаемой работе применяется комбинация библиометрических методов, а также ручное кодирование для тематического анализа литературы в области исследований СРМ для формирования целостной картины эволюции области и выделения современных трендов направления исследований.

На методологическом уровне применение расширенного библиометрического подхода позволило рассмотреть и понять реляционную природу создания знаний в области исследований, а именно взаимосвязи между идеями, авторами и исследовательскими потоками. На уровне исследований СРМ применение подхода способствовало выделению различных подполей в области исследований и позволило охарактеризовать их на основе основополагающих статей, выделить ключевые результаты и направления будущих исследований в каждой из подобластей. Результаты исследования будут полезны ученым в качестве ориентира для изучения взаимосвязей между различными подполями знаний в области СРМ с учетом динамики ее развития. Описанные профили подобластей исследования обеспечивают основу

для формирования и обоснования исследовательских вопросов для будущих работ в области СРМ. Практики смогут извлечь пользу из исследования за счет сравнения прошлого и настоящего опыта в области СРМ и анализа обозначенных трендов с точки зрения практической реализации.

Сопоставление нескольких библиометрических методов обеспечило надежные, прозрачные и воспроизводимые результаты для систематического анализа литературы. Однако ограниченность проведенного исследования заключается в особенностях сбора данных, формирования выборки и набора ключевых слов. Выбранные точки отсечения для сокращения наборов данных в *ССА-R* и *ВСА-D* несут в себе риски того, что ряд исследований с помощью предложенного подхода может остаться за пределами анализа. Однако ключевая идея применяемого подхода состоит в том, что используемые методы позволяют выделить главные направления исследований в области СРМ, не потерявшие своей актуальности на протяжении последних лет.

## Литература

*Исаев Д.В.* Аналитические информационные системы. М.: ГУ ВШЭ, 2008. 60 с.

*Китова О.В.* Концепции и информационная инфраструктура обеспечения управления результативностью маркетинга (теория и методология): Автореф. дис. ... докт. экон. наук. СПб., 2012. 41 с.

*Acito F., Khatri V.* Business Analytics: Why Now and What Next? // *Business Horizons*. 2014. Vol. 57. No. 5. P. 565–570. DOI: 10.1016/j.bushor.2014.06.001.

*Alexander J.* Financial Planning & Analysis and Performance Management. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc, 2018. 640 p.

*Anand A., Argade P., Barkemeyer R., Salignac F.* Trends and Patterns in Sustainable Entrepreneurship Research: A Bibliometric Review and Research Agenda // *Journal of Business Venturing*. 2021a. Vol. 36. No. 3. P. 106092. DOI: 10.1016/j.jbusvent.2021.106092.

*Anand A., Brons Kringelum L., Øland Madsen C., Selivanovskikh L.* Interorganizational Learning: a Bibliometric Review and Research Agenda // *The Learning Organization*. 2020b. Vol. 28. No. 2. P. 111–136. DOI: 10.1108/TLO-02-2020-0023.

*Anand A., Brix J.* The Learning Organization and Organizational Learning in the Public Sector: a Review and Research Agenda // *The Learning Organization*. 2022. Vol. 29. No. 2. P. 129–156. DOI: 10.1108/TLO-05-2021-0061.

*Andersen H.V., Lawrie G., Savič N.* Effective Quality Management through Third-Generation Balanced Scorecard // *International Journal of Productivity and Performance Management*. 2004. Vol. 53. No. 7. P. 634–645. DOI: 10.1108/17410400410561259.

*Barney J.B.* Resource-Based Theories of Competitive Advantage: A Ten-Year Retrospective on the Resource-Based View // *Journal of Management*. 2001. Vol. 27. No. 6. P. 643–650. DOI: 10.1177/014920630102700602.

*Basu R.* New Criteria of Performance Management: a Transition from Enterprise to Collaborative Supply Chain // *Measuring Business Excellence*. 2001. Vol. 5. No. 4. P. 7–12. DOI: 10.1108/EUM000000006514.

*Bose R.* Understanding Management Data Systems for Enterprise Performance Management // *Industrial Management & Data Systems*. 2006. Vol. 106. No. 1. P. 43–59. DOI: 10.1108/02635570610640988.

*Bosman J., Mourik I.V., Rasch M., Sieverts E., Verhoeff H.* Scopus Reviewed and Compared: The Coverage and Functionality of the Citation Database *Scopus*, Including Comparisons with Web of Science and Google Scholar. Utrecht: Utrecht University Library, 2006. 63 p.

*Bourne M., Franco M., Wilkes J.* Corporate Performance Management // Measuring Business Excellence. 2003. Vol. 7. No. 3. P. 15–21. DOI: 10.1108/13683040310496462.

BPM Standards Group, Business Performance Management Industry Framework Document 5.0, 2005. Available at: <https://www.bmppartners.com/wp-content/uploads/2018/10/BPM-Industry-Framework-V5.pdf> (date accessed: 18.12.2023).

*Cappelli P. et al.* The Performance Management Revolution // Harvard Business Review. 2016. Vol. 94. No. 10. P. 58–67. DOI: 10.1002/9781119198192.

*Carpinetti L.C.R., Galdámez E.V.C., Gerolamo M.C.* A Measurement System for Managing Performance of Industrial Clusters: A Conceptual Model and Research Cases // International Journal of Productivity and Performance Management. 2008. Vol. 57. No. 5. P. 405–419. DOI: 10.1108/17410400810881854.

*Chen H., Chiang R.H.L., Storey V. C.* Business Intelligence and Analytics: From Big Data to Big Impact // MIS Quarterly. 2012. P. 1165–1188. DOI: 10.2307/41703503.

*Davenport T.H. et al.* Competing on Analytics // Harvard Business Review. 2006. Vol. 84. No. 1. P. 98–107.

*Elbashir M.Z., Collier P.A., Sutton S.G.* The Role of Organizational Absorptive Capacity in Strategic Use of Business Intelligence to Support Integrated Management Control Systems // The Accounting Review. 2011. Vol. 86. No. 1. P. 155–184. DOI: 10.2308/accr.00000010.

*Folan P., Browne J.* Development of an Extended Enterprise Performance Measurement System // Production Planning & Control. 2005. Vol. 16. No. 6. P. 531–544. DOI: 10.1080/09537280500112355.

*Frolick M.N., Ariyachandra T.R.* Business Performance Management: One Truth // Information Systems Management. 2006. Vol. 23. No. 1. P. 41–48. DOI: 10.1201/1078.10580530/45769.23.1.20061201/91771.5.

*Govindarajan V., Gupta A.K.* Linking Control Systems to Business Unit Strategy: Impact on Performance. Springer US, 1992. P. 646–668. DOI: 10.1016/0361-3682(85)90031-5.

*Harzing A.W., Alakangas S.* Google Scholar, Scopus and the Web of Science: a Longitudinal and Cross-Disciplinary Comparison // Scientometrics. 2016. Vol. 106. P. 787–804. DOI: 10.1007/s11192-015-1798-9.

*Hull A.* Managing Business Performance: the Contrasting Cases of Two Multiple Retailers 1920 to 1939 // New Perspectives on 20<sup>th</sup> Century European Retailing. Routledge, 2021. P. 19–42. DOI: 10.4324/9781003138631-2.

*Kaplan R.S., Norton D.P.* Mastering the Management System // Harvard Business Review. 2008. Vol. 86. No. 1. P. 62–77.

*Kaplan R.S., Norton D.P.* The Balanced Scorecard: Translating Strategy into Action. Boston: Harvard Business School Press, 1996. 336 p.

*Malina M.A., Selto F.H.* Communicating and Controlling Strategy: an Empirical Study of the Effectiveness of the Balanced Scorecard // Journal of Management Accounting Research. 2001. Vol. 13. No. 1. P. 47–90. DOI: 10.2139/ssrn.278939.

*Mongeon P., Paul-Hus A.* The Journal Coverage of Web of Science and Scopus: a Comparative Analysis // Scientometrics. 2016. Vol. 106. P. 213–228. DOI: 10.1007/s11192-015-1765-5.

*Neely A.* The Performance Measurement Revolution: Why Now and What Next? // International Journal of Operations & Production Management. 1999. Vol. 19. No. 2. P. 205–228. DOI: 10.1108/01443579910247437.

*Neely A., Gregory M., Platts K.* Performance Measurement System Design: a Literature Review and Research Agenda // International Journal of Operations & Production Management. 1995. Vol. 15. No. 4. P. 80–116. DOI: 10.1108/01443570510633639.

*Negash S., Gray P.* Business Intelligence. Handbook on Decision Support Systems 2 // Handbook on Decision Support System. 2008. Vol. 2. P. 72–80.

*Nonaka I., Byosiere P., Borucki C.C., Konno N.* Organizational Knowledge Creation Theory: a First Comprehensive Test // International Business Review. 1994. Vol. 3. No. 4. P. 337–351. DOI: 10.1016/0969-5931(94)90027-2.

*Norreklit H.* The Balance on the Balanced Scorecard a Critical Analysis of Some of Its Assumptions // *Management Accounting Research*. 2000. Vol. 11. No. 1. P. 65–88. DOI: 10.1006/MARE.1999.0121.

*Oitley D.* Performance Management: a Framework for Management Control Systems Research // *Management Accounting Research*. 1999. Vol. 10. No. 4. P. 363–382. DOI: 10.1006/mare.1999.0115.

*Phillips-Wren G., Iyer L.S., Kulkarni U., Ariyachandra T.* Business Analytics in the Context of Big Data: A Roadmap for Research // *Communications of the Association for Information Systems*. 2015. Vol. 37. P. 448–472. DOI: 10.17705/1cais.03723.

*Presley A., Meade L.* Benchmarking for Sustainability: an Application to the Sustainable Construction Industry // *Benchmarking: an International Journal*. 2010. Vol. 17. No. 3. P. 435–451. DOI: 10.1108/14635771011049380.

*Richards G., Yeoh W., Chong A.Y.L., Popovič A.* Business Intelligence Effectiveness and Corporate Performance Management: an Empirical Analysis // *Journal of Computer Information Systems*. 2019. Vol. 59. No. 2. P. 188–196. DOI: 10.1080/08874417.2017.1334244.

*Rigby D.* Management Tools and Techniques: A Survey // *California Management Review*. 2001. Vol. 43. No. 2. P. 139–160. DOI: 10.2307/41166079.

*Rom A., Rohde C.* Management Accounting and Integrated Information Systems: A Literature Review // *International Journal of Accounting Information Systems*. 2007. Vol. 8. No. 1. P. 40–68. DOI: 10.1016/j.accinf.2006.12.003.

*Tranfield D., Denyer D., Smart P.* Towards a Methodology for Developing Evidence-Informed Management Knowledge by Means of Systematic Review // *British Journal of Management*. 2003. Vol. 14. No. 3. P. 207–222. DOI: 10.1111/1467-8551.00375.

## Revealing Trends and Prospective Research Directions in the Field of Corporate Performance Management

**TATIANA K. BOGDANOVA**

Graduate School of Business, HSE University  
Moscow, Russia;  
e-mail: tanbog@hse.ru

**MAKSIM E OSHCHEPKOV**

Graduate School of Business, HSE University,  
Moscow, Russia;  
e-mail: moshchepkov@hse.ru

In the research field of corporate performance management (CPM) the new “second generation” of scientists is gradually forming, while the key role of the “first generation” of leading scholars is preserved. Considering the structural changes in socio-economic processes, the existing research due to obsolescence does not cover a significant period in the development of the field of research. The purpose of this paper is to present a picture of historical development and current research trends in the field of CPM based on *Scopus* database. An integrated approach based on bibliographic and clustering methods allowed to identify the most perspective research directions in the field of CPM, which have not lost their relevance over the last 40 years.

**Keywords:** scientometrics; bibliometric methods; systematic literature review; historical approach; cluster analysis; corporate performance management; information methods and systems.

## References

- Acito, F., Khatri, V. (2014). Business Analytics: Why Now and What Next? *Business Horizons*, 57 (5), 565–570. DOI: 10.1016/j.bushor.2014.06.001.
- Alexander, J. (2018). *Financial Planning & Analysis and Performance Management*, John Wiley & Sons.
- Anand, A., Argade, P., Barkemeyer, R., Salignac, F. (2021a). Trends and Patterns in Sustainable Entrepreneurship Research: A Bibliometric Review and Research Agenda, *Journal of Business Venturing*, 36 (3), 106092. DOI: 10.1016/j.jbusvent.2021.106092.
- Anand, A., Brons Kringelum, L., Øland Madsen, C., Selivanovskikh, L. (2021b). Inter-organizational Learning: a Bibliometric Review and Research Agenda, *The Learning Organization*, 28 (2), 111–136. DOI: 10.1108/TLO-02-2020-0023.
- Anand, A., Brix, J. (2022). The Learning Organization and Organizational Learning in the Public Sector: a Review and Research Agenda, *The Learning Organization*, 29 (2), 129–156. DOI: 10.1108/TLO-05-2021-0061.
- Andersen, H.V., Lawrie, G., Savič, N. (2004). Effective Quality Management through Third-Generation Balanced Scorecard, *International Journal of Productivity and Performance Management*, 53 (7), 634–645. DOI: 10.1108/17410400410561259.
- Barney, J.B. (2001). Resource-Based Theories of Competitive Advantage: A Ten-year Retrospective on the Resource-Based View, *Journal of Management*, 27 (6), 643–650. DOI: 10.1177/014920630102700602.
- Basu, R. (2001). New Criteria of Performance Management: a Transition from Enterprise to Collaborative Supply Chain, *Measuring Business Excellence*, 5 (4), 7–12. DOI: 10.1108/EUM00000000006514.
- Bose, R. (2006). Understanding Management Data Systems for Enterprise Performance Management, *Industrial Management and Data Systems*, 106 (1), 43–59. DOI: 10.1108/02635570610640988.
- Bosman, J., Mourik, I.V., Rasch, M., Sieverts, E., Verhoeff, H. (2006). *Scopus Reviewed and Compared: The Coverage and Functionality of the Citation Database Scopus, Including Comparisons with Web of Science and Google Scholar*, Utrecht: Utrecht University Library.
- Bourne, M., Franco, M., Wilkes, J. (2003). Corporate Performance Management, *Measuring Business Excellence*, 7 (3), 15–21. DOI: 10.1108/13683040310496462.
- BPM Standards Group (2005, September, 9). Business Performance Management Industry Framework Document 5.0. Available at: <https://www.bpmpartners.com/wp-content/uploads/2018/10/BPM-Industry-Framework-V5.pdf> (date accessed: 18.12.2023).
- Cappelli, P., Tavis, A. (2016). The Performance Management Revolution, *Harvard Business Review*, 94 (10), 58–67. DOI: 10.1002/9781119198192.
- Carpinetti, L.C.R., Galdámez, E.V.C., Gerolamo, M.C. (2008). A Measurement System for Managing Performance of Industrial Clusters: A Conceptual Model and Research Cases, *International Journal of Productivity and Performance Management*, 57 (5), 405–419. DOI: 10.1108/17410400810881854.
- Chen, H., Chiang, R.H., Storey, V.C. (2012). Business Intelligence and Analytics: From Big Data to Big Impact, *MIS Quarterly*, no. 36, 1165–1188. DOI: 10.2307/41703503.
- Davenport, T.H. (2006). Competing on Analytics, *Harvard Business Review*, 84 (1), 98.
- Elbashir, M.Z., Collier, P.A., Sutton, S.G. (2011). The Role of Organizational Absorptive Capacity in Strategic Use of Business Intelligence to Support Integrated Management Control Systems, *The Accounting Review*, 86 (1), 155–184. DOI: 10.2308/accr.00000010.

Folan, P., Browne, J. (2005). Development of an Extended Enterprise Performance Measurement System, *Production Planning and Control*, 16 (6, Spec. Iss.), 531–544. DOI: 10.1080/09537280500112355.

Frolick, M.N., Ariyachandra, T.R. (2006). Business Performance Management: One Truth, *Information Systems Management*, 23 (1), 41–48. DOI: 10.1201/1078.10580530/45769.23.1.20061201/91771.5.

Govindarajan, V., Gupta, A.K. (1985). Linking Control Systems to Business Unit Strategy: Impact on Performance, in *Readings in Accounting for Management Control* (pp. 646–668), Boston, MA: Springer. DOI: 10.1016/0361-3682(85)90031-5.

Harzing, A.W., Alakangas, S. (2016). Google Scholar, Scopus and the Web of Science: a Longitudinal and Cross-Disciplinary Comparison, *Scientometrics*, 106 (2), 787–804. DOI: 10.1007/s11192-015-1798-9.

Hull, A. (2018). Managing Business Performance: the Contrasting Cases of Two Multiple Retailers 1920 to 1939, *Business History*, 60 (7), 959–982. DOI: 10.4324/9781003138631-2.

Isaev, D.V. (2008). *Analiticheskiye informatsionnyye sistemy* [Analytical information systems], Moskva: HSE (in Russian).

Kaplan, R.S., Norton, D.P. (1996). *The Balanced Scorecard: Translating Strategy into Action*, Boston: Harvard Business School Press.

Kaplan, R.S., Norton, D.P. (2008). Mastering the Management System, *Harvard Business Review*, 86 (1), 62.

Kitova, O.V. (2012). *Kontseptsii i informatsionnaya infrastruktura obespecheniya upravleniya rezul'tativnost'yu marketinga* [Concepts and information infrastructure of marketing performance management: theory and methodology], S.-Petersburg: UNECON (in Russian).

Malina, M.A., Selto, F.H. (2001). Communicating and Controlling Strategy: an Empirical Study of the Effectiveness of the Balanced Scorecard, *Journal of Management Accounting Research*, 13 (1), 47–90. DOI: 10.2139/ssrn.278939.

Mongeon, P., Paul-Hus, A. (2016). The Journal Coverage of Web of Science and Scopus: a Comparative Analysis, *Scientometrics*, 106 (1), 213–228. DOI: 10.1007/s11192-015-1765-5.

Neely, A. (1999). The Performance Measurement Revolution: Why Now and What Next? *International Journal of Operations & Production Management*, 19 (2), 205–228 DOI: 10.1108/01443579910247437.

Neely, A., Gregory, M., Platts, K. (1995). Performance Measurement System Design: a Literature Review and Research Agenda, *International Journal of Operations & Production Management*, 15 (4), 80–116. DOI: 10.1108/01443570510633639.

Negash, S., Gray, P. (2008). Business Intelligence. Handbook on Decision Support Systems 2, *International Handbooks Information System*, vol. 2, 72–80.

Nonaka, I., Byosiere, P., Borucki, C.C., Konno, N. (1994). Organizational Knowledge Creation Theory: a First Comprehensive Test, *International Business Review*, 3 (4), 337–351. DOI: 10.1016/0969-5931(94)90027-2.

Norreklit, H. (2000). The Balance on the Balanced Scorecard a Critical Analysis of Some of Its Assumptions, *Management Accounting Research*, 11 (1), 65–88. DOI: 10.1006/MARE.1999.0121.

Otley, D. (1999). Performance Management: a Framework for Management Control Systems Research, *Management Accounting Research*, 10 (4), 363–382. DOI: 10.1006/mare.1999.0115.

Phillips-Wren, G., Iyer, L.S., Kulkarni, U., Ariyachandra, T. (2015). Business Analytics in the Context of Big Data: A Roadmap for Research, *Communications of the Association for Information Systems*, 37 (1), 23. DOI: 10.17705/1cais.03723.

Presley, A. Meade, L. (2010). Benchmarking for Sustainability: an Application to the Sustainable Construction Industry, *Benchmarking*, 17 (3), 435–451. DOI: 10.1108/14635771011049380.

Richards, G., Yeoh, W., Chong, A.Y.L., Popovič, A. (2019). Business Intelligence Effectiveness and Corporate Performance Management: An Empirical Analysis, *Journal of Computer Information Systems*, 59 (2), 188–196. DOI: 10.1080/08874417.2017.1334244.



Rigby, D. (2001). Management Tools and Techniques: A Survey, *California Management Review*, 43 (2), 139–160. DOI: 10.2307/41166079.

Rom, A. Rohde, C. (2007). Management Accounting and Integrated Information Systems: A Literature Review, *International Journal of Accounting Information Systems*, 8 (1), 40–68. DOI: 10.1016/j.accinf.2006.12.003.

Tranfield, D., Denyer, D., Smart, P. (2003). Towards a Methodology for Developing Evidence-Informed Management Knowledge by Means of Systematic Review, *British Journal of Management*, 14 (3), 207–222. DOI: 10.1111/1467-8551.00375.

***Ирина Дмитриевна Тургель***

доктор экономических наук, профессор,  
директор Школы экономики и менеджмента,  
зав. кафедрой теории, методологии и правового обеспечения  
государственного и муниципального управления  
Института экономики и управления  
Уральского федерального университета  
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,  
Екатеринбург, Россия;  
e-mail: irina.turgel@urfu.ru



***Валентина Валерьевна Дербенева***

кандидат экономических наук, доцент,  
доцент кафедры теории, методологии и правового обеспечения  
государственного и муниципального управления  
Института экономики и управления  
Уральского федерального университета  
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,  
Екатеринбург, Россия;  
e-mail: v.v.derbeneva@urfu.ru



***Злата Владиславовна Новокшопова***

делопроизводитель Центра поддержки научной деятельности  
Института экономики и управления  
Уральского федерального университета  
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,  
Екатеринбург, Россия;  
e-mail: z.v.novokshonova@urfu.ru



**Журналы, индексируемые в международных  
научометрических базах: долгое эхо Проекта «5-100»**

УДК: 378; 808.2

DOI: 10.24412/2079-0910-2024-3-253-278

В статье анализируется развитие системы индексируемых научных журналов академических организаций, являвшихся участниками Проекта «5-100». Исследование охватывает временной период с 2000 по 2021 г. и отличается широким взглядом на оценку влияния

Проекта «5-100» на развитие журнальной деятельности в России. В процессе анализа предлагается сопряжение отечественной и зарубежной классификаций видов наук, учитывается географическое распределение концентрации журналов, входящих в международную базу данных *Scopus*.

В результате исследования был предложен и апробирован подход к анализу результативности деятельности по развитию индексируемых научных журналов. Сформулированы рекомендации по формированию системы поддержки научных журналов, отвечающие современным вызовам. Отмечено, что за период реализации Проекта общее количество журналов участников Проекта «5-100», индексируемых в международной базе *Scopus*, увеличилось в четыре раза. Географическое распределение лидеров по концентрации журналов продемонстрировало лидирующие позиции Центрального, Сибирского и Уральского федеральных округов. Наиболее активно работали по вхождению в базу *Scopus* журналы социально-гуманитарной направленности.

Информационной базой исследования стали международная база данных *Scopus*, портал *SCImago Journal & Country Rank*, данные Роскомнадзора, программные и стратегические документы в сфере российской государственной научной политики, представленные на сайте Министерства высшего образования и науки РФ, справочно-правовые системы «Гарант» и «Консультант».

**Ключевые слова:** Проект «5-100», российские журналы, индексируемые журналы, международные научные базы данных, анализ результативности.

## Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Авторы выражают благодарность директору издательства Уральского федерального университета Алексею Васильевичу Подчиненову за ценные советы и рекомендации в ходе проведения исследования.

## Введение

Современный научный журнал можно сравнить с кораблем. На верхней палубе неспешно прогуливаются члены редакционного, наблюдательного и прочих советов. На нижней — крутятся члены редколлегии, примиряя авторов и рецензентов, в трюме — вычитывают, правят, макетируют технические специалисты. Капитан (главный редактор), не обращая внимания на мелочи вроде задержки финансирования, ошибок команды, претензий учредителя, пытается выпустить очередной номер. И все это для того, чтобы журнал вовремя представил читателям самые важные и интересные результаты исследований. Продолжим это сравнение с кораблем — важно не просто издать журнал: в процессе доставки нужно, с одной стороны, не повредить драгоценный груз — не нанести ущерб авторским правам ученых, а с другой, сделать так, чтобы результаты исследований стали доступны широкому профессиональному сообществу.

На этом пути очень легко сделать серьезные и не всегда поправимые ошибки. В советской модели организации науки развитию научных журналов уделялось достаточно много внимания. Функцию «доставки» брало на себя государство, да и капитаны тоже находились на государственной службе. В постсоветский период и до начала 2010-х гг. журналы, как и сама наука, пережили все тяготы перехода к стихийному рынку. Однако и потом, когда понимание значения науки и высшего образования для национального суверенитета стало возвращаться, важность развития научных журналов не была до конца осознана.

Ситуация стала меняться только с появлением в 2013 г. Проекта повышения глобальной конкурентоспособности ведущих российских университетов «Проект «5-100»» (далее — Проект)<sup>1</sup>. Практически сразу в борьбе за выполнение показателей Проекта (вхождение в международные университетские рейтинги, увеличение числа публикаций, индексируемых в международных базах, и их цитируемости и др.) стал ощущаться острый дефицит национальных «средств доставки» научных результатов на международный рынок. Зарубежные журналы не спешили предоставлять место для публикаций российским ученым. Особенно острой эта проблема была для представителей социально-гуманитарных наук, научные результаты которых не могут быть свободны от преобладающей цивилизационно-культурной парадигмы. Периодически вспыхивали скандалы, связанные с действиями отдельных издателей<sup>2</sup>. И хотя в утвержденный распоряжением Правительства РФ от 29 октября 2012 г. № 2006-р план мероприятий по развитию ведущих университетов был включен отдельный пункт «Разработка и реализация мер по продвижению российских реферируемых научных журналов (включение в базы данных «Сеть науки» (WEB of Science) и SCOPUS)», журналов и ресурсов для их издания явно не хватало. Эти факторы стали мощным толчком для роста внимания вузов — участников Проекта к развитию собственных журналов, увеличению ресурсного обеспечения для реализации этих задач.

Проект «5-100» был завершён в 2020 г. Достигнутые результаты и их последствия активно обсуждались как профессиональным сообществом [*Ключарев, Неверов*, 2018; *Shibanova et al.*, 2018], так и аудиторами Счетной палаты РФ<sup>3</sup>. Однако

<sup>1</sup> Распоряжение Правительства РФ от 29 октября 2012 г. № 2006-р «Об утверждении плана мероприятий по развитию ведущих университетов, предусматривающих повышение их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70150350/> (дата обращения: 02.11.2023). Постановление Правительства Российской Федерации от 16 марта 2013 г. № 211 «О мерах государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров». Режим доступа: <https://base.garant.ru/70336756/> (дата обращения: 02.11.2023).

<sup>2</sup> *Киселева М.* Как издательство «Наука» устроило скандал *Springer Nature*. 24.07.2017. Официальный сайт новостного портала «Indicator». Режим доступа: <https://indicator.ru/engineering-science/skandal-s-izdatelstvom-nauka-i-springer.htm> (дата обращения: 02.11.2023). Российские научные журналы попали под контроль гражданина из США. Режим доступа: [argumenti.ruhttps://argumenti.ru/interview/2023/06/837196](https://argumenti.ru/argumenti.ru/interview/2023/06/837196) (дата обращения: 02.11.2023).

<sup>3</sup> *Филипенко А.В.* Ни один из российских вузов, получивших субсидию на повышение конкурентоспособности, не вошел в первую сотню мировых рейтингов. 13.05.2020. Официальный сайт Счетной палаты РФ. Режим доступа: <https://ach.gov.ru/checks/10026> (дата обращения: 02.11.2023). *Зайцев Д.А.* Программы повышения конкурентоспособности универ-

дискуссии о результативности и влиянии Проекта на науку и высшее образование концентрировались преимущественно на проблемах публикационной активности, научной продуктивности, глобальной конкурентоспособности [Польдин и др., 2017; Guskov et al., 2018; Tsvetkova et al., 2019], в то время как оценкам изменений в сфере научной периодики было уделено недостаточное внимание. Отсутствие объективной системной оценки полученных результатов не позволяет в полной мере оценить их значение и возможность использования на новом этапе развития страны. Так, с изменением оценки результативности научных исследований и исключением из новой программы поддержки вузов «Приоритет 2030»<sup>4</sup> показателей научной активности, связанных с публикациями в журналах, индексируемых в международных базах *Scopus* и *WoS*, основными каналами представления научных результатов в России в ближайшее время будут отечественные научные журналы, качество и уровень которых должны соответствовать общемировым стандартам. При этом, несмотря на отключение России от доступа к основным базам данных *Scopus* и *WoS*, продолжается индексация уже включенных в базы данных журналов, что требует поддержания качества публикуемого материала [Kirillova, Tikhonova, 2022].

Вышеназванные обстоятельства послужили стимулом для проведения исследования, цель которого — выявить тенденции и особенности развития индексируемых в международных базах научных журналов вузов — участников Проекта «5-100» и наметить перспективы в новых условиях.

Для реализации этой цели были поставлены следующие задачи:

- 1) обосновать концептуальный подход для анализа результатов Проекта «5-100» в части создания и развития индексируемых научных журналов;
- 2) провести анализ совокупности индексируемых журналов вузов — участников Проекта с использованием предложенных качественных характеристик и количественных показателей;
- 3) сформулировать рекомендации для развития индексируемых журналов с учетом специфики современного этапа развития сферы науки и образования.

## Теория и методология исследования

Основой авторского аналитического подхода выступает теория программно-целевого управления в сфере государственной политики. Авторы придерживаются точки зрения М.А. Екатериновской, подчеркивающей необходимость перехода от «управления по результатам» к «управлению развитием» [Екатериновская, 2020]. При этом эффективное использование инструментов программно-целевого управления в сфере высшего образования и науки серьезно затруднено в силу наличия

---

ситетов запустили трансформацию российских вузов. Официальный сайт Счетной палаты РФ. Режим доступа: <https://ach.gov.ru/checks/programmy-povysheniya-konkurentosposobnosti-universitetov-zapustili-transformatsiyu-rossiyskikh-vuzo> (дата обращения: 02.11.2023).

<sup>4</sup> Постановление Правительства Российской Федерации от 13 мая 2021 г. № 729 «О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства “Приоритет 2030”». Режим доступа: <https://base.garant.ru/400793960/> (дата обращения: 02.11.2023).

комплекса проблем концептуальной определенности и содержательной преемственности [Зайцев, 2017]. Следуя логике «управления развитием», авторы разделяют результативность в узком смысле, понимаемую как достижение поставленных целей программы, и результативность в широком смысле, рассматриваемую как текущее и долгосрочное влияние государственной программы на определенный сектор социально-экономической системы страны.

Обзор научной литературы показал, что вопросы результативности Проекта с точки зрения выполнения показателей программы достаточно подробно освещены в работах отечественных исследователей. В этом пуле статей дается оценка влияния Проекта на публикационную активность университетов и его вклада в повышение конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров [Руденко, 2020; Берестов и др., 2020; Акоев, Москалева, 2020].

Второй блок статей посвящен влиянию Проекта на глубинные процессы развития науки и образования. В статье И.Г. Дежиной и Г.З. Ефимовой подчеркивается влияние Проекта на развитие научно-образовательной среды, выявлены побочные эффекты введенной в вузах-участниках системы показателей, что в основном было связано с формализацией оценки научной деятельности университетов [Дежина, Ефимова, 2020]. Поднимаются вопросы о необходимости упора не на количественные, а на качественные показатели. В частности, отмечается, что необходима ориентация на поддержку российских журналов и публикуемых в них статей. В статье Г.А. Ключарева и А.В. Неверова [Ключарев, Неверов, 2018] делается акцент на влиянии Проекта на процесс модернизации российского образования и науки, выявлены весомые и позитивные стороны Проекта «5-100». Среди прочих факторов, препятствующих международной конкурентоспособности вузов, указаны несоответствие предметной структуры национального публикационного потока структуре глобальной науки, а также недостаточная квалификация и репутация российских ученых. С целью увеличения объективности оценки деятельности журналов в научной среде встречаются предложения о введении новых систем библиометрических показателей журналов [Михайлов, 2023], однако использование внутренних ресурсов, прямо или косвенно ставящих такие задачи, для решения этих проблем не предлагается.

В качестве объекта исследования выступают научные журналы, вошедшие в единую международную базу данных рецензируемой научной литературы *Scopus*, учредителями и/или издателями которых являются вузы — участники Проекта «5-100». Выбор базы *Scopus* обусловлен тем, что российские вузы, ставя задачу вхождения в международные рейтинги (*QS*, *THE* и *ARWU*), ориентировались в первую очередь на рейтинги *QS* и *THE*, которые учитывают публикации, индексируемые в этой базе. Информация анализировалась за период 2014–2021 гг. Начало периода отнесено к 2014 г., так как первое решение о распределении субсидий Проекта было принято в конце третьего квартала 2013 г. и уже не могло оказать влияние на итоговые годовые показатели. Конец анализируемого периода отнесен к 2021 г. в силу высокой инерционности работы с научной периодикой. В частности, только в 2021 г. были приняты решения по заявкам на включение в *Scopus*, поданным в 2020 г.

Анализ индексируемых журналов осуществлялся на основе широкого круга качественных параметров, характеризующих распределение функций издателя и



учредителя, политику в области доступа к материалам журнала, языковую политику, активность создания новых журналов и включения журналов в *Scopus* в разные периоды времени, предметную специализацию. Качественные характеристики были дополнены количественными, а именно: наукометрическими показателями, используемыми для характеристики положения журнала в иерархии индексируемых изданий; показателями, характеризующими структурные сдвиги в составе совокупности анализируемых журналов, в том числе с учетом пространственного фактора.

Новизна авторского подхода в сравнении с ранее проведенными исследованиями определяется следующими положениями:

- длительный временной охват (с 2000 по 2021 г.), позволяющий показать эволюционные изменения анализируемой совокупности;
- использование набора характеристик и показателей, позволяющих оценить совокупность индексируемых журналов с точки зрения соответствия приоритетам государственных программ поддержки науки и высшего образования;
- обоснование варианта сопряжения классификации предметных областей научного знания, используемых в РФ и за рубежом;
- выявление пространственных сдвигов в составе вузов — учредителей российских журналов, индексируемых в *Scopus*.

Используемый набор анализируемых параметров позволил показать, каким образом развитие журналов, индексируемых в *Scopus*, напрямую или опосредованно способствовало достижению целей Проекта [Ключарев, Неверов, 2018].

В процессе работы были использованы три вида источников данных.

Первый — информация о журналах, представленная в библиометрической международной базе данных *Scopus* и на портале *SCImago Journal & Country*, включающем в себя научные показатели журналов и стран, разработанные на основе информации в базе данных *Scopus* (разработчик — исследовательская группа *SCImago*).

Второй — данные Роскомнадзора, аккумулированные в перечне наименований зарегистрированных СМИ РФ, а именно, данные о языке публикаций и учредителях журналов.

Третий — программные и стратегические документы в сфере российской государственной научной политики, представленные на сайте Министерства высшего образования и науки РФ, в справочно-правовых системах по законодательству РФ «Гарант» и «Консультант».

Дополнительная верификация наличия организационных связей между вузом и журналом проводилась на основании данных о научных изданиях, представленных на официальном сайте соответствующего университета.

## Результаты

### Учредители и издатели журналов

По итогам 2021 г. из 21 вуза — участника Проекта «5-100» 19 являлись учредителями или издателями 94 журналов, индексируемых в *Scopus* (табл. 1). В конце 2013 г. эти вузы выпускали всего 23 журнала. Если в вузах — участниках Проекта количество индексируемых журналов выросло более чем в четыре раза, то в целом по РФ —

в 3,3 раза<sup>5</sup>. Первые три позиции по количеству учрежденных индексируемых журналов занимают Томский государственный университет, Высшая школа экономики и Уральский федеральный университет. Эти вузы стали учредителями 39 журналов, что составило 41,5% от общего числа журналов участников Проекта, индексируемых в *Scopus*. Лидерство этих вузов не случайно и, по мнению авторов, объясняется следующим комплексом факторов: во-первых, высоким уровнем проводимых научных исследований; во-вторых, наличием собственных мощных издательств полного цикла; в-третьих, комплексной лингвистической поддержкой авторов и редколлегий [Попова, Хабирова, 2023].

Анализ количества журналов по типу учредителей показал, что из 94 рассматриваемых журналов большая часть (51 журнал) учреждена национальными исследовательскими университетами (НИУ), 23 — федеральными университетами (ФУ) и 20 — прочими университетами. Лидирующая позиция НИУ по количеству журналов *Scopus* коррелирует с показателем общего количества статей в разрезе типа участников Проекта «5-100». Так, по данным 2018 г. вклад НИУ в общее количество статей по Проекту «5-100» составлял 63,6% (Q1 — 72,36%, Q2 — 67,5%), по количеству цитирований публикаций — 73,7% [Берестов и др., 2020; Гусева и др., 2022].

Учредитель журнала не всегда является издателем. В анализируемой совокупности 20% журналов издается не учредителями. Как правило, различие учредителей и издателей обуславливается индивидуальной историей каждого журнала, наличием устойчивых связей между различными научно-образовательными организациями. Чаще всего в качестве издателей выступают институты Академии наук (6 журналов). МИСИС выбрал модель, когда издателями журналов преимущественно выступают специализированные издательства научной литературы, выпускающие научную периодику и книги (издательства «Калвис» и «Руда и металлы»). Эти издательства издают пять из девяти индексируемых в *Scopus* журналов, учредителем которых является МИСИС. Другой вариант — журнал издается зарубежным издательством (6 журналов). Среди них как крупнейшие мировые издательства *Springer*, *Elsevier*, *Pleiades Publishing*, так и издательства узкоспециализированные: *WIT Press*, *Mathematical Sciences Publishers*, *IOP Publishing*. Это позволяет организовать доступ к статьям через платформы, обеспечивающие видимость журнала в международном академическом сообществе. Отдельно выделяется кейс Российского университета дружбы народов (РУДН). Если общей моделью анализируемых вузов является передача партнерам функций издания журнала, то у РУДН по двум журналам ситуация обратная. В этом случае учредители — иные субъекты, которые не являются участниками Проекта «5-100», а РУДН выступает в качестве издателя (соиздателя).

Выделение позиций издателя и учредителя позволяет более четко показать особенности организации издания научной периодики в РФ. К таким особенностям относятся: ведущая роль вузов и академических институтов как учредителей научных журналов; выполнение одной структурой и функций учредителя, и функций издателя; высокая дисперсность распределения журналов по учредителям. Для сравнения: за рубежом издательской деятельностью занимаются преимущественно коммерческие издательские дома и научные общества (*Elsevier*, *Wiley*, *Springer*, *RSC*

<sup>5</sup> Рассчитано по данным *Scimago Journal & Country Rank*. Режим доступа: <https://www.scimago-jr.com/journalrank.php?country=RU&type=j&year=2022> (дата обращения: 02.11.2023).

и др.). При этом даже специализированные зарубежные научные издательства зачастую многократно превосходят российские.

При идентификации принадлежности журнала часто возникает вопрос: чья роль важнее — учредителя или издателя. Следуя логике исследования О.В. Москалевой и М.А. Акоева, обосновывающих приоритет страны-учредителя при идентификации происхождения журнала, «принадлежность» журнала также логично определять по вузу-учредителю [Москалева, Акоев, 2022]. Присоединимся к этой позиции, поскольку, как показывает практика, именно учредитель является участником, заинтересованным в успешности журнала<sup>6</sup>.

*Табл. 1.* Количество журналов, в которых учредителями или издателями являются вузы — участники Проекта «5-100» в 2014 и 2021 гг.

*Table 1.* Number of journals in which the founders or publishers are universities — participants of the Project “5-100” in 2014 and 2021

| №  | Название учредителя  | Кол-во журналов в 2014 г. | Кол-во журналов в 2021 г. |
|----|--|---------------------------|---------------------------|
| 1  | Национальный исследовательский Томский государственный университет                             | 3                         | 15                        |
| 2  | Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»                            | 2                         | 13                        |
| 3  | Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина                 | 2                         | 11                        |
| 4  | Российский университет дружбы народов  | —                         | 10                        |
| 5  | Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»                             | 4                         | 9                         |
| 6  | Казанский федеральный университет  | 3                         | 5                         |
| 7  | Сибирский федеральный университет  | —                         | 4                         |
| 8  | Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского | 1                         | 3                         |
| 9  | Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ  | 2                         | 3                         |
| 10 | Новосибирский национальный исследовательский государственный университет                       | 2                         | 3                         |
| 11 | Балтийский федеральный университет им. И. Канта  | —                         | 3                         |
| 12 | Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого                                 | 2                         | 3                         |
| 13 | Южно-Уральский государственный университет   | —                         | 3                         |
| 14 | Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева             | 1                         | 2                         |
| 15 | Тюменский государственный университет  | 1                         | 2                         |

<sup>6</sup> В качестве примера можно привести приостановку распространения англоязычных версий шести ведущих российских журналов издательством *IOP Publishing* в конце июня 2022 г., что поставило под угрозу их дальнейшую деятельность. Официальный сайт Минобрнауки РФ. Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/55782/> (дата обращения: 02.11.2023).

Окончание табл. 1

End of the table 1

| №     | Название учредителя  | Кол-во журналов в 2014 г. | Кол-во журналов в 2021 г. |
|-------|--|---------------------------|---------------------------|
| 16    | Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (ИТМО) | —                         | 2                         |
| 17    | Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова  | —                         | 1                         |
| 18    | Московский физико-технический институт   | —                         | 1                         |
| 19    | Национальный исследовательский Томский политехнический университет   | —                         | 1                         |
| Итого |  | 23                        | 94                        |

Источник: расчеты авторов.

### От создания журнала до вхождения в Scopus

Важным для понимания вклада Проекта в развитие журналов является сопоставление информации о датах основания журналов и вхождения в базу *Scopus*. Так, за период Проекта было основано 17 журналов, которым удалось в рамках того же периода пополнить список индексируемых в *Scopus* журналов (табл. 2). Наиболее результативным вузом по этому показателю оказался Уральский федеральный университет, шесть из 11 журналов которого было учреждено в 2014–2021 гг.; в остальных университетах (кроме НИУ ВШЭ и НИ ТГУ) прирост составил не более одного журнала. Таким образом, можно говорить о том, что наряду с активным созданием новых журналов вузы вкладывали существенные ресурсы в улучшение качественных показателей уже существующих изданий.

Табл. 2. Период основания журналов, индексируемых в *Scopus*Table 2. *Scopus* indexed journal founding period

| № | Учредитель / издатель  | До 2000 | От 2001 до 2013 | От 2014 до 2021 | Итого |
|---|--|---------|-----------------|-----------------|-------|
| 1 | Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого                                 | 1       | 2               | —               | 3     |
| 2 | Балтийский федеральный университет им. И. Канта  | —       | 3               | —               | 3     |
| 3 | Московский физико-технический институт   | —       | 1               | —               | 1     |
| 4 | Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского | 2       | —               | 1               | 3     |
| 5 | Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»                             | 7       | 2               | —               | 9     |
| 6 | Национальный исследовательский Томский государственный университет                             | 3       | 10              | 2               | 15    |
| 7 | Национальный исследовательский Томский политехнический университет                             | 1       | —               | —               | 1     |

Окончание табл. 2

End of the table 2

| №     | Учредитель / издатель  | До 2000 | От 2001 до 2013 | От 2014 до 2021 | Итого |
|-------|--|---------|-----------------|-----------------|-------|
| 8     | Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»  | 3       | 7               | 3               | 13    |
| 9     | Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ  | 2       | 1               | —               | 3     |
| 10    | Новосибирский национальный исследовательский государственный университет   | 1       | 2               | —               | 3     |
| 11    | Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова  | —       | —               | 1               | 1     |
| 12    | Российский университет дружбы народов  | 3       | 6               | 1               | 10    |
| 13    | Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева                                 | 1       | —               | 1               | 2     |
| 14    | Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (ИТМО) | —       | 2               | —               | 2     |
| 15    | Тюменский государственный университет  | 1       | —               | 1               | 2     |
| 16    | Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина                                     | 2       | 3               | 6               | 11    |
| 17    | Южно-Уральский государственный университет   | —       | 2               | 1               | 3     |
| 18    | Казанский Федеральный университет  | 4       | 1               | —               | 5     |
| 19    | Сибирский федеральный университет  | —       | 4               | —               | 4     |
| Итого |  | 31      | 46              | 17              | 94    |

Источник: расчеты авторов.

Это предположение подтверждается данными за период, в котором начинается индексация журналов (табл. 3). За время Проекта было впервые проиндексировано в *Scopus* более 72% журналов от общей выборки (в сравнении с количеством учрежденных — 18%). Так, наибольшее количество журналов вошло в базу *Scopus* в период второй фазы реализации Проекта (2017–2019 гг.) — 28 журналов. Показателем готовности российских журналов к вступлению в международные базы явился результат следующего года после окончания Проекта. Так, только в 2021 г. в базу *Scopus* вошло 13 журналов вузов — участников Проекта «5-100», что говорит о серьезном качественном скачке в развитии научной периодики.

Табл. 3. Период, в котором начинается индексация журналов в международной базе *Scopus*

Table 3. Period in which the indexing of journals in the international database *Scopus* began

| Период              | До 2000 | От 2001 до 2013 | От 2014 до 2016 | От 2017 до 2019 | 2020 | 2021 | Общий итог |
|---------------------|---------|-----------------|-----------------|-----------------|------|------|------------|
| Количество журналов | 4       | 19              | 23              | 28              | 7    | 13   | 94         |

Источник: расчеты авторов.

В таблице 4 представлено распределение журналов *Scopus*, учрежденных участниками Проекта «5-100», в разрезе языков издания и периода вступления в *Scopus*. Отчетливо просматривается тенденция сохранения русского языка как одного из основных языков научных публикаций: 34% журналов выбрали в качестве языка издания русский, 35% — предусмотрели возможность публикации статей на русском и английском языках. Важно отметить, что в период реализации Проекта (2014–2020 гг.) в базу *Scopus* вошло 22 русскоязычных журнала и 21 журнал, издаваемый на русском и английском языках, что составляет 46% от рассматриваемой выборки. Увеличение количества изданий на русском языке расширило возможности выполнения показателей Проекта за счет публикации статей в отечественных журналах, учитывающих особенности российской научной традиции.

Табл. 4. Языки издания журналов, индексируемых в *Scopus*, вузов — участников Проекта «5-100»

Table 4. Languages of journals' publication indexed in *Scopus*, universities — participants of the Project “5-100”

| Язык издания / Период вступления в <i>Scopus</i>                 | от 2000 | от 2001 до 2013 | от 2014 до 2016 | от 2017 до 2020 | от 2020 до 2021 | Кол-во |
|--|---------|-----------------|-----------------|-----------------|-----------------|--------|
| Русский, английский  | 1       | 5               | 5               | 16              | 6               | 33     |
| Русский  | 2       | 6               | 12              | 10              | 2               | 32     |
| Английский   | 1       | 6               | 5               | 9               | 3               | 24     |
| Русский, английский, немецкий, французский                       | —       | —               | 1               | —               | —               | 1      |
| Русский, английский, немецкий, французский, болгарский, сербский | —       | —               | —               | —               | 1               | 1      |
| Русский, украинский, английский, русинский                       | —       | 1               | —               | —               | —               | 1      |
| Русский, английский, французский, немецкий                       | —       | 1               | —               | —               | —               | 1      |
| Русский, английский, немецкий                                    | —       | —               | —               | —               | 1               | 1      |
| Итого  | 4       | 19              | 23              | 29              | 19              | 94     |

Источник: расчеты авторов.

### Предметные области и сфера научной специализации

Еще один важный вопрос — в каких именно предметных областях специализируются индексируемые журналы. Представляется важным сопоставить классификацию, применяемую в *Scopus*, со сложившейся в России структурой научного знания. Для этого анализируемая совокупность журналов сначала была структурирована с использованием классификации, применяемой *Scopus* (All Science Journals Classification — далее ASJC)<sup>7</sup>. Затем предметные области *Scopus* были соотнесены с используемой в РФ классификацией видов наук (в данном случае использовалась

<sup>7</sup> Классификация содержит 334 рубрики из 30 предметных областей, разделяемых на четыре общих группы: Health Science; Life Sciences; Physical Sciences; Social Sciences and humanities. Режим доступа: [https://service.elsevier.com/app/answers/detail/a\\_id/12007/supporthub/scopus/](https://service.elsevier.com/app/answers/detail/a_id/12007/supporthub/scopus/) (дата обращения: 02.11.2023).



классификация, применяемая в номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени в России<sup>8</sup> (далее — номенклатура)). В результате все журналы были распределены по областям наук номенклатуры: естественные, технические, социальные и гуманитарные, сельскохозяйственные, медицинские (табл. 5). Соотнесение вышеназванных подходов к классификации осуществлялось в том числе с учетом содержательного описания предметного поля определенной области наук, содержащегося в Британской энциклопедии и Российском энциклопедическом словаре.

*Табл. 5. Распределение журналов по областям наук и отраслям знаний Scopus в 2014 и 2021 гг.*

*Table 5. Distribution of journals by field of science and branches of knowledge Scopus in 2014 and 2021*

| <b>Область знаний (Scopus) / Области наук (номенклатура научных специальностей РФ)</b> | <b>Кол-во журналов на 2014 г.</b> | <b>Кол-во журналов на 2021 г.</b> |
|--|-----------------------------------|-----------------------------------|
| <b><i>Естественные науки, в том числе</i></b>  | <b>14</b>                         | <b>37</b>                         |
| Mathematics  | 2                                 | 4                                 |
| Mathematics; Computer Science  | —                                 | 2                                 |
| Mathematics; Engineering   | —                                 | 1                                 |
| Engineering  | 1                                 | 1                                 |
| Computer Science   | 1                                 | 3                                 |
| Physics and Astronomy  | 1                                 | 1                                 |
| Engineering; Physics and Astronomy   | 2                                 | 2                                 |
| Engineering; Materials Science; Physics and Astronomy                                  | 1                                 | 2                                 |
| Materials Science  | 2                                 | 5                                 |
| Mathematics; Materials Science; Physics and Astronomy                                  | —                                 | 1                                 |
| Engineering; Computer Science; Materials Science; Physics and Astronomy                | —                                 | 1                                 |
| Materials Science; Mathematics; Engineering  | —                                 | 1                                 |
| Mathematics; Physics and Astronomy   | —                                 | 3                                 |
| Chemical Engineering; Chemistry  | —                                 | 1                                 |
| Chemistry  | —                                 | 1                                 |
| Chemical Engineering; Materials Science; Chemistry                                     | —                                 | 1                                 |
| Materials Science; Chemistry; Physics and Astronomy                                    | 2                                 | 2                                 |
| Earth and Planetary Sciences   | 2                                 | 2                                 |
| Environmental Science  | —                                 | 1                                 |
| <b><i>Технические науки, в том числе</i></b>   | <b>1</b>                          | <b>2</b>                          |
| Energy   | —                                 | 1                                 |

<sup>8</sup> Приказ Минобрнауки России от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в положение о совете по защите диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» от 24 февраля 2021 г. № 118 (зарегистрирован Минюстом России 6 апреля 2021 г., регистрационный № 62 998).

Окончание табл. 5

End of the table 5

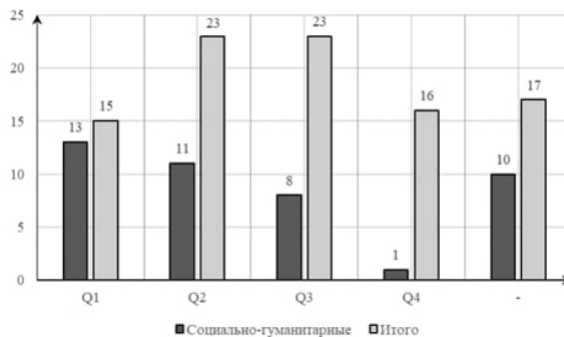
| Область знаний ( <i>Scopus</i> ) / Области наук (номенклатура научных специальностей РФ)                                    | Кол-во журналов на 2014 г. | Кол-во журналов на 2021 г. |
|---|----------------------------|----------------------------|
| Engineering; Computer Science   | 1                          | 1                          |
| <b><i>Социальные и гуманитарные науки, в том числе</i></b>  | <b>4</b>                   | <b>43</b>                  |
| Arts and Humanities   | 1                          | 5                          |
| Arts and Humanities: Philosophy   | —                          | 1                          |
| Arts and Humanities: Language and Linguistics; Social Sciences: Linguistics and Language                                    | —                          | 1                          |
| Psychology  | —                          | 1                          |
| Arts and Humanities; Social Sciences  | 3                          | 16                         |
| Arts and Humanities; Social Sciences; Economics, Econometrics and Finance   | —                          | 1                          |
| Economics, Econometrics and Finance   | —                          | 1                          |
| Decision Sciences; Social Sciences; Economics, Econometrics and Finance; Business, Management and Accounting                | —                          | 1                          |
| Social Sciences   | 1                          | 9                          |
| Social Sciences; Business, Management and Accounting; Economics, Econometrics and Finance                                   | —                          | 1                          |
| Social Sciences; Economics, Econometrics and Finance  | —                          | 3                          |
| Business, Management and Accounting; Psychology   | —                          | 1                          |
| Social Sciences; Psychology   | —                          | 2                          |
| <b><i>Социальные и гуманитарные науки; естественные науки, в том числе</i></b>  | <b>1</b>                   | <b>2</b>                   |
| Social Sciences; Earth and Planetary Sciences; Environmental Science  | —                          | 1                          |
| Economics, Econometrics and Finance; Social Sciences; Business, Management and Accounting; Environmental Science            | 1                          | 1                          |
| <b><i>Социальные и гуманитарные науки; естественные науки; технические</i></b>  | <b>—</b>                   | <b>1</b>                   |
| Social Sciences; Energy; Environmental Science  | —                          | 1                          |
| <b><i>Сельскохозяйственные науки</i></b>  | <b>1</b>                   | <b>1</b>                   |
| Agricultural and Biological Sciences  | 1                          | 1                          |
| <b><i>Медицинские науки</i></b>   | <b>—</b>                   | <b>2</b>                   |
| Arts and Humanities; Medicine   | —                          | 1                          |
| Health Professions; Medicine  | —                          | 1                          |
| <b><i>Естественные, медицинские</i></b>   | <b>—</b>                   | <b>1</b>                   |
| Medicine; Biochemistry, Genetics and Molecular Biology  | —                          | 1                          |
| <b><i>Естественные, сельскохозяйственные</i></b>  | <b>—</b>                   | <b>2</b>                   |
| Agricultural and Biological Sciences; Environmental Science; Biochemistry, Genetics and Molecular Biology                   | —                          | 2                          |
| <b><i>Технические, естественные</i></b>   | <b>1</b>                   | <b>3</b>                   |
| Chemical Engineering; Engineering; Earth and Planetary Sciences   | —                          | 1                          |
| Agricultural and Biological Sciences; Chemistry; Materials Science  | —                          | 1                          |
| Earth and Planetary Sciences; Agricultural and Biological Sciences; Chemistry; Biochemistry, Genetics and Molecular Biology | 1                          | 1                          |
| <b>Общий итог</b>   | <b>23</b>                  | <b>94</b>                  |

Источник: расчеты авторов.

Анализ журналов в разрезе отраслей наук показал, что 46% рассматриваемой выборки журналов относятся к социальным и гуманитарным наукам. С одной стороны, этот результат обусловлен тем, что 11 из 21 участников вузов Проекта «5-100» в той или иной степени специализируются на гуманитарных науках [Шибанова и др., 2018]. Кроме того, за время действия Проекта наибольший рост по представленности отмечается в журналах социально-гуманитарного направления (39 журналов), при этом прирост журналов естественных и технических наук составил всего 26 журналов. Вместе с тем полученный результат нельзя считать изначально предопределенным, так как именно исследователи области социально-гуманитарного знания имели существенно меньший опыт международных публикаций.

### Количественные показатели качества журналов

Анализ распределения журналов *Scopus* по квартилям SJR в разрезе видов наук (рис. 1) показал, что журналы социально-гуманитарного профиля преобладают не только в общем количестве индексируемых журналов, но и в составе журналов, входящих в квартиль Q1 и Q2 (соответственно 87 и 48% от общего количества журналов). Высока доля этих журналов и в категории без квартиля (59%), что также говорит об их высоком потенциале, учитывая, что в категорию без квартиля попадают преимущественно журналы, недавно вошедшие в *Scopus*. По мнению экспертов, российские социально-гуманитарные журналы имели больше шансов на включение в базы данных научного цитирования *Scopus* и *Web of Science* по следующим причинам: во-первых, это более высокий уровень цитирования статей социальных и гуманитарных наук; во-вторых, обеспечение высоких показателей языковой интернационализации журнала и приглашение авторов с высокими научными показателями уже на старте журнала [Акоев, Москалева, 2020]. Также изначально высокая мотивация вступления в международные базы российских журналов социально-гуманитарной направленности была обусловлена сложностями публикации российских исследований на Западе в связи с различными требованиями к научным публикациям в российской и зарубежной практике [Гринева, 2023]. Наибольшее количество рассматриваемых журналов относится к квартилям Q2 и Q3 по метрике SJR (*Scopus*), их доля в общем количестве индексируемых журналов вузов — участников Проекта составила 46%.



Источник: расчеты авторов

Рис. 1. Доля общественных и гуманитарных журналов в общем количестве журналов в разрезе квартилей SJR в 2021 г.

Fig. 1. Share of social and humanitarian journals in the total number of journals by SJR quartiles in 2021. Source: authors' calculations

Анализ распределения журналов по показателю цитирования *CiteScore* показал, что 69% журналов находятся в диапазоне от 0,0 до 1,0 значения, при этом девять журналов имеют нулевой показатель *CiteScore*. Все журналы с нулевым показателем относятся к новым журналам, еще не имеющим квартилей (рис. 2). Наивысшие показатели имеет журнал “Magazine of Civil Engineering” (технические науки, Q1), учредителем которого является Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, со значением 4,8, а также журнал «Компьютерная оптика / Computer Optics» (технические и точные науки, Q2) Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева с максимальным значением — 5,2. Интересно отметить, что наименьшая доля журналов с нижним порогом цитируемости, в диапазоне 0,0 до 1,0, находится в зоне журналов с квартилем Q2 (35%), что говорит о востребованности журналов этого квартиля научным сообществом. В свою очередь большинство журналов уровня Q1 имеет относительно низкие показатели цитирования, в 73% журналов этой категории показатель *CiteScore* находится на нижнем уровне (0,0 до 1,0).

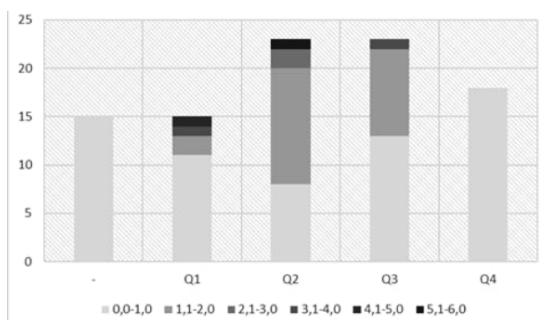


Рис. 2. Распределение журналов показателю цитируемости *CiteScore* по квартилям SJR, 2021 г.

Fig. 2. Distribution of *CiteScore* citation index journals by SJR quartiles, 2021

Большое значение для развития журнала имеет тип доступа к контенту. Статьи открытого доступа потенциально могут получать больше цитирований при сопоставимом качестве публикуемых статей [Ливовар и др., 2019]. В данном случае, помимо количественного преимущества журналов гуманитарной и социальной направленности, все журналы этого типа имеют открытый доступ; закрытый доступ характерен для журналов естественных технических и точных наук. Всего лишь 10 журналов из 94 выбрали для себя режим закрытого доступа.

### Центр и регионы: реальна ли смена лидеров?

Развитие системы высшего образования в РФ характеризуется разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, действует политика концентрации финансовой поддержки университетов-лидеров с усилением финансирования на точках роста, что обусловлено, прежде всего, бюджетными ограничениями [Абанкина, 2019]. Обратной стороной политики концентрации на точках роста зачастую становится сжатие общего образовательного пространства регионов [Екимова, 2017]. Применительно к анализируемой выборке журналов следует отметить, что возможности, предоставляемые Проектом «5-100», активно использовали именно региональные

вузы. Только вузы Приволжского и Северо-Западного федеральных округов продемонстрировали рост количества индексируемых журналов ниже общего показателя Проекта. В вузах УрФО количество индексируемых журналов выросло в 5,3 раза, в вузах ЦФО — в 4,63, в вузах СФО — в 4,6 раза (табл. 7).

Табл. 7. Распределение индексируемых журналов участников Проекта «5-100» по федеральным округам Российской Федерации

Table 7. Distribution of indexed journals participating in the Project “5-100” by federal districts of Russia

| Федеральный округ  | Количество журналов |           | 2021/2013, % |
|--------------------|---------------------|-----------|--------------|
|                    | 2013                | 2021      |              |
| Приволжский ФО     | 5                   | 10        | 200          |
| Северо-Западный ФО | 2                   | 8         | 400          |
| Сибирский ФО       | 5                   | 23        | 460          |
| Уральский ФО       | 3                   | 16        | 533,3        |
| Центральный ФО     | 8                   | 37        | 462,5        |
| <b>Итого</b>       | <b>23</b>           | <b>94</b> | <b>408,7</b> |

Источник: расчеты авторов.

В разрезе субъектов РФ за пределами Москвы только в Томской области действуют два вуза — участника Проекта, которые в свою очередь являются учредителями индексируемых журналов. В остальных регионах эта деятельность сконцентрирована в единственном вузе, расположенном в столице субъекта. Распределение журналов по локализации учредителей в разрезе городов показало, что лидирующие позиции занимает Москва (37 журналов), на втором месте Томск (16 журналов) и на третьем — Екатеринбург (11 журналов). Эти три города формируют 68% от всей совокупности журналов участников Проекта «5-100», индексируемых в *Scopus*. При этом Томск и Екатеринбург являются не просто местами дислокации ведущих национальных вузов, но и примером активного развития научно-образовательного сектора как элемента социально-экономической системы города [Тургель и др., 2023]. Далее с большим отрывом идут Санкт-Петербург и Казань, в которых представлено по пять журналов; в вузах остальных городов действует четыре и менее журналов. С точки зрения качественных показателей журналы столичных вузов пока выигрывают. Так, из 25 журналов, входящих в 1-й и 2-й квартиль *Scopus* по *SJR*, 15 издается в Москве. Примечательно, что регионы — лидеры по количеству индексируемых журналов являются лидерами национального рейтинга научно-технологического развития (НТР) субъектов РФ по итогам 2021 г.<sup>9</sup>, что свидетельствует о наличии устойчивых связей между научно-исследовательской деятельностью и развитием научной периодики как формы представления полученных научных результатов.

<sup>9</sup> Национальный рейтинг научно-технологического развития субъектов Российской Федерации по итогам 2021 г. Официальный сайт Минобрнауки РФ. Режим доступа: <https://vk.cc/ciGSwM> (дата обращения: 21.10.2023).

## Обсуждение

В декабре 2020 г. завершился Проект повышения глобальной конкурентоспособности ведущих российских университетов «Проект 5-100», который являлся основной стратегической инициативой в сфере высшего образования в 2013–2020 гг. Несмотря на то что не все амбициозные задачи Проекта были выполнены, значительное финансирование способствовало интернационализации всех областей деятельности вузов — участников Проекта (всего 21 вуз), развитию кадрового потенциала и росту публикационной активности в изданиях, индексируемых в международных базах данных *Scopus* и *WoS* [Гусева и др., 2022]. Этот Проект стал мощным стимулом для развития российских журналов, индексируемых в международных базах<sup>10</sup>. Серьезную консультационную поддержку журналам, стремящимся к включению в *Scopus*, на систематической основе оказывала Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ), созданная при поддержке Минобрнауки России [Кириллова, 2015] и последовательно формирующая «экосистему» развития российских научных изданий.

Параллельно с развитием собственных журналов отмечался существенный рост числа публикаций в высокоцитируемых журналах уже в первые годы реализации программы [Польдин и др., 2017]. Однако наибольший эффект по показателю публикационной активности проявился по прошествии нескольких лет после начала Проекта, причем не только по количеству публикаций, но и их качеству (рост публикаций в журналах наивысших квартилей Q1 и Q2) [Руденко, 2020]. Таким образом, научная активность университетов активно поддерживалась входением российских журналов в международные базы. Этот факт подтверждается исследованиями научной активности российских учреждений Н.Ф. Моед и др. на основе данных 2012–2016 гг., где было показано, что увеличение доли российских статей в *Scopus* и *WoS* зависит от включения большего числа русскоязычных журналов в международные базы [Moed et al., 2018]. В свою очередь увеличение числа документов из российских учреждений, индексируемых в *Scopus*, в значительной степени обусловлено увеличением числа статей, использующих русский язык в качестве языка публикации. По расчетам авторов, доля статей в журналах на русском языке за 2006–2016 гг. в *Scopus* выросла с 4,8 до 14,8%.

С другой стороны, в высокорейтинговых российских журналах процент статей авторов с зарубежными аффилиациями достаточно низок. Наблюдается тенденция повышения уровня интернационализации авторского состава по мере повышения рейтинговых показателей журнала. В большинстве российских журналов *Scopus* уровня Q3–Q4 процент статей с иностранным соавторством находится на уровне 0%, в разрезе изданий Q1 рассматриваемой выборки среднее значение доли таких статей — 8,15%, при этом только в четырех журналах из 15 это значение превышает 10% (Приложение 1). Следовательно, на данный момент в основном в российских

<sup>10</sup> Другие форматы поддержки не оказали столь же существенного влияния на деятельность участников Проекта «5-100». В частности, в 2014–2019 гг. Минобрнауки России реализовывалась программа «Поддержка развития научных журналов с целью их вхождения в международные наукометрические базы». Поддержку в рамках этой программы получили восемь журналов из семи вузов — участников Проекта, что составляет всего 8,5% от общего числа рассматриваемых журналов.



журналах наивысшего квартиля *Scopus* публикуются работы отечественных ученых<sup>11</sup>.

Вышеназванные факты демонстрируют, что увеличение количества индексируемых в *Scopus* российских журналов способствует росту публикационной активности авторов, которые преимущественно аффилированы с российскими научными учреждениями, повышает «видимость» национальной науки и степень ее интеграции в мировое научное сообщество, позволяет увеличить пул «лояльных» к национальным авторам журналов [Казимирчик и др., 2020]. И если ученые и эксперты все чаще говорят о необходимости и эффективности использования для повышения международного влияния страны «мягкой силы», то одним из возможных практических инструментов этого влияния могут стать и научные журналы, причем как социогуманитарного, так и естественно-технического профиля [Леонова, 2015; Антонова и др., 2020].

Тем не менее достигнутые участниками Проекта результаты в сфере развития индексируемых научных журналов были с очевидностью недооценены. Новая масштабная стратегическая инициатива «Приоритет-2030», стартовавшая в 2021 г., ориентирована на научное лидерство России с акцентом на региональном и отраслевом развитии и в эксплицитной форме уже не включает целей, связанных с поддержкой журналов, входящих в международные базы. Вместе с тем в условиях современных геополитических вызовов роль собственных изданий, позволяющих оперативно представлять результаты отечественных научных исследований, доказывать первенство российских ученых на международной арене, развивать связи с исследователями из дружественных стран, многократно возрастает [Тургель, 2022]. На сегодняшний день ситуация такова, что если не позаботиться о качестве научных журналов сейчас, то вполне возможно, что «в недалеком будущем сам предмет заботы перестанет существовать» [Черныш, 2022].

## Выводы и рекомендации

1. Оценка результатов реализации научно-образовательных проектов — сложная и многогранная задача. Используемая система показателей должна включать совокупность качественных характеристик и количественных показателей; учитывать последствия Проекта как в краткосрочном, так и в долгосрочном аспекте; оценивать не только прямые эффекты, возникающие в результате достижения поставленных целей и показателей, но и косвенные, связанные с возможностями реализации научно-образовательного потенциала страны на общенациональном и глобальном уровне с учетом современных вызовов и угроз.

2. В период реализации Проекта наблюдается более чем четырехкратный рост количества журналов вузов — участников Проекта, индексируемых в *Scopus*. Большинство журналов, вошедших в этот период в *Scopus*, имеет открытый доступ. Половина журналов публикует статьи на русском языке, что говорит о том, что журналы ориентированы как на российских, так и на зарубежных ученых. Наиболее быстро росло число индексируемых журналов социально-гуманитарной направленности,

<sup>11</sup> По данным аналитической системы *SciVal*. Режим доступа: <https://www.scival.com/> (дата обращения: 05.04.2023).

которые занимают лидирующие позиции с точки зрения наукометрических показателей. В подавляющем большинстве случаев модель издания научного журнала у участников Проекта не предполагала разделения функций издателя и учредителя, что принципиально отличается от зарубежной практики, где непосредственно выпуск научных изданий осуществляют крупные международные издательства.

3. Несмотря на достигнутые результаты, поддержка журналов на государственном уровне была недостаточной и выборочной, а финансирование журналов до сих пор остается одним из наиболее сложных и нерегулируемых вопросов. В действующие программы развития науки и образования в России не был включен важнейший индикатор научно-исследовательского потенциала — повышение значимости российских изданий на международном уровне, что предполагает приведение научных журналов к международным стандартам, включение журналов в международные базы данных, улучшение качества публикаций и их цитируемости.

4. Учитывая выявленные проблемы и угрозы, представляется целесообразным предложить следующие направления поддержки развития российских индексируемых научных журналов:

- развитие грантовых, конкурсных инструментов финансирования деятельности научных журналов, в том числе с использованием возможностей Российского научного фонда и других грантодателей (например, благотворительный фонд В. Потанина, фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова и пр.);
- использование потенциала журналов как важного инструмента научной дипломатии, содействующего созданию новых высокоэффективных научных партнерств с исследователями из стран, заинтересованных в сохранении и развитии отношений с РФ, повышению привлекательности России как места обучения и дальнейшей работы;
- включение информации о российских научных журналах при проведении выставок, экспозиций, посвященных развитию науки и высшего образования, реализуемых под эгидой Минобрнауки РФ и Россотрудничества РФ;
- создание в системе публичного управления центров, организаций, специализирующихся на продвижении российских научных журналов в РФ и за рубежом;
- развитие в России современных крупных издательств научной периодики, способных взять на себя функции издания научных журналов, сохраняя при этом права организаций-учредителей и обеспечивая баланс интересов всех участников процесса.

5. В настоящее время в России сложилась уникальная ситуация. Создана мощная флотилия океанских лайнеров, способных доставить результаты российских ученых в любую точку международного научного пространства. Капитаны и команды профессиональны, закалены испытаниями и готовы к выполнению поставленных задач. Много сделано, но и многое предстоит еще сделать. И так хочется верить, что достигнутые результаты не будут потеряны, а станут фундаментом новых побед.

## Литература

*Банкина И.В.* Финансирование образования: тренд на персонализацию // Журнал новой экономической ассоциации. 2019. Т. 41. № 1. С. 216–225. DOI: 10.31737/2221-2264-2019-41-1-11.

*Акоев М.А., Москалева О.В.* Прогноз развития российских научных журналов: индексация в международных указателях цитирования (SCOPUS) // Наука и научная информация. 2020. Т. 3. № 1. С. 64–84. DOI:10.24108/2658-3143-2020-3-1-64-84.

*Антонова Н.Л., Сущенко А.Д., Попова Н.Г.* «Мягкая сила» высшего образования как фактор мирового лидерства // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 1. С. 31–58. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-1-31-58.

*Берестов А.В., Гусева А.И., Калашиник В.М., Каминский В.И., Киреев С.В.* Вклад в Проект 5-100 национальных исследовательских и федеральных университетов // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 10. С. 30–45. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-6-22-34.

*Гринев А.В.* Проблема наукометрической дискриминации российских гуманитариев // Социология науки и технологий. 2023. Т. 14. № 2. С. 122–139. DOI: 10.24412/2079-0910-2023-2-122-143.

*Гусева А.И., Калашиник В.М., Каминский В.И., Киреев С.В.* Исследовательское лидерство программы «Приоритет-2030»: факторы успеха // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 1. С. 42–58. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-1-42-58.

*Дежина И.Г., Ефимова Г.З.* Риски Проекта 5-100: оценки научно-педагогических работников различных поколений // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 3. С. 28–39. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-3-28-39.

*Екатериновская М.А.* Управление развитием: программно-целевой подход. Монография. М.: Прометей, 2020. 284 с.

*Екимова Н.А.* Свертывание образовательного потенциала регионов России // Высшее образование в России. 2017. № 5 (212). С. 34–44. Режим доступа: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/1046> (дата обращения: 06.08.2024).

*Зайцев В.Е.* Современный этап развития программно-целевого управления в России // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 65. С. 188–209. DOI: 10.24411/2070-1381-2017-00103.

*Казимирчик Л.В., Гришакина Е.Г., Полихина Н.А., Тростянская И.Б.* Продвижение журналов ведущих университетов: сравнение, практика, возможности // Научный редактор и издатель. 2020. Т. 5. № 2. С. 80–101. DOI: 10.24069/2542-0267-2020-2-80-101.

*Кириллова О.В.* Первые шаги и задачи российской ассоциации научных редакторов и издателей // Сборник трудов 4-й Международной научно-практической конференции «Научное издание мирового уровня — 2015: современные тенденции в мировой практике редактирования, издания и оценки научных публикаций». 2015. С. 64–66.

*Кириллова О.В., Тихонова Е.В.* Критерии качества научного журнала: измерение и значимость // Научный редактор и издатель. 2022. Т. 7. № 1. С. 12–27. DOI: 10.24069/SEP-22-39.

*Ключарев Г.А., Неверов А.В.* Проект «5-100»: некоторые промежуточные итоги // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2018. Т. 18. № 1. С. 100–116. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-100-116.

*Леонова О.Г.* Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Обозреватель. 2015. № 2 (301). С. 80–89. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-ponyatiya-myagkaya-sila-v-nauke/viewer> (дата обращения: 07.08.2024).

*Михайлов О.В.* «Квартильный» импакт-фактор научных журналов // Социология науки и технологий. 2023. Т. 14. № 2. С. 108–121. DOI: 10.24412/2079-0910-2023-2-108-121.

*Москалева О.В., Акоев М.А.* Прогноз развития российских научных журналов: индексация в международных указателях цитирования (платформа Web of Science) // Наука и научная информация. 2020. Т. 3. № 1. С. 30–63. DOI: 10.24108/2658-3143-2020-3-1-30-63.

*Пивовар Х., Прим Д., Ларивьер В., Алперин Х.П., Маттиас Л., Норландер Б., Фарли Э., Вест Д., Хауштайн С.* Открытый доступ сегодня: широкомасштабный анализ распространенности и влияния статей открытого доступа // Наука и научная информация. 2019. Т. 2. № 4. С. 228–247. DOI: 10.24108/2658-3143-2019-2-4-228-247.

*Польдин О. В., Матвеева Н. Н., Стерлигов И. А., Юдкевич М. М.* Публикационная активность вузов: эффект проекта «5–100» // Вопросы образования. 2017. № 2. С. 10–35. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-2-10-35.

*Попова Н. Г., Хабирова Е. И.* Ресурсы развития научно-публикационных компетенций российских исследователей // Образование и наука. 2023. Т. 25. № 8. С. 80–114. DOI: 10.17853/1994-5639-2023-8-80-114.

*Руденко Д. Ю.* Проект «5-100»: оценка его воздействия на публикационную активность университета // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24. № 3. С. 27–45. DOI: 10.15826/umpra.2020.03.024.

*Тургель И. Д.* Приоритеты трансформации редакционной политики научного журнала в условиях международных санкций // Научный редактор и издатель. 2022. Т. 7. № 1. С. 28–38. DOI: 10.24069/SEP-22-03.

*Тургель И. Д., Бугров К. Д., Ойхер А. Д.* Университетские города России: ожидания vs реальность // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 5. С. 89–111. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-5-89-111.

*Черныш М. Ф.* О текущей ситуации и возможных ее последствиях // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4. № 2. С. 15–26. DOI: 10.19181/sntp.2022.4.2.1.

*Шибанова Е. Ю., Платонова Д. П., Лисюткин М. А.* Проект 5-100: динамика и паттерны развития университетов // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 3. С. 32–48. DOI: 10.15826/umpra.2018.03.025.

*Guskov A. E., Kosyakov D. V., Selivanova I. V.* Boosting Research Productivity in Top Russian Universities: the Circumstances of Breakthrough // Scientometrics. 2018. Vol. 117. No. 2. P. 1053–1080. DOI: 10.1007/s11192-018-2890-8.

*Moed H. F., Markusova V. A., Akoev M. A.* Trends in Russian Research Output Indexed in Scopus and Web of Science // Scientometrics. 2018. Vol. 116. No. 2. P. 1153–1180. DOI: 10.1007/s11192-018-2769-8.

*Shibanova E. Yu., Platonova D. P., Lisyutkin M. A.* The 5–100 Project University Development Trends and Patterns // Russian Education & Society. 2018. Vol. 60. No. 8–9. P. 682–715. DOI: 10.1080/10609393.2018.1598164.

*Tsvetkova E., Lomer S.* Academic Excellence as “Competitiveness Enhancement” in Russian Higher Education // International Journal of Comparative Education and Development. 2019. Vol. 21. No. 2. P. 127–144. DOI: 10.1108/IJCED-08-2018-0029.

## Journals Indexed in International Science Indexing Databases: Long Echoes of the “5-100” Project

*IRINA D. TURGEL*

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,  
Ekaterinburg, Russia;  
e-mail: irina.turgel@urfu.ru

*VALENTINA V. DERBENEVA*

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,  
Ekaterinburg, Russia;  
e-mail: v.v.derbeneva@urfu.ru

*ZLATA V. NOVOKSHONOVA*

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,  
Ekaterinburg, Russia;  
e-mail: z.v.novokshonova@urfu.ru

The article analyzes the development of the system of indexed scientific journals of academic organizations that were participants of the Project “5-100”. This study covers the time period from 2000 to 2021 and is characterized by a broad view on the assessment of the Project “5-100” impact on the development of journal activity in Russia.

The analysis proposes the conjugation of domestic and foreign classifications of types of sciences, takes into account the geographical distribution of the concentration of journals included in the international database *Scopus*. The research proposed and tested an approach to analyzing the performance of the indexed scientific journals development activities. Recommendations on the formation of the support system for scientific journals meeting contemporary challenges are formulated. It is noted that the total number of journals of the Project “5-100” participants indexed in the international *Scopus* database increased four times during the project implementation period. The geographical distribution of leaders in terms of journal concentration showed the leading positions of the Central, Siberian and Ural Federal Districts. Journals of social and humanitarian direction were the most active in entering the *Scopus* database.

The information base of the study included the international database *Scopus*, portal *SCImago Journal & Country Rank*, data of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor), program and strategic documents in the field of Russian state scientific policy, presented on the website of the Ministry of Higher Education and Science of the Russian Federation; legal reference systems “Garant” and “Consultant”.

**Keywords:** Project “5-100”, Russian journals, indexed journals, international scientific databases, performance analysis.

### Acknowledgments

The research was carried out with support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of the Development Program

of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin in accordance with the strategic academic leadership program “Priority 2030”.

The authors express their gratitude to Alexey Vasilyevich Podchinenov, Director of the Publishing house of the Ural Federal University, for valuable advice and recommendations during the research.

## References

Abankina, I.V. (2019). Finansirovaniye obrazovaniya: trend na personalizatsiyu [Financing of education: Trend on personalization], *Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*, 41 (1), 216–225 (in Russian). DOI: 10.31737/2221-2264-2019-41-1-11.

Akoev, M.A., Moskaleva, O.V. (2020). Prognoz razvitiya rossiyskikh nauchnykh zhurnalov: indeksatsiya v mezhdunarodnykh ukazatelyakh tsitirovaniya (Scopus) [Forecast of the development of Russian scientific journals: indexing in international citation indexes (Scopus)], *Nauka i nauchnaya informatsiya*, 3 (1), 64–84 (in Russian). DOI: 10.24108/2658-3143-2020-3-1-64-84.

Antonova, N.L., Sushchenko, A.D., Popova, N.G. (2020). “Myagkaya sila” vysshego obrazovaniya kak faktor mirovogo liderstva [Soft power of higher education as a global leadership factor], *Obrazovaniye i nauka*, 22 (1), 31–58 (in Russian). DOI: 10.17853/1994-5639-2020-1-31-58.

Berestov, A.V., Guseva, A.I., Kalashnik, V.M., Kaminsky, V.I., Kireev, S.V., Sadchikov, S.M. (2020). Proekt “natsional’nyy issledovatel’skiy universitet” — drayver rossiyskogo vysshego obrazovaniya [Project “National research university” — driver of Russian higher education], *Vysshheye obrazovaniye v Rossii*, 29 (3), 22–34 (in Russian). DOI: 10.31992/0869-3617-2020-6-22-34.

Chernysh, M.F. (2022). O tekushchey situatsii i vozmozhnykh yeye posledstviyakh [On current situation and its possible consequences], *Upravleniye naukoj: teoriya i praktika*, 4 (2), 15–26 (in Russian). DOI: 10.19181/sntp.2022.4.2.1.

Dezhina, I.G., Efimova, G.Z. (2022). Riski proyekta 5-100: otsenki nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov razlichnykh pokoleniy [Risks of 5-100 Project: Perceptions of academic staff of different ages], *Vysshheye obrazovaniye v Rossii*, 31 (3), 28–39 (in Russian). DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-3-28-39.

Ekaterinovskaya, M.A. (2020). Upravleniye razvitiyem. Programmno-tselevoy podkhod [Development management: program-targeted approach], Moskva: Prometey (in Russian). Available at: <https://e.lanbook.com/book/165962> (date accessed: 07.08.2024).

Ekimova, N.A. (2017). Svertyvaniye obrazovatel’nogo potentsiala regionov Rossii [Curtailment of educational potential of Russian regions], *Vysshheye obrazovaniye v Rossii*, no. 5 (212), 34–44 (in Russian). Available at: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/1046>.

Grinëv, A.V. (2023). Problema naukometricheskoy diskriminatsii rossiyskikh gumanitariyev [The problem of scientometric discrimination of Russian humanities scholars], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 14 (2), 122–143 (in Russian). DOI: 10.24412/2079-0910-2023-2-122-143.

Guseva, A.I., Kalashnik, V.M., Kaminsky, V.I., Kireev, S.V. (2022). Issledovatel’skoye liderstvo programmy “Prioritet-2030”: faktory uspekha [Research leadership of “Priority 2030” program: success factors], *Vysshheye obrazovaniye v Rossii*, 31 (1), 42–58 (in Russian). DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-1-42-58.

Guskov, A.E., Kosyakov, D.V., Selivanova, I.V. (2018). Boosting Research Productivity in top Russian Universities: the Circumstances of Breakthrough, *Scientometrics*, 117 (2), 1053–1080. DOI: 10.1007/s11192-018-2890-8.

Kazimirchik, L.V., Grishakina, E.G., Polikhina, N.A. Trostyanskaya, I.B. (2020). Prodvizheniye zhurnalov vedushchikh universitetov: sravneniye, praktika, vozmozhnosti [Promotion of leading universities journals: Comparison, practice, opportunities], *Nauchnyy redaktor i izdatel’*, 5 (2), 80–101 (in Russian). DOI: 10.24069/2542-0267-2020-2-80-101.



Kirillova, O.V. (2015). Pervyye shagi i zadachi Rossiyskoy assotsiatsii nauchnykh redaktorov i izdateley [First steps and tasks of the Russian association of scientific editors and publishers], in *Severo-Zapadnyy institut upravleniya Rossiyskoy akademii narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii: 4-ya Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Nauchnoye izdaniye mirovogo urovnya — 2015: sovremennyye tendentsii v mirovoy praktike redaktirovaniya, izdaniya i otsenki nauchnykh publikatsiy"* [The North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration: 4<sup>th</sup> International Scientific and Practical Conference "World-class scientific publishing — 2015: modern trends in the world practice of editing, publishing and evaluation of scientific publications"] (pp. 64–66) (in Russian).

Kirillova, O.V., Tikhonova, E.V. (2022). Kriterii kachestva zhurnala: izmereniye i znachimost' [Journal quality criteria: Measurement and significance], *Nauchnyy redaktor i izdatel'*, 7 (1), 12–27 (in Russian). DOI: 10.24069/SEP-22-39.

Klyucharev, G.A., Neverov, A.V. (2018). Proyekt "5-100": nekotoryye promezhutochnyye itogi [Project "5-100": some interim results], *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Sotsiologiya*, 18 (1), 100–116 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-100-116.

Leonova, O.G. (2015). Interpretatsiya ponyatiya "Myagkaya sila" v nauke [Interpretation of the concept of "soft power" in science], *Obozrevatel'*, no. 2 (301), 80–89 (in Russian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-ponyatiya-myagkaya-sila-v-nauke/viewer> (date accessed: 07.08.2024).

Mikhailov, O.V. (2023). "Kvartil'nyy" impakt-faktor nauchnykh zhurnalov ["Quartile" impact-factor of scientific journals], *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy*, 14 (2), 108–121 (in Russian). DOI: 10.24412/2079-0910-2023-2-108-121.

Moed, H.F., Markusova, V., Akoev, M. (2018). Trends in Russian Research Output Indexed in Scopus and Web of Science, *Scientometrics*, 116 (2), 1153–1180. DOI: 10.1007/s11192-018-2769-8.

Moskaleva, O.V., Akoev, M.A. (2020). Prognoz razvitiya rossiyskikh nauchnykh zhurnalov: indeksatsiya v mezhdunarodnykh ukazatelyakh tsitirovaniya (platforma *Web of Science*) [Forecast of the development of Russian scientific journals: indexing in international citation indexes (*Web of Science* platform)], *Nauka i nauchnaya informatsiya*, 3 (1), 30–63 (in Russian). DOI: 10.24108/2658-3143-2020-3-1-30-63.

Piowar, H., Priem, J., Larivière, V., Alperin, J.P., Matthias, L., Norlander, B., Farley, A., West, J., Haustein, S. (2019). Otkrytyy dostup segodnya: shirokomasshtabnyy analiz rasprostranennosti i vliyaniya statey otkrytogo dostupa [The state of OA: A large-scale analysis of the prevalence and impact of Open Access articles], *Nauka i nauchnaya informatsiya*, 2 (4), 228–247 (in Russian). DOI: 10.24108/2658-3143-2019-2-4-228-247.

Poldin, O.V., Matveeva, N.N., Sterligov, I.A., Yudkevich, M.M. (2017). Publikatsionnaya aktivnost' vuzov: effekty proyekta "5–100" [Publication activities of Russian universities: The effects of project 5-100], *Voprosy obrazovaniya*, no. 2, 10–35 (in Russian). DOI: 10.17323/1814-9545-2017-2-10-35.

Popova, N.G., Khabirova, E.I. (2023). Resursy razvitiya nauchno-publikatsionnykh kompetentsiy rossiyskikh issledovateley [Resources to develop the research publication competencies of Russian researchers], *Obrazovaniye i nauka*, 25 (8), 80–114 (in Russian). DOI: 10.17853/1994-5639-2023-8-80-114.

Rudenko, D.Yu. (2020). Proekt "5-100": otsenka ego vozdeystviya na publikatsionnyuyu aktivnost' universiteta [The effect of project "5-100" on the university's activity], *Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz*, 24 (3), 27–45 (in Russian). DOI: 10.15826/umpa.2020.03.024.

Shibanova, E.Y., Platonova, D.P., Lisyutkin, M.A. (2018). Proyekt 5–100: dinamika i patterny razvitiya [Project 5-100: Dynamics and Development Patterns of Universities], *Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz*, 22 (3), 32–48 (in Russian). DOI: 10.15826/umpa.2018.03.025.

Shibanova, E.Y., Platonova, D.P., Lisyutkin, M.A. (2018). The 5–100 Project University Development Trends and Patterns, *Russian Education & Society*, 60 (8–9), 682–715. DOI: 10.1080/10609393.2018.1598164.

Tsvetkova, E., Lomer, S. (2019). Academic Excellence as “Competitiveness Enhancement” in Russian Higher Education, *International Journal of Comparative Education and Development*, 21 (2), 127–144. DOI:10.1108/IJCED-08-2018-0029.

Turgel, I.D. (2022). Prioritety transformatsii redaktsionnoy politiki rossiyskogo nauchnogo zhurnala v kontekste mezhdunarodnykh sanktsiy [Transformation priorities in the editorial policy of a Russian scientific journal in the context of international sanctions], *Nauchnyy redaktor i izdatel'*, 7 (1), 28–38 (in Russian). DOI: 10.24069/SEP-22-03.

Turgel, I.D., Bugrov, K.D., Oyker, A.D. (2023). Universitetskiye goroda Rossii: ozhidaniya vs real'nost' [Russian university cities: expectations vs. reality], *Vysshye obrazovaniye v Rossii*, 32 (5), 89–111 (in Russian). DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-5-89-111.

Zaitsev, V.E. (2017). Sovremennyy etap razvitiya programmno-tselevogo upravleniya v Rossii [Modern stage of development of program-target management in Russia], *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*, no. 65, 188–209 (in Russian). DOI: 10.24411/2070-1381-2017-00103.

## Приложение 1

Журналы Q1 по метрике SJR (2021), доля публикаций в соавторстве с учреждениями в других странах за период 2017–2021 гг., %

| Название журнала  | Публикации в соавторстве с учреждениями в других странах, среднее значение за период 2017–2021 гг., % |
|---|---|
| Русин/Rusin   | 3,9   |
| Magazine of Civil Engineering   | 19,7  |
| Quaestio Rossica  | 4,6   |
| Russian Journal of Linguistics  | 16,1  |
| Schole. Философское антиковедение и классическая традиция / Ancient Philosophy and the Classical Tradition  | —   |
| Training, Language and Culture  | 5,1   |
| Балтийский регион / Baltic Region   | 13,2  |
| Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология / Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, Filologiya | 5,7   |
| Вестник Томского государственного университета. Филология / Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Filologiya  | 4,5   |
| Новые исследования Тувы / New Research of Tuva  | 3,9   |
| Сибирские исторические исследования / Siberian Historical Research  | 0,9   |
| Сибирский филологический журнал / Sibirskiy Filologicheskii Zhurnal   | 2,9   |
| Социологическое обозрение / Russian Sociological Review   | 5,3   |
| Текст. Книга. Книгоиздание / Tekst, Kniga, Knigoizdaniye  | 2,8   |
| Форсайт / Foresight and STI Governance  | 25,5  |
| <b>Среднее значение</b>   | <b>8,15</b>   |

Источник: <https://www.scival.com/> (дата обращения: 05.04.2023).

# **Информация для авторов и требования к рукописям статей, поступающим в журнал «Социология науки и технологий»**

## **Социология науки и технологий Sociology of Science and Technology**

Журнал **Социология науки и технологий** (СНиТ) представляет собой специализированное научное издание.

Журнал создан в 2009 г. Учредитель и издатель: Федеральное государственное учреждение науки Институт истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова Российской академии наук.

Периодичность выхода — 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации журнала ПИ № ФС 77–75017 выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия 11 февраля 2019 г.

Журнал имеет международный номер ISSN 2079-0910 (Print), ISSN 2414-9225 (Online).

Входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

09.00.08 — Философия науки и техники (философские науки),

22.00.01 — Теория, методология и история социологии (социологические науки),

22.00.04 — Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки).

Включен в российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал индексируется с 2017, Т. 8, № 1 в Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics products and services).

Журнал публикует оригинальные статьи на русском и английском языках по следующим направлениям: наука и общество; научно-техническая и инновационная политика; социальные проблемы науки и технологий; социология академического мира; коммуникации в науке; история социологии науки; исследования науки и техники (STS) и др.

Публикации в журнале являются бесплатными для авторов. Гонорары за статьи не выплачиваются.

**Направляемые в журнал рукописи статей следует оформлять в соответствии со следующими правилами** (требования к оформлению размещены в разделе «Для авторов» на сайте журнала <http://sst.nw.ru/>)

**Адрес редакции:**

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5.

Тел.: (812) 328-47-12

Факс: (812) 328-46-67

E-mail: [school\\_kugel@mail.ru](mailto:school_kugel@mail.ru)

<http://ihst.nw.ru>

## **В следующем номере**

Четвертый номер будет посвящен различным проблемам искусственного интеллекта.

\*\*\*

## **In the Next Issue**

The next issue will be devoted to the theme of artifishial intelligence in its different aspects.

\*\*\*